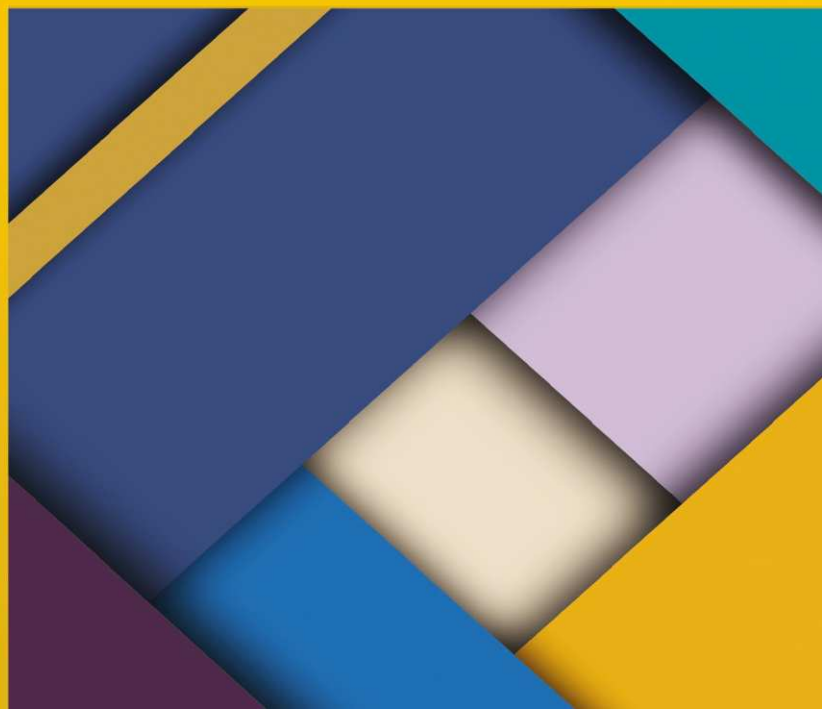

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 14, Number 4
2022

Современные исследования социальных проблем

Том 14, № 4
2022

Modern Studies of Social Issues

Volume 14, Number 4
2022

Главный редактор

Т.А. Марсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2022

12+

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 14, № 4, 2022 / Vol. 14, No 4, 2022

Учредитель и издатель: ООО Научно-инновационный центр Журнал основан в 2009 году Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство регистрации ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г. Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Индексирование и реферирование: РИНЦ Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE ЭБС IPRbooks ЭБС Znanium ЭБС Лань Адрес редакции, издателя и для корреспонденции: Россия, 660127, Красноярский край, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192 E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/ Подписной индекс в каталоге Почты России «Подписные издания» – 94088	Founder and publisher: Science and Innovation Center Publishing House Founded 2009 The edition is registered by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control Mass media registration certificate PI № FS 77-39176, issued March 17, 2010. Modern Studies of Social Issues is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation, which should publish main scientific results of doctor's and candidate's theses Indexing and Abstracting: RSCI Ulrich's Periodicals Directory Cyberleninka Google Scholar DOAJ BASE EBSCO WorldCat OpenAIRE IPRbooks Znanium Lan' Editorial Board Office: 9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation E-mail: editor@soc-journal.ru http://soc-journal.ru/ Subscription index in the 'The Russian Post' General catalog – 94088
---	---

Свободная цена
© Научно-инновационный центр, 2022

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Машковцев Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политических наук, Вятский государственный университет (Киров, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный

сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Сериккалиева Ажар Еркековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного

учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Andrey A. Mashkovtsev – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences),

Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of

National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-14-27

УДК 811.581.11

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В КИТАЙСКИХ НОВЕЛЛАХ НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

А.Б. Маслахова, У.С. Баймуратова

Обоснование. Культурные реформы в конце XX в. в Китае открыли миру разнообразие жанров китайских новелл, научной и исторической фантастики, которые благодаря интернету на современном этапе становления литературы набирают популярность, расширяя диапазон жанров сетевых произведений такими новыми видами, как «сянься», «сюаньхуань», «уся», богатыми лексемами, обозначающими реалии китайской культуры и представляющими интерес для переводчиков.

Цель. В статье рассмотрен пласт безэквивалентной лексики и выявлено разнообразие способов перевода реалий с китайского языка на английский и русский.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили популярные китайские новеллы жанра сянься писательницы Мосян Тунсю «Основатель Тёмного Пути» (также известная как «Неукротимый: Повелитель Чэньцин»), выпущенная онлайн-издательством «Jinjiang Literature City» (晋江文学城) в 2015-2016 гг., и новелла Мао Ши Лю «Божественный доктор: дочь первой жены», опубликованная издательством «Motie» (磨铁图书) в 2015 г. При анализе материала были использованы метод сплошной выборки, лексико-семантический и переводческий анализ, а также метод контент-анализа.

Результаты. В данной статье авторы рассмотрели научное определение термина «реалия», провели анализ нового жанра ки-

тайской интернет-литературы – сянься как одного из быстро набирающих популярность. Примеры реалий онлайн-романов классифицированы согласно типологии по четырем принципам деления (предметное, местное, временное, переводческое). Определено, что указанное деление проанализированных реалий в процессе их перевода с китайского на русский и английский языки проявилось в таких частных способах, как введение неологизма (калькирование), что привело к сохранению содержания и колорита переводимой реалии, описательный перевод, приблизительный и контекстуальный перевод.

Область применения результатов. Практическая польза результатов исследования заключается в возможности пополнения кросс-культурного словаря китайских реалий новыми лексемами и их толкования на русский и английский языки, в использовании анализируемых лексем при составлении трёхязычного корпуса для работы с ним лингвистов, филологов, литературоведов.

Ключевые слова: реалии; сетевая литература; сетевой роман; перевод; Мосян Тунсю, литературные жанры

METHODS TO TRANSLATE REALIA IN CHINESE-LANGUAGE NOVELS INTO ENGLISH AND RUSSIAN

A.B. Maslakhova, U.S. Baimuratova

Background. *The cultural reforms at the end of the 20th century in China opened to the world a whole variety of genres of Chinese short stories, as well as science fiction and historical fiction. Thanks to the Internet, they are gaining popularity at the present stage of literature formation, expanding the range of genres of online works with new types such as xianxia, xuanhuan, wuxia, which are rich in lexemes that denote the realia of Chinese culture and are of interest to translators.*

Purpose. *The article considers the stratum of equivalent-free vocabulary and reveals a variety of ways to translate realia from Chinese into English and Russian*

Materials and methods. *The research material comprises the popular Chinese short stories of the xianxia genre by the writers Mo Xiang Tong Xiu “Mo Dao Zu Shi” (also known as “The Untamed”), published by Jinjiang Literature City online publishing house (晋江文学城), 2015-2016, and the short story “Divine Doctor: Daughter of the First Wife” by Mo Shu Liu, published by Motie (磨铁图书), 2015. The material was analyzed using the continuous sampling and content analysis method, as well as the lexical-semantic and translation analysis.*

Results. *In this article the authors reviewed the scientific definition of the term “realia”. They also analyzed a new genre of Chinese online literature (xianxia) as one of the rapidly gaining popularity. Examples of realia from two online novels were classified according to the typology by four principles of division (subject, local, temporal, translational). It is defined that the indicated division of analyzed realia while translating them from Chinese into Russian and English manifested itself in creating a neologism, which results in preservation of content and flavor of the translated realia, as well as the descriptive, approximate and contextual types of translation.*

Practical implications. *The practical usefulness of the results of the study consists in the possibility of replenishing the cross-cultural dictionary of Chinese realia with new lexemes and their interpretation in Russian and English, in the use of the analyzed lexemes when compiling the trilingual corpus for linguists, philologists, literary scholars to work with.*

Keywords: *realia; network literature; online novel; Mo Xiang Tong Xiu; literary genres*

Введение

Цель. Выявить разнообразие способов перевода такого пласта безэквивалентной лексики, как реалии с китайского языка на английский и русский.

Актуальность. После культурных реформ 1978 г., когда Китай стал более открытым внешнему миру, писатели получили относительную свободу при написании произведений, увеличилось разнообразие жанров китайских новелл, научной и исторической фантастики. Ввиду обширных преобразований китайская литера-

тура стала объектом пристальных научных исследований таких лингвистов, как Лю Цзянь и Хуа Ли [14], Э. Чау [12], Г. Гэффрик и У. Пэйтон [13], Сян Уайт [16]. Также интернет становится одним из важных факторов в современной литературе, о чем свидетельствует работа Дзе Лю [15], так как молодое поколение отдаёт предпочтение сетевым произведениям [2, с. 185], среди которых наиболее популярными жанрами стали «сянься», «сюаньхуань», «уся».

В данной работе особенное внимание уделяется первому жанру сянься (仙侠, *xīānxiá* – дословный перевод: «бессмертный герой») – жанр фэнтези, вдохновлённый такими элементами китайской культуры, как мифология, буддизм и даосизм, система боевых искусств и прочее. Следуя названию жанра, главным героем чаще всего становится человек, желающий достичь бессмертия, совершенства своих способностей, следуя «дао» – «пути человека», иными словами, вести себя согласно нравственной системе даосизма. Мир, в котором происходит повествование, похож на древний Китай с богами (небожителями), демонами, духами или призраками, мертвецами, восставшими из могилы и другими существами иного мира. Основными темами является самосовершенствование через сражения, приключения, изучение мира; также иногда присутствуют романтические линии, но они не являются обязательным критерием жанра.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили два произведения литературного жанра *сянься* – популярные новеллы китайских писательниц Мосян Тунсю «Основатель тёмного пути» (также известная как «Неукротимый: Повелитель Чэньцин») [7], выпущенная онлайн-издательством «Jinjiang Literature City» (晋江文学城) в 2015-2016 гг., и новелла Мао Ши Лю «Божественный доктор: дочь первой жены» [6], изданная в 2015 г. китайским издательством «Motie» (磨铁图书) и доступная на русском языке в любительском переводе. При анализе материала были использованы метод сплошной выборки, лексико-семантический и переводческий анализ, а также метод контент-анализа.

Результаты и обсуждение

В текстах двух анализируемых новелл нами было выявлено множество реалий, которые отсылают к китайской культуре, именно они стали объектом нашего исследования на предмет своего перевода на английский и русский языки.

Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин, одними из первых давших определение термину «реалия», считали, что языковые реалии принадлежат к пласту безэквивалентной лексики и являются самостоятельным классом слов [4]. На основе их трудов И.С. Паревская даёт такую характеристику данного понятия: «реалия – это языковые единицы, несущие информацию о целях, интересах, особенностях образа жизни и исторического прошлого, характерных исключительно для того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [8, с. 153]. В свою очередь Л. Латышев не разграничивает понятия «безэквивалентная лексика» и «реалия» и использует термин «безэквивалентная реалия». Данный исследователь выделяет четыре способа передачи безэквивалентной лексики: транслитерацию, описательный перевод, а также приближенный (уподобляющий) перевод (совпадающий со значением семантического неологизма С. Влахова и С. Флорина) и создание нового термина (что соответствует функциональному аналогу по С. Влахову и С. Флорину) [5, с. 121-126].

Отличительны пять приемов перевода реалий в научных взглядах В.С. Виноградова, среди которых транскрипция (транслитерация); гипо-гиперонимический перевод. Для этого приёма перевода характерно установление отношений эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие-реалию, и словом перевода, называющим соответствующее родовое понятие, или наоборот. Особым приемом является уподобление, при котором разница с предыдущим заключается в том, что уподобляемые слова называют понятия, «соподчиненные по отношению к родовому понятию, а не подчиненное и подчиняющее» [3, с. 119]. Перифрастический (описательный, дескриптивный, экспликативный) перевод: устанавливаются соответствия между словом исходного языка

и словосочетанием переводящего языка, объясняющим его смысл. Данный приём призван заменить подстрочный комментарий, что делает авторскую речь более естественной и соответствующей оригиналу [Там же, с. 118-122].

А.В. Федоров, говоря о возможностях перевода реалий, сводит их к четырём основным случаям, а именно: полная или частичная транслитерация или транскрипция; описательный перевод; использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, иначе, уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста; гипонимический, или обобщенно-приблизительный перевод [8, с. 122-123].

Наиболее полная и подробная классификация языковых реалий, на наш взгляд, принадлежит С. Влахову и С. Флорину [4]. В ней рассматриваются четыре принципа деления, в соответствии с которыми мы и проанализировали весь отобранный нами лексический корпус реалий.

Первое деление – предметное, к данной группе принадлежат географические, этнографические и общественно-политические реалии:

黄河 (huánghé) – Хуанхэ (Жёлтая река);

筷子 (kuàizi) – палочки для еды;

第四等级 (dìsì děngjí) – «четвёртое сословие»; печать; свободная пресса.

Согласно правилам жанра, действие разворачивается в мире, копирующем территорию, религию и культуру древнего Китая (сами авторы признают, что представляют расположение территорий согласно современным провинциям).

Местное деление, обозначающее реалии, функционирующие как в плоскости одного языка, так и пары языков. Внешние реалии – слова, которые не являются исконными для обоих языков, и вообще для любых языков, кроме какого-то определённого (например, слово «самурай» является чуждым как для китайского, так и для русского языков, кроме японского языка). Внутренние реалии всегда принадлежат какому-то одному из двух данных языков: в

китайском языке существует словосочетание 惊蛰 (jīngzhé) – пробуждение насекомых (от спячки: один из 24 сезонов года, с 5-го или 6-го марта, отнесён к первой половине 2-го лунного месяца), абсолютно чуждое русскому языку).

Временное деление разграничивает современные и исторические реалии. Исторические становятся составляющими фразеологизмов. Согласно С. Влахову и С. Флорину данную классификацию можно считать условной и в каком-то смысле не совсем полной, так как она не рассматривает ономастические, психологические или другие реалии.

Переводческое деление подразумевает языковые реалии в плоскости двух языков, которые принято рассматривать с точки зрения перевода, а их приёмы передачи можно свести к двум основным: транскрипция и перевод, где назначение транскрипции – применение для перевода имён собственных, что крайне необходимо, так как с самых первых страниц нас знакомят с главными персонажами:

蓝湛 (lánzhàn) – Лань Чжань / Lan Zhan – Глубокая вода;

魏婴 (wèiyīng) – Вэй Ин / Wei Ying – Возвышенный ребёнок;

江澄 (jiāngchéng) – Цзян Чэн / Jiang Cheng – Прозрачная река.

Стоит отметить, что имя в китайском языке имеет несколько иной характер, нежели в русском. Во-первых, сначала пишется и произносится фамилия, и потом уже имя, также в китайском письме нет инициалов – имя и фамилия всегда пишутся полностью. Во-вторых, имя всегда подбирается с определенным значением, что иногда вызывает трудности при переводе.

阿(ā) 丁 (имя - dīng) – А-Дин, A-Ding.

Первая часть «А» является префиксом имён существительных, обозначающих различные категории родственных отношений, и придаёт этим существительным как бы ласкательную форму.

Под переводом понимаются такие способы, как введение неологизма (калькирование), описательный перевод, приблизительный перевод и контекстуальный перевод. Мы считаем данную классификацию наиболее полной.

Введение неологизма – путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путём создания нового слова (или словосоче-

тания) иногда удаётся добиться почти такого же эффекта. Такими новыми словами могут быть кальки, полукальки, освоение, семантические неологизмы.

Кальки – заимствование путём буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота. Например, китайская единица измерения длины – 里 (lǐ), соответственно в английском языке – *li*, в русском – *ли*. Переводчики так объясняют понятие «ли» в конце главы: *Ли – единица измерения расстояния, 500 метров. / Li - one li is 500 meters or 1/3 of a mile.*

Полукальки – частичные заимствования, тоже новые слова или (устойчивые) словосочетания, но «состоящие частью из своего собственного материала» [4, с. 26]. Например, 姑苏蓝氏 (Gūsū Lán Shì) – первые три иероглифа обозначают имя собственное, но последний – 氏 – обозначает «клан, орден», что и показано в переводе – *Орден Гусу Лань; Gusu Lan Sect.*

Освоение – адаптация иноязычной реалии, т.е. придание ей на основе иноязычного материала обличье родного слова. Семантический неологизм – условно новое слово или словосочетание, передающее значение слова. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом.

Приблизительный перевод применяется для передачи предметного содержания реалии, но колорит почти всегда теряется, т.к. происходит замены ожидаемого коннотативного эквивалента нейтральным по стилю, то есть словом или словосочетанием с нулевой коннотацией (老祖 (lǎozǔ) – предок, прадед; в переводе – *старейшина* и *patriarch*).

Принцип родо-видовой замены позволяет передать (приблизительно) содержание реалии единицей с более широким (очень редко – более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового или наоборот.

打坐 (dǎzuò) – в словаре определяется как «медитация», однако в переводе на английский и русский – *Lotus position* и *поза лотоса*, соответственно – переводчики уточняют традиционную для медитации позу, которая позволяет визуализировать действия персонажа более точно.

辟谷 (bìgǔ) – в русском словаре обозначено как «голодание», в английском – *to avoid eating cereals in order to gain immortality*. Переводчики приняли решение конкретизировать значение данного понятия: *инедия; inedia*.

Функциональным аналогом выступает элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у читателя. Этот путь перевода позволяет, например, незнакомую читателю перевода игру слов заменить знакомой.

现世报 (xiànrìbào, будд. немедленное воздаяние, воздаяние в нынешнем существовании) – карма;

什么叫忘恩负义白眼狼? (досл. перевод – Что за неблагодарный волк с белыми глазами?) – Классический пример отродья, что кусает руку, которая его кормила.

Согласно электронному словарю БКРС [1], 忘恩负义 – позабыть о добре (сделанном тебе) и презреть долг, быть неблагодарным; 白眼狼 – белоглазый волк, обр. бесчувственный и неблагодарный человек. Наиболее близкие по значению словосочетания – кусать руку, которая кормит; пригреть змею на груди.

Описание, объяснение, толкование – приём приблизительно-го перевода, применяемый тогда, когда понятие, не передаваемое транскрипцией, необходимо объяснить. Например, 紧接着, 四周传来翻箱倒柜、摔天砸地的哐当之声 (досл. перевод – Вслед за этим, со всех сторон слышался шум опрокидываемых сундуков и перевёрнутых шкафов, и раздался голос, словно гром среди ясного неба.) – Звуки этого кричающего юношеского голоса перемежались с глухим металлическим стуком обшариваемых сундуков и со шмяканьем предметов на пол.

Термин «контекстуальный перевод» обычно противопоставляют «словарному переводу», указывая, таким образом, на соответствия, которые слово может иметь в контексте в отличие от приведённых в словаре.

这个消息便插翅一般飞遍了整个修真界 (досл. перевод – Эта новость, словно на крыльях облетела весь мир) – Добрые вести разнеслись среди заклинателей со скоростью лесного пожара.

В контексте данного отрывка новость о смерти антагониста была той, которую все люди мечтали услышать.

你们可别忘了魏无羡手上有什么东西... (досл. перевод – Не забывай, что было в руках Вэй У Сяня...) – Разве вы уже забыли о могущественном артефакте...

Особенностью обоих переводов как на русский, так и на английский язык, является переводческий комментарий, что не удивительно, так как азиатская культура значительно отличается от западной. Практически после каждой главы можно обнаружить около 5-7 переводческих комментариев.

Заключение

Можно сделать вывод, что единицы такого пласта безэквивалентной лексики, как реалии, в большом количестве присутствуют в китайском литературном жанре *сянься* и могут быть проанализированы и классифицированы в соответствии с принципами переводческого деления.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 26.10.2022).
2. Ван Ч., Дай С. Трансмедийное повествование в китайском литературно-сетевом дискурсе (онлайн-роман «Основатель пути дьявола») // Научный диалог. 2022. № 2. С. 182-197. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-182-197>
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, 224 с.

4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. М.: Валент, 2009. 360 с.
5. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 320 с. ISBN 5-7695-2020-5.
6. Мао Ши Лю. Божественный доктор: дочь первой жены. URL: <https://ranobes.com/ranobe/216581-divine-doctor.html> (дата обращения: 26.10.2022).
7. Мосян Тунсю. Основатель Тёмного Пути. URL: <https://www.livelib.ru/book/1007393542-osnovatel-tjomnogo-puti-tom-1-mosyan-tunsyu> (дата обращения: 26.10.2022).
8. Паревская И.С. «Непереваемое в переводе» или к вопросу о понятии и специфике реалий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2(44). С. 151-154. EDN TFTXXF.
9. Фененко Н.А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 121-128.
10. 墨香铜臭. “魔道祖师”. URL: <https://www.enjing.com/modao/> (дата обращения: 26.10.2022)
11. 杨十六. 神医嫡女 URL: <http://quanben.io/n/shenyidinu/list.html> (дата обращения: 14.11.2022)
12. Chau Angie. From Nobel to Hugo: Reading Chinese Science Fiction as World Literature // Modern Chinese Literature and Culture, 2018, vol. 30, no. 1, pp. 110-135.
13. Gaffric G., Peyton W. Liu Cixin’s Three-Body Trilogy and the Status of Science Fiction in Contemporary China // Science Fiction Studies, 2019, vol. 46, no. 1, pp. 21-38.
14. Jian Liu, Li Hua. On Chinese Science Fiction: Selected Essays and Critical Pieces in English, 2015-2020 // Science Fiction Studies, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 537-555. URL: muse.jhu.edu/article/844130 (дата обращения: 26.10.2022)
15. Lu Jie. Chinese Historical Fan Fiction: Internet Writers and Internet Literature // Pacific Coast Philology, 2016, vol. 51, no. 2(2016), pp. 159-176. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.5325/pacificcoasphil.51.2.0159> (дата обращения: 26.10.2022)

16. White Siân. The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in *Mrs. Dalloway* // *Woolf Studies Annual*, 2018, vol. 24, pp. 101-134. URL: <https://www.jstor.org/stable/26475576> (дата обращения: 26.10.2022)
17. Zhang Yingjin. Introduction: Chinese Worlds of World Literature // *Modern Chinese Literature and Culture*, 2018, vol. 30, no. 1, pp. 1-12. URL: <https://www.jstor.org/stable/26588539> (дата обращения: 26.10.2022)

References

1. *BKRS. Kitay i kitayskiy yazyk dlya professionalov i lyubiteley* [Big Chinese Russian Dictionary. China and the Chinese language for professionals and amateurs]. URL: <https://bkrs.info/> (accessed October 26, 2022).
2. Van Ch., Day S. Transmedijnoe povestvovanie v kitajskom literaturno-setevom diskurse (onlajn-roman «Osnovatel' puti d'javola») [Transmedia narrative in Chinese literary network discourse (online novel *The Founder of the Way of the Devil*)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2022, no. 2, pp. 182-197. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-2-182-197>
3. Vinogradov V.S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow: Izdatel'stvo instituta obshhego srednego obrazovaniya RAO, 2001, 224 p.
4. Vlahov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Valent Publ., 2009, 360 p.
5. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda: Ucheb. posobie dlya stud. lingv, vuzov i fak.* [Translation technology: Textbook for students of linguistic universities and faculties]. Moscow: "Academy" Publ., 2005, 320 p. ISBN 5-7695-2020-5.
6. Mao Shi Liu. Divine Doctor: Daughter of the First Wife URL: <https://ranobes.com/ranobe/216581-divine-doctor.html> (accessed October 26, 2022).
7. Mosyan Tunsyu. *Osnovatel' temnogo puti (Mo Dao Zu Shi)*. [Founder of the Dark Way (Mo Dao Zu Shi)]. URL: <https://ranobes.com/ranobe/206301-the-founder-of-diabolism.html> (accessed October 26, 2022).
8. Parevskaya I.S. "Neperevodimoe v perevode" ili k voprosu o ponjatii i specifike realij ["Untranslatable in translation" or to the question of the

- concept and specifics of realities]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2015, no. 2-2(44), pp. 151-154. EDN TFTXXF.
9. Fenenko N.A. Dve strategii perevoda realij [Two strategies for translating realities]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2009., no. 1, pp. 121-128.
 10. 墨香铜臭. “魔道祖师”. URL: <https://www.enjing.com/modao/> (accessed October 26, 2022).
 11. 杨十六. 神医嫡女 URL: <http://quanben.io/n/shenyidinu/list.html> (accessed November 14, 2022).
 12. Chau Angie. From Nobel to Hugo: Reading Chinese Science Fiction as World Literature. *Modern Chinese Literature and Culture*, 2018, vol. 30, no. 1, pp. 110-135.
 13. Gaffric G., Peyton W. Liu Cixin's Three-Body Trilogy and the Status of Science Fiction in Contemporary China. *Science Fiction Studies*, 2019, vol. 46, no. 1, pp. 21-38.
 14. Jian Liu, Li Hua. On Chinese Science Fiction: Selected Essays and Critical Pieces in English, 2015-2020. *Science Fiction Studies*, 2021, vol. 48, no. 3, pp. 537-555 muse.jhu.edu/article/844130 (accessed October 26, 2022).
 15. Lu Jie. Chinese Historical Fan Fiction: Internet Writers and Internet Literature. *Pacific Coast Philology*, 2022, vol. 51, no. 2(2016), pp. 159-176. <https://www.jstor.org/stable/10.5325/pacicoasphil.51.2.0159> (accessed October 26, 2022).
 16. White Siân. The Dramatic Modern Novel: Mimesis and The Poetics of Tragedy in *Mrs. Dalloway*. *Woolf Studies Annual*, 2018, vol. 24, pp. 101-134. URL: <https://www.jstor.org/stable/26475576> (accessed October 26, 2022).
 17. Zhang Yingjin. Introduction: Chinese Worlds of World Literature. *Modern Chinese Literature and Culture*, 2018, vol. 30, no. 1, pp. 1-12. URL: <https://www.jstor.org/stable/26588539> (accessed October 26, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Маслахова Алина Булатовна, студент

Оренбургский государственный университет

пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460013, Российская Федерация

maslachova.alina@gmail.com

Баймуратова Ульяна Сергеевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460013, Российская Федерация
ulyanam@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alina B. Maslakhova, student
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460013, Russian Federation
maslakhova.alina@gmail.com

Ulyana S. Baimuratova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Translation
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460013, Russian Federation
ulyanam@bk.ru
SPIN-code: 1948-5029
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9850-5116>

Поступила 14.11.2022
После рецензирования 07.12.2022
Принята 19.12.2022

Received 14.11.2022
Revised 07.12.2022
Accepted 19.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-28-43

УДК 372.881.1

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ КУЛИНАРНЫХ ВИДЕО В АСПЕКТЕ СУБТИТРИРОВАНИЯ

Ю.С. Кондрашина, Е.Д. Андреева

*В статье рассматриваются понятия гастрономического, или глоттонического, дискурса, данные российскими и зарубежными учеными, анализируется специфика русских и китайских кулинарных видео. **Целью** данной работы стало выявление особенностей китайских кулинарных видео в аспекте субтитрирования. В качестве **материала** было использовано кулинарное видео на китайском языке, размещенное на видеохостинге YouTube. В работе были использованы **методы** дискурсивного анализа, семантического и темного анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод в рамках указанной языковой пары. В процессе исследования были выявлены такие сложности, как разница в количестве символов для передачи содержания, многозначность слов, перевод имен собственных и перевод ингредиентов-реалий, использование различных языковых трансформаций, таких как добавление, опущение, компрессия и дословный перевод. Каждая проблема нашла свое решение согласно специфике кулинарной тематики и субтитрирования в целом.*

Ключевые слова: субтитры; субтитрирование; китайский язык; русский язык; кулинария; видео; кулинарный дискурс

CHINESE COOKING VIDEOS IN TERMS OF SUBTITLING

Yu.S. Kondrashina, E.D. Andreeva

*This article is devoted to the concepts of gastronomic discourse, given by foreign and Russian scientists, and the analysis of the features of Russian and Chinese cooking videos. The **aim** of the article was to*

*identify some features of subtitling gastronomic videos. The **material of the study** was a cooking video in Chinese, available on YouTube. We applied **methods** of discourse analysis, semantic analysis, component analysis, and comparison and collation method within the specified language pair. During the study, such difficulties as difference in the number of symbols, the polysemy of words, the translation of proper names and ingredients-*realia*, and different language transformations such as addition, omission, compression and literal translation were considered. Each difficulty found its solution according to the specifics of cooking topic and subtitling.*

Keywords: subtitles; subtitling; Chinese language; Russian language; cooking; video; culinary discourse

Введение

Кулинарные традиции народов мира представляют интерес для довольно широкой аудитории, поэтому в кулинарных книгах можно часто встретить разнообразные экзотические рецепты, а на различных платформах видеохостинга кулинарные видео становятся объектом интереса многих пользователей. Кулинарный дискурс имеет разветвленную структуру; в него входят рецепты и сборники рецептов, статьи, блоги и книги о вкусной и полезной пище, о правильном питании, о различных кухнях мира, реклама продуктов питания и заведений общепита. Все это свидетельствует о том, что гастрономическая лингвокультура представляет собой один из перспективных объектов исследования в современной лингвистике.

Особый тип дискурса в кулинарной сфере в последнее время становится объектом пристального научного внимания исследователей. Принимая во внимание определение дискурса, данное В.И. Карасиком (дискурс – это «единство текста и коммуникативной ситуации», «дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» [5, с. 5]), можно говорить о существовании кулинарного дискурса. Исследователями также используются термины «гастрономический дискурс» или «глуттонический дискурс». Впервые понятие «гастрономический дискурс» было введено А.В. Оляничем

в монографии «Презентационная теория дискурса», где он определяется как дискурс, «в задачи которого входит как воздействие на потребителя в смысле выбора его пищевых предпочтений, так и формирование самих предпочтений и культурных доминант, связанных с поддержанием жизни посредством потребления пищи» [7, с. 427]. Основной вектор исследований текстов в рамках кулинарного дискурса направлен на обоснование выделения этого типа дискурса, изучение его жанровых и дискурсивных характеристик, прагматических маркеров и лексико-семантических / лингвокультурных особенностей кулинарных текстов.

Так, К.М. Федорова и Е.С. Руфова, анализируя понятие гастрономического дискурса в лингвистике, рассматривают его как один из основных типов коммуникации, базовый элемент в бытовом общении. Он «включает в себя текстовые структуры, связанные с процессом питания, при котором учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи» [16, с. 47]. Е.С. Руфова в другой работе рассматривает гастрономический дискурс как особый вид дискурса, который «по своей форме и структуре вмещает в себя большой набор экстралингвистических свойств» и который отражает все особенности национальной структуры [13, с. 54].

В работе Ф.Л. Косицкой и И.Е. Зайцевой гастрономический дискурс рассматривается как «сложноорганизованное дискурсивное, многомерное, неоднородное образование», основными характеристиками которого являются «профессионализм, креативность, терминологичность, клишированность, коммуникабельность, избирательность, любознательность, стремление к саморазвитию, самооценивание, чувство прекрасного, знание и умение сочетать продукты и вкусы» [6, с. 26].

К.В. Рафикова, исследуя гастрономический дискурс в социальных медиа, выделяет следующие характеристики: «поликодость, ориентация на личностно ориентированный аспект коммуникации, полифункциональность», а основной формой реализации называет рецепт [12, с. 135].

Е.Б. Павлова рассматривает ресторанный дискурс и приходит к выводу, что «жанр кулинарного блога прежде всего связан с кулинарным интернет-дискурсом» [8, с. 475], а жанры ресторанного дискурса «дифференцируются в зависимости от сферы речи» [9, с. 125]. Е.С. Вареник отмечает, что письменный текст рецепта обладает чертами научно-популярного стиля, что предполагает «наличие четкой структуры, рациональную организацию и нейтральный тон изложения информации, специфические для данной области знания термины, а также доступное и понятное широкому кругу читателей изложение информации за счет элементов разговорного дискурса (эмоциональное и оценочное)» [2, с. 32].

Ж. Прюво, Л.М. Бузинова и Н.В. Седых пишут, что «гастрономический дискурс и кулинарная терминология любой нации обладает значительным лингвокультурным потенциалом номинативных свойств» [11, с. 28]. Также А.Ю. Земскова в своей работе доказала, что «англоязычный гастрономический дискурс формируется языковой личностью» [4, с. 3].

И.К. Федорова, рассматривая перевод кулинарных рецептов в современной межкультурной коммуникации, пришла к выводу, что при переводе «мы должны опираться на сопоставление культур и специфику мышления их носителей, но вместе с тем важно учитывать особенности рабочих языков» [15, с. 85]. К подобному заключению приходит и Ван Хэйянь, отмечая, что задача переводчика «заключается в реализации культурно адекватного перевода, чтобы реципиент (получатель) смог правильно воспринять и декодировать языковую реалию» [1, с. 94]. Это подтверждается и в работе С.О. Пантелеевой, где автор выделяет сложности перевода глутто-нического дискурса в «адекватном и эквивалентном переводе культурно-специфической и этнолингвистической лексики» [10, с. 377].

Как видно из приведенных исследований, в переводоведческих работах о кулинарном дискурсе как в целом, так и в китайском языке в частности в основном анализируются лингвокультурологические особенности перевода текстовых рецептов, например, название блюд или ингредиентов.

Интерес к гастрономическому дискурсу позволяет нам говорить об **актуальности исследования**, которая обуславливается популярностью кулинарных видео среди любителей национальных кухонь, в частности в рамках русско-китайских культурных отношений, а также небольшим процентом качественно переведенных материалов, адекватно раскрывающих весь процесс готовки блюда. Наш анализ предшествующей научно литературы показал, что ранее проблематика субтитрирования китайских кулинарных видео не затрагивалась в научных работах, что обосновывает новизна нашего исследования.

Объектом нашего исследования стали видео кулинарной тематики на китайском и русском языке, задающие дискурсу конкретную жанровую характеристику. **Целью** работы – выявление особенностей китайских кулинарных видео в аспекте субтитрирования. Для достижения поставленной цели мы проанализировали дискурсивные особенности кулинарного видео, сопоставили их с ограничениями, накладываемыми на перевод русским языком и правилами субтитрирования. В качестве **материала** для анализа в данной работе мы выбрали видео 宅在家裡沒事，可以來做好吃的砂鍋獅子頭，做法簡單，多做一點煮泡菜鍋加一點也好好吃喔！ (<https://www.youtube.com/watch?v=GtzKIPlACO>), размещенное на видеохостинге YouTube. Используемые **методы** включают в себя дискурсивный анализ, семантический и семный анализ, а также сравнительно-сопоставительный метод в рамках русско-китайской языковой пары.

Результаты и обсуждение

Анализ переводческих сложностей целесообразно начать с выявления специфических характеристик кулинарных видео, которые через блюда и особенности приготовления отражают географические, исторические и религиозные аспекты жизни разных народов. Обозначенные особенности присущи как русским, так и китайским видео.

1. У автора видео нет необходимости находиться в кадре. Съёмка может проводиться с разных ракурсов, но, в отличие от многих других жанров видео, первостепенное значение здесь отводится рукам

повара. Отсутствие говорящего в кадре приводит к дополнительной нагрузке на слуховое восприятие, что может привести к переводческим ошибкам, связанным с распознаванием речи.

2. Кулинарные видео делятся на разные типы: обычные пошаговые видео-инструкции приготовления еды, кулинарные шоу, где автор появляется в кадре в полный рост, активно жестикулирует, иногда общается с «гостями» (друзьями, членами семьи, приглашенными участниками других кулинарных каналов, профессиональными поварами, знаменитостями), гастрономические зарисовки из разных культур, часто демонстрирующие процесс дегустации. Возможны видео без реплик автора, видео, в которых большое значение отводится гастрономической эстетике.

3. Контент может быть несколько однообразным. В жанре видео-рецепта задумка имеет минимальное значение, основными характеристиками являются простота и доступность изложения, чтобы каждый мог повторить процесс приготовления. Для того, чтобы выделиться среди конкурентов, авторы могут комбинировать пошаговую демонстрацию рецепта с рассказами о своей жизни или кулинарными советами.

4. Важна эстетическая составляющая, что вытекает из предыдущей особенности: недостаточно просто готовить блюда, чтобы видео смотрели. Авторы стараются использовать хорошие камеры, красиво организовать своё рабочее пространство и использовать единый стиль оформления видео-рецептов, чтобы зрители могли использовать их видео в качестве варианта проведения досуга. Эстетика большую роль играет в китайских видео, где часто присутствуют природные мотивы. Это могут быть местные пейзажи, готовка на улице, сбор продуктов с грядок. Также важны ракурс, свет и общая атмосфера видео, которая в основном спокойная и умиротворяющая. Отдельное внимание отводится музыке, чаще всего инструментальной, тихой и успокаивающей, в подавляющем большинстве случаев с национальными китайскими мотивами.

В отношении китайской кухни обычно принято считать, что названия блюд на китайском языке очень сложны и с трудом поддаются

ся переводу. Отчасти это можно объяснить большим разнообразием блюд ввиду географической протяженности Китая и проживания на его территории более пятидесяти национальностей, у каждой из которых есть свои культурные особенности. Существуют так называемые восемь видов китайской кухни (中国八大菜系) или же «Восемь главных региональных кухонь Китая», которые отличаются не только по ингредиентному составу и вкусовым качествам, но и преимущественными способами обработки продуктов питания. С этим связано то, что одной из характерных особенностей китайских кулинарных видео может быть приготовление экзотического блюда, которое является «визитной карточкой» какой-либо китайской провинции. Часто это может быть очень древнее блюдо с крайне необычным названием. Есть множество способов названия блюд в Китае: по основному продукту, по способу приготовления, по форму и вкусу, по месту их появления, по названию национальных праздников и по связи с прецедентным фактом, что важно учитывать переводчику при адаптации на русский язык.

Видео, которое мы рассматриваем для примера процесса аудиовизуального перевода, представляет собой видео-рецепт приготовления блюда «Львиная голова» из кухни Хуайян (淮揚菜) восточного Китая, состоящего из больших свиных фрикаделек, тушеных с овощами. Причем здесь речь идет о приготовлении красной разновидности блюда, когда фрикадельки тушат с капустой или готовят с побегами бамбука и производными тофу, хотя есть еще белая разновидность, когда готовят на пару с капустой напа.

Наиболее быстрым способом ввести иноязычный аудиовизуальный текст в другую культуру остается субтитрирование, самый распространенный и старейший вид аудиовизуального перевода. Согласно В.Е. Горшковой, «субтитрирование – это сокращенный перевод диалогов фильма, отражающий их основное содержание и сопровождающий в виде печатного текста визуальный ряд фильма в его оригинальной версии, располагаясь, как правило, в нижней части кинокадра» [3, с. 142]. Одной из особенностей данного вида перевода является то, что при создании субтитров частично или

практически полностью изменяется способ передачи содержания аудиовизуального продукта средствами языка перевода, несмотря на то что само содержание не изменяется. Это происходит по причине существования лексических, грамматических и стилистических различий в системах разных языков.

При создании субтитров переводчик сталкивается с трудностями, связанными с крайне быстрым темпом речи на китайском языке, что заставляет использовать компрессию и отбирать только важную информацию. Та же проблема связана с количеством допустимых символов. В китайских субтитрах количество слов в однострочном или двустрочном субтитре сильно превышает количество слов, уместяющихся в субтитре на русском языке. Поэтому могут возникать ситуации, когда при переводе субтитра с китайского языка на русский он по своему объему не может быть уместен в один кадр, что вынуждает переводчика использовать различные переводческие трансформации, направленные на уменьшение объема текста.

Отдельно следует выделить трудности при использовании способов транскрипции и транслитерации для имен собственных, а также слов, не имеющих эквивалентов в языке перевода. Традиционно применяется система транслитерации, созданная Иакинфом Бичуриным и кодифицированная архимандритом Палладием и достаточно адекватно передающая звучание китайских слов. Эта система используется в русских переводах с китайского уже более 100 лет.

С первой сложностью – разницей в количестве символов для передачи одного и того же содержания – переводчик данного видео будет встречаться постоянно. При субтитрировании в китайском языке разрешается ставить не более 16 символов на одну строку, тогда как в русском – не более 39, согласно руководствам Netflix (Simplified Chinese (PRC) Timed Text Style Guide и Russian Timed Text Style Guide). В китайском языке один иероглиф, который будет считаться за один знак, может обозначать целое слово, в то время как в русском языке для этого требуется определенное сочетание букв, каждая из которых считается за отдельный знак, причем между словами должны быть пробелы, которые тоже входят в общее

разрешенное число символов. Например, в предложении на китайском языке «现在让这个葱姜水先静置一下» 13 символов, тогда как при переводе на русский язык их количество возрастет до 44: «Теперь дайте луково-имбирной воде настояться». Другой пример: в предложении «你只要按照我影片的方式制作» так же 13 символов, при переводе на русский язык – «Вам необходимо повторить способ приготовления по моему видео» – их количество увеличилось до 60. Решением данной проблемы может быть передача только минимально необходимой информации для понимания, например: «Вам нужно повторить за мной», где количество символов значительно уменьшилось – до 27. Как мы видим, в таком варианте главная мысль сохранилась, задача осталась ясна, и в то же время перевод уместился в указанные рамки по символам. Также стоит отметить, что автор видео говорит практически без пауз, поэтому часто возможность разделения субтитра на две строки или переноса его на другой кадр отсутствует. В таком случае переводчику стоит применить компрессию, чтобы уложиться в требования и по символам, и по времени субтитра. Например, из предложения «最后可以再加一点蒜苗点缀一下» (14 символов) – «И в конце можно добавить немного ростков чеснока для украшения» (62 символа) путем компрессии можно получить «В конце украсьте ростками чеснока» (33 символа).

Использование различных лексических трансформаций при переводе является решением проблемы по ограничению символов. Это может быть опущение, связанное с тем, что при субтитрировании необходимо сократить размер звучащей фразы на русском языке так, чтобы сохранить основной смысл и при этом уложиться в отведенное количество знаков. Например, во фразе «你可以用面包粉或者豆腐来替代» можно опустить местоимение «你» (nǐ) – «ты» и вспомогательный глагол «来» (lái), и тогда полученное предложение будет звучать так: «Взамен можно взять панировку или тофу», где будет 37 символов.

Также возможно и добавление, которое может быть использовано для придания большей адекватности фразе на языке перевода

и сохранения логичности повествования. В предложении «这个份量大概是150克» следует применить прием добавления, поскольку дословный перевод будет выглядеть так: «Этот вес составляет около 150 граммов». В данном случае лучше добавить слово «порция», чтобы получить адекватно звучащий перевод, который в то же время умещается в ограничение по символам – «Вес порции около 150 граммов» (28 символов).

Еще одна сложность – многозначность слов. Например, сочетание иероглифов «作法» (zuòfǎ) в предложении «狮子头作法其实并没有想像中的难» может быть переведено как «способ, метод, прием, руководство, манера», а сочетание «制作» (zhìzuò) в предложении «这些是制作狮子头的配料部分» – как «творить, создавать, производить, указ, постановление». То есть в разных контекстах эти слова могут использоваться по-разному, а некоторые слова даже синонимичны между собой, что может создать некоторую путаницу при переводе. Переводчику необходимо выявить то значение слова, которое подходит данному контексту. Поскольку рецепт требует точности, то неправильно подобранное слово может изменить все представление о блюде или же оно и вовсе может быть испорчено. Однако если мы говорим о полностью синонимичных словах, то в данном случае переводчику можно будет выбрать наиболее короткое слово, которое будет ёмким и сократит объем субтитра.

Обычно в начале каждого видео автор здоровается со своими зрителями и представляется, поэтому возникает сложность перевода имен собственных, которые относятся к безэквивалентной лексике. Китайские имена могут иметь несколько вариантов иероглифического написания. В данном видео автор представляется как 塔塔 (tǎtǎ), что скорее всего является сокращением от имени 蘿潔塔 (luójiétǎ), то есть «Розалина», поскольку английский вариант названия канала – «Rosalina's Kitchen». Мы считаем, что имя следует не транскрибировать, а перевести как «Роза» (сокращение от «Розалина»).

Другая сторона перевода безэквивалентной лексики – это перевод ингредиентов, которые часто являются реалиями. Так, в видео

для приготовления использовалось вино «绍兴酒» (shàoxīngjiǔ), которое на русский язык переводится тремя разными вариантами – «желтое вино», «шаосинское желтое вино» и «Хуанцзю». В данном случае переводчику придется сделать выбор в пользу того названия, которое будет более известно широкой аудитории – «шаосинское желтое вино», также есть вариант «желтое кулинарное вино».

Главное в переводе кулинарных видео в формате рецепта – точность, не допускающая разночтений. Поэтому в некоторых случаях возможен дословный перевод предложений: «姜片大概切20克左右» – «Ломтики имбиря режем по 20 грамм примерно». Здесь также играет роль специфика кулинарных текстов, поскольку все они в своей основе построены как инструктивные текста с четкими алгоритмами действий.

Заключение

Таким образом, нами были проанализированы дискурсивные особенности кулинарного видео и выявлены трудности, связанные с субтитрованием на русский язык гастрономического видео на китайском языке (宅在家裡沒事，可以來做好吃的砂鍋獅子頭，做法簡單，多做一點煮泡菜鍋加一點也好好吃喔！).

Основная трудность, с которой может столкнуться переводчик – ограничение по количеству символов. Ее решение может заключаться в компрессии и передаче только главного смысла, а также в использовании различных лексических трансформаций. Многозначность слов, безэквивалентная лексика и реалии тоже являются проблемами, решениями которых может стать детальный поиск значения слов или углубление в кулинарную среду двух языков, чтобы найти нужное и известное название того или иного ингредиента.

В перспективе исследования общих проблем субтитрования гастрономических видео в паре языков китайский-русский возможно изучение новых и окказиональных кулинарных выражений, которые появляются как элемент словотворчества в разговорной речи или как элемент стилистики для привлечения внимания потенци-

альной аудитории к определенному автору, в аспекте из передачи при субтитровании, т.к. часто новые слова переводятся с использованием экспликации, что увеличивает размер субтитра.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. Ван Хэйянь. Русский перевод названий китайских блюд в аспекте транскультурной коммуникации // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38(2). С. 88-94.
2. Вареник Е.С. Особенности кулинарного дискурса как субжанра инструкции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4 (846). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_4_846_30
3. Горшкова В.Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. Академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 3(10). С. 141-144.
4. Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. С. 23.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.
6. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2(167). С. 25-30.
7. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

8. Павлова Е.Б. Жанровая организация ресторанного интернет-дискурса (на материале англоязычных сайтов ресторанов) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3(70). С. 473-476.
9. Павлова Е.Б. Жанрово-дискурсивные характеристики британского ресторанного интернет-дискурса // Научный диалог. 2017. № 8. С. 116-130.
10. Пантелеева С.О. Переводческие аспекты глуттонического дискурса (на примере китайских рецептов) // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и лингводидактики : Сборник научных статей по материалам XXX Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26 апреля 2021 года / Отв. редакторы Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 373-378.
11. Прюво Ж., Бузинова Л.М., Седых Н.В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 1. С. 27-39. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3>
12. Рафикова К.В. Гастрономический дискурс в социальных медиа: функции и формы реализации // Вестник Самарского муниципального института управления. 2017. С. 131-136.
13. Руфова Е.С. Лексико-семантические особенности японского гастрономического дискурса (на материале рецептов) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. С. 53-56.
14. Словарь 大BKPC. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 21.10.2022).
15. Федорова И.К. Перевод кулинарного рецепта в аспекте концепций европейского и китайского переводоведения // Филология в XXI веке. 2019. № 2 (4). С. 76-87.
16. Федорова К.М., Руфова Е.С. Глуттонический дискурс как объект лингвистического исследования // Наука, образование, культура. 2016. № 9(12). С. 45-48.

References

1. Wang Haiyan. *Russkiy perevod nazvaniy kitayskikh blyud v aspekte transl'skul'noy kommunikatsii* [The translation of the names of Chinese dishes

- es in the aspect of cross-cultural communication]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Kalmyk University Bulletin], 2018, no. 38 (2), pp. 88-94.
2. Varenik E.S. *Osobennosti kulinarnogo diskursa kak subzhanra instruktsii* [Features of culinary discourse as a subgenre of instruction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistic University Bulletin], 2021, no. 4(846). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_4_846_30
 3. Gorshkova V.E. *Osobennosti perevoda filmov s subtitrami* [Peculiarities of subtitling]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. Akademika M.F. Reshetneva* [Reshetnev Siberian State University of Science and Technology Bulletin], 2006, no. 3 (10), pp. 141-144.
 4. Zemskova A.Yu. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa* [Linguosemiotic peculiarities of English gastronomic discourse]. Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2009, 23 p.
 5. Karasik V.I. *O tipakh diskursa* [On the types of discourse] *Yazykovaya lichnost': institutsionalnyy i personalnyy diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2000, 228 p.
 6. Kositskaya F.L., Zaytseva I.E. *Frantsuzskiy gastronomicheskii diskurs i ego zhanrovaya palitra* [French gastronomy discourse and its speech genre palette]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 2 (167), pp. 25-30.
 7. Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa: monografiya* [Presentation theory of discourse: monograph]. Volgograd: Paradigma Publ., 2004, 507 p.
 8. Pavlova E.B. *Zhanrovaya organizatsiya restorannogo internet-diskursa (na materiale angloyazychnykh saytov restoranov)* [Genre organization of the restaurant online discourse (on the material of English language restaurant websites)]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2018, no. 3(70), pp. 473-476.
 9. Pavlova E.B. *Zhanrovo-diskursivnye kharakteristiki britanskogo restorannogo internet-diskursa* [Genre and discursive characteristics of British restaurant Internet discourse]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 8, pp. 116-130.

10. Panteleeva S.O. *Perevodcheskie aspekty glyuttonicheskogo diskursa (na primere kitayskikh retseptov)* [Translation aspects of the glutton discourse (on the material of Chinese recipes)]. *Aktualnye voprosy mezhkulturnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki* [Topical Issues of Intercultural Communication and Language Education], 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46099583> (accessed September 20, 2022).
11. Pruvost J., Buzinova L.M., Sedykh N.V. *Gastronomicheskii diskurs Frantsii: opyt lingvosemioticheskogo analiza* [French gastronomic discourse: experience of linguistic and semiotic analysis]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], 2019, vol. 5, no. 1, pp. 27-39. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-1-0-3>
12. Rafikova K.V. *Gastronomicheskii diskurs v sotsialnykh media: funktsii i formy realizatsii* [Gastronomic discourse in social media: functions and forms of implementation]. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya* [Bulletin of Samara Municipal Institute of Management], 2017, pp. 131-136.
13. Rufova E.S. *Leksiko-semanticheskie osobennosti yaponskogo gastronomicheskogo diskursa (na materiale retseptov)* [Lexico-semantic features of Japanese gastronomic discourse (on the material of recipes)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vyatka State University Bulletin], 2017, pp. 53-56.
14. Dictionary 大BKRS. URL: <https://bkrs.info/> (accessed October 21, 2022).
15. Fedorova I.K. *Perevod kulinarного retsepta v aspekte kontseptsii evropeyskogo i kitayskogo perevodovedeniya* [Cooking recipe translation in the context of European and Chinese translation theories]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st Century], 2019, no. 2(4), pp. 76-87.
16. Fedorova K.M., Rufova E.S. *Glyuttonicheskii diskurs kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Glutton discourse as an object of linguistic research]. *Nauka, obrazovanie, kultura* [Science, Education and Culture], 2016, pp. 45-48.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кондрашина Юлия Сергеевна, студент

Оренбургский государственный университет

пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

juliakzhuli@gmail.com

Андреева Елена Дамировна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
andreevaed82@yandex.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Yulia S. Kondrashina, Student
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Or
enburg, 460018, Russian Federation
juliakzhuli@gmail.com

Elena D. Andreeva, Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor
Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
andreevaed82@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2025-9864>

Поступила 14.11.2022
После рецензирования 28.11.2022
Принята 04.12.2022

Received 14.11.2022
Revised 28.11.2022
Accepted 04.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-44-56

УДК 1'322.4

ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ПСИХОЛОГИИ

К.В. Антаева, Ю.С. Елагина

Статья посвящена анализу машинного перевода научного текста по психологии с английского языка на русский. На примере перевода текста информационной брошюры “Anxiety Disorders in Children” выявляются сложности, возникающие в процессе машинного перевода. Представлен разбор ошибок в переводе, сделанных системой машинного перевода, а также предложены варианты их корректировки. Особое внимание в статье уделено переводу специальной терминологии в сфере психологии.

Обоснование. Для получения перевода все чаще прибегают к помощи систем машинного перевода, которые, с одной стороны, представляют собой недорогой и доступный способ получить быстрый перевод, но с другой стороны, не дают никакой гарантии адекватности полученного текста. Перевод научного текста, выполненный при помощи системы машинного перевода, послужил материалом для анализа качества перевода.

Цель. В статье выявлены и рассмотрены ошибки, допущенные системой машинного перевода, проведен их анализ, предложены варианты их корректировки. Особое внимание уделено переводу специальной терминологии в сфере психологии.

Материалы и методы. Материалом для данной работы послужил машинный русскоязычный перевод текста брошюры “Anxiety Disorders in Children”, написанной Американской ассоциацией по борьбе с тревожными расстройствами, выполненный с помощью онлайн-программы Google Переводчик.

Результаты. Научные тексты по психологии набирают все большую популярность в мире, но, как показал анализ, их перевод

все еще затруднителен для онлайн-программ перевода. Применение машинного перевода не всегда позволяет добиться эквивалентного текста, а лишь немного упрощает работу переводчика, которому требуется время и усилия на дальнейшее редактирование текста. Больше всего ошибок в тексте связано с переводом терминов, частотно употребляемых в нем. Также различие грамматических строев языка оригинала и языка перевода может мешать онлайн-переводчику правильно и адекватно перевести научный психологический текст. Например, различия в использовании конструкций залога, особый порядок слов в языках, использование неодинаковых устойчивых словосочетаний.

Ключевые слова: научный текст; психология; анализ; термин; машинный перевод; трудности перевода

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SCIENTIFIC TEXTS MACHINE TRANSLATION ON THE MATERIAL OF AN INFORMATIONAL BROCHURE

K.V. Antaeva, Y.S. Elagina

The article is devoted to the analysis of the psychological scientific text machine translation (from the English language to the Russian one). On the material of the Russian machine translation of an informational brochure, potential difficulties were identified. The author points out the mistakes in machine translation and offers ways to solve them. A particular attention is paid to the translation of special terminology of the psychological semantic field.

Background. Machine translation programs are often used as a way of getting texts translation. On the one hand, it is an available inexpensive way to get a quick translation. On the other hand, there is no guarantee of translation adequacy. The basis of quality translation analysis was a machine translation of scientific text.

Purpose. On the basis of the text made by the machine translation program some mistakes are revealed and analyzed, some ways to solve

them are offered. Special attention is paid to the translation of terms in the field of psychology.

Materials and methods. *The research material was a machine translation of the brochure “Anxiety Disorders in Children” written by the American Anxiety Disorders Association (the translation is from English into Russian). The translation was made with the help of the online program Google Translator.*

Results. *Scientific texts on psychology have become popular in the world, but as the analysis showed, their translation is still difficult for online translation programs. Machine translation is not the way to get an equivalent text, but it does make the translation process easier. At the same time, an interpreter should spend time on further text editing. One type of mistakes is connected with the translation of terms. Besides there are mistakes caused by the difference between the grammatical structures of the original language and the translation language, such as the voice constructions, special word orders and set phrases.*

Keywords: *scientific text; psychology; analysis; term; machine translation; translation difficulties*

Введение

Актуальность исследования

Наука всегда занимала важное место в мире. Для того чтобы она успешна развивалась и совершенствовалась, ученым со всего мира необходимо взаимодействовать друг другом и обмениваться информацией на разных языках в контексте разных культур. Научные тексты стали главным способом их коммуникации.

В настоящее время такая наука как психология становится интересна не только ученым, но и массовому читателю. Психология – наука только развивающаяся. А.П. Егидес говорил: «Девятнадцатый век был веком биологии, двадцатый веком физики, двадцать первый – век психологии» [14]. В связи с этим растет и количество научной литературы по психологии, которую необходимо перевести понятно и адекватно для широкого круга читателей. Но переводчик не всегда удовлетворяет потребности рынка переводческих услуг, что объясня-

ются такими факторами, как низкая скорость перевода (в сравнении с машинным переводом), а также высокая стоимость услуг. Поэтому широкое распространение получили системы машинного перевода. *Машинный перевод* представляет собой процесс перевода определенного текста с одного естественного языка на другой, осуществляемый при помощи специальной компьютерной программы [9].

Стоит отметить, что системы машинного перевода базируются на следующих принципах работы:

- машинный перевод на базе готовых примеров переводов (примером выступают инструменты CAT (Computer-Aided Translation tools));
- машинный перевод на базе лингвистических правил (пример: PROMT предлагающий модуль Electronic Dictionary, электронный словарь, содержащий всю словарную базу специализированных словарей);
- статистический машинный перевод (пример: Google Translate) [3].

Постоянное развитие компьютерных технологий, а также совершенствование программных продуктов, осуществляющих машинный перевод, привело к их активному применению. Многие системы машинного перевода бесплатны или сравнительно недороги, они позволяют получить перевод мгновенно, кроме того, их характеризует доступность, что позволяет их применять практически в любой точки мира и конфиденциальность [12]. Таким образом, частотное применение системы машинного перевода, а также высокий спрос на перевод текстов семантической направленности «психология» обуславливает актуальность данной работы.

Цель исследования

Данная статья посвящена исследованию перевода научного текста, выполненного системой машинного перевода, с целью выявления допущенных ошибок и их последующего анализа.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели был проведен анализ машинного русскоязычного перевода информационной брошюры по психологии, текст которой относится к научному стилю.

Материалом для работы послужил машинный русскоязычный перевод текста брошюры “Anxiety Disorders in Children” [15], написанной Американской ассоциацией по борьбе с тревожными расстройствами, выполненный с помощью онлайн-программы Google Переводчик.

В ходе работы использовались следующие методы научного исследования: теоретический анализ источников, сопоставительный анализ, компонентный анализ, а также дефиниционный анализ.

Результаты и обсуждение

Анализ полученного текста перевода показал, что одна из ошибок связана с передачей терминов. В исследуемом тексте наблюдается частотное применение терминологических единиц, которые программа для машинного перевода не во всех случаях перевела адекватно. Стоит отметить, что простые общеупотребительные термины, состоящие из одного слова, и сложные термины, в состав которых входит два слова и более, написанных слитно или через дефис, онлайн-переводчик перевел адекватно и без ошибок: *anxiety* – *тревожность*, *nervousness* – *нервозность*, *nausea* – *тошнота*, *medication* – *лечение*, *agoraphobia* – *агорафобия*, *benzodiazepines* – *бензодиазепины*, *flashback* – *воспоминание*, *self-esteem* – *самооценка*, *suicide* – *суицид*.

При переводе узкоспециальных терминов и терминов-словосочетаниях, включающих в себя несколько компонентов, программа для машинного перевода не смогла подобрать адекватные эквиваленты. Рассмотрим пример:

Many children experience separation anxiety between 18 months and three years old, when it is normal to feel some anxiety when a parent leaves the room or goes out of sight. – Многие дети испытывают тревогу разлуки в возрасте от 18 месяцев до трех лет, когда нормально испытывать некоторую тревогу, когда родитель выходит из комнаты или уходит из поля зрения.

В онлайн-словаре МультиТран [11] термин “separation anxiety” переводится как «сепарационная тревога», и именно такой термин применяется в научных источниках [4; 6]. На наш взгляд, данное

предложение стоит перевести следующим образом: Многие дети в возрасте от 18 месяцев до трех лет испытывают сепарационную тревогу. При этом считается нормой испытывать чувство беспокойства, возникающее, когда родитель выходит из комнаты или пропадает из поля зрения ребенка.

В следующем примере машинного перевода также обнаружилась сложность при передаче терминологической единицы:

Acceptance and commitment therapy, or ACT, uses strategies of acceptance and mindfulness (living in the moment and experiencing things without judgment) as a way to cope with unwanted thoughts, feelings, and sensations. – Терапия принятия и приверженности, или АСТ, использует стратегии принятия и внимательности (жить настоящим моментом и переживать вещи без осуждения) как способ справиться с нежелательными мыслями, чувствами и ощущениями.

Поиск эквивалентного перевода в интернете показал, что представленный вариант «терапия принятия и ответственности» часто встречается на сайтах, однако их анализ позволил выявить, что в этих случаях также используется машинный перевод англоязычных сайтов, но анализ словарей не показал такого варианта перевода. В ряде статей по психологии для обозначения данного явления используется термин «Терапия принятия и ответственности», а его аббревиатура имеет форму ТПО [7; 8]. В связи с этим, на наш взгляд, рассмотренное предложение следует перевести следующим образом: В терапии принятия и ответственности, или ТПО, используются стратегии принятия и осознанности (когда человек живет настоящим моментом и переживает ситуаций без осуждения) для того, чтобы справиться с нежелательными мыслями, чувствами и ощущениями.

Рассмотрим еще один пример:

Whether your child has been diagnosed with an anxiety disorder or you are concerned about your child's anxious behavior, the Anxiety Disorders Association of America (ADAA) is here to help. – Если у вашего ребенка диагностировано тревожное расстройство или вы обеспокоены тревожным поведением вашего ребенка, Американская ассоциация тревожных расстройств (ADAA) всегда готова помочь.

Как видно, данный вариант перевода термина искажает смысл. Применение приема добавления в рассматриваемом примере позволит получить эквивалентный перевод: Если ваш ребенок страдает от тревожного расстройства или вас беспокоит тревожное поведение ребенка, Американская ассоциация по борьбе с тревожными расстройствами (ADAA) всегда готова помочь.

В следующем примере онлайн переводчик не смог подобрать адекватный перевод лексической единицы, что привело к бессмысленности предложения: When symptoms last for a short period of time, it may be a passing case of “the blues.” – Когда симптомы длятся в течение короткого периода времени, это может быть преходящим случаем «блюза».

Для подбора подходящего перевода лексемы “the blues” использовался онлайн-словарь Cambridge Dictionary [13]. Словарь показал, что данное выражение имеет значение «грустить». С помощью метода модуляции [5, с. 177] мы развили смысл данного выражения и предлагаем следующий вариант перевода: Если симптомы длятся короткий период времени, то возможно это всего лишь «хандра».

Ряд ошибок при переводе анализируемого текста можно классифицировать как грамматические факторы, определяемые различиями в строе английского и русского языков. Одна из подобных ошибок представлена в следующем варианте машинного перевода предложения:

Children who suffer from an anxiety disorder experience fear, nervousness, shyness, and avoidance of places and activities that persists despite the helpful efforts of parents, caretakers, and teachers. – Дети, страдающие тревожным расстройством, испытывают страх, нервозность, застенчивость и избегание мест и занятий, которые сохраняются, несмотря на полезные усилия родителей, опекунов и учителей.

Возможный способ перевода, позволяющий добиться эквивалентности в данном случае, на наш взгляд, заключается в применении приема опущения или замены [1, с. 159]: Несмотря на усилия родителей, опекунов и учителей, дети, страдающие от тревожного расстройства, испытывают страх, нервозность и стараются избегать некоторых мест и занятий.

Рассмотрим следующий пример:

Children with separation anxiety commonly worry about bad things happening to their parents or caregivers or may have a vague sense of something terrible occurring while they are apart. – Дети с тревогой разлуки обычно беспокоятся о том, что с их родителями или опекунами может случиться что-то плохое, или могут иметь смутное ощущение, что что-то ужасное происходит, пока они находятся в разлуке.

На наш взгляд, в данном случае необходимо произвести замену части речи, что обусловлено отсутствием в русском языке атрибутива, выраженного существительным [2, с. 191]. Мы предлагаем следующий вариант перевода:

Дети с сепарационной тревогой обычно беспокоятся о плохих событиях, которые могут случиться с их родителями и опекунами, или их не покидает смутное чувство того, что во время их отсутствия произойдет нечто ужасное.

Рассмотрим еще один пример:

That's why it's important to discuss with your doctor or therapist how to decide which treatment works best for your child and family lifestyle. – Вот почему важно обсудить со своим врачом или терапевтом, как решить, какое лечение лучше всего подходит для вашего ребенка и семейного образа жизни.

В данном предложении, на наш взгляд, для эквивалентного перевода необходимо выполнить перестановку в порядке слов. Связано это с тем, что, в соответствии с правилами русского языка, сначала идет главное слово, а дополнение обычно следует за управляющим [10]. В связи с этим мы предлагаем следующий вариант перевода: Поэтому важно обсуждать с вашим доктором или терапевтом то, какое лечение лучше всего подойдет вашему ребенку и образу жизни семьи.

Заключение

Анализ машинного перевода научного текста психологической направленности показал, что больше всего ошибок в тексте связано с переводом узкоспециальных терминов и терминов-словосочетаниях, включающих в себя несколько компонентов. Кроме того,

были выявлены ошибки при передаче залога, порядка слов в предложении, а также отсутствия некоторых форм слова в языке перевода. Стоит отметить, что пунктуационных, а также стилистических ошибок выявлено не было.

Применение системы машинного перевода при переводе научных текстов возможно, однако качество продукции данной системы не достигло уровня, позволяющего им полностью заменить работу переводчика. Таким образом, система машинного перевода может выполнять лишь функцию инструмента в руках переводчика, эффективность которого напрямую зависит от участия в нем человека.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Фил. фак. СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 159-163.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Международ. отношения», 1975. 240 с.
3. Денисова Д.С. Современные системы машинного перевода: статический машинный перевод // Синергия наук. 2018. № 19. С. 1425-1434.
4. Дитюк А.А. Адаптация теста сепарационной тревоги взрослых ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) на российской выборке // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 6.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

6. Лифшиц М.В. Сепарационная тревога при завершении обучения в вузе (на примере выпускников психологического факультета, обучающихся дистанционно) // Высшее образование сегодня. 2018. № 8. С. 57-61.
7. Лучинкина И.С., Римский В.Г. Эффективность техник терапии принятия и ответственности при коррекции уровня тревоги (с использованием психологического чат-бота) // VIII Международный Форум Ассоциации Когнитивно-Поведенческой Психотерапии СВТ FORUM. СПб: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2022. С. 156-160.
8. Мелехин А.И. Дистанционная форма терапии принятия и ответственности для минимизации хронической бессонницы / Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021. Т. 7. № 3. С. 52-64. <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-3-52-64>
9. Мурзабекова А.Р., Алиев З.Г. Машинный перевод: системы машинного перевода, их недостатки и преимущества // Инновационное развитие науки и техники. 2020. С. 4-9.
10. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. URL: https://www.sinykova.ru/spravochnik-rozentala/styli_xlii/ (дата обращения: 17.10.22)
11. Словарь Мультитран Онлайн. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 17.10.2022)
12. Явари Ю.В. Компьютерный (машинный) перевод: «за» и «против» // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций. Тверь: Тверской гос. технич. ун-т, 2015. С. 193-199.
13. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 17.10.22)
14. ItMyDream: Цитаты. Высказывания. Афоризмы. URL: <http://itmydream.com/citati/man/arkadii-petrovich-egides> (дата обращения: 17.10.22)
15. The Anxiety Disorders Association of America (ADAA). Anxiety Disorders in Children. URL: <https://www.infobooks.org/pdfview/4112-anxiety-disorders-in-children-anxiety-and-depression-association-of-america/> (дата обращения: 17.10.22)

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlja filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij* [Introduction to translation studies: tutorial for the students of philology and Linguistic faculties or higher educational institutions], St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPb-GU; Moscow: Akademija Publ., 2004, pp. 159-163.
2. Barhudarov L.S. *Jazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1975, 240 p.
3. Denisova D.S. *Sovremennye sistemy mashinnogo perevoda: staticheskij mashinnyj perevod* [Modern machine translation systems: static machine translation]. *Sinergija nauk* [Sciences Synergy], 2018, no. 19, pp. 1425-1434.
4. Dityuk A.A. Adaptacija testa separacionnoj trevogi vzroslyh ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) na rossijskoj vyborke [ASA-27 (Adult Separation Anxiety Questionnaire) test adaptation on Russian sampling]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychology Studies], 2016, vol. 9, no. 46, pp. 6.
5. Komissarov V.N. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]: Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1990, 253 p.
6. Lifshic M.V. Separacionnaja trevoga pri zavershenii obuchenija v vuze (na primere vypusnikov psihologicheskogo fakul'teta, obuchajushhihsja distancionno) [The end of university studies separation anxiety (on the example of remotely studying graduates of the Psychology Faculty)]. *Vyshee obrazovanie segodnja* [Higher Education Today], 2018, no. 8, pp. 57-61.
7. Luchinkina I.S., Rimskij V.G. *Jefferktivnost' tehnik terapii prinjatija i otvetstvennosti pri korrekcii urovnja trevogi (s ispol'zovaniem psihologicheskogo chat-bota)* [The effectiveness of acceptance and responsibility therapy techniques in correcting the level of anxiety (using a psychological chatbot)] *VIII Mezhdunarodnyj Forum Associacii Kognitivno-Povedencheskoj Psihoterapii CBT FORUM* [VIII International Forum of the Association of Cognitive Behavioral Psychotherapy CBT FORUM]. St. Peterburg: OOO "Izdatel'stvo "LEMA", 2022, pp. 156-160.
8. Melehin A.I. *Distancionnaja forma terapii prinjatija i otvetstvennosti dlja minimizacii hronicheskoi bessonnicy* [A remote form of acceptance and

- responsibility therapy to minimize chronic insomnia]. *Rossijskij zhurnal telemeditsiny i jelektronnogo zdravoohranenija* [Russian Journal of Telemedicine and E-health], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 52-64. <https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-3-52-64>
9. Murzabekova A.R., Aliev Z.G. Mashinnyj perevod: sistemy mashinnogo perevoda, ih nedostatki i preimushhestva [Machine translation: machine translation systems, their disadvantages and advantages]. *Innovacionnoe razvitie nauki i tehniki* [Innovative Development of Science and Technology], 2020, pp. 4-9.
 10. Rozental' D.E. *Spravochnik po pravopisaniju i stilistike* [Handbook of orthography and stylistics]. URL: https://www.sinykova.ru/spravochnik-rozental/styli_xlii/ (accessed October 17, 2022).
 11. *Slovar' Mul'titran Onlajn* [Multitran dictionary Online]. URL: <https://www.multitran.com/> (accessed October 17, 2022).
 12. Javari Ju.V. Komp'yuternyj (mashinnyj) perevod: "za" i "protiv" [Computer (machine) translation: "for" and "against"]. *Problemy upravlenija v social'no-gumanitarnyh, jekonomicheskikh i tehniceskikh sistemah* [Problems of Management in Socio-humanitarian, Economic and Technical Systems]. Tver': TSTU, 2015, pp. 193-199.
 13. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed October 17, 2022).
 14. ItMyDream: *Citaty. Vyskazyvanija. Aforizmy*. [Quotes. Sayings. Aphorisms] URL: <http://itmydream.com/citati/man/arkadii-petrovich-egides> (accessed October 17, 2022).
 15. The Anxiety Disorders Association of America (ADAA). Anxiety Disorders in Children. URL: <https://www.infobooks.org/pdfview/4112-anxiety-disorders-in-children-anxiety-and-depression-association-of-america/> (accessed October 17, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Антаева Ксения Владимировна, студентка

Оренбургский государственный университет

пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

antaeva371@gmail.com

Елагина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
elaginajulia85@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ksenia V. Antaeva, student
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
antaeva371@gmail.com

Yulia S. Elagina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Translation and Translational Studies, Orenburg
Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
juliaelagina@yandex.ru

Поступила 14.11.2022

После рецензирования 28.11.2022

Принята 04.12.2022

Received 14.11.2022

Revised 28.11.2022

Accepted 04.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-57-71

УДК 81'25

ПЕРЕВОД СУБТИТРОВ К АЗИАТСКИМ ФИЛЬМАМ И СЕРИАЛАМ

Я.А. Бузаева, И.К. Жернова

Обоснование. Актуальность проблемы заключается в увеличении продукции в сфере кинематографа и необходимости субтитрования большого количества дорам и аниме, которые пользуются популярностью у русскоязычного зрителя.

Цель. В статье изучаются сложности, с которыми сталкивается переводчик при субтитровании азиатской кинопродукции.

Материалы и методы. В исследовании анализируется руководство по созданию субтитров онлайн-кинотеатра «Netflix». В статье рассмотрена история происхождения аниме и дорам, их особенности и представители, сложности перевода субтитров к ним. Используется описательный метод.

Результаты. Субтитры более востребованы и выгоднее, чем закадровое озвучивание или дублированный перевод. При создании субтитров необходимо учитывать целый ряд технических требований к оформлению. Это вызывает необходимость использования переводческих трансформаций. В связи с нехваткой специалистов со знанием азиатских языков перевод выполняется с английских субтитров. При работе переводчик должен сохранять единообразие терминов, учитывать культурные особенности, уметь транслитерировать имена на русский язык.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для обучения аудиовизуальному переводу и в практической деятельности аудиовизуального переводчика.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; субтитры; перевод субтитров; субтитрование; аниме; дорамы; сериалы

TRANSLATION OF SUBTITLES TO ASIAN FILMS AND TV SERIES

Y.A. Buzaeva, I.K. Zhernova

Background. *This issue is important today due to the growth of production in film industry and the necessity to translate Asian animes and doramas which are very popular among the Russian audience.*

Purpose. *The difficulties which a translator faces while working with subtitles to Asian films are analyzed.*

Material and methods. *The article studies the Netflix subtitle style-guide and doramas and animes, their distinctive features, the most famous directors and peculiarities of creating subtitles to them. It is the descriptive method that was used.*

Results. *Subtitles are in demand nowadays and this type of audiovisual translation is more economically advantageous than dubbing or voice-over. While creating subtitles one should consider a number of technical requirements, which lead to necessity to apply linguistic transformations. Given the lack of translators who know Asian languages the subtitles are translated from English into Russian. While working the translator should keep the consistency of terms and proper names, consider cultural features, transliterate names correctly.*

Practical implications. *The results received can be used in teaching audiovisual translation. The results can be of use for audiovisual translators.*

Keywords: *audiovisual translation; subtitles; subtitles translation; subtitling; animes; doramas; TV series*

Введение

Цель. Выявить особенности перевода субтитров применительно к аудиовизуальной продукции, произведенной в азиатских странах.

Актуальность. Исследования в области аудиовизуального перевода позволяют расширять теоретическую базу этой относительно новой области знания. Увеличение объема зарубежной кинопро-

дукции актуализирует вопрос качественного перевода. Специфика кино как вида искусства не позволяет рассматривать аудиовизуальный перевод в качестве подвида художественного, поскольку переводчик работает с контекстом, который формируется большим количеством каналов восприятия.

В аудиовизуальном переводе выделяют три способа воссоздания киноконтекста для получателя продукции: дублированный и закадровый перевод и субтитрирование. Выбор в пользу одного из видов перевода обусловлен рядом факторов: тип аудитории, форма проката (кинотеатр, трансляция по телевидению, просмотр на стриминговом сервисе), финансовые возможности правообладателя.

Строгие требования к оформлению субтитров накладывают существенные ограничения на переводчика, который вынужден значительно сокращать текст при переводе и прибегать к различного рода трансформациям. Подобные ограничения, связанные с ними сложности и переводческие подходы к переводу заслуживают внимания исследователей.

В настоящее время проблемой киноперевода занимаются как зарубежные, так и отечественные исследователи (Х. Синтас, Г. Андерман, А. Альварес Солер, А. Козуляев и др.).

Материалы и методы

В качестве материала исследования мы использовали стайлгайд одного из самых популярных кинотеатров «Netflix» и субтитры к азиатским сериалам. При анализе материала использовался описательный метод.

Результаты и обсуждение

В 21 в. мы становимся свидетелями стремительных изменений в культурной среде. Цифровизация трансформировала способ познания окружающей действительности, и мы наблюдаем, как современный человек всё реже посещает театр и библиотеку, но активно осваивает аудиовизуальный контент. Так, согласно данным Европейской аудиовизуальной обсерватории, в 2019 г. Россия заняла

первое место по количеству проданных билетов в кинотеатры среди европейских стран и стран, не входящих в Еврозону [14]. Такой факт свидетельствует о значительном росте интереса публики к художественным фильмам, в том числе иностранного производства.

На фоне общего роста кассовых сборов в кинотеатрах в мире прослеживается еще одна примечательная тенденция: значительный приток видеопроодукции из азиатских стран (Китай, Южная Корея, Япония). В 2021 г. мир наблюдал, какой фурор произвел южнокорейский сериал «Игра в кальмара», сочетавший в себе элементы боевика, драмы и триллера (реж. Хван Дон Хёк, 2021 г.). На стриминговой платформе «Netflix» всего за один месяц сериал посмотрели более 111 миллионов зрителей. В 2022 г. сервис планирует удвоить объем азиатской кинопродукции [5].

Поскольку в настоящее время наблюдается рост зрительского интереса к зарубежным фильмам и сериалам, особенно актуальной является необходимость своевременно предоставлять потребителю качественный перевод иноязычного контента. Кино по своей сути тесно граничит с различными видами искусства: литературой, живописью, музыкой. Киноперевод тоже представляет собой форму творческого выражения, где за основу берется режиссерское видение проблемы и актерское воплощение образа, а переводчик выполняет функцию культурного посредника между творческой группой и зрителями других стран, не знакомых с языком оригинала. Согласно Л.Н. Нехорошеву, в кино, в отличие от других видов искусства, изображение движется [8]. Задачей переводчика является не просто облечь слова в форму, но и передать то самое движение.

В отечественный лингвистический обиход термин «аудиовизуальный перевод» вошел совсем недавно. В большинстве случаев отечественные работы теоретического и прикладного характера посвящены изучению кино-/видеоперевода как особого вида переводческой деятельности по переводу кино [7]. Аудиовизуальный / мультимедийный перевод – это специализированная отрасль перевода, занимающаяся переводом мультимодальных и мультимедийных текстов на другой язык или культуру и предполагающая

использование мультимедийной электронной системы в процессе перевода или передачи [13].

Испанские исследователи в области аудиовизуального перевода Г. Андерман и Х. Синтас отмечают, что данному виду перевода свойственно восприятие через акустический и визуальный каналы, большое количество невербальных элементов и их синхронизация с вербальными, фиксированная последовательность изображений [12]. Специфика аудиовизуального произведения определяет его динамическую эквивалентность, то есть равенство эмоционального воздействия на зрителя, независимо от языка, на котором он смотрит фильм. А. Козуляев выделяет четыре потока информации, которые должен воспринять и обработать зритель: вербальный аудиоряд (то, что произносят персонажи), невербальный аудиоряд (шум, крики, песни, музыка и т.д.), вербальный образный ряд (декорации, внешний вид героев, сцены природы), вербальный видеоряд (вывески, знаки, надписи на экране, заголовки газет). Поскольку все эти четыре потока одновременно воспринимаются и обрабатываются зрителем, то они формируют целостную динамическую картину [4]. Учитывая, что кино предполагает взаимодействие вербального и невербального языка, ошибочно полагать, что перевод кино и сериалов сводится только к переводу реплик [1]. Об успешном переводе аудиовизуального произведения можно говорить, если реплика воспроизводит сюжетную функцию в рамках сцены, поскольку единицей перевода в данном случае является сцена, а не отрывок текста [3].

В среде современного поколения Z и предшествующего ему поколения Y процесс формирования языка происходит скорее всего через культуру сериалов и кино, чем через литературу. В России поколение Y родилось уже в цифровом мире – они являются сторонниками визуализации и свободы информации [6].

Аудиовизуальный перевод очень востребован, т.к. он распространяется на видеоигры, анимационные и художественные фильмы, рекламные ролики и т.д. Этот новый вид перевода открывает двери в мультимедийный мир, полный компьютерной графики,

сценической музыки, интересных персонажей и захватывающих сюжетов. При переводе кино выделяют субтитрирование, дублированный и закадровый перевод. В данных видах АВП языковой перенос информации может происходить между двумя языками (межъязычный) или в пределах одного языка (внутриязычный). В процессе изучения иностранного языка можно эффективно использовать как субтитры, так и озвучивание [9].

Дублирование (или дубляж) представляет собой «особую технику записи, позволяющую заменять звуковую дорожку фильма с записью оригинального диалога звуковой дорожкой с записью диалога на языке перевода, так и один из видов перевода» [2, с. 136]. Дубляж – это своеобразный вид цензуры, поскольку зритель на самом деле не может знать, что говорится в фильме и должен довериться переводчику [10, с. 447].

Особой популярностью у зрителей всех возрастов пользуются дорамы и аниме. Дорама – это японские сериалы. Название происходит от английского «drama», которое в Азии произносят именно «дорама». На японских каналах являются одними из самых рейтинговых передач. Несмотря на название, дорамы выпускаются в различных жанрах – романтика, комедия, детективы, ужасы и т.д. Также в русскоязычном фэндоме (от англ. fandom, букв. «сообщество фанатов» – это неформальное субкультурное сообщество, участники которого объединены единым интересом, связанными с произведениями искусства – пристрастием к определенному жанру, фильму, книге, сериалу и т.д.) дорамами называются корейские, китайские, тайваньские и гонконгские сериалы.

Дорамы появились в Японии после Второй мировой войны. После 2000 г. их популярность вышла за пределы стран Азии. Самыми яркими представителями дорам являются режиссеры Ким Хи Вон («Винченцо»), Чон Ги Сан («Мальчики краше цветов»), Квон Ён Иль («Однажды разрушение вошло в дверь моего дома»), Хван Дон Хёк («Игра в кальмара»), Хироки Хаяма («Код «Синий»»), Нобухиро Дои («Любовная потасовка»), Ким Джон Хён («Отель Дель Луна»), Стив Чэн («Неукротимый: Повелитель Чэньцин»), Чэн Чжи-

чао («Далекие странники»), Ли Ын Бок («Милый дом»), Ким ГюТхэ («Алые сердца: Корё»), Хан Хи («Императрица Ки»).

Аниме – это японская мультипликация. Главное отличие от мультипликации других стран – большая часть выпускаемой продукции рассчитана на подростковую и взрослую аудитории, и за счет этого имеет высокую популярность в мире. Аниме часто отличается характерной манерой рисовки персонажей и фонов. Издаётся в форме телевизионных сериалов, а также фильмов, распространяемых на видеоносителях или предназначенных для показа. Сюжеты могут описывать множество персонажей, отличаться разнообразием мест и эпох, жанров и стилей. Большая часть аниме-сериалов – это экранизация японских комиксов – манги, обычно с сохранением графического стиля и других особенностей.

История аниме берет свое начало в 20 в., когда японские режиссеры решились на первые эксперименты с техниками мультипликации, изобретенными на Западе. Основоположителем традиций современного аниме стал Осаму Тэдзука, часто называемый «богом аниме и манги». Тэдзука заимствовал у киностудии У. Диснея и развил манеру использования больших глаз персонажей для передачи эмоций; именно под его руководством возникали первые произведения, которые можно отнести к ранним аниме.

Самыми яркими представителями аниме являются такие режиссеры, как Осаму Тэдзука («Астробой», «Император джунглей»), ХаяоМиядзаки («Ходячий замок», «Мой сосед Тоторо», «Унесенные призраками»), Тэцуро Араки («Тетрадь смерти», «Атака титанов»), ХидэакиАнно («Евангелион»), МакотоСинкай («Твое имя», «5 сантиметров в секунду»), МаморуОсии («Призрак в доспехах»), Сатоси Кон («Идеальная грусть», «Агент паранойи»), СаёЯмамото («Юри на льду», «ЛюпенIII:Женщина по имени ФудзикоМинэ»), Коносукэ Уда («OnePiece»), ХаятоДатэ («Наруто»).

Япония – не единственная страна, где популярны аниме. Их также смотрят в Америке, России, Саудовской Аравии, южно-восточной части Азии (Китай, Таиланд, Сингапур и др.), Франции, Германии, Италии.

3 самыми крупными аниме сообществами являются «AniDub», «Аниме Наруто» и «Аниме». Эти сообщества насчитывают более 300 000 участников, Подписчики обсуждают сюжет, отношения персонажей, качество перевода. В «AniDub» фанаты обмениваются артами (от англ. art – «искусство»), это произведения поклонников по мотивам творчества их кумиров) из разных аниме: в «Аниме Наруто» – публикуются арты, мемы, видео и кадры из аниме, в «Аниме» – мемы, видео и кадры из аниме разных жанров.

Любое аниме можно посмотреть с субтитрами или в дублированном переводе. Это зависит от предпочтений зрителей, но субтитрование более выгодный в финансовом плане вариант. Озвучивание – это долгий процесс, который требует терпения и времени, потому что в переводе сериалов задействованы до нескольких десятков человек, переводчиков, редакторов, консультантов по истории и культуре и другие специалисты, а затем к работе приступают звукорежиссер и актеры.

Однако и при субтитровании имеются свои сложности. У каждой платформы, демонстрирующей художественные фильмы, сериалы, аниме и т.д., есть свои требования к оформлению субтитров («Кинопоиск», «Amazon», «Okko», «KION», «Netflix»). Так, одна из самых популярных в мире платформ «Netflix» устанавливает следующие требования к переводу субтитров на русский язык:

- имена собственные должны быть транслитерированы;
- нельзя использовать многоточие, когда предложение разделено на два субтитра, его нужно отделять запятой;
- многоточие можно использовать во время паузы или резкого прекращения речи, при этом его ставят в конце первой части предложения и в начале второй части;
- использовать дефис, за которым следует пробел, для обозначения двух говорящих в одном субтитре;
- шрифт – Arial, цвет шрифта – белый, размер шрифта – в зависимости от разрешения видео;
- можно использовать не более 39 символов в строке (однако символов в строке может быть еще меньше – это зависит от времени, которое субтитр находится на экране);

- важно учитывать показатель cps – characters per second (количество символов в секунду). Для взрослых фильмов и передач этот параметр равен 17, для детских – 13;
- субтитры на экране должны быть максимально сжаты, чтобы зритель успел прочесть их (максимум две строки);
- иностранные слова можно перевести или оставить на языке оригинала;
- курсивом выделяются голоса за кадром, диалоги, тексты песен, размышления персонажей. Названия книг, фильмов, магазинов и др. берутся в кавычки;
- числа от 1 до 10 пишутся по буквам, а числа больше 10 – цифрами. Цифрами также обозначаются даты, проценты, дроби и др.;
- в субтитрах для глухих действия, которые выполняют персонажи, например, кричит, плачет, смеется, ставятся в квадратные скобки;
- если в эпизоде персонаж исполняет песню, то между ее строками ставится знак «нота» (♪), Название песни не переводится. Песню можно переводить только при наличии разрешения правообладателя. В переводе не ставятся знаки препинания в конце строк;
- нельзя делать субтитры к названиям эпизодов, если они не отображены на экране или не озвучены [6].

Несмотря на то, что для перевода субтитров указаны все необходимые требования, все равно возникают некоторые трудности, с которыми сталкиваются переводчики.

Наиболее распространенными трудностями при переводе аниме являются:

- транслитерация имен собственных, так как звуки и буквы в азиатских языках отличаются от звуков и букв в русском языке: Laito – Райто (не Лайто), Kakashi – Какаси (не Какаши), Chiaki – Тиаки (не Чиаки), Seungmin – Сынмин (не Сеунгмин, Сёнгмин), Hyunjīn – Хёнджин (не Хюнджин), Myoung – Мён (не Мюнг);

- адекватная передача смыслов именных суффиксов, которые в японском языке играют социально-разграничительную роль: суффикс «-сан» используется для почтительного обращения к мужчине или женщине (господин / госпожа), суффикс «-тян» – уменьшительно-ласкательные суффиксы «-чка», «-енька»;
- использование слов японского происхождения, которые могут быть непонятны зрителю, далекому от этой культуры: саке (алкогольный напиток, похожий на водку), катана (меч), онрё (демон или злой дух), накама (друг, товарищ);
- знание вселенной: имена персонажей, объектов, топонимов, которые устоялись и привычны фанатскому сообществу (арка Ванго из «One Piece», деревня Сотоба из «Усопших», Люси Хартфилия из «Хвоста феи»).

При работе над фильмом или сериалом переводчик должен использовать различные трансформации. Так, ввиду существенного ограничения по символам и скорости чтения применяются сжатие информации, перенос, опущение. Важно сохранять единообразие при написании имен и переводе названий специфических явлений и объектов. Для этого команды переводчиков создают глоссарии, в который заносят не только имена персонажей, но и характер отношений между ними (кем они друг другу приходятся, обращаются на ты или на вы и т.д.).

Сейчас в Америку, Европу и Россию поступает все больше азиатской кинопродукции. Актуальной проблемой при переводе субтитров аниме и дорам является нехватка аудиовизуальных переводчиков со знанием японского, китайского и корейского языков. Помимо знания языка от переводчика требуется хорошее понимание специфики региона производства фильма. Субтитры к аниме и дорамам зачастую переводят с английского на русский, что выгоднее заказчику, и позволяет зрителю быстрее получить доступ к просмотру любимого сериала. Специалист со знанием азиатского языка в подобных проектах зачастую выступает в роли консультанта по языковым и культурным вопросам (правильная транслитерация имен и названий, разъяснение сложных моментов, не попавших в английские субтитры, пояснение культурной специфики).

Заключение

Аудиовизуальный перевод – один из самых востребованных видов в настоящее время. Субтитрование требует от переводчика не только знания иностранного языка, но и умения работать со стайл-гайдами, навыков командной работы, значительных познаний в области культуры страны, выпускающей кинопродукцию. При переводе субтитров необходимо обращать внимание на имена собственные, топонимы, объекты и предметы, культурные аспекты, устоявшиеся во вселенной аниме и дорам, консультироваться со специалистами по истории и культуре и фанатами, правильно транслитерировать имена, учитывать особенности целевой аудитории.

При создании субтитров переводчик сталкивается с целым рядом ограничений, которые требуют навыков использования переводческих трансформаций для сохранения смысла и передачи всех заложенных в киноконтексте смыслов.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. Альварес Солер А.А. Роль аудиовизуального перевода в обеспечении межкультурного и межкузыкового взаимодействия // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. №5. С. 185-191.
2. Горшкова В.Е. Перевод в кино: дублирование vs субтитры (на материале фильма Люка Бессона «Ангел А., Франция, 2005») // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. Вып.1. С. 135-140.
3. Зубкова Е.В. Достижение динамической эквивалентности при передаче реалий в аудиовизуальном переводе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 138-143.

4. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского нац. исслед. политехн. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 3-24.
5. Корейский феномен. Как уживаются Netflix и рынок азиатских телесериалов. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/leisuretime/articles/koreiskii-fenomen-kak-uzhivayutsya-netflix-i-rinok-aziatskih-teleserialov> (дата обращения: 15.10.2022)
6. Лебедева С.Д., Татаринцев Н.С. Аудиовизуальный перевод как основа формирования языковой культуры // Вестник магистратуры. 2019. № 6-4(93). С. 74-77.
7. Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2(12). С. 32-46.
8. Нехорошев Л.Н. Драматургия фильма. М: ВГИК, 2009. 177 с.
9. Рюкова А.Р. Аудиовизуальный перевод как инструмент обучения иностранным языкам // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 4. С. 1062-1067.
10. Сапожников И. Дубляж и закадровое озвучивание фильмов. М.: Звукорежиссер. 2004. 625 с.
11. Сычева Е.С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манги) // Вестник Московского университета. Сер. 22. 2015. № 1. С. 46-56.
12. Anderman G., Cintas J. Audiovisual Translation. Language Transfer on Screen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009, 269 p.
13. Baker M., Saldanha G. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2019, 704 p.
14. EU cinema attendance up by 5.5% in 2019, showing best result since 2004 URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/9iKCxBYgiO6S/content/eu-cinema-attendance-up-by-4-8-in-2019-showing-best-result-since-2004?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fwww.obs.coe.in

- t%2Fen%2Fweb%2Fobservatoire%2Fhome%3Fp_p_id%3D101_INSTANCE_9iKCxBYgiO6S%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3Dnormal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D3 (дата обращения: 20.10.2022)
15. Russian Timed Text Style Guide URL: <https://partnerhelp.netflixstudios.com/hc/en-us/articles/215346638-Russian-Timed-Text-Style-Guide> (дата обращения: 20.10.2022)

References

1. Al'vares Soler A.A. Rol' audiovizual'nogo perevoda v obespechenii mezhkul'turnogo i mezh'yazykovogo vzaimodeystviya [The role of audiovisual translation in establishing cultural and linguistic cooperation]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin], 2018, no. 5, pp. 185-191.
2. Gorshkova V.E. Perevod v kino: dublirovanie vs subtitry (na materiale fil'ma Lyuka Bessona «Angel A., Frantsiya, 2005») [Translation in films: dubbing vs subtitling (on the material of Luk Besson's film "Angle A", France, 2005)]. *Vestnik NGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication], 2007, no. 5, vol. 1, pp. 135-140.
3. Zubkova E. V. Dostizhenie dinamicheskoy ekvivalentnosti pri peredache realiy v audiovizual'nom perevode [Achieving dynamic equivalence in translating culture specific elements]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Chelyabinsk State Pedagogical University bulletin], 2017, no. 2, pp. 138-143.
4. Kozulyaev A.V. Obuchenie dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nykh proizvedeniy: opyt razrabotki i osvoeniya innovatsionnykh metodik v ramkakh shkoly audiovizual'nogo perevoda [Teaching how to achieve dynamic equivalence when translating audiovisual works: developing and application of innovative methods within the framework of the school of audiovisual translation]. *Vestnik Permskogo nats. issled. politekhn. un-ta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Perm National Polytechnical Institute bulletin. Linguistic Issues], 2015, no. 3(13), pp. 3-24.
5. Koreyskiy fenomen. Kak uzhivayutsya Netflix i rynek aziatskikh telese-rialov [Korean phenomenon. How Netflix and Asian TV series market

- get along]. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/leisuretime/articles/koreiskii-fenomen-kak-uzhivayutsya-netflix-i-rinok-aziatskih-teleserialov> (accessed October 15, 2022).
6. Lebedeva S.D., Tatarintsev N.S. Audiovizual'nyy perevod kak osnova formirovaniya yazykovoy kul'tury [Audiovisual translation as the base for linguistic culture]. *Vestnik magistratury* [Magistrature Bulletin], 2019, no. 6-4 (93), pp. 74-77.
 7. Malenova E.D. Teoriya i praktika audiovizual'nogo perevoda: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Theory and practice of audiovisual translation: domestic and international practices]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communicational Studies], 2017, no. 2(12), pp. 32-46.
 8. Nekhoroshev L.N. *Dramaturgiya fil'ma* [Drama of a film]. Moscow: VGIK, 2009, 177 p.
 9. Ryukova A.R. Audiovizual'nyy perevod kak instrument obucheniya inostrannym yazykam [Audiovisual translation as an instrument of teaching foreign languages]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bashkirskiy University Bulletin], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 1062-1067.
 10. Sapozhnikov I. *Dublyazh i zakadrovoye ozvuchivanie fil'mov* [Dubbing and voice-over]. Moscow: Zvukorezhisser Publ., 2004, 625 p.
 11. Sycheva E.S. Problema perevoda obrashcheniy i imennykh suffiksov v sovremennoy massovoy kul'ture Yaponii (na primere anime i mangi) [The problem of translation of vocatives and noun suffixes in Japanese mass culture (on the basis of anime and manga)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], Ser. 22, 2015, no. 1, pp. 46-56.
 12. Anderman G., Cintas J. Audiovisual Translation. Language Transfer on Screen. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009, 269 p.
 13. Baker M., Saldanha G. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2019, 704 p.
 14. EU cinema attendance up by 5.5% in 2019, showing best result since 2004. URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/9iKCxBYgiO6S/content/eu-cinema-attendance-up-by-4-8-in-2019-showing-best-result-since-2004?inheritRedirect=false&redirect=https%3A%2F%2Fwww.obs.coe.int%2Fen%2Fweb%2Fobservatoire%2Fhome%3Fp_p_id%3D101_IN-

STANCE_9iKCxBYgiO6S%26p_p_lifecycle%3D0%26p_p_state%3D-normal%26p_p_mode%3Dview%26p_p_col_id%3Dcolumn-1%26p_p_col_count%3D3 (accessed October 20, 2022).

15. Russian Timed Text Style Guide. URL: <https://partnerhelp.netflix-studios.com/hc/en-us/articles/215346638-Russian-Timed-Text-Style-Guide> (accessed October 20, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бузаева Яна Авалиевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13 г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
yanina05@inbox.ru

Жернова Ирина Константиновна, студент
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13 г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
IrenZhernova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yana A. Buzaeva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Translation and Translational Studies
Orenburg State University
13, Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
yanina05@inbox.ru
SPIN-code: 6238-2085
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1346>

Zhernova Irina Konstantinovna, student
Orenburg State University
13, Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
IrenZhernova@gmail.com

Поступила 14.11.2022

После рецензирования 05.12.2022

Принята 10.12.2022

Received 14.11.2022

Revised 05.12.2022

Accepted 10.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-72-84

УДК 81-25'373:811.161.1

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.А. Замяткина, Н.А. Белова

В статье рассматривается проблема понимания закономерностей возникновения неологизмов в современном английском языке, анализируются основные способы фиксирования постоянно изменяющегося мира в языковой реальности. В изменяющейся экстралингвистической действительности появляется потребность переосмысления существующих лексических единиц, и потому постоянное введение новых слов требует номинации в языковой системе.

Цель. *Целью исследования является теоретическое и практическое обоснование вопроса о причинах появления и специфики использования неологизмов в современном английском языке.*

Материалы и методы. *Практическим материалом для исследования послужили тексты периодических интернет-изданий и данные двуязычных и толковых словарей. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, описательный метод.*

Результаты. *В ходе исследования выявлены определённые закономерности появления и употребления современных неологизмов. Большая часть неологизмов появляется в тех сферах социальной жизни, которые переживают наиболее сильный подъём в медийной реальности. При этом способы образования новых единиц и способы их семантического наполнения подчиняются внутренним законам развития каждого отдельного языка. Можно сделать вывод, что основной причиной возникновения неологизмов является потребность в удовлетворении социально-коммуникативной необходимости в номинации новых слов.*

Область применения результатов. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения теоретических положений и практических выводов в лекционных курсах по лексикологии и стилистики английского языка, а также на практических занятиях по лексикологии.

Ключевые слова: неологизм; неологизация; экстралингвистическая реальность; деривация; глобализация; языковая действительность

NEOLOGISMS AS A REFLECTION OF CHANGES IN THE SOCIAL AND COMMUNICATIVE SYSTEM OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

A.A. Zamyatkina, N.A. Belova

The article deals with the problem of studying neologisms in the modern English language, the main ways of capturing the constantly changing world in linguistic reality are analyzed. In the changing extra-linguistic reality, there is a need to rethink existing lexical units, and therefore the constant maintenance of new words requires nomination in the language system.

Purpose. *The purpose of the study is a theoretical and practical substantiation of entering and functioning of neologisms in modern English.*

Materials and methods. *The practical material for the study was the texts of Internet periodical publications, data from bilingual and explanatory dictionaries. To achieve the research goal, the following methods of scientific research were used: analysis of scientific literature, continuous sampling method, method dictionary definition, descriptive method.*

Results. *The study is determined neologisms origin as well as the way they reinvigorate language. It was determined that over time many new words have entered common use due to developments in social and political life, science and culture. Most of the neologisms appear in those spheres of social life that are experiencing the strongest rise in media reality. At the same time, the ways of forming new words and the ways of their semantic content are already subject to the internal laws of language*

development. It can be concluded that the main reason for entering common use of neologisms is to satisfy the social and communicative needs.

Practical implications. *The results of the study can be used in the further study of the neologisms. The practical significance of this study lies in the using of theoretical and practical conclusions in lecture courses on the English language lexicology and stylistics of the English language, as well as in practical classes on lexicology.*

Keywords: *neologism; neologization; extralinguistic reality; derivation; globalization; linguistic reality*

Введение

В ходе исторического развития человечества менялась экстралингвистическая реальность: пересматривались как присущие каждой отдельной личности базовые ценности, моральные ориентиры, так и общественный строй, природный ландшафт и технологические характеристики. Каждое изменение находило отражение в языке, появление новых объектов или понятий было необходимо фиксировать с помощью изобретения новых слов, или расширения семантического значения уже существующих лексем.

Существует множество точек зрения на предмет изучения неологизмов и способов их образования. Процессы неологизации рассматриваются в работах Е.А. Мишутинской [6], Д.А. Ерастовой [4], Н.В. Федоровой [9], Л.И. Корнеевой [5], А.С. Гаврилюк [2]. Авторы рассматривают разные варианты трактовки понятия неологизма, причины их появления, стадии закрепления новых слов, а также словообразовательные особенности неологизмов.

Особый интерес к неологизации позволяет нам говорить об актуальности данного исследования, которая обусловлена постоянным пополнением словарного фонда языка в ответ на социально-экономические и политические изменения, развитие компьютерных технологий, новые условия жизни.

Целью исследования является теоретическое и практическое обоснование вопроса о причинах появления и специфики использования неологизмов в современном английском языке.

Способность образовывать новые слова – одна из ключевых особенностей каждого языка. Однако следует отличать словообразование от формообразования – в последнем с помощью средств языка образуется форма слова, по смыслу не отличающаяся от исходного слова, в то время как при словообразовании смысл слова, даже при наличии одинаковых морфем, будет разным. Различают несколько основных форм словообразования, или, используя другой термин, деривации.

Морфологический способ является одним из самых распространенных способов в силу уникальности образуемого слова при наименьших затратах лингвистических ресурсов, так как в нем используются уже существующие морфемы. Таким образом, с помощью, к примеру, аффиксации или сложения, образуются новые слова, обладающие явными признаками принадлежности к данному языку. Расхождение значения слова на омонимы относят к лексико-семантическому способу словообразования. Интересен такой тип словообразования, как конверсия. Она характерна для английского языка и заключается в переходе одной части речи в другую. Многие английские глаголы образуют существительные, к примеру, глагол «to display» (отображать, показывать) и существительное «display» (монитор). Лексико-синтаксический способ заключается в соединении в одну лексическую единицу сочетания слов.

Способы образования новых слов не только характеризуют особенности строения определенного языка, но и в некоторой степени определяют ментальность народа, пользующегося данным языком. При появлении нового предмета или понятия человеку необходимо изучить его характеристики, понять его связь с остальными предметами окружающего мира, а также дать собственную оценку, сделанную на основе выводов, полученных при изучении. Зачастую именно отношение человека к предмету или понятию формирует его смысловую наполненность, а значит, влияет и на название. Все процессы, происходящие в мире и обществе, получают номинацию на лексическом уровне языка, потому что именно он отражает реальность в языковой действительности.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили тексты периодических интернет-изданий, данные двуязычных и толковых словарей. Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, описательный метод.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном мире проблема образования новых слов стоит особенно остро. Множество факторов влияют на развитие существующих языков. Так, благодаря глобализации кругозор каждого человека стал шире, многие понятия, присущие ранее только одной культуре, преобразились и стали универсальными. Если раньше основными объединяющими факторами могли считаться территориальная близость, язык и религия, то сейчас культура не ограничена ничем, кроме открытости или, наоборот, консервативности представителей данной культуры.

Глобализация также поставила необходимость выбора универсального языка общения – таковым стал английский. Именно вследствие такого исторического развития в этом языке стало появляться множество новых слов, как заимствованных, так и созданных для описания специфических явления современной жизни, называемых неологизмами.

Из-за роста количества неологизмов необходимо было дать определение этому понятию, однако до сих пор ведутся споры о наиболее правильной и отражающей суть дефиниции. В разных словарях существуют разные определения термина «неологизм».

Так, в одном из наиболее полных лингвистических словарей – Лингвистическом энциклопедическом словаре – представлено следующее определение: «неологизмы (от греч. *neos* – новый и *logos* – слово) – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [11, с. 331].

Лингвист И.Р. Гальперин понимает под неологизмами «любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на данном этапе его развития или обозначающие новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, новых условий жизни, социально-политических изменений и т.д., или выражающие новыми словами, созданными в целях эмоционально стилистических, уже существующие понятия» [3, с. 76].

В зарубежной лингвистике дается такое определение: “neologism: a new word, usage or expression” [14]; “néologisme – the habit of forming new words, a newly formed word”, from néologie “coining of new words” (from néo- NEO- + -logie -LOGY) + -isme –ISM” [Там же]; “a new word or expression or a new meaning of a word” [16].

Во всех определениях можно выделить схожие черты. В них подчеркивается творческий характер неологизма – это всегда продукт появления нового слова либо расширения его значения. В определении, данном лингвистическим энциклопедическим словарем, также прослеживается окказиональность некоторых неологизмов, но это применимо, скорее, к авторским неологизмам и устойчивым выражениям, чем к неологизмам, зафиксированным в словарях.

П. Ньюмарк выделяет следующие типы неологизмов: старые лексические единицы с новыми значениями, новые слова, производные слова, аббревиатуры, эпонимы, словосочетания, переведенные слова, акронимы и псевдонеологизмы [15].

В настоящее время среди появляющихся неологизмов преобладают единицы первого типа, аббревиатуры и заимствованные слова. Реже встречаются эпонимы. В культуре масс-медиа и социальных сетях подобные образования появляются достаточно часто, однако быстро выходят из употребления, так как для эпонимов очень важен контекст, хотя некоторые слова закрепляются в языке, например, глагол “to Meghan Markle”, обозначающий способность сохранить свое ментальное здоровье, уходя из среды, в которой вас не ценят (“ability to preserve your own mental wellbeing by bailing from an environment that doesn’t value you”) [17].

Рассматривая области появления и в особенности употребления современных неологизмов, можно выделить некоторые закономерности.

Большая часть неологизмов появляется в тех сферах социальной жизни, которые переживают наиболее сильный подъем в медийной реальности. Чем более резонансным становится явление или событие, повлекшее за собой появление неологизма, тем выше цитируемость нового слова, соответственно, оно станет частью узуса данного языка (либо нескольких языков, если событие освещалось в разных странах).

Можно выделить несколько основных семантических сфер, в которых появляются неологизмы. Одной из самых быстроразвивающихся сфер можно назвать компьютерные технологии. Наука всегда была предрасположена к созданию новых слов, этого требует специфика научно-исследовательской деятельности, однако компьютерные технологии достигли принципиально новой скорости развития – термины появляются практически ежедневно. Чаше всего неологизмы в данной среде появляются благодаря расширению значения уже существующих слов. Таковы многие термины в веб-дизайне: “hover” от глагола, переводящегося как «парить» и означающего изменение состояния элемента в дизайне при наведении курсора, или “mask”, чей прямой перевод означает «маска», но в дизайне это одна из функций, позволяющая скрывать или менять объекты.

Социальные сети можно было бы отнести к компьютерным технологиям, если бы не особенности сленга, посредством которого осуществляется коммуникация. Неологизмы, появляющиеся в социальных сетях, могут носить как уже общепринятый характер, так и существовать в форме окказионализмов. Тем не менее ядро данного типа неологизмов составляют номинации, отражающие социально-политическую жизнь, равно как и антропоцентрические характеризующие слова (например, слово “facepalm” используется для того, чтобы выразить эмоцию неодобрения или стыда). Отдельно стоит выделить аббревиатуры и сокращения. В английском языке заметна тенденция сокращать многие слова и выражения, порой используя для этого не только буквы и цифры, но и визу-

альные символы, такие как эмодзи. Сокращения особенно широко используются в социальных сетях, где существует ограничение на количество знаков в постах и в мессенджерах. Так, в сети “Twitter” существуют такие сокращения, как “QT” от “cutie”, что можно перевести как «милый», “F8” от “fate”. Такие выражения популярны в достаточно узкой среде, тогда как некоторые, к примеру, “ASAP” (“as soon as possible”), употребляется даже в деловой переписке.

Социально-экономическая лексика наравне с политической менее подвержена радикальным изменениям, однако неологизмы появляются и в этих областях. Чаще всего они связаны с активизмом, различными социальными движениями и изменениями в геополитической картине мира. В последние годы одним из самых цитируемых неологизмов был “Brexit”, образованный от слов “Britain” и “exit”. Этим термином обозначили не только само событие выхода Великобритании из Европейского союза, но и различные политические, экономические и культурные феномены, с этим связанные.

Неологизмы возникают и благодаря изменению рутины человека, реалий. Такие слова тесно связаны с проникновением технологий в повседневную жизнь, однако они характеризуют не саму технологию, а отношение человека к ней либо то, как она меняет быт и характер существования. Также нельзя не отметить большое количество слов, касающихся сферы межличностных и сексуальных отношений, а также гендерных номинаций.

Язык, описывающий отношения с окружающими и самим собой, постоянно меняется по мере того, как общество переосмысляет исторические установки и социальные роли, например, появляются слова, характеризующие новые типы отношений (“bromance” – близкие отношения без романтического подтекста между людьми, не являющимися родственниками), а также отношение общества к ним (“transphobia” – иррациональный страх и чувство неприязни по отношению к трансгендерным людям). Некоторые существующие термины приобретают новую коннотацию – так, слово “masculine” чаще употребляется в ситуациях, когда «маскулинность» характеризует ситуацию негативно.

Заключение

Каждое изменение в определенной сфере общественной жизни неизбежно приводит к последующим изменениям в других сферах, что отражается в структуре языка, особенно на лексическом уровне. Очевидно, что невозможно отследить все неологизмы, появляющиеся в английском языке, и проанализировать их для дальнейшей классификации, однако характерные особенности позволяют выделить их в определенные группы, связанные со сферой появления и употребления данных слов. Однако очень важно следить за изменением социального и культурного контекста, для того чтобы верно идентифицировать неологизмы и переводить их, используя подходящую лексику в родном языке.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Гаврилюк А.С. Неологизмы английского языка как отражение изменений социальных отношений в XXI веке // БГЖ. 2021. № 2(35). С. 239-242. <https://doi.org/10.26140/bgз3-2021-1002-0063>
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. 462 с.
4. Ерастова Д.А. Неологизмы и способы их образования в английском языке // Лингвокультурология, 2019. № 13. С. 80-86.
5. Корнеева Л.И. Теоретико-методологические основы подготовки лингвистов-переводчиков в вузе: Монография; под общ. ред. Л. И. Корнеевой. Екатеринбург: УрФУ, 2016. 288 с.

6. Мишутинская Е.А., Пономаренко Л.Н. О способах образования неологизмов в современном английском языке // Таврический научный обозреватель. 2017. № 7(24). С. 68-72.
7. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с.
8. Скороходова Е.Ю., Щеголева М.М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5. С. 73-78.
9. Федорова Н.В. Неологизмы и тенденции их словообразования в современном английском языке (на материале текстов СМИ) // Litera. 2018. №2. С. 216-225.
10. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. Москва: АСТ-Пресс, 2017. 571 с.
11. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская Энциклопедия», 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/#15> (дата обращения: 29.10.2022)
12. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus // Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 5.10.2022).
13. Inopressa. URL: <https://www.inopressa.ru/> (дата обращения: 27.10.2022).
14. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 1.11.2022)
15. Newmark P.A. Textbook of Translation. URL: [http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20\(1\).pdf](http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20(1).pdf) (дата обращения: 29.10.2022)
16. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 5.11.2022).
17. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/jan/24/to-meghan-markle-verb-how-to-use-it> (дата обращения: 30.10.2022)

References

1. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow: FLINTA: Nauka, 2012, 376 p.

2. Gavrilyuk A.S. Neologizmy angliyskogo yazyka kak otrazhenie izmeneniy sotsial'nykh otnosheniy v XXI veke [Neologisms of the English language as a reflection of changes in social relations in the 21st century]. *BGZh* [Baltic Humanities Journal], 2021, no. 2(35), pp. 239-242. <https://doi.org/10.26140/bgzh3-2021-1002-0063>
3. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the stylistics of the English language]. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1958, 462 p.
4. Erastova D.A. Neologizmy i sposoby ikh obrazovaniya v angliyskom yazyke [Neologisms and ways of their formation in English]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2019, no. 13, pp. 80-86.
5. Korneeva L.I. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy podgotovki lingvistov-perevodchikov v vuze* [Theoretical and methodological foundations for the training of linguists-translators at the university]: Monograph. Yekaterinburg: UrFU, 2016, 288 p.
6. Mishutinskaya E.A., Ponomarenko L.N. *O sposobakh obrazovaniya neologizmov v sovremennom angliyskom yazyke* [On the ways of forming neologisms in modern English]. *Tavricheskii nauchnyy obozrevatel'* [Tauride Scientific Observer], 2017, no. 7(24), pp. 68-72.
7. Nikitina T.G. *Molodezhnyy sleng: tolkovyy slovar': ok. 20 000 slov i frazeologizmov* [Youth slang: explanatory dictionary: approx. 20,000 words and phraseological units]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2009, 1102 p.
8. Skorokhodova E.Yu, Shchegoleva M.M. *Rol' i upotreblenie neologizmov v sovremennykh SMI* [The role and use of neologisms in modern media]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences], 2016, no. 5, pp. 73-78.
9. Fedorova N.V. *Neologizmy i tendentsii ikh slovoobrazovaniya v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale tekstov SMI)* [Neologisms and consideration of their word formation in English (based on media texts)]. *Litera*, 2018, no. 2, pp. 216-225.
10. Shagalova E.N. *Slovar' noveyshikh inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: AST-Press Publ., 2017, 571 p.

11. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* '[Linguistic encyclopedic dictionary]. *Sovetskaya Entsiklopediya* Publ., Moscow, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/#15> (accessed October 29, 2022).
12. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. *Cambridge Dictionaries Online*. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed October 05, 2022).
13. Inopressa. URL: <https://www.inopressa.ru/> (accessed October 27, 2022).
14. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed November 01, 2022).
15. Newmark P.A. Textbook of Translation. URL: [http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20\(1\).pdf](http://ilts.ir/Content/ilts.ir/Page/142/ContentImage/A%20Textbook%20of%20Translation%20by%20Peter%20Newmark%20(1).pdf) (accessed October 29, 2022)
16. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed November 05, 2022).
17. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/jan/24/to-meghan-markle-verb-how-to-use-it> (accessed October 30, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Замяткина Алена Алексеевна, студент 3 курса

Оренбургский государственный университет

пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
zamyatkinaa@yandex.ru

Белова Наталья Александровна, доцент кафедры теории и практики перевода, кандидат филологических наук, доцент

Оренбургский государственный университет

пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
natalya.belova.83@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alyona A. Zamyatkina, 3-year undergraduate in Philology

Orenburg State University

*13, Prospekt Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russian Federation
zamyatkinaa@yandex.ru*

Natalya A. Belova, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Department of Theory and Practice of Translation
*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russian Federation
natalya.belova.83@bk.ru
SPIN-code: 1208-8315
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3195-8030>*

Поступила 14.11.2022

После рецензирования 07.12.2022

Принята 10.12.2022

Received 14.11.2022

Revised 07.12.2022

Accepted 10.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-85-95

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИТЕТОВ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ

А.В. Люлина, А.Л. Паляева

В статье рассмотрены особенности перевода эпитетов в рекламных текстах детских товаров, обусловленные необходимостью правильной передачи манипулятивного интенционального посыла. Эпитет рассматривается авторами статьи как актуализатор мишеней манипуляции массовым реципиентом, используемый продуцентами текста для достижения нужного перлокутивного эффекта. В качестве основных мишеней манипуляции реципиентами рекламных текстов детских товаров обозначаются витальные потребности человека, его родительский инстинкт и базовые эмоции. Целью статьи является выявление основных особенностей перевода эпитета в текстах рекламы товаров для детей как актуализатора соответствующих мишеней манипуляции. Актуальность настоящей статьи заключается в недостаточной изученности механизмов выбор стратегии перевода рекламного текста с точки зрения поиска интенциональных эквивалентов на всех уровнях составляющих его манипулятивных актов.

Обоснование. Для получения максимально эквивалентного и адекватного варианта перевода текстов с доминирующей манипулятивной интенцией (в том числе и рекламных текстов товаров для детей) необходим детальный поуровневый анализ манипулятивных речевых актов данных текстов для выделения соответствующих актуализаторов мишеней манипуляции массовым реципиентом, которыми в текстах рекламы товаров для детей часто являются эпитеты.

Цель. В статье выявлены и рассмотрены особенности перевода эпитетов в рекламных текстах детских товаров с точки зрения

их функционирования в данных текстах в качестве актуализаторов определенных мишеней манипуляции массовым реципиентом.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил корпус текстов рекламы различных товаров для детей, размещенных на официальных сайтах данных товаров в сети Internet. В исследовании использовались интенциональный анализ и переводческий анализ текста.

Результаты. Результаты исследования заключаются в том, что подтверждена роль эпитета как средства актуализации соответствующих мишеней манипуляции массовым реципиентом в тексте рекламы товаров для детей. Было показано, что сохранение интенционального содержания переводного рекламного достигается с помощью использования эпитетов, актуализирующих те же мишени манипуляции, что и в исходном тексте: родительский инстинкт, базовые эмоции, ожидание осуществления социального идеала. Сохранение интенционального смысла исследуемых текстов становится при этом одним из основных требований к переводчику.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания практического курса перевода в вузах, а также при составлении практических рекомендаций по переводу рекламных текстов.

Ключевые слова: рекламный текст; эпитет; манипулятивная интенция; мишень манипуляции; массовый реципиент

PECULIARITIES OF EPITHETS TRANSLATION IN THE ADVERTISING TEXTS FOR CHILDREN'S GOODS

A.V. Lyulina, A.L. Palyaeva

The article deals with the peculiarities of epithets translation in the advertising texts for children's goods which are determined by the necessity of correct manipulative intentional message rendering. Epithets are regarded by the authors of the article as actualizers of mass recipients' manipulation targets which are used by text producers for nec-

essary perlocutionary effect achieving. Human vital needs, some basic emotions and parental instinct are specified as basic mass recipients' manipulation targets. The goal of the article is to reveal the main peculiarities of epithets translation in the advertising texts for children's goods being the actualizers of certain manipulation targets. The article is relevant as studying of translation strategy of advertising texts from the point of view of their intentional equivalents on all the speech act levels is not widely studied yet.

Background. *Thorough level by level analysis of the manipulative speech acts of advertising texts is necessary for achieving equivalent and adequate variants of manipulative texts translations through revealing certain manipulation targets actualizers which are epithets.*

Purpose. *Peculiarities of epithets translation in the texts of advertising goods for children are revealed and studied in the article. Epithets are regarded in the article as specific manipulation targets actualizers which function in the advertisements.*

Materials and methods. *The material of the study is a bulk of the advertising texts for children's goods which are posted on the official websites of these goods on the Internet. Intentional analysis and translation analysis of the text are used in the study.*

Results. *As a result of the study the role of epithets as a significant means of actualizing certain mass recipient manipulation targets in the texts of advertising goods for children was proved. The results show that preservation of the translated advertising text content is achieved through using epithets which actualize the same targets of manipulation as in the original text: parental instinct, basic emotions and the anticipation of the social ideal realization. This preservation of intentional message in the texts under study becomes one of the main skills of a translator or interpreter.*

Practical implications. *The results of the study can be used while teaching practice of translation in the universities and in the process of preparing recommendation on advertising texts translation.*

Keywords: *advertising text; epithet; manipulative intention; manipulation target; mass recipient*

Введение

Цель. Выявить и проанализировать особенности перевода эпитетов в рекламных текстах детских товаров с точки зрения их функционирования в данных текстах в качестве актуализаторов определенных мишеней манипуляции массовым реципиентом.

Актуальность. Известно, что рекламные тексты, функционирующие в пределах соответствующего вида дискурса, обладают высоким манипулятивным потенциалом: основным перлокутивным эффектом, планируемым их продуцентом, являются покупка и использование массовым реципиентом рекламируемых товаров и услуг. Достижение данного эффекта является результатом реализации последовательности манипулятивных речевых актов со скрытой манипулятивной интенцией.

Согласно А.В. Антоновой, манипулятивный речевой акт является сложным образованием, состоящим из трех основных интенциональных уровней [5, с. 18]: информативного, отражающего какой либо факт реальной действительности [12, р. 187]; собственно коммуникативного, имплицитно или эксплицитно выражающего интенцию продуцента по отношению к данному факту [15, р. 301]; персуазивного, представляющего собой убеждение реципиента в искренности собственно коммуникативной интенции продуцента. При этом информативный компонент реализует актуализацию мишеней манипуляции за счет сообщения информации, релевантной для реципиента с точки зрения определенных неконтролируемых или плохо контролируемых реакций: базовых эмоций, инстинктов, не подлежащих сомнению стереотипов и традиционных представлений.

Анализ определенного корпуса текстов рекламы товаров для детей показывает, что информативные компоненты манипулятивных речевых актов, из которых состоят данные сообщения, содержат определенные речевые актуализаторы мишеней манипуляции массовым реципиентом [3, с. 89] (часто используемыми мишенями манипуляции в текстах рекламы товаров для детей являются родительский инстинкт [9, с. 135], ожидание осуществления социально-

го идеала [11, с. 46] и некоторые базовые эмоции [4, с. 16]). Данные актуализаторы являются ключевыми знаками рекламного сообщения – центрами семантического притяжения, своеобразными узлами ассоциативно-семантической (ассоциативно-вербальной) сети, вокруг которых группируются другие единицы сообщения [10, с. 90], а также знаками сообщения, несущими основную смысловую нагрузку, обозначающими признак, состояние или действие [2, с. 65]. Данные актуализаторы – чаще всего (но не всегда) это однолексемные единицы с соответствующим значением – могут выступать в роли номинанта планируемого перлокутивного эффекта или ассоцианта с ним (т.е. обозначать стимул для соответствующей ассоциации). Изучение информативного компонента манипулятивных речевых актов, реализуемых в текстах рекламы товаров для детей, позволяет нам сделать вывод о том, что наиболее эффективным актуализатором соответствующих мишеней манипуляции покупателем является эпитет.

Эпитет – троп, помогающий слову обрести красочность и особый смысл [8], а также подчеркнуть особенности товара, на которые хочет обратить автор текста [7, с. 213]. Он, несомненно, обладает высоким манипулятивным потенциалом и является одним из основных средств реализации манипулятивной интенции рекламного текста.

Сложность перевода эпитета в рекламных текстах заключается в возможной утрате его интенционального посыла.

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что в настоящее время выбор стратегии перевода рекламного текста с точки зрения поиска интенциональных эквивалентов на всех уровнях составляющих его манипулятивных актов изучен недостаточно.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил корпус текстов рекламы различных товаров для детей, размещенных на официальных сайтах данных товаров в сети Internet. В исследовании использовались интенциональный анализ и переводческий анализ текста.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим особенности перевода эпитетов как актуализаторов определенных мишеней манипуляции массовым реципиентом на примере некоторых текстов рекламы товаров для детей.

а) В рекламном тексте настольной игры «Моя первая Монополия» было выявлено 24 интенционально значимых эпитета: buying (3), trading (4), speed (3) board (5), family, quick, distinctive (4), playing, deed, chance, community (2), quick-playing, matching (3), fast (4), simple (2), fun (5), easy, property, budding, teaching (2), counting (2), playing, little, exiting. Можно сделать вывод, что данные эпитеты можно разделить на определенные группы: это актуализаторы, обозначающие такие качества, как «увлекательный», «быстрый», «особый», «покупающий», «обучающий», «легкий» и «подсчитывающий», направленные на такие мишени манипуляции массовым реципиентом, как родительский инстинкт, базовая эмоция доверия, базовая эмоция доверия, базовая потребность в получении знаний об окружающем мире.

Чаще всего в рекламе анализируемой настольной игры можно встретить эпитет fun (найдено пять употреблений). Нами было выявлено четыре варианта интенциональной передачи данного актуализатора в русском тексте. В первых двух случаях он был переведен как *забавный*, в двух других – *увлекательный*. «Увлекательный» в отношении к игре используется в смысле развития способностей и инициатив ребенка и совершенствования игровой деятельности. Он может так же переводиться на русский язык, как *веселый, доставляющий радость, развлекательный, интересный, занимательный, замечательный*. Все эпитеты, встречающиеся в данном рекламном тексте, доказывают, что детские настольные игры серии Джуниор не только развлекают детей, но и помогают в освоении простой математики, подсчетов, чтения, сопоставления. Они развивают логическое мышление, реакцию, интуицию, и память (данная информация актуализирует соответствующие мишени манипуляции реципиентами текста – соответствующие витальные потребности и инстинкты) [13, p. 70].

В ходе перевода на русский язык все данные эпитеты также можно передать эпитетами. Сохранение данных единиц при переводе обусловлено стремлением передать эмоциональную окраску и интенциональный смысл текста оригинала [6, с. 9].

Необходимо отметить, что в рекламных текстах товаров для детей эпитет может применяться для сравнения товаров и описания их преимуществ [1, с. 43], что позволяет реализовать персуазивный компонент манипулятивной интенции и актуализировать нужные мишени.

При этом в соответствующих манипулятивных речевых актах эпитеты, выступающие в роли актуализаторов соответствующих мишеней манипуляции, могут использоваться в сравнительных и превосходных формах.

Приведем пример использования сравнительной степени прилагательного в слогане компании по производству детских товаров личной гигиены Pampers:

b) *We're committed to playing our part in creating a brighter future for every baby* – Мы стремимся внести свой вклад в создание светлого будущего для каждого ребенка.

В английском варианте прилагательное используется в форме сравнительной степени, чтобы усилить манипулятивный эффект и убедить покупателя в выгоде от покупки рекламируемого товара (актуализируются мишени манипуляции «родительский инстинкт», «ожидание осуществления социального идеала»). На русский язык данный эпитет передается без степени сравнения, поскольку выражение «светлое будущее» имеет равнозначный интенциональный посыл и не нуждается в дополнительном усилении.

Заключение

На основании вышеизложенного можно выделить необходимые требования, предъявляемые к переводчикам в процессе перевода эпитетов с целью интенционального соответствия тексту на исходном языке:

а) переводчик должен четко передавать полноту и адекватность рекламного текста, исходя из его стилистических особенностей;

б) переводчик обязан соблюдать основные правила перевода для исходного и переводящего языка, то есть соблюдать грамотность и ясность мысли при осуществлении перевода (избегать наличия ошибок в переводе и правильно соотносить нормы речи на двух языках);

с) переводчик должен сохранять интенциональный посыл текста, используя для его передачи соответствующие актуализаторы мишеней манипуляции в тексте перевода.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования России – гранта в форме субсидии на проведение мероприятий, направленных на развитие студенческих научных сообществ в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» для реализации проекта Оренбургского государственного университета «Студенческий научный центр „Я С.Н.О.“» (соглашение № 075-15-2022-1051 от 01.06.2022).

Список литературы

1. Ананич М.И. Основы рекламной деятельности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сиб. ун-т потребит. кооперации, 2001. 87 с.
2. Андреев О.А., Хромов Л.Н. Техника быстрого чтения. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
3. Антонова А.В. Актуализация мишеней манипуляции посредством лексем-номинантов и лексем-ассоциантов в текстовом типе предвыборной агитационной речи // В мире научных открытий. 2010. № 5(11). С. 88-91.
4. Антонова А.В. О видах мишеней манипуляции в политическом дискурсе // Наука и эпоха: монография. Книга 1. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 7-27.
5. Антонова А.В. Речевая манипуляция в предвыборном агитационном дискурсе Великобритании. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2011. 368 с.
6. Веселовский А.Н. Из истории эпитета // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 59-75.
7. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Едиториал УРСС, 2020. 280 с.

8. Скнуарев Д.С. Эпитет как средство создания образа товара в рекламном дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18108> (дата обращения: 20.09.22)
9. Фет А.И. Инстинкт и социальное поведение. М.: Сова, 2005. 652 с.
10. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Науч. ред. и предисл. Н.Д. Голева. Изд. 3-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 296 с.
11. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
12. Bratman M. Intention, Plans and Practical Reasoning. Harvard University Press, Cambridge: MA, 1987. 212 p.
13. Lyulina A.V. Direct nomination as means to actualize manipulation targets of mass recipients in the political discourse // Современный ученый, 2017. Т. 2, № 1. С. 70-72.
14. Lyulina A.V. Basic emotions as specific group of manipulation targets in political discourse // Culture and Civilization, 2017. №7(3A), pp. 87-94.
15. Sperber D., Wilson D. Relevance, Communication and Cognition. Blackwell, 1986. 326 p.

References

1. Ananich M.I. *Osnovy reklamnoj dejatel'nosti* [Fundamentals of advertising]. Novosibirsk: Sibirsky universitet potrebitelskoy kooperatsii, 2001, 87 p.
2. Andreev O.A., Hromov L.N. *Tehnika bystrogo chtenija* [Speed reading technique]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1991, 160 p.
3. Antonova A.V. Aktualizacija mishenej manipuljacji posredstvom leksem-nominantov i leksem-associantov v tekstotipe predvybornoj agitaцionnoj rechi [Actualization of targets of manipulation by means of lexemes-nominees and lexemes-associates in the text type of pre-election propaganda speech] *V mire nauchnyh otkrytij* [In the World of Scientific Discoveries], 2010, no. 5(11), pp. 88-91.
4. Antonova A.V. O vidah mishenej manipuljacji v politicheskom diskurse [On the types of targets of manipulation in political discourse]. *Nauka i*

- jepoha: monografija* [Science and Epoch: Monograph]. Vol. 1. Voronezh: VGPU, 2010, pp. 7-27.
5. Antonova A.V. *Rechevaja manipuljacija v predvybornom agitacionnom diskurse Velikobritanii* [Speech manipulation in the UK pre-election campaign discourse]. Moscow: OOO IPC «Maska» Publ., 2011, 368 p.
 6. Veselovskij A.N. *Iz istorii epiteta* [From the history of the epithet]. *Istoricheskaja pojetika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989, pp. 59-75.
 7. Medvedeva E.V. *Reklamnaja kommunikacija* [Advertising communication]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2020, 280 p.
 8. Sknarev D.S. *Jepitet kak sredstvo sozdanija obraza tovara v reklamnom diskurse* [Epithet as a means of creating an image of a product in advertising discourse]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18108> (accessed September 20, 2022)
 9. Fet A.I. *Instinkt i social'noe povedenie* [Instinct and social behavior]. Moscow: Sova Publ., 2005, 652 p.
 10. Chernyshova T.V. *Teksty SMI v mental'no-jazykovom prostranstve sovremennoj Rossii* [Media texts in the mental-linguistic space of modern Russia]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ., 2009. 296 s.
 11. Grushin B.A. *Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija* [Mass consciousness: an experience of definition and research problems]. Moscow: Politizdat Publ., 1987, 368 p.
 12. Bratman M. *Intention, Plans and Practical Reasoning*. Harvard University Press, Cambridge: MA, 1987, 212 p.
 13. Lyulina A.V. Direct nomination as means to actualize manipulation targets of mass recipients in the political discourse. *Sovremenniy ucheniy* [Modern Scientist], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 70-72.
 14. Lyulina A.V. Basic emotions as specific group of manipulation targets in political discourse. *Culture and Civilization*, 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 87-94.
 15. Sperber D., Wilson D. *Relevance, Communication and Cognition*. Blackwell, 1986, 326 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Люлина Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460013, Российская Федерация
aavvmt@mail.ru

Паляева Ангелина Любомировна, студент
Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, 460013, Российская Федерация
angelina.palyaeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Lyulina, Cand. Ph. (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Practice of Translation
Orenburg State University
13, Pobedy Av., Orenburg, Orenburg region, 460013, Russian Federation
aavvmt@mail.ru

Angelina L. Palyaeva, student
Orenburg State University
13, Pobedy Av., Orenburg, Orenburg region, 460013, Russian Federation
angelina.palyaeva@mail.ru

Поступила 14.11.2022
После рецензирования 06.12.2022
Принята 19.12.2022

Received 14.11.2022
Revised 06.12.2022
Accepted 19.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-96-116

УДК 81'372(045)

**ПРИРОДА СИНОНИМИИ:
НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ
РАЗЛИЧИЙ, ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ И ЗОНЫ
СЕМАНТИЧЕСКИХ ВИБРАЦИЙ**

И.М. Некипелова

***Обоснование.** Существуют различные подходы к исследованию синонимов. Среди них особое внимание занимают концепции нейтрализации семантических различий и взаимозаменяемости синонимов. Оба подхода направлены на выявление синонимов и на определение возможностей их семантического сближения, поскольку словарное толкование синонимов, позволяющее увидеть позиции нейтрализации семантических различий синонимов, и минимальный контекст, позволяющий определить позиции взаимозаменяемости синонимов, направлены на установление факта синонимических отношений между словами. Однако анализ развернутых контекстуальных условий употреблений синонимов показывает, что семантическая нейтрализация и взаимозаменяемость – явления практически недостижимые. На месте ожидаемой нейтрализации наблюдаются семантические колебания, определяющие смысловое наполнение контекста и формирующие зоны семантических вибраций.*

***Цель.** Статья посвящена определению и разграничению понятий нейтрализация семантических различий, взаимозаменяемость и зоны семантических вибраций, раскрывающих природу синонимических отношений.*

***Результаты.** Термин зоны семантических вибраций позволяет рассматривать синонимы не только как сближающиеся единицы, но и как единицы, отдаляющиеся друг от друга, что раскрывает разнонаправленную природу синонимических отношений. В завершение исследования был сделан вывод, что нейтрализация и взаи-*

мозаменяемость – термины, определяющие сближение синонимов, зоны вибрации – термин, определяющий их расхождение. Термин зоны семантической вибрации необходимо использовать для выявления семантической динамики, меняющейся от контекста к контексту, и семантической дистанции между синонимами. Границы между двумя лексическими единицами зачастую представляет собой точки соприкосновения, формирующие переходные зоны от границ одной единицы к границам другой единицы. Таким образом, следует утверждать, что, даже имея уникальное лексическое значение, синонимы не отделяются друг от друга чёткими границами, а при определенных условиях как бы постепенно переходят друг в друга, что даёт возможность постулировать принцип семантической непрерывности.

Ключевые слова: *нейтрализация семантических различий; взаимозаменяемость синонимов; зоны семантических вибраций; семантическая динамика; актуализация значений; природа синонимических отношений*

THE NATURE OF SYNONYMY: NEUTRALIZATION OF SEMANTIC DIFFERENCES, INTERCHANGEABILITY AND ZONES OF SEMANTIC VIBRATIONS

I.M. Nekipelova

Background. *There are various approaches to research synonyms. Among them, particular attention is paid to the concepts of neutralizing semantic differences and interchangeability of synonyms. Both are aimed at identifying synonyms and determining the possibilities of their semantic convergence? because the dictionary interpretation of synonyms, allowing you to see the positions of neutralization of the semantic differences of synonyms, and the minimum context, and allowing you to determine the positions of interchangeability of synonyms, are aimed at establishing the fact of synonymous relations between words. However, an analysis of the detailed contextual conditions for the use of synonyms*

shows that semantic neutralization and interchangeability are practically unattainable phenomena. In place of the expected neutralization, are observed semantic fluctuations that determine the semantic content of the context and formed zones of semantic vibrations.

Purpose. *The article is devoted to the definition and differentiation of the concepts of neutralization of semantic differences, interchangeability and zones of semantic vibrations, revealing the nature of synonymous relations.*

Results. *The term “zones of semantic vibrations” allows us to consider synonyms not only as units approaching, but also as units moving away from each other. This process reveals the multidirectional nature of synonymic relations. At the end of the study, it was concluded that neutralization and interchangeability are terms that define the convergence of synonyms, while vibration zones is a term that defines their distance. The term “zones of semantic vibration” must be used to identify semantic dynamics that change from context to context, and the semantic distance between synonyms. The boundaries between two lexical units, often represent points of contact that form transitional zones, from the boundaries of one unit to the boundaries of another unit. Thus, it should be argued that synonyms that have a unique lexical meaning are not separated from each other by clear boundaries. Under certain conditions, they seem to gradually pass into each other, which makes it possible to postulate the principle of semantic continuity.*

Keywords: *neutralization of semantic differences; interchangeability of synonyms; zones of semantic vibrations; semantic dynamics; actualization of meanings; nature of synonymic relations*

Введение

Язык представляет собой открытую диссипативную систему, все единицы которой вовлечены в отношения, составляющие открытую динамическую языковую сеть. Одним из важных аспектов взаимодействия языковых единиц в границах этой сети являются отношения синонимии. Природа синонимии имеет сложный характер, поскольку представляет собой механизм формирования усло-

вий функционирования языковых единиц, который противоречит ограничениям, наложенным на язык. Одним из таких ограничений является запрет на существование единиц, полностью совпадающих в лексическом, семантическом и стилистическом отношениях одновременно. Если учитывать тот факт, что с точки зрения функционирования в языке и речи синонимами являются языковые единицы, связанные между собой не опосредованными, а непосредственными отношениями контекстуальной взаимозаменяемости, то следует утверждать противоречивую природу их взаимодействия.

Постановка проблемы, методы и материалы исследования

В целом считается, что в синонимические отношения вступают слова, которые тяготеют друг к другу в семантическом плане вплоть до их практически полного совпадения. В этих случаях принято говорить о нейтрализации семантических различий – теории, методологической основой которой послужил фоносемантический метод Н.С. Трубецкого [15], лёгший в основу разработки теории текста. Однако исследование семантической природы синонимов не исчерпывается этой концепцией, поскольку она имеет односторонний характер: учитывая тяготение синонимов друг к другу, эта концепция не учитывает механизмы отталкивания синонимов друг от друга. В связи с этим приходится утверждать, что исследование природы синонимических отношений требует более глубокого и детального изучения. Именно этим обусловлена актуальность изучения точек лексико-семантического совпадения и разведения единиц, связанных синонимическими отношениями, и условий их взаимодействия. Эти точки разнонаправленного семантического взаимодействия синонимических единиц были определены нами как зоны семантической вибрации.

Статья является частью исследования, направленного на изучение природы синонимических отношений посредством выявления условий контекстуального сближения и различения синонимов в зонах семантических вибраций. Цель исследования – выявление условий и механизмов пересечения значений и коннотаций сино-

нимических единиц, а также разграничение понятий *нейтрализация семантических различий*, *взаимозаменяемость* и *зоны семантической вибрации* в отношении языковых единиц, составляющих синонимические ряды.

Предметом исследования являются лексические единицы синонимического ряда *портмоне – бумажник – кошелёк*, анализ взаимосвязи которых проводится на основании языковых данных, зафиксированных в словарях, а также речевых данных, представленных в конкретных речевых условиях – контекстах; объектом – семантические отношения слов исследуемого синонимического ряда в зонах семантической вибрации.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей и тексты произведений Л. Улицкой, на материале которых определяются в результате сплошной выборки позиции употребления слов искомого синонимического ряда и анализ случаев их употребления.

В исследовании используются методы языкового, контекстуального и дистрибутивного анализа.

1. Нейтрализация семантических различий и взаимозаменяемость синонимов

1.1. Теоретические аспекты выявления нейтрализации семантических различий синонимов и их взаимозаменяемости

Явление семантической нейтрализации актуально прежде всего для языковых единиц, вступающих в отношения синонимии, то есть, как определяет Ю.Д. Апресян, таких лексических единиц, «семантические различия между которыми в ряде позиций нейтрализуются»: «Попытка совместить естественное представление о синонимии как семантическом тождестве с представлением о синонимах как словах, которые могут отличаться друг от друга по значению, привела к концепции нейтрализации семантических различий синонимов в строго определенных позициях, задаваемых семантическими, лексическими, синтаксическими и иными признаками» [3].

Таким образом, Ю.Д. Апресян указывает на то, что для признания двух или более слов синонимами необходимо иметь в распоряжении исчерпывающее описание значений слов данного языка, то есть данные толкового словаря. В связи с этим предложено считать синонимами лишь «такие сходные по значению слова, различия между которыми способны нейтрализоваться» [3]. Исходя из этого понимания, А.П. Евгеньева [8] и М.И. Фомина [16] выделяют синонимы на основе единства лексического значения двух или более слов и различия их коннотативного значения, а это значит, что для слов, составляющих синонимический ряд, должна быть позиция, приводящая к нейтрализации их семантических различий.

В современной науке существует мнение, что процесс нейтрализации семантических различий синонимов достаточно хорошо исследован и известен как «внутрисистемная ликвидация фонологических, категориально грамматических, в том числе синтаксических, а также лексических противопоставлений в слабой позиции» [3]. Однако исследования, посвященные выявлению позиций нейтрализации семантических различий синонимов и изучению их механизмов, показывают, что явление нейтрализации не так однозначно и требует дополнительного и более глубокого изучения.

Современные исследования взаимодействия синонимических единиц в тексте показывают, что не для всех синонимов возможно достижение нейтрализации их семантических различий. Кроме того, на основании некоторых отдельных исследований можно утверждать, что синонимы способны преодолевать нейтрализацию и порождать новые значения. Так, С.В. Пискунова под нейтрализацией понимает процесс, при котором синонимы «полностью или частично отражают процесс взаимодействия в языковой системе, порождения текста нескольких единиц, совпадающих в одной позиции при восприятии формы произведения, что приводит к устранению различий и рождению нового смысла» [14, с. 164]. Она также упоминает о явлении «блокировки семантической нейтрализации в тексте», выполняющей текстообразующую роль, и говорит, что синонимы полностью или частично отражают процесс взаимо-

действия в языковой системе и порождают текст, совпадая в одной позиции при восприятии формы произведения, что приводит к устранению различий и рождению нового смысла [14, с. 165]. Этот процесс, как мы считаем, указывает на стремление синонимов к преодолению нейтрализации их семантических различий и к выходу за ее пределы.

В исследовании природы синонимических отношений необходимо также учитывать и точку зрения, например, Г.О. Винокура, который говорит, что настоящие синонимы можно найти лишь в соответствующем словаре, в то время как в речи такие единицы, как *дорога* и *путь*, всегда четко различаются [5, с. 85]. Это понимание породило контекстуальный подход к выявлению слов, связанных синонимическими отношениями. С точки зрения контекстуальных употреблений синонимов используется термин *взаимозаменяемость*, который так же, как и нейтрализация, рассматривается в качестве критерия синонимии [2]. Л.М. Панченко пишет об этом так: «Возникновение критерия взаимозаменяемости явилось следствием поисков научной основы для установления факта лексической синонимии. Некоторые французские исследователи считают взаимозаменяемость ведущим критерием при определении и выявлении синонимов и в рамках данного подхода исходят из морфо-семантической природы слов, их окружающих, из контекста, из сочетаемости изучаемого слова» [13, с. 164]. Считается, что «эти две концепции противостоят друг другу» [Там же, с. 165]. Однако здесь необходимо говорить не столько об их противопоставлении, сколько о несовпадении. Обе концепции, по нашему убеждению, выражают смежные подходы к исследованию природы синонимических отношений, поскольку и концепция нейтрализации семантических различий синонимов, и концепция их контекстуальной взаимозаменяемости направлены на выявление точек сближения слов, вступающих в синонимические отношения. Сближение синонимов может происходить также и через выявление доминанты синонимического ряда, основывающееся также на сопоставлении лексических значений синонимов [7; 12; 17], что сближает этот

метод с методами нейтрализации и взаимозаменяемости. В то же время эти методы не являются совпадающими, поскольку, опираясь на слова Е.В. Падучевой, которая отмечает, что в случаях взаимозаменяемости не всегда возникает тождество смысла [11, с. 219-220], можно утверждать, что взаимозаменяемость синонимов в контексте не всегда приводит к нейтрализации их семантических различий.

1.2. Нейтрализация семантических различий слов синонимического ряда портмоне – бумажник – кошелёк и позиции их взаимозаменяемости

Используя представленные концепции сближения синонимов, проведем лексико-семантический анализ слов, составляющих синонимический ряд *портмоне – бумажник – кошелек*, и выявим позицию их семантической нейтрализации и возможность их взаимозаменяемости в контексте.

В Большом толковом словаре русского языка [4] синонимический ряд *портмоне – бумажник – кошелёк* представлен следующим образом: *портмоне* [франц. *porte-monnaie*] – это ‘кошелёк, бумажник’ (*класть деньги в портмоне; портмоне с деньгами*); *бумажник* – это ‘мужской плоский складывающийся книжечкой кошелёк с несколькими отделениями для бумажных денег, документов и т.п.’ (*кожаный бумажник; носить деньги в бумажнике*); *кошелёк* – это ‘мешочек или карманная сумочка для денег’ (*рыться в кошельке; потерять кошелёк с деньгами; толстый, полный кошелёк у кого-л. тощий, пустой к. у кого-л.*), а также в результате метонимической деривации ‘деньги, достаток’ (сопровождается пометой «разговорное») и в сочетании в прилагательными ‘тот, кто обладает большими деньгами’ (*толстый кошелёк*) или ‘тот, кто у кого недостаточно денег’ (*пустой кошелёк*). В целом структурные конвергенции внутренней семантики исследуемых слов определяют матрицы значений, делающие возможным взаимопонимание, необходимое для сближения синонимов. Сопоставление представленных в словаре лексических значений исследуемых слов позволяет говорить о следующем:

1) с точки зрения определения словарных дефиниций все три слова связаны между собой отношениями синонимии, что подтверждается совпадением их значений – предмет ‘для денег’, хотя более точным описанием было бы ‘для ношения денег’;

2) представленная синонимическая связь характеризуется отсутствием стилистических различий, что выражается в отсутствии стилистических помет в отношении исходного значения всех слов представленного синонимического ряда;

3) если придерживаться концепции выявления доминант, слово *портмоне* следует считать доминантой в представленном синонимическом ряду, поскольку его значение даётся отсылкой к словам *бумажник* и *кошелёк*, следовательно, оно вбирает в себя всё, что заложено в двух других словах;

4) семантический объем слова *кошелёк* больше семантического объема слов *портмоне* и *бумажник*, поскольку оно имеет созначения и может обозначать не только предмет, предназначенный для ношения денег, но и человека, который обладает или не обладает деньгами;

5) все синонимы имеют семантические различия: *кошелёк* – это предмет, использующийся для ношения как купюр, так и монет, *бумажник* – это предмет мужского гардероба, использующийся для ношения бумажных денег, *портмоне* – это предмет, использующийся и мужчинами, и женщинами для ношения всех видов денег – бумажных и металлических; правда, в Активном словаре русского языка *бумажник* дается в значении ‘небольшой плоский складной предмет из кожи или пластика с отделениями, предназначенный для хранения бумажных денег, банковских карт и документов, который можно носить в кармане’ [1, с. 382], в котором исключена принадлежность исключительно к мужскому гардеробу, что сближает слова *портмоне* и *бумажник*;

6) у слов синонимического ряда *портмоне* – *бумажник* – *кошелёк* есть зоны семантического пересечения, в которых предположительно может происходить нейтрализация семантических различий и реализация их взаимозаменяемости; это значит, что в целом все

слова исследуемого синонимического ряда могут быть взаимозаменяемыми в одном контексте, например: *Он убрал деньги в портмоне / бумажник / кошелёк.*

Однако подобная взаимозаменяемость возможна только в условиях минимального контекста. Очутившись в более широком контексте, слово начинает выполнять функцию смыслообразования текста, что приводит к невозможности ситуаций взаимозаменяемости синонимов и невозможности их семантического равноправия, сопровождающегося нейтрализацией семантических различий. Из этого следует, что ни тот, ни другой метод не могут в полной степени раскрыть природу синонимических отношений.

2. Зоны семантической вибрации синонимов

2.1. Теоретические основы выявления зон семантических вибраций синонимичных слов

Говоря о том, что нейтрализация имеет достаточно сложную структуру, не укладывающуюся в понимание взаимозаменяемости языковых единиц, мы исходим из факта, что расширение семантического объема слова может быть представлено как внутренний семантический процесс, который заключается в появлении у слова созначений и коннотаций, и как внешний семантический процесс, реализующийся в формировании типичного или нетипичного контекстуального окружения слова. Внутренний семантический процесс формирует языковое лексическое значение слова, которое фиксируется в словаре и представляет собой узнаваемую всеми носителями языка семантику слова. Внешний семантический процесс расширения объема слова реализован двумя векторами: 1) от слова к тексту и 2) от текста к слову. Первый вектор представляет собой употребление слова в соответствующем ему контексте, который наиболее полно соответствует значению слова, в котором оно должно быть употреблено. Формирование контекста направлено на актуализацию той или иной коннотации слова для того, чтобы произошло его семантическое раскрытие. Всё вместе – слово, употребленное в свойственном ему значении, и свойственный для него

контекст – направлено на смыслообразование текста, именно поэтому мы говорим о семантическом пути «от слова к тексту». Второй вектор погружает слово в новый для него контекст, не противоречащий его лексическому значению, но выводящий его на уровень семантического расширения.

Те же процессы характерны и в употреблении синонимичных слов, при этом при пресечении значений и коннотаций синонимов создаются позиции нейтрализации семантических различий, то есть такие позиции, в которых синонимы могут быть взаимозаменены без семантических помех и искажений. Поэтому для выявления семантического пресечения слов необходимо обращаться к данным словарей, сопоставляя значения словарных дефиниций. Понятие семантической нейтрализации, на наш взгляд, становится актуальным прежде всего для выявления синонимов и фактического подтверждения наличия между ними синонимических отношений.

Однако, когда синонимы оказываются в контекстуальных условиях, понятие нейтрализации семантических различий теряет свою силу, поскольку представляет собой своего рода округление семантического наполнения слова до большего показателя без учета семантических различий, заложенных в нем. Оказываясь в одинаковых или смежных контекстах, синонимы начинают реализовывать свою природу, проявляясь как в сходствах, так и в различиях. Следовательно, здесь необходимо говорить не о конкуренции синонимов, когда два или более слова могут быть употреблены в одном и том же контексте без изменения его смысла, а об их специализации, когда замена одного синонима другим изменяет смысловую наполненность текста. В этом случае мы говорим о формировании зон семантических вибраций, то есть таких контекстуальных условий вступления во взаимодействие синонимов, в которых происходит семантическая специализация синонимов за счет актуализации одних их коннотаций и дезактуализации других: «Таким образом, формируется лексико-семантическая сеть с размытыми границами и зонами вибрации – зонами перехода значения от одной языковой единицы к другой» [10, с. 125]. В зонах вибрации создаются усло-

вия для сближения синонимов, происходящего за счет актуализации объединяющих их коннотаций, и условия для их расхождения, образующегося за счет актуализации различающих эти слова коннотаций. Синонимические отношения в этом плане предстают в виде «семантической сети со множественными зонами вибрации» [Там же, с. 118]. В этом отношении концепция существования семантических зон вибрации синонимических единиц не противоречит идее «порождения значений через различия», выраженной во многих современных научных исследованиях [18-22], а сами зоны вибрации создают «зону ближайшего развития» слова [6, с. 220], которая предшествует концептуализации. Именно поэтому в исследовании синонимической природы необходимо обращаться к расширенным контекстам, поскольку «живое отклонение от лингвистической матрицы, нужно искать внутри самого языка» [9, с. 159].

Граница между синонимами представляет собой точки соприкосновения, формирующие переходные зоны от границ одной единицы к границам другой единицы. В этом отношении мы можем трактовать семантический ареал как непрерывное семантическое целое или семантический континуум, в котором можно выделить следующие зоны:

1) центральная зона – это смысловое ядро языковой единицы, присущее только ей и отличающее её от других единиц, где точки расхождения имеют ярко выраженный характер;

2) зоны вибрации – это зоны, общие для синонимов, с одной стороны, различающие, а с другой, будучи точками совпадения, сближающие их.

Следовательно, зоны семантической вибрации – это семантическое пространство, в котором семантические вибрации представлены как незначительные семантические колебания, допустимые условиями контекста. Эти зоны противопоставлены семантическому ядру слова, то есть той части его семантики, которая категорически отличает его от других, сопоставляемых с ним слов. При сохранении узнаваемости языковых единиц создаются условия их условной взаимозаменяемости, что обусловлено необходимостью

более точного выражения авторской мысли за счёт отнесения «вибрирующей», то есть актуальной или неактуальной коннотации, к основному значению слова. При этом возникают условия, в которых нейтральная позиция, объединяющая две лексические единицы одними контекстуальными условиями, выдвигает на первый план семантическую значимость избранной говорящим языковой единицы, делая её основное значение приоритетным. Эти процессы, в свою очередь, способствует расширению семантического объёма слова и, как следствие, развитию языка.

Зонами вибрации мы называем эти ситуации потому, что, по нашему мнению, в них реализуется не нейтрализация семантических различий, а зона перехода, перетекания от одной языковой единицы к другой, зона выбора, когда выбор говорящего неслучаен. Эти зоны можно назвать также диффузными, поскольку они имеют нечёткий, расплывчатый, неопределённый характер и влияют на восприятие контекста.

2.2. Выявление зон семантических вибраций слов синонимического ряда портмоне – бумажник – кошелёк в контекстуальных условиях

Приведём примеры употребления слов синонимического ряда *портмоне – бумажник – кошелёк*, создающих во взаимодействии зоны семантических вибраций, в текстах Л. Улицкой, в которых методом сплошной выборки были отобраны все употребления искомых слов.

Слово *портмоне* употреблено один раз: *«И тогда он вынул из какого-то затейливого, вышитого индийскими женщинами портмоне стодолларовую бумажку и стал извиняться за своего друга, который вечно шалит, и он не заметил, как тот решил подиутить со мной... Это он говорил по-голландски, но я все поняла»* (Л. Улицкая «Люди нашего царя»). Контекст показателен с той точки зрения, что, выбирая из всех синонимов, писательница склоняется к выбору слова *портмоне* неслучайно. Её выбор обоснован семантической разницей, которую проявляются исследуемые слова, отталкиваясь друг от друга

при попадании в контекст. Слово *портмоне* здесь выбрано потому, что оно 1) заимствованное, а в тексте речь идет об иностранце, 2) иностранец богат, 3) герой достает купюру, а не монеты.

Слово *бумажник* было встречено нами два раза: «*Отец торжественно вынул бумажник – он тоже, как и мама, любил солидные вещи, не по достатку. Он дал нам денег. Думаю, что это было всё, что у них оставалось*» (Л. Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик»); «*Наконец он достал распадающийся надвое бумажник, вынул из него любительскую фотографию и предъявил Евгению Николаевичу*» (Л. Улицкая «Второе лицо»). В обоих случаях 1) речь идет о бумагах – деньгах и фотографии, 2) героем является мужчина, 3) при этом герой не отличается финансовой состоятельностью. Выявляется позиция, определяющая разницу в употреблении писательницей слов *портмоне* (его обладателем является богатый иностранец) и *бумажник* (им обладает небогатый соотечественник), – финансовый и социальный статус героя, которому принадлежит вещь. Именно характеристика становится приоритетной.

Два раза было встречено и слово *кошелёк*: «*Был с ней красный бархатный кошелёк с двумя царскими червонцами...*» и «*...осталась лежать ее одежда – вложенная в черный подрясник белая рубашка, апостольник, женский головной убор монахини, принятый у христиан восточного обряда, да красный бархатный кошелёк*» (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого»). Особенность выбора этого слова их ряда других обусловлена следующим: 1) героем является женщина, 2) речь идет не о бумажных деньгах конкретно, а о деньгах вообще. Видно, что слово *кошелёк* оказывается в больше степени противопоставленным словам *портмоне* и *бумажник*, чем эти же слова между собой. Однако все эти языковые единицы связаны семантически в точках соприкосновения – общего для них лексического значения «вещи, используемой для ношения денег» и связаны семантически непрерывной синонимической связью.

Таким образом, мы видим, насколько точным является выбор писательницы нужного слова из синонимического ряда *портмоне – бумажник – кошелёк* для каждого из контекстов. Этот выбор играет

смыслообразующую роль контекста за счет тех коннотаций синонимов, которые актуализированы в контекстуальном окружении.

В целом анализ употребления слов синонимического ряда *портмоне – бумажник – кошелёк* показал, что 1) взаимозаменяемость синонимов имеет условных характер, а замена одного синонима другим изменяет или искажает смысл контекста; 2) в результате контекстуального расхождения взаимодействующих в языковом отношении слов реализуются разнонаправленные синонимические отношения, которыми эти слова связаны; 3) в контекстах нет условий для осуществления нейтрализации семантических различий, поскольку, достигнув максимально возможного, но не полного семантического сближения, синонимы начинают отдаляться друг от друга.

Заключение

Проведенное исследование, направленное на разграничение понятий *нейтрализация семантических различий, взаимозаменяемость* и *зоны семантической вибрации* синонимов, позволило сделать следующие выводы:

1. Нейтрализация предстает не только как ситуация лексических противопоставлений в слабой позиции, но и как выявление зон семантического пересечения лексических значений слов. Именно поэтому появляется возможность говорить о том, что нейтрализация – это не точка достижения словами семантического равноправия, а выявление общности и разности закрепленных в языке и зафиксированных в словаре значений синонимов.

2. Термин нейтрализация актуален для выявления синонимов, однако семантическое наполнение текста зависит от семантического представления слова в контексте, что создает зоны вибрации допустимого и возможного семантического варьирования употребленной лексической единицы в противопоставление с другой единице. В этом случае семантика одного слова как бы перетекает в семантику другого, не поглощая его. В результате семантических колебаний в зонах вибрации между синонимами возникает семан-

тическая дистанция, являющаяся одновременно связью между ними. Существование зон вибрации направлено одновременно как на сближение языковых единиц и формирование условий их пересечения, так и на их отдаление друг от друга, делая каждое из слов синонимического ряда уникальным.

3. Зоны вибрации не могут быть описаны через понятия семантической нейтрализации и взаимозаменяемости, поскольку достаточно редко возникают ситуации, когда действительно происходит нейтрализация коннотаций двух разных языковых единиц, то есть такое их употребление, когда они действительно являются абсолютно заменяемыми, а контекст, при смене одной единицы другой единицей не претерпевает никаких изменений. Следовательно, нейтрализация и взаимозаменяемость – термины сближения синонимов, зоны вибрации – термин их расхождения.

4. Выявление точек семантического соприкосновения зафиксированных в словарях языковых единиц, связанных между собой отношениями синонимии, представляет собой семантическую статистику, а контекстуальных актуальных значений – семантическую динамику.

5. При сохранении узнаваемости языковых единиц создаются условия их взаимозаменяемости, что способствует развитию языка, расширению его общего семантического объёма и более точному выражению авторской мысли за счёт отнесения «вибрирующей» коннотации к основному значению слова. Следовательно, возникают условия, при которых нейтральная позиция, объединяющая несколько синонимических единиц одними контекстуальными условиями, на первый план выдвигает семантическую значимость избранной говорящим языковой единицы, признавая ее приоритетность.

6. Граница между двумя лексическими единицами зачастую представляет собой одну или несколько точек соприкосновения, формирующих переходные зоны от границ одной единицы к границам другой единицы. Таким образом, следует утверждать, что, даже имея уникальное лексическое значение, синонимы не отделяются

друг от друга чёткими границами, а при определенных условиях как бы постепенно переходят друг в друга, что даёт возможность постулировать принцип семантической непрерывности. Отдельная языковая единица как множество созначений и коннотаций образуется семантический ареал, внутри которого устанавливаются внутренние семантические границы и отношения с другими языковыми единицами. В этом отношении мы можем трактовать семантический ареал как непрерывное семантическое целое или семантический континуум.

Список литературы

1. Активный словарь русского языка. Т. 1 (А–Б) / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.
2. Алиева Т.К., Урtenова Э.Н. К проблеме дифференциации синонимии и вариантности слова в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 66-69.
3. Апресян Ю.Д. Лексические синонимы // Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 216-248.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
5. Винокур Г.О. Проблемы культуры речи // Русский язык в советской школе. № 5. М.: Работник просвещения, 1929. С. 82-92.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Соцэкгиз, 1934. 326 с.
7. Денисов Ю.Н. О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Выпуск 2 (118). 2013. С. 169-173.
8. Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 5-22.
9. Масскальк М., Берназ О. Субъективность и нормативность: ранний советский структурализм // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 155-170.

10. Некипелова И.М., Минасян С.М. Особенности нетиповой интериоризации осложнённых многозначностью омонимов неродного языка (на примере соотношения слова «предложение» с соответствующими ему словами в английском языке и языке йоруба) // Cuadernos de Rusística Española, 17, 2021, pp. 117-133. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21054>
11. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 272 с.
12. Палевская М.Ф. Проблема синонимического ряда, его границ и возможности выделения доминанты // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 94-104.
13. Панченко Л.М. Основные подходы к определению синонимических отношений в лексике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. С. 163-165.
14. Пискунова С.В. Нейтрализация семантических оппозиций в поэтическом тексте // Вестник ТГУ. Выпуск 12 (104), 2011. С. 684-689.
15. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
16. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1990. 415 с.
17. Хантакова В.М. Синонимический ряд как соотношение континуального и дискретного в языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2008. №1 (1). С. 1-9.
18. Angermuller J. Analyse du discours poststructuraliste: Les voix du sujet dans le langage chez Lacan, Althusser, Foucault, Derrida, Sollers. Limoges: Lambert-Lucas, 2013, 160 p.
19. Bert J.-F., Lamy J. Résonances des structuralismes. Résonances des structuralismes, Paris, Archives contemporaines, 2016, 220 p.
20. Joseph J.E. The Exportation of Structuralist Ideas from Linguistics to Other Fields: An Overview // History of the Language Sciences. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2, pp. 1880-1908.
21. Milner J.-C. Le périple structural. Figures et paradigmes. Paris: Verdier, 2008, 384 p.
22. Sériot P. Structure et totalité. Limoges: Lambert-Lucas, 2012, 340 p.

References

1. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Vol. 1 (A–B). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014, 408 p.
2. Alieva T.K., Urtenova E.N. K probleme differenciacii sinonimii i variantnosti slova v karachaevo-balkarskom yazyke [To the problem of differentiating the synonymy and variability of the word in the Karachay-Balkarian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 2017, no. 1 (67): in 2 parts. Part 2, pp. 66-69.
3. Apresyan Yu.D. Leksicheskie sinonimy [Lexical synonyms]. *Izbrannye trudy. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Lexical Semantics]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1995, pp. 216-248.
4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large interpretive dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2014, 1536 p.
5. Vinokur G.O. Problemy kul'tury rechi [Problems of speech culture]. *Russkij yazyk v sovetskoj shkole* [The Russian Language in the Soviet School], 1929, no. 5, pp. 82-92.
6. Vygotsky L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Socetkgiz Publ., 1934, 326 p.
7. Denisov Yu.N. O nekotoryh podhodah k probleme vydeleniya dominanty sinonimicheskogo ryada [On some approaches to the problem of isolating the dominant of the synonymous series]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities], 2013, no. 2 (118), pp. 169-173.
8. Evgenyeva A.P. Sinonimicheskie i paradigmaticheskie otnosheniya v russkoj leksike [Synonymic and paradigmatic relations in Russian vocabulary]. *Sinonimy russkogo yazyka i ih osobennosti* [Synonyms of the Russian Language and their Features]. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 5-22.
9. Maesschalck M., Bernaz O. Sub'ektivnost' i normativnost': rannij sovetskij strukturalizm [Subjectivity and normativity in the early soviet russian structuralism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2018, vol. 55, no. 1, pp. 155-170.

-
10. Nekipelova I.M., Minasyan S.M. Osobennosti netipovoj interiorizacii oslozhnyonnyh mnogoznachnost'yu omonimov nerodnogo yazyka (na primere sootnosheniya slova «predlozhenie» s sootvetstvuyushchimi emu slovami v anglijskom yazyke i yazyke joruba) [Problems of atypical interiorization of multi-valued omonyms of the non-native language (based on the relation of the word “предложение” to its corresponding words in english and yoruba)]. *Cuadernos de Rusística Española*, 2021, 17, pp. 117-133. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21054>
 11. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu: Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij* [Statement and its correlation with reality: Reference aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1985, 272 pp.
 12. Palevskaya M.F. Problema sinonimicheskogo ryada, ego granic i vozmozhnosti vydeleniya dominanty [The problem of the synonymous series, its boundaries and the possibility of allocating dominants]. *Leksicheskaya sinonimiya* [Lexical Synonymy]. Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 94-104.
 13. Panchenko L.M. Osnovnye podhody k opredeleniyu sinonimicheskikh otnoshenij v leksike [The main approaches to the definition of synonymic relations in vocabulary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2006, pp. 163-165.
 14. Piskunova S.V. Nejtralizaciya semanticheskikh oppozicij v poeticheskom tekste [Neutralization of semantic opposition in the poetic text]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 2011, issue 12 (104), pp. 684-689.
 15. Trubetskoy N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: Aspect Press Publ., 2000, 352 p.
 16. Fomina M.I. *Sovremennyy russkij yazyk. Leksikologiya* [Modern Russian. Lexicology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990, 415 p.
 17. Khantakova V.M. Sinonimicheskij ryad kak sootnoshenie kontinual'nogo i diskretnogo v yazyke [Synonymic set as a continuum and discrete relationship in language]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Philological Review], 2008, no. 1 (1), pp. 1-9.

18. Angermuller J. *Analyse du discours poststructuraliste: Les voix du sujet dans le langage chez Lacan, Althusser, Foucault, Derrida, Sollers*. Limoges: Lambert-Lucas Publ., 2013, 160 p.
19. Bert J.-F., Lamy J. *Résonances des structuralismes. Résonances des structuralismes*, Paris, Archives contemporaines, 2016, 220 p.
20. Joseph J.E. The Exportation of Structuralist Ideas from Linguistics to Other Fields: An Overview. *History of the Language Sciences*. Berlin: Walter de Gruyter, Vol. 2, 2001, pp. 1880-1908.
21. Milner J.-C. *Le périple structural. Figures et paradigmes*. Paris: Verdier, 2008, p. 384.
22. Sériot P. *Structure et totalité*. Limoges: Lambert-Lucas, 2012, 340 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Некипелова Ирина Михайловна, кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного
*Ижевский государственный технический университет им.
М. Т. Калашникова*
ул. Студенческая, 7, г. Ижевск, 426069, Российская Феде-
рация
irina.m.nekipelova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina M. Nekipelova, Cand. Phil. (Philology), Head of the Department
«Russian as a Foreign Language»
Kalashnikov Izhevsk state technical university
7, *Studencheskaya Str, Izhevsk, 426033, Russian Federation*
irina.m.nekipelova@mail.ru
SPIN-code: 8968-4493
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8448-3000>
ResearcherID: AAS-9439-2021
Scopus Author ID: 57191414786

Поступила 01.09.2022

После рецензирования 10.10.2022

Принята 15.10.2022

Received 01.09.2022

Revised 10.10.2022

Accepted 15.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-117-124

УДК 81'276.6

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ МОРФЕМНЫЙ ФОНД

О.И. Осетрова, Д.В. Хусаинова

Глобализация, интенсивная интернационализация и технический прогресс многократно усилили воздействие американского варианта английского языка на другие национальные языки. В частности, это воздействие проявляется в заимствовании большого количества лексики интернет-коммуникации из английского языка. Названные процессы требуют описания и анализа, что обусловило актуальность исследования.

Материалы и методы исследования. *В статье исследованы труды по теории заимствования, а также по особенностям лексики интернет-коммуникации. Рассмотрена лексика интернет-коммуникации, образованная с участием интернациональных морфем. Использовались метод качественного анализа, методы описания и обобщения.*

Результаты. *В составе лексики интернет-коммуникации выделяются три основные группы: 1) собственно компьютерные термины, одновременно напрямую заимствованные национальными языками из английского; 2) общетехническая терминология; 3) слова, пришедшие из общей лексики. Последние две группы часто представляют собой внутренние заимствования, полученные путём метафоризации интернациональной лексики, адаптированной русским языком ранее для использования в других сферах. Эти лексемы получены посредством механизмов русского языка, хотя и по аналогии с идентичными единицами английского языка*

Область применения результатов. *Результаты данного исследования могут использоваться в преподавании курсов лексикологии, межкультурной коммуникации, а также в переводческой практике.*

Ключевые слова: *интернет-коммуникация; компьютерно-опосредованная коммуникация; лексикография; компьютерная лексика; заимствование; англицизмы; адаптация заимствований*

COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION AND INTERNATIONAL MORPHEMES

O.I. Osetrova, D.V. Khusainova

Globalization, active internalization and progress in technology have intensified the impact that American English has over national languages. The impact can be seen in borrowing a big amount of computer-mediated communication (CMC) lexis from the English language. The processes mentioned need description and explanation which makes the article relevant.

Materials and methods. *Works concerning different aspects of lexical borrowing and peculiarities of CMC words are mentioned. CMC lexis derived from international morphemes is studied in the article. Qualitative evaluation, description and generalization are used in the study.*

Results. *Three main groups of CMC lexis are distinguished: 1) computer terms directly borrowed from English by national languages, 2) general technical terms, 3) words of general lexis. Words of the two latter groups are often “internal” borrowings, that is they are metaphorised international words having been adapted by the Russian language to be used in other fields. These lexemes are derived with the use of the native mechanisms of the Russian language though in a manner similar to that of their English equivalents.*

Practical implications. *Results of the study can be used in teaching Lexicology, Cross-cultural communication and in translation practice.*

Keywords: *computer-mediated communication; lexicography; computer words; borrowing; words of the English origin; borrowed vocabulary adaptation*

Введение

Теория заимствования имеет долгую историю, но до сих пор не утратила своей актуальности и противоречивости. Последние десятилетия дали начало новой проблематике – изучению глобализационных процессов в языке. Глобализация и интенсивная интернационализация многократно усилили воздействие американского варианта английского языка на другие национальные языки. В рус-

ском языке эти изменения коснулись не только лексико-грамматических явлений, но и дериватологических механизмов.

В сложившихся условиях особенный интерес представляет собой изучение новых интернациональных морфем, которые участвуют в образовании русских неологизмов интернет-коммуникации. Очевидно, что источником этих новообразований стала компьютерная лексика английского языка. Компьютерные англицизмы участвуют в словообразовательных процессах русского языка в качестве источника производящих основ. Осмысление и описание этих языковых феноменов в контексте изменений, происходящих на наших глазах в национальных языках, важны как для лучшего понимания актуальных лингвистических процессов, так и по причине необходимости релевантного описания языкового материала, существенная часть которого уже вошла в состав общего жаргона [6, с. 6]. М.А. Банщиков и В.М. Орешко отмечают, что «латино-романская основа многих английских слов облегчает их заимствование другими языками. Интернационализация английского языка проявляется в адаптации его носителями других языков для потенциального использования практически в любой сфере деятельности и в любой стране» [2], а также в том, что в языке возникает множество «интернациональных единиц – слов, морфем, фразеологизмов, синтаксических конструкций» [8]. Возможно, здесь можно говорить не только об обогащении лексического состава, но и о формировании универсальной системы, которая в итоге затрагивает все стороны жизни социума [4, с. 23; 7, с. 14]. М. Готти считает целесообразным выделить конкретные национальные языки для использования в отдельных сферах деятельности. Такие примеры уже существуют: так, французский язык всегда был языком балета, а итальянским в той или иной мере владеют большинство профессиональных музыкантов. Не исключено, что имело бы смысл использовать, скажем, английский язык для диспетчерского контроля авиаперелетов, немецкий – в машиностроении. Игнорировать активную интернационализацию специальной лексики невозможно, поскольку идентичные или схожие термины последовательно воспроизводятся в разных языках представителями групп, связанных с определенной научной дисциплиной и принадлежащих к отдель-

ной профессиональной общности специалистов [9, с. 10.]. При этом *lingua franca* самых интенсивно развивающихся сфер современного общества, безусловно, является английский язык.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужила лексика интернет-коммуникации, представленная в словарях иностранных слов. Использовались метод качественного анализа, методы описания и обобщения.

Результаты

Англицизмы проникают в национальные языки через такие узловые участки межкультурной коммуникации, как реклама и СМИ, современное искусство и спортивная лексика, косметическая и фармацевтическая терминология, однако пальму первенства здесь уверенно держат научная и научно-техническая, а также общественно-политическая лексика [8]. На наш взгляд, изучение лексики интернет-коммуникации, которая возникла и по сей день развивается территориально и идейно в зоне действия американского варианта английского языка, позволяет наилучшим образом проследить ход адаптации компьютерных заимствований и увидеть закономерности функционирования этих англо-американизмов в национальных языках.

Очевидно, что лексика интернет-коммуникации по большей части представляет собой целый пласт англицизмов, одновременно пришедших в национальные языки, в том числе в русский, и подчинившихся всем его требованиям: сменили графический облик, вошли в русскую грамматическую систему [3, с. 30], приняв проекцию грамматических форм как «постоянно действующую способность грамматических категорий наделять <...> определёнными грамматическими признаками лексемы, ранее этими признаками не обладавшие» [1, с. 83], стали активно участвовать в словообразовательных процессах. Иными словами, интернет-коммуникация представляет собой питательную среду для возникновения и функционирования актуальных неологизмов, то есть новых иноязычных слов, «которые означают заимствованные из чужой действительности и ставшие актуальными в нашей действительности реалии, понятия» [5 с. 426]. Эти лексические единицы, как пра-

вило, безэквивалентны, хорошо адаптируются языком-реципиентом, высокочастотны, быстрое проникают в общую лексику с периферии языка, отличаются высоким словообразовательным потенциалом, что, по-видимому, связано с их высокой востребованностью в речи. Более того, участие в словообразовательных процессах прямо указывает на их роль в обогащении новообразованиями исконного характера.

Представляет интерес не только итоговый результат заимствования лексических единиц компьютерной сферы русским языком, но и то, каким образом их этимоны вошли в лексику английского языка. Выделяются несколько групп слов в составе лексики англоязычной интернет-коммуникации. Прежде всего, это собственно компьютерные термины (например, *computer*, *RTFM*, *IT*, *processor* и др.); ко второй группе относится общетехническая терминология (*tool*, *code*, *traffic*, *port*, *driver* и др.); к третьей причисляются слова, пришедшие из общей лексики (*address*, *library*, *alphabet* и др.). В отношении двух последних групп осуществляется, в основном, метафорический перенос (случаи метонимического переноса для интернет-коммуникации не характерны), позволяющий приписать словам новые значения. Неоднозначность лексикографического статуса целого ряда заимствованных единиц подобного рода (например: *архив*, *адрес*, *буфер*, *виртуальный*, *вирус*, *инсталляция* и т.п.) требует тщательного анализа (подробнее об этом см. [6]).

Анализируя лексику интернет-коммуникации, мы видим высокую активность интернациональных морфем, а также не можем не обратить внимание на их фонетическое и/или графическое сходство, общие черты словообразовательных процессов с их участием, их высокую востребованность. Именно поэтому мы склонны утверждать, что кроме прямого заимствования англицизмов интернет-коммуникации происходит не менее активное воспроизведение идентичных или схожих терминов этой сферы в разных языках с опорой на неологизмы в языке-источнике. Необходимо учитывать, что интернациональные морфемы давно фонетически и морфологически адаптированы к языку-реципиенту. Иначе говоря, если в русском языке уже есть препозитивный формант *авто-* и слово *код*, то производное *автокод*

едва ли можно считать заимствованием – всё указывает на создание новой лексической единицы посредством возможностей русского языка, хотя и по аналогии с идентичной единицей английского языка.

Обсуждение

Результаты данного исследования могут использоваться в преподавании курсов лексикологии, межкультурной коммуникации, а также в переводческой практике.

Заключение

Отметим, что для современных словообразовательных процессов в русском языке характерны высокая интенсивность и гибкость. Очевидна важность словообразовательных процессов для формирования русскоязычной терминосистемы интернет-коммуникации и её квазитерминологической периферии. Можно предположить наличие аналогичных фактов и в других национальных языках.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 239 с.
2. Банщикова М.А., Орешко В.М. О процессах лингвистической глобализации и интернационализации в современном обществе. // Вопросы прикладной лингвистики, 2014, № 15-16. С. 10-17.
3. Бондарец О.Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингво-социологический аспект / Под ред. Г.Г. Инфантовой. Таганрог: Таганрогский гос. пед. ин-т, 2008. 240 с.
4. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: URSS, 2008. 320 с.
5. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
6. Осетрова О.И. Языковые преобразования: функционирование и процессы адаптации англо-американизмов (на материале лексики компьютерно-опосредованной коммуникации): Монография. Ульяновск: УлГУ, 2015. 132 с.

7. Падалка Н.В. Глобализация как феномен современной культуры: Философско-антропологический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук, СПб, 2004, 163 с.
8. Словарь социолингвистических терминов / Под ред. Е.М. Василевич. М.: Институт языкознания РАН, 2006. URL: <http://voluntary.ru/slovari/slovar-sociolingvisticheskikh-terminov-ijaran-.html> (дата обращения 20.10.2018)
9. Gotti M. Investigating Specialized Discourse. Bern: Peter Lang AG: European Academic publishers, 2005, 240 p.

References

1. Admoni V.G. *Grammaticheskij stroj kak sistema postroenija i obshhaja teorija grammatiki* [Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar]. Leningrad: Nauka, 1988, 239 p.
2. Bانشhikova M.A., Oreshko V.M. O processah lingvisticheskoy globalizacii i internacionalizacii v sovremennom obshhestve [On the processes of linguistic globalization and internationalization in modern society.]. *Voprosy prikladnoj lingvistiki* [Applied Linguistics Problems], 2014, no. 15-16, pp. 10-17.
3. Bondarec O.Je. *Inojazychnye zaimstvovaniya v rechi i v jazyke: lingvosociologicheskij aspekt* [Foreign borrowings in speech and language: linguo-sociological aspect]. Taganrog: Taganrogskij gos. ped. in-t, 2008, 240 p.
4. Maljuga E. N. *Funkcional'naja pragmatika mezhkul'turnoj delovoj kommunikacii* [Functional pragmatics of intercultural business communication]. Moscow: URSS Publ., 2008, 320 p.
5. Marinova E.V. *Inojazychnye slova v russkoj rechi konca HH – nachala HHI v.: problemy osvoenija i funkcionirovanija* [Foreign words in Russian speech at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries: problems of mastering and functioning]. Moscow: JeLPIS, 2008, 495 p.
6. Osetrova O. I. *Jazykovye preobrazovaniya: funkcionirovanie i processy adaptacii anglo-amerikanizmov (na materiale leksiki komp'yuterno-oposredovannoj kommunikacii)* [Language transformations: functioning and adaptation processes of anglo-americanisms (based on the vocabulary of computer-mediated communication)]. Monograph. Ul'janovsk: UIGU, 2015, 132 p.

7. Padalka N.V. *Globalizacija kak fenomen sovremennoj kul'tury: Filosofsko-antropologicheskij aspekt* [Globalization as a phenomenon of modern culture: philosophical and anthropological aspect]. PhD dissertation. St. Petersburg, 2004, 163 p.
8. *Slovar' sociolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2006. URL: <http://voluntary.ru/slovari/slovar-sociolingvisticheskikh-terminov-ijaran-.html> (accessed October 20, 2018)
9. Gotti M. *Investigating Specialized Discourse*. Bern: Peter Lang AG: European Academic publishers, 2005, 240 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Осетрова Ольга Игоревна, доцент кафедры английского языка для профессиональной деятельности, кандидат филологических наук
Ульяновский государственный университет
ул. Л.Толстого, 42, г. Ульяновск, 432017, Российская Федерация
humanengl@gmail.com

Хусаинова Дарья Владимировна, студент
Ульяновский государственный университет
ул. Л. Толстого, 42, г. Ульяновск, 432017, Российская Федерация
dashiko@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Osetrova, Associate Professor of the Department of English for Specific Purposes, Candidate of Philology
Ulyanovsk State University
42, Lev Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation
dashiko@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0616-4666>

Daria V. Khusainova, student
Ulyanovsk State University
42, Lev Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation

Поступила 04.09.2022

После рецензирования 18.10.2022

Принята 27.10.2022

Received 04.09.2022

Revised 18.10.2022

Accepted 27.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-125-140

УДК 811.11

ЛЕКСИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В НЕМЕЦКОМ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

А.И. Дубских, А.В. Бутова, О.В. Кисель

Обоснование. Многие десятилетия внимание исследователей приковано к феномену дискурса. Рассматривались его субъекты, ключевые функции и концепты, выделялись основания для его типологизации. Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью коммуникативной среды бытования немецкоязычного развлекательного дискурса и необходимостью более подробного анализа его конститутивных особенностей и стратегий.

Целью настоящего исследования является описание лексико-семантических и синтаксических средств, глаголов различного типа, с помощью которых реализуется стратегии привлечения внимания в развлекательном дискурсе Германии.

Материалы и методы. Материалом настоящего исследования послужили тексты «звездных» интервью, размещенных на сайтах немецких изданий «Der Spiegel», «Die Zeit». В работе использовались методы сплошной выборки и обобщения, а также метод семантического анализа.

Результаты. Аттракция развлечений, их способность разнообразить жизнь людей содействовали видоизменению, модернизации и непрерывности существования многих традиций и обычаев. В работе рассмотрены типы и жанры развлекательного дискурса, его субъекты, своеобразие речевого общения коммуникантов. Отмечается, что одной из наиболее частотных стратегий, которые используют участники развлекательного дискурса, является стратегия привлечения внимания. Данная стратегия реализуется за счет набора опреде-

ленных конструкций («*ich bin / war*»; «*ich habe / ich habe nicht*»; «*mein, meine*» плюс черта характера), глаголов различного типа («*tögen*», «*lieben*»; «*können*»), лексико-семантических и синтаксических приемов.

Область применения результатов. Полученные результаты исследования могут использоваться в чтении курсов лекций по стилистике, прагматике, имиджелогии.

Ключевые слова: дискурс; развлекательный дискурс; «звездное» интервью; стратегия привлечения внимания; лексико-семантические приемы; синтаксические приемы

LEXICAL AND PRAGMATIC MEANS OF IMPLEMENTING THE ATTENTION STRATEGY IN GERMAN ENTERTAINMENT DISCOURSE

A.I. Dubskikh, A.V. Butova, O.V. Kisel

Background. For many decades, the attention of researchers has been riveted to the phenomenon of discourse. Its subjects, key functions and concepts were considered. The grounds for discourse typology were identified. The relevance of the study is explained by the fact that the communicative environment of German entertainment discourse is little researched, and the need for a more detailed analyzing of its constitutive features and strategies.

Purpose of this study is to describe lexico-semantic and syntactic means, verbs of various types, used to implement the attention strategy in German entertainment discourse.

Materials and methods. The material of this study was the “star” interviews texts posted on the websites of the German publications “Der Spiegel” and “Die Zeit”. The methods of continuous sampling and generalization, as well as the method of semantic analysis, were used in the work.

Results. The entertainment attraction, their ability to diversify people’s lives, contributed to the modification, modernization and continuity of many traditions and customs. The paper deals with the types and genres of entertaining discourse, its subjects, and the originality of com-

municants' conversation. It is emphasized that one of the most frequent strategies used by participants in the entertainment discourse is the attention strategy. This strategy is implemented through a set of specific constructions ("ich bin / war"; "ich habe / ich habe nicht"; "mein, meine" plus a character trait), verbs of various types ("mögen", "lieben"; "können"), lexico-semantic and syntactic techniques.

Practical implications. *The results of the study can be used in lectures on stylistics, pragmatics, imagology.*

Keywords: *discourse; entertaining discourse; "star" interview; attention strategy; lexico-semantic devices; syntactic devices*

Введение

Цель. Описать лексико-семантические и синтаксические средства, глаголы различного типа, с помощью которых реализуется стратегия привлечения внимания в развлекательном дискурсе Германии.

Актуальность. Уже долгое время внимание представителей гуманитарных наук приковано к феномену дискурса, его дефиниции, организации, сферы бытования, стратегиям, участникам. Дискурс представляет собой многоаспектное явление, что позволяет исследователям рассматривать его с различных позиций. Актуальность исследования развлекательного дискурса имеет важное значение, поскольку отличительной чертой нашего времени является усиление роли игрового аспекта в жизни общества. Будучи значительным элементом массовой культуры, развлечения обладают высоким воздействующим потенциалом, а также выполняют функцию хранения и передачи обычаев и традиций. Для развлекательного дискурса сегодня характерен значительный интерес к личной жизни деятелей шоу-бизнеса и искусства, в интервью которых преобладают вопросы личной направленности, которая обусловлена своеобразием жанра «звездного» интервью, его прагматическими и интенциональными установками: создание яркого, запоминающегося материала за счет эффектной презентации личности «звездного» респондента, его творчества. Реализации данной интенции способствует, в том числе, стратегия привлечения внимания.

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили тексты «звездных» интервью, размещенных на сайтах немецких изданий «Der Spiegel», «Die Zeit». Всего было проанализировано 12 интервью. В работе использовались методы сплошной выборки и обобщения, а также метод семантического анализа.

Результаты и обсуждение

Понятие дискурса является объектом изучения ученых разных областей знаний. Рассматривались его субъекты, ключевые функции и концепты, выделялись основания для его типологизации. В настоящей работе вслед за Я.В. Зубковой под дискурсом мы понимаем «коммуникативное поведение, выраженное вербально (текст), опирающееся на этнокультурные и групповые пресуппозиции, проявляющиеся в определенной сфере общения в соответствии с приписанными этой сфере нормами общения» [4, с. 28].

Существует достаточное количество классификаций дискурсов, базирующихся на различных основаниях: «диалектный дискурс» [3; 8], «общественно-политический дискурс» [10; 11], «медийный дискурс» [7], «конфликтный дискурс» [2; 9], «журналистский дискурс» [1; 20], «развлекательный дискурс» [5; 12]. Последний является объектом нашего изучения.

Несмотря на то, что в современной лингвистике имеется много работ, посвященных развлекательному дискурсу, он остается недостаточно изученным. Подтверждением этому является отсутствие его четкой номинации. У различных исследователей мы встречаем разные термины: «развлекательный» [7; 12], «досуговый» [6]. По нашему мнению, все определения имеют право на существование, а на предпочтение того или другого влияет понимание понятия досуга. Досуг – это свободное от работы и других обязательств время, которым человек может распорядиться в зависимости от своих предпочтений (знакомиться с чем-то новым, вдохновляться творчеством, посвящать себя хобби, получать удовольствие от интернет-серфинга и т.п.). При таком понимании досуга, развлечение представляет собой

один из компонентов досуга, которые соотносятся как частное с общим. Мы разделяем точку зрения С.В. Черновой, которая под развлекательным дискурсом понимает «совокупность текстов со значением развлекательности, обусловленных функционально и тематически и направленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную стороны человека» [12, с. 126].

Ученые выделяют два основных типа развлекательного дискурса: неинституциональный и институциональный [6; 12]. В случае неинституционального или обиходного дискурса речь идет о различных типах повседневного развлекательного дискурса, воплощающегося в традиционных жанрах: анекдот, шутка, сказка, розыгрыш, частушка, йодль и т.д. Однако в последние десятилетия в повседневной жизни людей произошли значительные изменения. Модернизация и совершенствование информационно-коммуникационных технологий обусловило увеличение количества информации и роли виртуального коммуникационного пространства (социальные сети, блоги, видеохостинги). Эти обстоятельства способствуют развитию «клипового мышления», которое обеспечивает возможность восприятия информационного потока по принципу калейдоскопа и составления собственной картины мира из чередующихся фактов, историй, событий. Новый способ мышления создал благоприятные условия для появления кратких литературных сетевых жанров. На смену эпиграммам, частушкам и лимерикам пришли стишки-пирожки, порошки, депрессашики, артишоки, проолеги.

Говоря об институциональном дискурсе, мы имеем в виду мастерство представителей шоу-бизнеса и искусства, спортсменов, организаторов массовых мероприятий и продукты их профессиональной деятельности – уличные, театральные и цирковые выступления, концерты, фестивали, конкурсы и т.п.

Субъекты развлекательного дискурса – это профессиональные организаторы и увеселители, с одной стороны, являющиеся представителями различных социальных институтов (концертные залы, кинотеатры, парки, стадионы, музеи, студии, где снимаются различные шоу и т.п.), и аудитория, с другой стороны, которая может

принимать как пассивное, так и активное участие в мероприятии. Таким образом, в развлекательном дискурсе отсутствует жесткое закрепление ролей участников, а итог коммуникации не может быть точно заранее спрогнозирован.

С этих позиций можно говорить о том, что интенциональная направленность развлекательного дискурса заключается в преодолении сформировавшихся шаблонов и стандартов, которые являются препятствием на пути к достижению позитивного психологического настроя.

Особенность вербальной коммуникации субъектов развлекательного дискурса состоит в применении определенных риторических приемов, в сочетании лексических единиц разных стилей в зависимости от целей общения. Кроме того, для развлекательного дискурса типично активное использование элементов языковой игры, с помощью которых участники стараются привлечь внимание к своей личности. Таким образом, одной из частотных стратегий развлекательного дискурса является стратегия привлечения внимания.

Для привлечения внимания к своей персоне интервьюируемые акцентируют достоинства или недостатки своей внешности, интеллектуальные способности, черты характера, делятся своим жизненным опытом, охотно рассказывают о своих хобби, интересах, эмоциональных состояниях.

Стратегия привлечения внимания в «звездных» интервью эксплицируется за счет набора определенных конструкций, глаголов различного типа, лексико-семантических и синтаксических приемов.

Широко распространены следующие конструкции:

- конструкция *«ich bin / war»* состоит из личного местоимения *«ich»*, после которого идет перечисление некоторых характеристик: *«Ich war gefräßig und daher ganz eklektizistisch. Ich war cool»* [17]. С помощью данной конструкции респонденты дают оценку своим качествам. Журнал «Die Zeit» предлагает переводную версию интервью с французским актером Жерара Депардье, в котором респондент, давая характеристику своему отношению к творчеству на заре своей карьеры, ис-

пользует прилагательные «*gefräßig*», «*eklektizistisch*», «*cool*». Семантика используемых средств позволяет аудитории составить представление об актере как о разносторонней личности. С помощью данной конструкции респонденты подчеркивают свои сильные стороны: «*Ich bin eine Perfektionistin*» [21]. Художник и фотограф Синди Шерман презентует себя как перфекциониста.

- конструкция «*ich habe / ich habe nicht*» и перечисление индивидуальных и профессиональных характеристик, предпочтений: «*Ich hatte schon immer dieses romantische Verhältnis zur europäischen Kultur*» [14]. Режиссер Руперт Уэйнрайт подчеркивает свое романтическое отношение к культуре Европы.
- притяжательное местоимение («*mein, meine*») плюс отличительные качества характера, особенности внутреннего состояния: «*Meine Depressionen kommen und gehen. Aber ich denke, Depressionen zu haben, ist ein normaler Gemütszustand. Meine Depressionen sind eher alltäglicher Art*» [20]. Интервьюер акцентирует повседневный характер своих депрессий, определяя их как нормальное состояние («*ein normaler Gemütszustand*»).

Среди глаголов, посредством которых шоумены рассказывают о своих предпочтениях, интересах, наиболее частотными являются «*mögen*», «*lieben*»: «*Ich mag Sport so gern*» [24]; «*Ich mag Fahrradrennen*» [22]; «*Ich liebe Parfümwerbespots*» [15]. Алетический модальный глагол «*können*» позволяет респондентам продемонстрировать аудитории свои способности и возможности: «*Ich kann nicht schlecht Tennis spielen*» [24].

Таким образом, с помощью конструкций различного типа, а также модальных глаголов и глаголов, выражающих внутреннее состояние, интервьюируемые экспонируют свои пристрастия, мнения, интересы, чем привлекают внимание аудитории к своей личности и творческой деятельности.

Стратегия привлечения внимания реализуется также с помощью комплекса лексико-семантических и синтаксических приемов, од-

ним из которых является метафоризация своего образа: «*Ich fühlte mich wie ein ängstliches Kaninchen im Stall*» [23]. В переводной версии интервью с британской актрисой в журнале «Die Zeit» адресант, характеризуя свое внутреннее состояние, использует прилагательное «*ängstlich*» в сочетании с существительным «*Kaninchen*» с коннотативным значением «*бояться*». Таким образом, интервьюируемая признается, что она, как и все обычные люди, сталкивалась в жизни с непростыми ситуациями, которые повергают ее в ужас. Это делает ее похожей на ее поклонников, завоевывает их расположение.

Еще один прием – акцентирование респондентами своих интересов, увлечений, хобби: «*Die Sportarten, die mich seit der Kindheit interessieren? Hm... Leichtathletik, die Läufe, vor allem der Frauen. Dann die Tour de France*» [22]; «*An Außerirdische habe ich aber schon immer geglaubt*» [19]. Для данных примеров характерны опущение отдельных элементов предложения, расширение его структуры за счет включения усилительных слов, необычный порядок слов. Компонент, являющийся наиболее важным в информативном плане, находится в начальной позиции.

«Звездные» респонденты часто используют прием демонстрации аттитюдов с целью привлечения внимания к себе: «*Und ich finde, dass die computeranimierten Filme alle gleich aussehen. Vielleicht ist es nur ein Übergangszustand*» [22]; «*Ein Körper ist nicht genug. Ich mag auch keine Frauen, die sich nur als Weibchen gebärden. Ich finde Menschen interessanter und auch irgendwie vollständiger, in denen mehrere Optionen angelegt sind*» [17]. Выражая мнения по какому-либо вопросу, респонденты применяли сложные синтаксические конструкции, сопровождающиеся разъяснениями своих позиций.

Прием описания психологического состояния также содействует поддержанию интереса публики: «*Ein irres Ding! Bei der Premiere in Venedig bin ich fast durchgedreht. Zwei widerwärtige Schauspieler, die ihre eigene Vorstellung kaputtkichern. Wir waren hysterisch*» [16]. Давая характеристику своим эмоциям во время премьеры фильма, актер использует семантическую цепочку «*irr*», «*durchdrehen*», «*kaputtkichern*», «*hysterisch*».

К часто используемым приемам привлечения внимания относится акцентирование концепта «творчество», «вдохновение». Интенция «звездных» респондентов направлена на демонстрацию своей оригинальности и исключительности, своеобразия источника своего творчества: «*Okay, man kann schon sagen, dass vergangene Zeiten mich inspirieren*» [14]; «*Was fasziniert Sie selbst am Blues? Dass er, wenn man Glück hat, die Seele berührt*» [25]. Объясняя, что является источником вдохновения для их творчества, интервьюируемые, используют мелиоративные глаголы «*inspirieren*», «*berühren*», обладающие позитивной эмоциональной коннотацией, что способствует формированию положительного образа респондентов у аудитории.

Также «звездные» респонденты озвучивают жизненные принципы: «*Mir ist die Musik am wichtigsten. Geld interessiert mich nicht. Ich brauche keine 25 Autos*» [24]; «*Ein Künstler, der nicht provoziert, wird unsichtbar*» [18]. Кредо респондентов дают характеристику их личности: для певицы Шэрон Джонс важнейшим в жизни является ее музыка, для Мэрилина Мэнсона – провокация и эпатаж.

Заклучение

Развлекательная сторона занимает значительное место в повседневной жизни людей. Развлечения способствуют получению наслаждения, повышению тонуса, созданию особого эмоционального фона. В определенных ситуациях развлечения носят ярко выраженный интенциональный характер. Речь идет о различных праздниках, парадах, религиозных торжествах. В данных контекстах развлечения становятся своеобразным отражением культуры, искусства, социального развития общества. Аттракция развлечений, их способность разнообразить жизнь людей содействуют видоизменению, модернизации и непрерывному существованию многих традиций и обычаев.

Современный развлекательный дискурс представляет собой комплекс текстов, основу которого составляет концепт «развлечение», распространяемый посредством информационно-коммуникационных технологий, делающими возможным интерактивное взаимодействие участников.

В фокусе развлекательного дискурса находится личная и творческая жизнь респондентов. Одним из жанров развлекательного дискурса является «звездное» интервью, для которого характерно большое количества «личных» вопросов, направленных на выявление предпочтений, интересов «звездных» интервьюируемых. Реализации данной интенции способствует, в том числе, стратегия привлечения внимания.

Стратегия привлечения внимания частотна в «звездных» интервью, так как деятели искусства и представители шоу-бизнеса открыты для обсуждения своих увлечений, интересов, переживаний, чувств. Данная стратегия реализуется за счет набора определенных конструкций («*ich bin / war*»; «*ich habe / ich habe nicht*»; «*mein, meine*» плюс черта характера), глаголов различного типа («*mögen*», «*lieben*»; «*können*»), лексико-семантических и синтаксических приемов.

Список литературы

1. Амиров В.М., Глебович Т.А. Феномен травмогенности и конструирование образов жертв в журналистском дискурсе современных вооруженных конфликтов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 53-62.
2. Белоус Н.А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1(14). С. 53-63.
3. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 17-28.
4. Зубкова Я.В. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2009. Вып. 5. С. 28-32.
5. Карасик В.И. Развлекательный дискурс как институциональный вектор общения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2020. № 3. С. 91-103.
6. Карпова Т.Б. Досуговый дискурс Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 2. С. 70-76.

7. Клушина Н.И. Медиастилистика: Монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.
8. Коган Е.С. Душа, бог, грех и загробная жизнь в зеркале диалектного дискурса волго-двинского междуречья // Научный диалог. 2017. № 11. С. 77-92.
9. Кошкарлова Н.Н. Лингвистические подходы к изучению конфликтного дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 142-146.
10. Ломакина Е.А. Лексико-прагматические средства манипуляции в политической коммуникации // Libri Magistri. 2018. № 5. С. 92-95.
11. Трощенко Е.В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 21-31.
12. Чернова С.В. Развлекательный дискурс: понятие и основные характеристики // Меняющиеся коммуникации в меняющемся мире: сб. ст. Волгоград: ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. С. 126-128.
13. Чернышова Т.В. Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 343-356.
14. Der Primadonna. URL: <https://www.zeit.de/2007/21/Interview-Wainwright> (дата обращения: 12.04.2022).
15. Die Sprache des Kinos. URL: <https://www.zeit.de/online/2008/03/interview-lynch> (дата обращения: 12.04.2022).
16. Duell mit dem Image. URL: <https://www.zeit.de/2007/43/Interview-Brad-Pitt> (дата обращения: 15.04.2022).
17. «Ein Körper ist nicht genug». URL: <https://www.zeit.de/2007/03/Interview-Depardieu/komplettansicht?print> (дата обращения: 10.04.2022).
18. Ich bin Amerikas Alptraum. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-27007551.html> (дата обращения: 12.04.2022).
19. «Ich bin dümmer als meine Rolle». URL: https://www.zeit.de/1998/33/199833.zeitmagazin__als.xml (дата обращения: 15.04.2022).
20. «Ich denke ständig an Sex und Tod». URL: <https://www.spiegel.de/kultur/kino/hollywood-star-dustin-hoffman-ich-denke-staendig-an-sex-und-tod-a-521245.html> (дата обращения: 10.04.2022).

21. «Ich posiere ja nur». URL: <https://www.zeit.de/2007/26/Interview-Sherman> (дата обращения: 10.04.2022).
22. Kino heißt streiten. URL: <https://www.zeit.de/2007/49/Interview-Godard> (дата обращения: 10.04.2022).
23. Reden über die Macht. URL: <https://www.zeit.de/2007/08/Interview-Judi-Dench> (дата обращения: 15.04.2022).
24. Retro geht mir auf die Nerven. URL: <https://www.zeit.de/online/2007/49/interview-sharon-jones> (дата обращения: 12.04.2022).
25. «Wer aufhört zu lernen, ist tot». URL: <https://magazin.spiegel.de/Epub-Delivery/spiegel/pdf/31350016> (дата обращения: 12.04.2022).

References

1. Amirov V.M., Glebovich T.A. Fenomen travmogennosti i konstruirovaniye obrazov zhertv v zhurnalistskom diskurse sovremennykh vooruzhennykh konfliktov [The emotional trauma phenomenon and victim's image constructing in the journalistic discourse of contemporary armed conflicts]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2019, no. 3, pp. 53-62.
2. Belous N.A. Kognitivnyy dissonans kak odin iz faktorov vozniknoveniya konfliktnogo diskursa [Cognitive dissonance as a factor of a conflicting discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2008, no. 1(14), pp. 53-63.
3. Voloshina S.V., Tolstova M.A. Reprezentatsiya kontsepta «bogatstvo» v dialektnom diskurse: konstanty i transformatsii [Representation of the concept "Wealth" in the dialect discourse: constants and transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 55, pp. 17-28.
4. Zubkova Ya.V. Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa [Constitutive features of academic discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], Volgograd: VGPU, 2009, no. 5, pp. 28-32.
5. Karasik V.I. Razvlekatel'nyy diskurs kak institutsional'nyy vektor obshcheniya [Distractive discourse as an institutional vector of com-

- munication]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics], 2020, no. 3, pp. 91-103.
6. Karpova T.B. Dosugovyy diskurs Runeta [Leisure discourse of Runet]. *Vestnik Permskogo univer-siteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, no. 2, pp. 70-76.
 7. Klushina N.I. *Mediastilistika: Monografiya* [Medialinguistics: monograph]. Moscow: FLINTA Publ., 2018, 184 p.
 8. Kozhemyakin E.A. Objektivnost' kak filosofskaya kategoriya v zhurnalistskom diskurse [Objectivity as a philosophical category in journalistic discourse]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo univer-siteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Statements of the Belgorod State University. Series: Humanities], 2011, no. 18 (113), pp. 187-194.
 9. Koshkarova N.N. Lingvisticheskie podkhody k izucheniyu konfliktnogo diskursa [Linguistic approaches to conflict discourse study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, no. 2, pp. 142-146.
 10. Lomakina E.A. Leksiko-pragmaticheskie sredstva manipulyatsii v politicheskoy kommunikatsii [Lexico-pragmatic means of manipulation in political communication]. *Libri Magistri*, 2018, no. 5, pp. 92-95.
 11. Troshchenkova E.V. Osmyslenie obshchestvenno-politicheskoy roli memov v media diskurse [Conceptualization of the public and political role of memes in media discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2021, no. 3, pp. 21-31.
 12. Chernova S.V. Razvlekatel'nyj diskurs: ponjatie i osnovnye harakteristiki [Entertaining discourse: concept and main characteristics]. *Menyayushchayasya kommunikaciya v menyayushchemsya mire* [Changing Communication in a Changing World]. Volgograd, 2015, pp. 126-128.
 13. Chernyshova T.V. Fakty, mneniya, otsenka: sotsial'no znachimaya informatsiya i sposoby ee organizatsii v diskurse zhurnalistskogo rassledovaniya [Facts, opinions, assessment: Socially significant information, methods of its organization in the discourse of journalistic investigation]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2020, vol. 7, no. 3, pp. 343-356.

14. Der Primadonna. <https://www.zeit.de/2007/21/Interview-Wainwright> (accessed April 12, 2022).
15. Die Sprache des Kinos. <https://www.zeit.de/online/2008/03/interview-lynch> (accessed April 12, 2022).
16. Duell mit dem Image. <https://www.zeit.de/2007/43/Interview-Brad-Pitt> (accessed April 15, 2022).
17. «Ein Körper ist nicht genug». <https://www.zeit.de/2007/03/Interview-Depardieu/komplettansicht?print> (accessed April 10, 2022).
18. Ich bin Amerikas Alptraum. <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-27007551.html> (accessed April 12, 2022).
19. «Ich bin dümmer als meine Rolle». https://www.zeit.de/1998/33/199833.zeitmagazin__als.xml (accessed April 15, 2022).
20. «Ich denke ständig an Sex und Tod». <https://www.spiegel.de/kultur/kino/hollywood-star-dustin-hoffman-ich-denke-staendig-an-sex-und-tod-a-521245.html> (accessed April 10, 2022).
21. «Ich posiere ja nur». <https://www.zeit.de/2007/26/Interview-Sherman> (accessed April 10, 2022).
22. Kino heißt streiten. <https://www.zeit.de/2007/49/Interview-Godard> (accessed April 10, 2022).
23. Reden über die Macht. URL: <https://www.zeit.de/2007/08/Interview-Judi-Dench> (accessed April 15, 2022).
24. Retro geht mir auf die Nerven. URL: <https://www.zeit.de/online/2007/49/interview-sharon-jones> (accessed April 12, 2022).
25. «Wer aufhört zu lernen, ist tot». URL: <https://magazin.spiegel.de/Epub-Delivery/spiegel/pdf/31350016> (accessed April 12, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Дубских Ангелина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова» пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000, Российская Федерация*
lina_masu@mail.ru

Бутова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
annb.79@mail.ru*

Кисель Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Челябинская область,
455000, Российская Федерация
olesja-kisel@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Angelina I. Dubskikh, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Engineering
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation
lina_masu@mail.ru
SPIN-code: 4712-6011
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7367-6093>*

Anna V. Butova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Engineering
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Rus-*

sian Federation

annb.79@mail.ru

SPIN-code: 2502-7050

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8503-9948>

Olesya V. Kisel, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages for Engineering
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Russian Federation

olesja-kisel@rambler.ru

SPIN-code: 3836-3633

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8357-6069>

Поступила 22.09.2022

После рецензирования 13.10.2022

Принята 27.10.2022

Received 22.09.2022

Revised 13.10.2022

Accepted 27.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-141-154

УДК 81'33

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ

О.А. Прохорова

Цель. Целью данной статьи является описание особенностей функционирования дискурсивных маркеров в институциональном формате дискурса медиации.

Метод или методология проведения работы. При проведении исследования использовались как общенаучные методы, так и частно-лингвистические (контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, коммуникативно-прагматический анализа дискурса).

Результаты. В статье рассматриваются дискурсивные маркеры как инструмент структурирования дискурса медиации. Особое внимание уделено специфике употребления определенных групп дискурсивных маркеров на разных этапах взаимодействия конфликтующих участников. Выделяются два основных фрагмента исследуемого дискурса: деструктивный и конструктивный. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров конфликтного этапа медиативного дискурса представлен оценочными маркерами с негативной коннотацией, маркерами прерывания диалога. Для конструктивного этапа характерно употребление положительных маркеров оценки, маркеров выражения десемантизированной оценки и этикетных показателей конца диалога. Исследование показывает, что варьирование дискурсивных маркеров в речи конфликтующих субъектов сигнализирует о постепенной, как правило, позитивной трансформации спорящих участников в континууме медиации.

Область применения результатов. Результаты, представленные в статье, могут быть использованы в теоретических курсах по анализу дискурса, лингвопрагматике, а также при подготовке медиаторов.

Ключевые слова: дискурс; институциональный формат; дискурсивный маркер; дискурс медиации; конфликтующие субъекты; медиатор

DISCOURSE MARKERS IN THE STRUCTURE OF MEDIATION DISCOURSE

O.A. Prokhorova

Purpose. *The purpose of this article is to describe the peculiarities of functioning discourse markers in the institutional format of mediation discourse.*

Methodology. *General scientific methods and specific linguistic methods (contextual analysis, continuous sampling method, pragmatic analysis of discourse) were used in this research.*

Results. *This study deals with discourse markers as a tool of mediation discourse structuring. Particular attention is paid to the specificity of using certain groups of discourse markers at different stages of the interaction of the conflicting parties. Destructive and constructive fragments are distinguished in mediation discourse. The functional potential of discourse markers at the conflict stage of mediation is represented by evaluation markers with negative connotations and markers of interrupting dialogue. The constructive stage is characterized by the use of positive evaluation markers, markers of desemantised evaluation and etiquette indicators of the end of the dialogue. The research shows that the variety of discourse markers in the speech of parties in conflict serves as a trigger for a gradual, as a rule, positive transformation of the disputing participants in the mediation continuum.*

Practical Implications. *The results presented in the article can be used in theoretical courses on discourse analysis, pragmatics, as well as in the training of mediators.*

Keywords: *discourse; institutional format; discourse marker; mediation discourse; parties in conflict; mediator*

Введение

В настоящее время отмечается большой интерес к вопросам, которые связаны с организацией дискурса и дискурсивного анализа. В современной лингвистике традиционно изучают функции дискурсивных маркеров, их позиции в высказывании и частотность употребления в различных типах дискурса [17; 1; 15; 14; 10; 11; 9 и др.].

Несмотря на значительное количество исследований особенностей функционирования дискурсивных маркеров, не существует единого определения понятия «дискурсивный маркер».

W. Labov и D. Fanshel рассматривают дискурсивные маркеры как выражения, которые раскрывают в диалоге, прежде всего, свои специфические функции, могут устанавливать связь между сообщениями различных партнеров и служат для организации потока информации, общего знания и продолжения общения [16].

Под дискурсивными маркерами понимаются выражения, которые на разных уровнях сигнализируют о границах дискурсивных единиц, объединяют между собой дискурсивные единицы и тем самым способствуют связной конструкции в дискурсе [17].

А.Н. Баранов, В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина пишут, что дискурсивные маркеры с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, отражают процесс взаимодействия коммуникантов [1].

А.А. Кибрик определяет дискурсивные маркеры как «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом», дискурсивные маркеры «не несут пропозициональной информации», и их функции «находятся в сфере организации и регулирования дискурсивного потока» [5, с. 390].

Таким образом, дискурсивный маркер – это важный языковой элемент организации дискурса, который обладает функцией формировать структуру дискурса, при этом являясь определенным триггером интенций коммуникантов. Дискурсивные маркеры не только способствуют логическому структурированию дискурса, но имеют определенное прагматическое значение, которое помо-

гает интерпретировать высказывание и понимать интенции коммуникантов.

Целью данной статьи является описание особенностей интеграции в иерархическую и линейную структуру дискурса медиации дискурсивных маркеров, основная функция которых регулировать дискурсивный процесс между коммуникантами.

Материалы и методы

При изучении институционального типа дискурса медиации имеются трудности с получением материала для исследования, в частности, из-за принципа конфиденциальности процесса медиации. Тем не менее, для изучения медиативного дискурса можно взять академические источники (с использованием предыдущих исследований), сценарии медиации в Интернете (ролевые игры или имитация посредничества, обсуждение с практиками). Предполагается, что имитация медиации предоставляет реалистичные данные, поскольку обычно используется для обучения медиаторов [12]. Привлеченный эмпирический материал в этой статье включает видеозаписи медиативных сессий, проведенные тренерами-медиаторами, и скрипты медиативных сессий. Методом сплошной выборки были выявлены основные виды дискурсивных маркеров, функционирующих на разных этапах реализации дискурса медиации.

Результаты и обсуждение

Медиация – это переговоры с участием третьей, нейтральной стороны, которая является заинтересованной только лишь в том, чтобы коммуниканты разрешили свой спор максимально выгодно для конфликтующих сторон. Под дискурсом медиации понимается менеджмент процесса развития кооперации, направленной на разрешение конфликта. Другими словами, «конфликтующие участники должны из дискурсивного пространства несогласия, смысловых «разночтений» перейти в кооперативное – пространство рационального взаимодействия и смысловых пересечений» [6, с. 247].

Дискурс медиации полиинтенционален и политематичен. Его интенциональность имеет два направления: конфронтация и сотрудничество, которые получают отражение в двух фрагментах дискурса, выделяемых в зависимости от типа взаимодействия: взаимодействие с конфликтным прагматическим потенциалом (деструктивное взаимодействие), взаимодействие с конструктивным прагматическим потенциалом (конструктивное взаимодействие) [8]. Деструктивный фрагмент дискурса медиации понимается как конфронтационная деятельность конфликтующих субъектов общения. Данный этап характеризуется жестким противостоянием, нежеланием понять друг друга, попыткой дискредитации противоположной стороны и представлении своего видения ситуации. Конструктивный фрагмент дискурса медиации имеет позитивную направленность, участники процесса интеракции стремятся к достижению взаимопонимания, к конструированию толерантного и вежливого сценария взаимодействия вследствие полного (или, по крайней мере, частичного) совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их предполагаемых интенций.

Анализ изученных материалов содержит широкий спектр дискурсивных маркеров, которые последовательно встраиваются в структуру реплик дискурса медиации на разных этапах взаимодействия конфликтующих участников. Типологизация дискурсивных маркеров в данном исследовании осуществлялась на основе теоретических положений Е.А. Ивановой, которая выделяет две группы дискурсивных слов в зависимости от выполняемой ими функции [4]. В данной статье сделаем акцент на исследовании лексических маркеров конца диалогической единицы.

1. Оценочные маркеры (выражения, содержащие оценку темы обсуждения по отношению к какой-либо норме, к реальности).

Данный вид дискурсивных маркеров на деструктивном этапе взаимодействия используется участниками для усиления негативного отношения к другому участнику конфликта. Рассмотрим примеры конфликтогенного использования дискурсивных маркеров оценки.

1. Participant 1: I've got to say it's once a week and on Sunday I cook for them, it's a nice hot date.

Participant 2: It's a lie, absolutely lie [18].

2. Mediator: So, this is really upsetting to you.

Participant: It is terribly upsetting. ... [22].

Маркеры оценки *absolutely* и *terribly* являются актуализаторами спора и способствуют усилению недружественности в общении.

Participant 1: The eight-sided bottle is famous. It is a signature of the company. We came up with this. You came up with this. Unbelievable!

Mediator: So, Mr. Pushkin, could you shortly summarize the position of the product?

Participant 2: The things are that our trade-race violates trade mark, which we think is a famous trade mark [20].

Один из субъектов конфликтного взаимодействия, используя маркер *unbelievable*, выражает свое недовольство и дает негативную оценку действиям другого участника конфликта.

Маркеры оценки ситуации *sadly*, *extremely*, *actually*, *simply*, *basically*, *absolutely* часто являются триггерами конфликтного взаимодействия на конфронтационной стадии медиации.

Постепенно конфликтующие участники при помощи медиатора пытаются найти некий компромисс, и процесс коммуникации переходит к конструктивной фазе дискурса медиации. Меняется выбор оценочных дискурсивных маркеров, преобладают слова с позитивной коннотацией: *great*, *fortunately*, *extremely*, *actually*, *normally*, *simply*, *basically*, *wonderfully*, *hopefully*. Основной прагматической целью использования конфликтантами этого вида маркеров является желание участников дискурса найти положительные стороны в ситуации и правильно оценить ее.

1. Participant: I would now definitely agree with that <...> Yeah, I would love to make it up [19].

2. Participant: I would be willing to do, you know, handiwork <...> that sounds like a great idea really [19].

3. Participant: We will be able to discuss that, because, obviously, you have knowledge of the Russian market [20].

Постепенно происходит когнитивная и эмоциональная трансформации субъектов конфликтного общения, совпадение их аксиологических приоритетов, и роль дискурсивных маркеров *definitely, great, really, obviously* состоит в том, что они позволяют усиливать и менять направление общения на кооперативное. Возникновение чувства сотрудничества является также и результатом ряда импликаций слушающего, исходящего из семантики данного вида дискурсивных маркеров.

2. Выражения десемантизированной оценки

Маркеры данного вида в большей степени используются на этапе конструктивного взаимодействия участников дискурса медиации, когда конфликтанты уже готовы дать косвенную оценку ситуации и в какой-то мере допустить ее приемлемость, согласиться с ней.

1. *Participant 1: Yeah, I ran the stuff. I understand I went through the stop sign, but that happens. I'll bet everybody does that occasionally. Hopefully, no gets hurt but I but. I'd willing to see if there's some things that a person could help me with that, I'd be open to discussing that, but it's got to be somebody that I really am comfortable with.*

Mediator: Would you be amenable to that? Would you appreciate the relief from your almost daily trips?

Participant 2: Well, something has to be done. Something, we have to try something [24].

2. *Participant: Yes, you can take off the double damages and then you can stay [21].*

3. *Participant 1: We would like to see the license come back to us to be and your active brand, trade mark registration, be a sign to us. In exchange, I think, we can think about perceiving distribution.*

Participant 2: I think, it's OK, I think, we are business persons, we need to think further, in the future [20].

Выделенные в примерах дискурсивные маркеры сигнализируют о степени уверенности конфликтанта в достигнутом решении, готовности к дальнейшему его рассмотрению, и, как следствие, к дальнейшему сотрудничеству.

3. Маркеры прерывания диалога

Прерывание происходит при нежелании одного из участников поддерживать разговор, обычно тактика уклонения от контакта применяется конфликтующими субъектами в моменты наивысшего напряжения в ходе разрешения конфликта во время деструктивного этапа медиативного дискурса, когда они не могут ответить на слова оппонента и не способны подобрать нужного аргумента:

Participant 1: – How was I supposed to know about that?

Participant 2: – You might ask! But you come over and mow my lawn!

Participant 1: – All right... uh... this is absurd [22].

Последняя реплика участника 1 содержит две длительные паузы (обозначены многоточиями), и маркер хезитации (*uh*), дискурсивный маркер *all right* показывающие, что говорящий не знает, какие аргументы можно привести на замечание своего оппонента, и предпочитает закончить беседу. Реплика «*this is absurd*» означает конец диалога между ним и его оппонентом и передает слово медиатору.

В одном из рассмотренных нами примеров конфликтующий участник оказывает сильное давление на другую сторону, вследствие чего вторая сторона предпочитает прекратить диалог.

Participant 1: – ...that's I disagree with. I think it is about you, which is fine!

Participant 2: – If it was about me, I wouldn't gone for a 50-50 custody, that's wouldn't be an issue. I think, we've gone far enough today, thanks.

Participant 1: – But if she can find a solution...?

Participant 2: – That's all, we've gone far enough today, thank you [23].

Второй участник дважды произносит косвенный речевой акт «*we've gone far enough today, thanks*» с целью завершения медиации. В данном контексте маркер прерывания *That's all* усиливает иллокутивную силу высказывания, коммуникант добровольно прекращает медиативную процедуру, которая невербально выражается в уходе с процедуры медиации. В данном случае прерывание нарушает принципы кооперативного взаимодействия и не ведет к решению конфликта.

4. Этикетные показатели конца диалога

Дискурсивные маркеры выхода из дискурсивного пространства медиации, в основном представлены этикетными формулами благодарения.

1. Participant: *Thank you, sister Zhang. I will definitely repay you the wine money and the fee on suing. If I do not repay it in time, you can punish me as you wish.*

2. Participant: *All right, just like this, all right, (let's) go, shall we. Thanks, the Community. Director Fu, today we have bothered you. Thanks!*

3. Participant: *Ok. Thanks a lot.* Deng

Заключение

Таким образом, анализ институционального формата дискурса медиации выявил значительный спектр дискурсивных маркеров, регулирующих процесс взаимодействия между адресантами. Данные маркеры играют определенную роль, выступая важными актуализаторами психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий коммуникантов в процессе когнитивной и эмоциональной трансформации субъектов конфликтного общения в рамках перехода от деструктивного общения к коммуникативному консенсусу.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Р.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: «Помовский и партнеры», 1993. 207 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. №. 3(27). С. 7-20.
3. Дискурсивные маркеры: прагмалингвистический и прагмалингово-дидактический аспекты. / Шустова С.В., Журавлева Е.Р., Путина О.Н., Исаева Е.В.; научный редактор д-р филол. наук Е.В. Боднарук. Пермь: ПГНИУ, 2020. 180 с.

4. Иванова Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999. 169 с.
5. Кибрик А.А., Подлеская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2009. С. 390-395.
6. Куликова Л.В. Дискурс межкультурной медиации: концептуальная модель исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16(2). С. 245-258.
7. Мишиева Е.М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 233 с.
8. Прохорова О.А. Mediation: focus on discourse modeling // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 117-127.
9. Солнышкина М.И., Гатиятуллина Г.М., Гайнутдинова Д.З. Дискурсивные маркеры в устном научном дискурсе // Филология и культура. 2019. № 2(56). С. 86-92.
10. Crible L. Discourse Markers and (Dis)fluency. Forms and Functions across Languages and Registers. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 252 p.
11. Fedriani C., Sanso A. Introduction // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. pp. 1-36.
12. Janier M., Reed C. Corpus Resources for Dispute Mediation Discourse // 10th International Conference on Language Resources and Evaluation, 2016. pp. 1014-1021.
13. Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. pp. 931-952.
14. Fraser B. An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics. 2009. № 1. pp. 293-320.
15. Hansen M.-B.M. A dynamic polysemy approach to the lexical semantics of discourse markers (with an exemplary analysis of French toujours) // Approaches to Discourse Particles. Amsterdam: Elsevier. 2006. pp. 21-41.
16. Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as conversation. New York: Academic Press, 1977. 392 p.

17. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
18. Case of mediation: Bea Larsen Mediation, Divorce Mediation. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NtP6J01_MTg (дата обращения: 29.10.2022).
19. Case of mediation: Resolving Conflicts Through Mediation URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZBeUbpIq2Uw> (дата обращения: 02.11.2022).
20. Case of mediation: Resolution Through Mediation: Solving a Complex International Business Problem. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xTbj-eHwX-w> (дата обращения: 25.10.2022).
21. Case of mediation: Tenant-Landlord Mediation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j6JEpg10pbw> (дата обращения: 5.11.2022).
22. Case of mediation: A Neighbor-to-Neighbor Conflict Role Play. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KS-ykB7nYiY> (дата обращения: 01.11.2022).
23. Case of mediation: Divorce Mediation Demonstration. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rv5JjvgIPq0> (дата обращения: 02.11.2022).
24. Case of mediation: Elder Mediation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PjJiE-60omI> (дата обращения: 03.11.2022).

References

1. Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina R.V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow: «Pomovskiy i partnery» Publ., 1993, 207 p.
2. Bogdanova-Beglaryan N.V. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: oprede-lenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, 3(27). pp. 7-20.
3. *Diskursivnye markery: pragmalingvisticheskiy i pragmalingvo-didakticheskiy aspekty* [Discursive Markers: Pragmalinguistic and Pragmalinguistic-Didactic Aspects]. Perm: PSNRU, 2020, 180 p.

4. Ivanova E.A. *Leksicheskie pogranichnye markery minimal'nykh dialogicheskikh edinit* [Lexical boundary markers of minimal dialogic units]. PhD dissertation. Moscow, 1999. 169 p.
5. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Diskursivnye markery v strukture ustnogo rasskaza: opyt korpusnogo issledovaniya [The role of discourse markers in local discourse structure: a corpus study]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Materials of the Annual International Conference «Dialogue»]. Moscow: RSHU Publ., 2009, pp. 390-395.
6. Kulikova L.V. Diskurs mezhkul'turnoj mediatsii: konceptual'naja model' issledovaniya [Discourse of intercultural mediation: a conceptual research model]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* [St. Petersburg University Bulletin. Language and Literature], 2019, no. 16(2), pp. 245-258.
7. Mishieva E.M. *Diskursivnye markery v molodezhnoy onlayn-kommunikatsii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Discursive markers in youth online communication (on the material of the English language)]. PhD dissertation. Moscow, 2015, 233 p.
8. Prokhorova O.A. Mediation: focus on discourse modeling. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki* [Siberian Federal University Journal. Humanities & Social Sciences], 2019, no. 12(1), pp. 117-127.
9. Solnyshkina M.I., Gatiyatullina G.M., Gaynutdinova D.Z. Diskursivnye markery v ustnom nauchnom diskurse [Discourse markers in academic spoken discourse]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2019, no. 2(56), pp. 86-92.
10. Crible L. Discourse Markers and (Dis)fluency. Forms and Functions across Languages and Registers. Amsterdam: John Benjamins, 2018, 252 p.
11. Fedriani C., Sanso A. Introduction. *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 1-36.
12. Janier M., Reed C. Corpus Resources for Dispute Mediation Discourse. *10th International Conference on Language Resources and Evaluation*, 2016, pp. 1014-1021.

13. Fraser B. What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 931-952.
14. Fraser B. An Account of Discourse Markers. *International Review of Pragmatics*, 2009. no. 1, pp. 293-320.
15. Hansen M.-B.M. A dynamic polysemy approach to the lexical semantics of dis-course markers (with an exemplary analysis of French toujours). *Approaches to Discourse Particles*. Amsterdam: Elsevier, 2006, pp. 21-41.
16. Labov W., Fanshel D. Therapeutic Discourse: Psychotherapy as conversation. New York: Academic Press, 1977, 392 p.
17. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 364 p.
18. Case of mediation: Bea Larsen Mediation, Divorce Mediation. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NtP6J01_MTg (accessed October 29, 2022).
19. Case of mediation: Resolving Conflicts Through Mediation URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZBeUbpIq2Uw> (accessed November 02, 2022).
20. Case of mediation: Resolution Through Mediation: Solving a Complex International Business Problem. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xTbj-eHwX-w> (accessed October 25, 2022).
21. Case of mediation: Tenant-Landlord Mediation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j6JEpg10pbw> (accessed November 05, 2022).
22. Case of mediation: A Neighbor-to-Neighbor Conflict Role Play. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KS-ykB7nYiY> (accessed November 01, 2022).
23. Case of mediation: Divorce Mediation Demonstration. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rv5jJvglPq0> (accessed November 2, 2022).
24. Case of mediation: Elder Mediation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PjJiE-60omI> (accessed November 03, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Прохорова Ольга Аркадьевна, кандидат филол. наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных направлений

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация

oprokhorovasfu@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Prokhorova, PhD, Head of the Department of Foreign Languages for the Humanities

Siberian Federal University

79, Svobodny prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

oprokhorovasfu@gmail.com

Поступила 11.11.2022

После рецензирования 05.12.2022

Принята 08.12.2022

Received 11.11.2022

Revised 05.12.2022

Accepted 08.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-155-170

УДК 81-114.4

НОВЫЕ ТЕРМИНЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева, М.Д. Валиева

Изменения, произошедшие в XXI в. в российской системе образования, повлекли за собой приток новых слов и выражений, связанных с обеспечением этого вида деятельности. Традиции, имеющиеся в русской лексикографии по репрезентации появляющейся номенклатуры терминов, можно проецировать также на языки народов Российской Федерации. Однако на современном этапе корпус специальных слов, отражающих отдельные аспекты реформирования образования, не представлен в словарях русского языка и требует исследовательских усилий. Сюда входит широкий пласт новых терминов, относящихся в том числе к документационному обеспечению единого государственного экзамена, процедуре его проведения.

Обоснование. *Значительное число неологизмов, вошедших в сферу образования в последние годы, требует отражения в специальных словарях русского и осетинского языков, так как данная терминология используется в профессиональной деятельности большого числа людей, а существенная ее часть – в учебной деятельности такой социальной группы, как молодежь.*

Цель. *Анализ и классификация номенклатуры терминов, относящихся к сфере образования, к процедуре организации и проведения единого государственного экзамена, для включения их в специальные и переводные словари.*

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты, касающиеся процедур, регламентирующих организацию и проведение единого государственного экзамена. Основными методами исследования являются контент-анализ и сплошная выборка.*

Результаты. *Определена номенклатура терминов, охватывающая значительную часть социума, для включения их в словари и национальные корпуса русского и осетинского языков. Проведена тематическая классификация специальной лексики с учетом логико-семантических связей и технологического процесса государственной итоговой аттестации.*

Область применения результатов. *Материалы исследования могут быть использованы для включения в национальные корпуса русского и осетинского языков, подготовки словарей и в практике документационного обеспечения управленческой деятельности на осетинском языке.*

Ключевые слова: *осетинский язык; русский язык; документационное обеспечение управления; неологизм; единый государственный экзамен; термин*

NEW TERMS OF THE EDUCATIONAL ACTIVITY SPHERE IN THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES

L.B. Gatsalova, L.K. Parsieva, M.D. Valieva

The changes that have occurred in the Russian education system in the XXI century have entailed an influx of new words and expressions related to the provision of this type of activity. The traditions existing in Russian lexicography on the representation of the emerging nomenclature of terms can also be projected into the languages of the peoples of the Russian Federation. However, at the present stage, the corpus of special words showing certain aspects of education reform has not been reflected in the dictionaries of the Russian language and requires further research. This includes a wide range of new terms, as well as those related to the documentation support of the unified state exam, as well as the procedure for its conduct.

Background. *A significant number of neologisms that have entered the field of education in recent years require reflection in special dictionaries of the Russian and Ossetian languages, since this terminology is*

used in the professional activities of a large number of people, and its significant part is used in the educational activities of the young, being a social group.

Purpose. *Analysis and classification of the nomenclature of terms related to the field of education, to the procedure for organizing and conducting the unified state exam, for their inclusion in special and bilingual dictionaries.*

Materials and methods. *The material for the study was regulatory legal acts concerning the procedures governing the organization and conduct of the unified state exam. The main research methods are content analysis and continuous sampling.*

Results. *The nomenclature of terms covering a significant part of society is determined for inclusion in both dictionaries and national corpus of the Russian and Ossetian languages. The thematic classification of special vocabulary is carried out taking into account the logical and semantic connections and the technological process of the state final certification.*

Practical implications. *The research materials can be used for inclusion in the national corpus of the Russian and Ossetian languages, preparation of dictionaries and in the practice of documentation support of management activities in the Ossetian language.*

Keywords: *Ossetian language; Russian language; documentation support of management; neologism; unified state exam; term*

Введение

Цель. Анализ и классификация номенклатуры терминов, относящихся к сфере образования, к процедуре организации и проведения единого государственного экзамена, для включения их в специальные и переводные словари.

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения номенклатуры терминов сферы образования, охватывающей значительную часть социума, для включения их в словари и национальные корпуса русского и осетинского языков. Предлагается тематическая классификация специальной лексики с

учетом логико-семантических связей и технологического процесса государственной итоговой аттестации.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты, касающиеся процедур, регламентирующих организацию и проведение единого государственного экзамена. Основными методами исследования являются контент-анализ и сплошная выборка.

Результаты и обсуждение

Вопросы, связанные с феноменом нового слова, являются предметом давней дискуссии и в мировой, и в российской науке о языке. Постоянное внимание учёных к проблемам, связанным с возникновением новых единиц номинации, использованием их в процессе коммуникации, идентификацией значения инноваций, обусловлено их принципиально важной ролью как «зеркала» языкового развития. Сегодня многочисленные неологические работы демонстрируют интерес к новейшим теориям в прагматике, когнитивной лингвистике, других областях науки о языке, однако ключевые вопросы о новом слове исследуются в основном в рамках уже осмысленных парадигм, в контексте идей, сформулированных в недрах классической лингвистики.

Так как развитие любого общества, его интегрирование в мировую культуру неизбежно связано с процессом языкового закрепления всего нового, тематика исследований по неологии соотносима с наиболее актуальными проблемами общества. Так, в последние годы теме пандемии ученые, занимающиеся вопросами неологии, посвятили множество работ. Это и зарубежные коллеги [14-15], и российские лингвисты [2], и мы в том числе [1]. Ожидаемы будут и исследования, связанные с появлением в языке неолексем военной тематики. Однако жизненная организация общества традиционно включает в себя проблемы, которые не могут не получить отражение в языковом пространстве социума вне зависимости от тематики информационной повестки. Одной из таких всегда актуальных тем является сфера образования и происходящие в

ней инновационные процессы. Значительное количество неолексем, являющихся номинациями явлений, действий и процессов, так или иначе связанных с документационным обеспечением при организации и проведении единого государственного экзамена – одной из наиболее массовых кампаний в российском образовательном пространстве – вошли в русский язык, а посредством его и в осетинский, но так и не стали предметом изучения и лексикографирования.

Переход на новую систему образования в России в начале XXI в. повлек за собой изменения и в терминологическом аппарате педагогической науки. Именно тогда появились термины, отсутствовавшие в отечественной традиции, иногда переводившиеся с английского языка буквально и включенные в нормативно-правовые акты, образовательные стандарты и остальные руководящие документы, а также в специальные лексикографические издания. Так, например, активно употребляющееся в системе вузовского образования выражение «профиль подготовки» является переводом английского *profile of study*, семантика которого означает типичные черты образовательной программы высшего образования в рамках какого-либо направления подготовки. Или один из ключевых аспектов образовательных стандартов «результаты обучения» (англ. *learning outcomes*), означающий совокупность компетенций в терминах знаний, умений и навыков, которыми выпускник должен владеть по окончании обучения. Вузовские образовательные стандарты и другая нормативно-правовая и методическая документация, адаптированная под Болонскую систему, стали широко использовать выражения «зачетная единица», «образовательный кредит», «академическая мобильность», «поликультурное воспитание», «обучение в течение жизни» и др.

Идеи совершенствования российской системы образования каждый раз касаются в полной мере и процедуры проведения Единого государственного экзамена, «являющегося обязательным элементом прохождения Государственной итоговой аттестации при завершении среднего образования и поступлении в учреждения высшего

образования. Проблема качества знаний школьников, различной направленностью и уровнем развития внутренней мотивации учебной деятельности актуальна как для педагогической, так и для возрастной психологии» [7, с. 270], поэтому множество исследований, затрагивающих подобные аспекты ГИА, успешно воплощаются в практической реализации экзаменационного процесса.

Сама процедура проведения ГИА является в технологическом плане довольно сложной, а сформировавшаяся в ходе нее терминология заметно отличается от остальной лексики педагогической отрасли и требует специального изучения. Однако до сих пор в лингвистической науке нет каких-либо специальных работ и лексикографических изданий, включающих в себя данную терминологию и ее толкование.

Включение того или иного термина в научный аппарат отрасли еще не говорит о его несомненной новизне, если нет нового явления или понятия, которое он отражает. Иногда старое понятие начинают называть заимствованием, что ведет к засорению русского языка и ненужному дублированию, что для науки вносит только путаницу в терминологическом аппарате. Интересный пример таких лжетерминов приводит А.Н. Рыжов: «Введение в терминологическую систему педагогики нового термина нередко происходит без доказательств новизны явления и понятия, которые он отражает, и без опоры на уже существующие термины и понятия. Представители научного сообщества предлагают новые слова, которые пытаются связать с традиционными педагогическими понятиями и явлениями. Примером может служить слово «воспитатика», которое предлагается понимать как теорию и практику воспитания. Для закрепления в педагогике этого слова двумя изданиями (2008, 2009) был выпущен двухтомный учебник «Воспитатика» с «Кратким словарем по воспитатике». Авторы подобных «терминов» пытаются встроить их в существующую систему педагогических терминов и понятий» [8, с. 4].

Между тем цель нашего исследования сугубо лингвистическая и состоит в определении номенклатуры терминов, без которых про-

ведение государственной итоговой аттестации было бы невозможно. Для сферы образования данная терминология является новой и достаточно неогенной.

Методом сплошной выборки из нормативно-правовой и методической документации, а также из официальных сайтов Росособнадзора, Федерального центра педагогических измерений и Федерального центра тестирования была определена вся номенклатура терминов, обеспечивающих функционирование обозначенной сферы деятельности. Имеется также и личный многолетний опыт участия в процедуре ГИА в качестве федеральных экспертов, осуществляющих мониторинг в различных субъектах РФ. Поэтому выборка, в которую входит более 200 терминов, имеет, на наш взгляд, высокую степень репрезентативности.

Мы провели классификацию терминов единого государственного экзамена (ЕГЭ), разбив их на следующие тематические группы:

- наименования лиц, участвующих в процедуре проведения ГИА;
- наименования структур, задействованных или специально организованных для проведения ГИА;
- наименования локаций, определенных для проведения ГИА;
- наименования периодов времени проведения ГИА;
- наименования технологических операций, необходимых для проведения процедуры ГИА;
- наименования технических средств, необходимых для проведения процедуры ГИА;
- наименования видов экзаменов;
- наименования итоговых оценок;
- наименования документации процедуры ГИА;

Кроме того, имеются наименования, не включенные в какую-либо группу, например: *информационные таблички, информационный стенд, ключ доступа к ЭМ, статус, стол для раскладки и упаковки ЭМ, федеральный портал.*

Для примера представим наименования первой группы в виде таблицы, уточнив способ образования (см. Табл. 1):

Таблица 1.

Наименования лиц, участвующих в процедуре проведения ГИА

№	Русский термин	Осетинский термин	Способ образования
1	ассистент	ассистент	заимствование
2	ассистент-сурдопереводчик	ассистент-сурдотæлмацгæнæг	полукалька
3	ведущий эксперт	раззаг эксперт	полукалька
4	верификатор	верификацигæнæг	заимствование
5	выпускник прошлых лет	раздæры æзты рауагъдон	калька
6	должностные лица органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации	Уæрæсейы Федерацийы субъекты хицауады æххæстгæнæг оргæны хæсадон кусджытæ	калька
7	должностные лица Рособrnнадзора	Рособrnнадзоры хæсадон кусджытæ	калька
8	медицинский работник	медицинон кусæг	калька
9	общественный наблюдатель	æхсæнадон фæлгæсæг	калька
10	онлайн-наблюдатель	онлайн-фæлгæсæг	полукалька
11	организатор в аудитории	аудиторийы мидæг организатор	калька
12	организатор вне аудитории	аудиторийы æдде организатор	калька
13	ответственный организатор	бæрнон организатор	калька
14	председатель Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК)	Паддзахадон фæлварæн къамисы сæрдар	калька
15	председатель конфликтной комиссии	конфликтон къамисы сæрдар	калька
16	председатель предметной комиссии	предметон къамисы сæрдар	калька
17	представители средств массовой информации	дзыллон информацийы фæрæзты минæвæрттæ	калька
18	руководитель образовательной организации	ахуырадон организацийы сæргълаууæг	калька
19	руководитель пункта проведения экзаменов (ППЭ)	фæлварæнтæ аразыны пункты сæргълаууæг	калька
20	руководитель Регионального центра обработки информации (РЦОИ)	Информаци бæстонгæнæг регионалон центры сæргълаууæг	калька
21	сопровождающий	æмдзугæнæг	средства самого языка

Окончание табл. 1.

22	сотрудники, осуществляющие охрану правопорядка	барад хяхьхъæнаг куджытæ	калька
23	старший эксперт	хистæр эксперт	полукалька
24	технический специалист	техникон специалист	заимствование
25	уполномоченное лицо	бæрнджын гоймаг	калька
26	участник Государственной итоговой аттестации (ГИА)	Паддзахадон хатдзæггæнæн аттестацийы архайæг	калька
27	участник Единого государственного экзамена (ЕГЭ) с ограниченными возможностями здоровья	Иумæйаг паддзахадон фæлварæны æнæниздзинадæй къуындæг æвналæнтимæ архайæг	калька
28	федеральный общественный наблюдатель	федералон æхсæнадон фæлгæсæг	полукалька
29	федеральный эксперт	федералон эксперт	заимствование
30	член Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК)	Паддзахадон фæлварæнты къамисы уæнг	калька
31	экзаменатор-собеседник	фæлварæнисæг-ныхасæмбал	калька
32	эксперт предметной комиссии	предметон къамисы эксперт	заимствование

Если в основном документе, регулирующем образовательную деятельность в России, – Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [10], а также федеральных государственных образовательных стандартах употребляется лексема «обучающийся», то в Порядке проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования от 07.11.2018 г. № 190/1512 [9] наряду с указанной лексемой употребляется и термин «участник ГИА».

Кроме указанных способов образования терминов в сфере образования широко используются термины-аббревиатуры: ПМПК – психолого-медико-педагогическая комиссия (осет. психологон-медикон-педагогон къамис), ИК – индивидуальный комплект участника (архайæджы индивидуалон комплект), ФИС – федеральная информационная система (федералон информацион системæ), ОИВ – органы исполнительной власти (хицауады æххæстгæнæг оргæнтæ) и др.

Лексикографически данные термины могут быть отражены в русско-осетинских терминологических словарях по следующей схеме словарной статьи:

- 1) заглавное слово на русском языке;
- 2) толкование;
- 3) перевод на осетинский язык.
- 4) иллюстративная часть.

Например:

общественный наблюдатель (ОН) – æхсæнадон фæлгæсæг (*гражданин Российской Федерации, аккредитованный в соответствии с Порядком аккредитации граждан в качестве общественного наблюдателя, выявляющий нарушения при организации и проведении государственной итоговой аттестации*).

Корпус общественных наблюдателей (КОН). *Æхсæнадон фæлгæсджыты корпус. **Федеральный общественный наблюдатель (ФОН).** Федералон æхсæнадон фæлгæсæг. **Региональный общественный наблюдатель.** Регионалон æхсæнадон фæлгæсæг.*

Включение неолексем в общие словари или создание специального словаря терминов рассматриваемой отрасли окажет помощь при проведении обучающих семинаров, курсов повышения квалификации учителей, задействованных в процедуре ГИА, студентов, обучающихся по программам педагогического направления. Не менее значима данная терминология и для обеспечения полноценного функционирования официально-делового и публицистического стиля осетинского и русского языков, расширения национальных корпусов обоих языков.

Заключение

Таким образом, проведенная классификация и разработанная система фиксации неолексем образовательной сферы в лексикографических изданиях разного типа являются перспективным направлением неологии для русского и осетинского языков, имеющим прикладное значение и требующее дальнейшего изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-512-07005 «Лексика государственного управления и делопроизводства на осетинском языке в системном и лексикографическом аспектах».

Список литературы

1. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К., Валиева М.Д. Особенности лексики делопроизводства в современном осетинском языке в период пандемии COVID-19 // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 3. С. 87-98. <https://doi.org/10.24334/KBSU.2021.1.3.008>
2. Катермина В.В., Липиридзе С.Х. Новая лексика пандемии коронавируса в англоязычном дискурсе. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. 178 с.
3. Кольцова Е.А. Неологизмы английского языка XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 604-613. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613>
4. Косова М.В. Системность как свойство документного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1(15). С. 7-11.
5. Липириди С.Х. Неологизмы в туристическом дискурсе: новые направления в лингвистике. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 167 с.
6. Маринова Е.В. Новые слова или новые варианты: о множественности интерпретации некоторых лексических новаций XXI века // Труды инст-та рус. яз. им. В.В. Виноградова. 2019. Т. 19. С. 290-296.
7. Осинина Т.Н. Внутренняя мотивация как условие эффективности прохождения государственной итоговой аттестации современными школьниками // Перспективы науки и образования. 2019. № 6(42). С. 262-273.
8. Рыжов А.Н. Генезис педагогических терминов в России (XI – начало XXI вв.): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2013. 43 с.
9. Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования от

- 07.11.2018 г. № 190/1512. URL: https://doc.fipi.ru/ege/normativno-pravovye-dokumenty/poryadok_gia-11_ot_07.11.2018_no_190-1512.pdf (дата обращения: 16.11.2022)
10. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 21.12.2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.11.2022)
11. Сенько Е.В. Коннотативно-прагматическая динамика восточных заимствований в современном русском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 111-119. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-111-119>
12. Сенько Е.В. Функциональный динамизм современной осетинской лексики // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 4 (26). С. 39-47.
13. Тюрикова Н.А. Экстра- и интралингвистические причины изменений в динамических терминосистемах // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1(17). С. 126-129.
14. Аль-Салман С., Хайдер А.С. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English // Russian Journal of Linguistics, 2021, vol. 25, no 1, pp. 24-42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>
15. Becker A. COVID-19 crisis catalog: A glossary of terms. Texas Medical Center, 2020. URL: <https://www.tmc.edu/news/2020/05/covid-19-crisis-catalog-a-glossary-of-terms/> (дата обращения: 16.11.2022)
16. Kerremans D., Prokić J. Mining the Web for New Words: Semi-Automatic Neologism Identification with the NeoCrawler // Anglia, 2018, vol. 136, no. 2, pp. 239-268. <https://doi.org/10.1515/ang-2018-0032>
17. Khakimova M.Kh. Neologism as a result of the nomination process // Наука и образование сегодня. 2021. №4(63). С. 58-59.

References

1. Gatsalova L.B., Parsieva L.K., Valieva M.D. Osobennosti leksiki deoproizvodstva v sovremennom osetinskom yazyke v period pandemii COVID-19 [Features of office work vocabulary in the modern Ossetian language during the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie.*

- Slovesnost'* [Bulletin of the KBSU: Journalism. Education. Literature], 2021, vol.1(3), pp. 87-98. <https://doi.org/10.24334/KBSU.2021.1.3.008>
2. Katermina V.V., Lipiridze S.Kh. *Novaya leksika pandemii koronavirusa v angloyazychnom diskurse* [New vocabulary of the Coronavirus pandemic in the English discourse]. Krasnodar: KSU, 2022, 178 p.
 3. Kol'tsova E.A. Neologizmy angliyskogo yazyka XXI v. Neologisms of the English language of the XXI century [Neologisms of the English language of the XXI century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2017, vol. 8(3), pp. 604-613. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-604-613>
 4. Kosova M.V. Sistemnost' kak svoystvo dokumentnogo teksta [Consistency' as a property of the document text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2012, no. 1(15), pp. 7-11.
 5. Lipiridi S.Kh. *Neologizmy v turisticheskoy diskurse: novye napravleniya v lingvistike* [Neologisms in tourist Discourse: New directions in linguistics]. Krasnodar: KSU, 2022, 167 p.
 6. Marinova E.V. Novye slova ili novye varianty: o mnozhestvennosti interpretatsii nekotorykh leksicheskikh novatsiy XXI veka [New words or new variants: on the multiplicity of interpretation of some lexical innovations of the XXI century]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language], 2019, vol. 19, pp. 290-296.
 7. Osinina T.N. Vnutrennyaya motivatsiya kak uslovie effektivnosti prokhozheniya gosudarstvennoy itogovoy attestatsii sovremennymi shkol'nikami [Internal motivation as a condition for the effectiveness of passing the state final certification sovremennymi shkol'nikami]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of Science and Education], 2019, no. 6(42), pp. 262-273.
 8. Ryzhov A.N. *Genesis pedagogicheskikh terminov v Rossii (XI – nachalo XXI vv.)* [The genesis of pedagogical terms in Russia (XI – early XXI centuries)]. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2013, 43 p.

-
9. *Poryadok provedeniya gosudarstvennoy itogovoy attestatsii po obrazovatel'nym programmam srednego obshchego obrazovaniya ot 07.11.2018 g. № 190/1512* [The procedure for the state final certification of educational programs of secondary general education dated 07.11.2018 No. 190/1512]. URL: https://doc.fipi.ru/ege/normativno-pravovye-dokumenty/poryadok_gia-11_ot_07.11.2018_no_190-1512.pdf (accessed November 16, 2022)
 10. *Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 21.12.2012 g. № 273-FZ* [Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 21.12.2012 No. 273-FZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed November 16, 2022)
 11. Sen'ko E.V. Konnotativno-pragmaticheskaya dinamika vostochnykh zaimstvovaniy v sovremennom russkom yazyke [Connotative-pragmatic dynamics of Oriental borrowings in modern Russian]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2019, no. 2, pp. 111-119. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-111-119>
 12. Sen'ko E.V. Funktsional'nyy dinamizm sovremennoy osetinskoy leksiki [Functional dynamism of modern Ossetian vocabulary]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2019, no. 4(26), pp. 39-47.
 13. Tyurikova N.A. Ekstra- i intralingvisticheskie prichiny izmeneniy v dinamicheskikh terminosistemakh [Extra- and intralinguistic reasons for changes in dynamic terminological systems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of VSU. Series 2: Linguistics], 2013, no. 1(17), pp. 126-129.
 14. Al'-Salman S., Khayder A.S. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no 1, pp. 24-42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42>
 15. Becker A. COVID-19 crisis catalog: A glossary of terms. Texas Medical Center, 2020. URL: <https://www.tmc.edu/news/2020/05/covid-19-crisis-catalog-a-glossary-of-terms/> (accessed November 16, 2022)

16. Kerremans D., Prokić J. Mining the Web for New Words: Semi-Automatic Neologism Identification with the NeoCrawler. *Anglia*, 2018, vol. 136, no. 2, pp. 239-268. URL: <https://doi.org/10.1515/ang-2018-0032> (accessed November 16, 2022)
17. Khakimova M.Kh. Neologism as a result of the nomination process. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education], 2021, no. 4(63), pp. 58-59.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гацалова Лариса Борисовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН*
пр. Мира, 10, г. Владикавказ, 362040, Российская Федерация
larabella8@mail.ru

Парсиева Лариса Касбулатовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания *Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН*
пр. Мира, 10, г. Владикавказ, 362040, Российская Федерация
parsieva_larisa@mail.ru

Валиева Мадина Дмитриевна, старший преподаватель кафедры осетинского языка и общего языкознания *Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова*
ул. Путина, 8, г. Цхинвал, 100001, Республика Южная Осетия
madina_vality@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Larisa B. Gatsalova, Doctor of Philology, Leading Researcher of the
Department of Ossetian Linguistics

*V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social
Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS*

10 Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation

larabella8@mail.ru

SPIN-code: 6546-9646

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2789-0002>

ResearcherID: K-8569-2018

Larisa K. Parsieva, Doctor of Philology, Leading Researcher of the
Department of Ossetian Linguistics

*V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social
Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS*

10 Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russian Federation

parsieva_larisa@mail.ru

SPIN-code: 6068-5100

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0621-091X>

ResearcherID: K-8807-2018

Madina D. Valieva, Senior Lecturer of the Department of Ossetian
Language and General Linguistics

South Ossetian state University named after A. A. Tibilov

8, Putina Str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia

madina_vality@mail.ru

Поступила 17.11.2022

После рецензирования 14.12.2022

Принята 19.12.2022

Received 17.11.2022

Revised 14.12.2022

Accepted 19.12.2022

DOI:10.12731/2077-1770-2022-14-4-171-183

УДК 81-115

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА КОМПАРАТИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Т.А. Такоева

Статья посвящена языковым универсалиям как одному из важнейших понятий типологии, лежащему в основе сравнительного изучения языков.

Цель исследования: проследить историю появления и становления термина языковые универсалии, на основе синтеза воззрений известных лингвистов и собственных наблюдений проанализировать существующие определения и классификации универсалий, определить место глагольных конструкций, отягощенных аспектуальным значением в системе языковых универсалий.

Актуальность исследования объясняется постоянным интересом ученых к отдельным языкам как продукту общечеловеческого мышления, открытием новых универсалий и необходимостью их описания и систематизации.

Материалом исследования послужили тексты переводов осетинских нартских сказаний на русский, английский и турецкий языки.

Методологической базой исследования стали теоретический анализ литературных источников, посвященных изучаемой проблематике, сравнение, обобщение, систематизация языковых данных, полученных эмпирическим путем.

Результаты. В статье делается вывод об отсутствии однозначного толкования языковых универсалий и, как следствие, о наличии различных подходов к определению понятия универсалия в зависимости от объема языковых явлений, охватываемых данным термином. Несоответствия в наборе средств реализации универсальных аспектуальных значений сопоставляемых языков могут

быть объяснены особенностями структурно-типологической организацией каждого конкретного языка.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в повседневных дидактических процессах, способствовать совершенствованию методики преподавания практического курса языков, курса теоретической грамматики, теории перевода.

Ключевые слова: языковые универсалии; компаративная лингвистика; глагольные конструкции; аспектуальность

LINGUISTIC UNIVERSALS AS THE FOUNDATION OF COMPARATIVE RESEARCH

T.A. Takoeva

The article is devoted to linguistic universals as one of the most important term of typology and the foundation of comparative research.

Purpose. *The analysis is aimed at tracing the history of the emergence and formation of the term linguistic universals, as well as analyzing the available definitions and classifications of universals on the basis of the synthesis of the views of famous linguists and the authors' own observations, and determining the place of verbal constructions with an aspectual meaning in the system of linguistic universals.*

The relevance of the research *is due to the constant interest of scientists in particular languages as a product of universal thinking, as well as the discovery of new universals and the need for their description and systematization.*

The research material is the texts of translations of Ossetian folk tales into Russian, English and Turkish.

Materials and methods. *The methodological basis of the study is theoretical analysis of literary sources, comparison, generalization, systematization of empirical data.*

Results. *The article concludes that there is no unambiguous interpretation of linguistic universals and, consequently, there are different*

approaches to the definition of the term universals depending on the volume of linguistic phenomena covered by this term. Discrepancies in the set of tools for implementing universal aspectual meanings of the compared languages can be explained by the peculiarities of the structural and typological organization of each specific language.

Practical implications. *The results of the analysis can be used in routine didactic processes, contributing to the improvement of the methodology of teaching a practical course of languages, a course of theoretical grammar, translation theory.*

Keywords: *linguistic universals; comparative linguistics; verbal constructions; aspectuality*

Языковая картина современного нам мира неоднородна и поляризована: по одну сторону находятся так называемые языки-гиганты, насчитывающие до миллиарда носителей, по другую – большое количество малых языков. При этом независимо от того, какова «география», структурная организация или какие-либо другие характеристики того или иного естественного языка, каждая лингвокультура уникальна. Вместе с тем в основе структуры и функционирования самых разных языковых культур лежат одни и те же вербальные процессы. Речь идет о так называемых «языковых универсалиях», присутствие которых позволяет постигать, а потом и сопоставлять формальное выражение этих последних в языках разных типов и систем. Ведь «сравнение языков плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры. Мало пользы от сравнительного изучения в том случае, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы ни в чем не имеют сходства». [9, с. 9]. В отличие от *уникалий*, выявляющих структурные характеристики конкретно взятой лингвокультуры, языковые универсалии как одно из важнейших понятий типологии, присущи всем или большинству естественных языков.

Вопрос о существовании универсальных языковых характеристик и возможности создания столь же всеобъемлющей грамматики интересовал лингвистов с давних пор. К упомянутой проблемати-

ке обращались как античные, так и средневековые исследователи. Термин же «*grammatica universalis*» официально появился в XIII в., а после выхода в свет знаменитой «*Грамматики Пор-Руаяля*», разработанной А. Арно и К. Лансло, он получил достаточно широкое распространение. В XX в. существенным вкладом в изучение проблематики языковых универсалий стала специальная конференция, состоявшаяся в апреле 1961 г. в Нью-Йорке, собравшая корифеев современной лингвистики и представителей смежных наук. Материалы конференции были изданы под редакцией Дж. Гринберга в 1963 г. под названием «*Universals of Language*». В русском переводе большая часть статей этого сборника появилась в издании «Новое в лингвистике» [6].

Разработка идеи универсальной грамматики связана так же и с именем генеративиста Н. Хомского. Ученый полагает, что все языки мира одинаковы по своей сути, и свидетельством их глубинного сходства являются не слова и звуки, а синтаксическая организация последних. По мнению исследователя, человек уже рождается с универсальной синтаксической матрицей, содержащей все возможные параметры, и ему остается лишь установить верное для его конкретного языка значение каждого из них. Последователь идей Н. Хомского американский лингвист М. Бейкер пытался выявить лингвистические закономерности, которые позволили бы создать в языкознании что-то подобное периодической таблице химических элементов Менделеева [1].

Несмотря на тот очевидный факт, что еще далеко не все сходные характеристики различных лингвокультур стали предметом научных разысканий, ученые все охотнее прибегают к термину *языковые универсалии* для описания новых лингвокультурных явлений, попавших в поле зрения исследователей. Однако только этим сфера применения обозначенного термина, безусловно, не ограничивается. В зависимости от характеристик, лежащих в основе конкретно взятой классификации, выделяют несколько типов языковых универсалий. Так, например, по степени интенсивности типологических свойств дифференцируют *абсолютные* (полные, неограниченные), *простые*

(утверждающие наличие какого-либо явления в языке) и *сложные* (импликационные), констатирующие связь между двумя языковыми явлениями. С учетом временных параметров языковые универсалии могут актуализироваться как *синхронические* и *диахронические*, а по способу их обнаружения как *дедуктивные* либо *индуктивные*, а также экстралингвистические и собственно лингвистические. Кроме того, лингвистические универсалии могут подразделяться на универсалии языка и речи. При этом следует помнить и о том, что проявляются универсалии на всех языковых уровнях.

Видовременная система типологически различных языков заслуживает особого интереса исследователей. Если говорить о многофункциональности лингвистической категории, то она может подвергаться анализу с различных позиций, а именно как универсальность значения, выражения, функции и т.д. Так, в частности, универсальность значения категории аспектуальности признается в лингвистике большинством ученых и традиционно считается понятием, функционально-семантическим концептом. В тех же случаях, когда воззрения исследователей на упомянутую проблематику расходятся, речь идет лишь об определении сущности глагольного вида и его взаимосвязи со способами глагольного действия, наличие которых во всех естественных языках сомнений не вызывает, в то время как по отношению к универсальности выражения тех или иных аспектуальных смыслов большинство лингвистов не столь единодушно во мнении, так как вряд ли можно говорить о наличии семантических универсалий, которые бы во всех существующих лингвокультурах оформлялись бы идентичными языковыми средствами. Речь может идти лишь об определенной тенденции или установленной эмпирическим путем частотности. Ведь в зависимости от того, как соотносятся имеющиеся в языке аспектуальные значения и формы их выражения реализация видовых смыслов может приобретать самые разнообразные конфигурации. Категория аспектуальности, по мнению П. Фридриха, может считаться кандидатом в члены универсальных признаков, которые являются врожденными или генетически предопределенными [10].

Т.В. Белошапкова, исследуя функционирование категории аспектуальности с позиций когнитивной лингвистики, относит аспектуальные концепты «к семантическим примитивам (термин А. Вежбицкой), т. е. к набору лексических универсалий, лежащих в основе человеческой коммуникации и мышления». Тем самым подтверждая, «что концептуальное устройство категории аспектуальности относится к базовому уровню концептуальной системы языка» [2, с. 186].

В современной аспектологической литературе принято считать, что все глагольные формы эксплицируют то или иное видовое значение. Н.Б. Телин в своей статье, посвященной виду и способам глагольного действия русского языка, приводит цитату Е. Куриловича, считавшего, что «как существительное может обходиться без артикля, глагольная система может функционировать без формального различения времен (ср. семитские языки.). Однако вид является *конститутивной* категорией глагола, существующей во всех языках». [3, с. 252].

И хотя среди исследователей встречаются такие, которые рассматривают глагольный вид как явление, свойственное сугубо славянским языковым культурам, все же идея универсальности аспектуальной категории более распространена. Что касается принятия либо отрицания всеохватности этой последней, то, по мнению Ю.Э. Цеплинской, во многом оно связано с самой трактовкой содержательной стороны категории вида [7, с. 4]. Использование функционально-семантического подхода к анализу языковых фактов, предложенного для изучения русского языка, где видовая категория проявляется наиболее зримо и интенсивно, а само её существование ни у кого не вызывает сомнений, можно считать универсальным и, следовательно, применимым при постижении аспектологических явлений других естественных языков, в особенности тех, где категория вида находит свое четкое морфологическое воплощение, а целая гамма дополнительных видовых значений инкорпорируется в высказывание средствами других языковых уровней [4, с. 44.].

Безусловно, все сказанное вызывает определенные трудности при передаче глагольных конструкций, отягощенных аспектуаль-

ным значением, и возникают они независимо от того с какой парой языков работает переводчик. Отсутствие или несовпадение тех или других грамматических фигур в языке оригинала или перевода не может не провоцировать профессиональных трудностей, сопряженных с системными особенностями временных форм, наличием бинарной видовой оппозиции как, например, в русской языковой системе, или ее отсутствием как в английской и турецкой лингвокультурах.

Исследование любой грамматической категории, ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения, должно учитывать присутствие в ней значения времени. Грамматически выраженные значения времени, пространства (это последнее тяготеет более весомо к лексико-синтаксическим способам его речевой актуализации), вида, модальности и залога формируют наиболее существенные системообразующие категории в виде некоего функционального единства, цементирующей силой которого становится временное значение, всегда присутствующее как обязательная составляющая в любой из упомянутых грамматических категорий, независимо от того, в какой ближайшей функции она (эта категория) выступает в конкретной речевой реализации [5, с. 196].

Известно, что существование абсолютных/относительных временных форм обуславливается их соотношением с моментом речи. И если абсолютные временные формы выражают действие совпадающее, свершающееся до или вслед за моментом речи, то относительные времена рассматриваются с позиций временной формы / момента речи, условно принятых за точку отсчёта. Русской языковой культуре свойственны абсолютные временные формы, в английском и турецком языках встречаются как абсолютные, так и относительные времена. Ввиду наличия последних разветвленные системы времен английского и турецкого языков располагают большим набором грамматических средств выражения реального времени. Обращает на себя внимание тот факт, что в анализируемом нами эмпирическом материале (тексте сказаний о нартах) наиболее частотно используется прошедшее повествовательное время.

Простое прошедшее (аорист) как одна из временных форм изъявительного наклонения сообщает лишь о предшествовании действия настоящему периоду ориентации и не содержит каких-либо иных аспектуальных значений что, разумеется, не препятствует тому, чтобы воссоздавать соответствующую информацию лексическими или другими языковыми средствами.

Прошедшее категорическое время в турецком языке так же не имеет аспектуального значения. При передаче информации с турецкого языка на русский используются русские глаголы как совершенного, так и несовершенного вида. Определяющим в выборе видовой формы становятся семантика глагольной лексемы и ее контекстуальное окружение.

Все нижеприведенные примеры являются наглядной иллюстрацией к высказанному суждению:

*So that the day of their birth should bring the newcomers happiness, Wæraæg **prepared** a feast, consisting of game caught in the hunt, to regale his guests* [1, с. 17].

*Nart usulü bir ziyafet **hazırladı*** [3, с. 25].

*Чтобы счастье принес новорожденным день их рождения, Уар-хаг **устроил** пир, и, как водилось у нартов, только дичиной, добытой на охоте, подчевал на этом пиру* [2, с. 45].

Или еще:

*The whole day such an apple **grew** ripe but during the night somebody stole it* [1, с. 20].

*Целый день **зрело** яблоко, сверкая на верхушке дерева, но ночью кто-то его похищал* [2, с. 50].

*Sabahtan akşama kadar haza **olgunlaştırdı**, ancak, geceleyin birileri onu çalardı* [3, с. 26].

Обращение к форме «определенного имперфекта» в турецкой лингвокультуре в приведенном контексте эксплицируется тем фактом, что акцент делается на процессность. Функциональное назначение упомянутой временной формы способно не только определять называемое основой действие как прошедшее, но также представлять его как интрагерминальное. Значение срединной фазы

протекания ситуации отчетливо проявляет себя при переводе английских и турецких высказываний со сказуемым в форме определенного имперфекта и для адекватности перевода требует использования русским языком формы несовершенного вида:

*Dzerassa **was lying** on her bed, and her golden hair fell over her shoulders and down onto the floor. The sun **was laughing** on her face, and the moon **was shining** upon her breasts* [1, с. 27]

*Genç kız, altın renginde saç örgüleri yerlere kadar sarkmış bir durumda yatağında **yatiyordu**. Yüzünde güneşler **gülüyor**, göğsünde aylar **yükseliyordu**.* [3, с. 28].

*Лежум в постели девушка, волнами падают на пол ее золотые волосы. Солнце **смеется** на ее лице, луны **блестят** на ее груди* [2, с. 53].

Перфект относится к числу наиболее употребляемых в естественных языках мира временных форм и обладает не только темпоральным, но и видовой значением посттерминальности.

*Satana **had brought** her to the brink of despair, and was convinced that she feared Wýryzmæg's anger more than anything* [1, с. 59].

Довела Сатана невестку свою до отчаяния, убедилась, что больше смерти боится она мужа своего... [2, с. 66].

*A year **had passed** since the marriage of Wæraæg and Dzerasse* [1, с. 53].

*Uerheg ve Dzerasse tam bir yıl birlikte **yaşadıktan sonra** Uerheg öldü* [3, с. 35].

Прошел год после женитьбы Уархага и Дзерассы [2, с. 63].

На примере нескольких наиболее типичных текстовых отрезков мы обнаруживаем некоторое несоответствие видовременных форм в анализируемых языковых культурах.

При почти полном формальном совпадении номенклатуры грамматических категорий в русском, английском и турецком языках отмечаются весьма существенные расхождения как в количестве видовременных форм, задействованных в экспликации процесса действия, так и в частных грамматических значениях, обнаруживаемых этими последними. Бесспорно, что для адекватного воспроизведения того или иного аспектуального смысла могут быть привлечены самые разнообразные языковые средства грамматиче-

ского, лексического, синтаксического порядка, что требует от переводчика постоянного внимания и концентрации. Вместе с тем есть два фактора, которые предоставляют возможность в значительной степени упростить, а порой и ускорить процесс воспроизведения иноязычного текста на родной язык – это знание определенных закономерностей, объективно существующих в языках, и умение применять их на практике.

Источники языкового материала

1. Равзаргæ Нарты Кадджытæ / Selected Nartæ Tales. Цхинвал: Хуссар Алани, 2007. 216 с.
2. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. Пер. с осет. Ю. Либединского. М.: «Советская Россия», 1978. 512 с.
3. Nartlar Oset Halk Destanlari. Translated from French by G. Dumezil; into Turkish by H. Ata. Ankara, 2014, 254 s.

Список литературы

1. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
2. Белошапкова Т.В. Категория аспектуальности с точки зрения когнитивной лингвистики // Интеграция образования. 2005. № 4. С. 180-186.
3. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. 1970. № 5. М.: «Прогресс». С. 114-162. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novoe/text.pdf?ysclid=lbcgeln35s185787999> (дата обращения: 24.12.2022)
4. Калабекова Л.Т. Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков): Монография. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2015. 196 с.
5. Калабекова Л.Т. Ведущая роль категории времени в функциональной значимости парадигмальных форм глагольного спряжения (во французском, русском и осетинском языках) // Вестник Адыгейско-

- го государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 192-196.
6. Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. 1970, № 5. М., 1970. С. 5-30. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novoe/text.pdf?ysclid=lbcgeln35s185787999> (дата обращения: 24.12.2022)
 7. Цеплинская Ю.Э. Введение в испанскую аспектологию, М: МПГУ, 2016. 60 с.
 8. Шакирова Л.З. Научные основы методики обучения категориям вида и времени русского глагола в тюркоязычной (татарской и башкирской) школе. Казань: Таткнигоиздат, 1974. 279 с.
 9. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: «Наука», 1981. 112 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kontrgram/text.pdf> (дата обращения: 24.12.2022)
 10. Friedrich P. On Aspect Theory and Homeric Aspect // International Journal of American Linguistics, 1974, Vol. 40, Number 4, Part 2, pp. 1-44. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/toc/ijal/40/4%2C+Part+2> (дата обращения: 24.12.2022)

Language material sources

1. *Ravzargæ Narty Kaddzhytæ* [Selected Nartæ Tales]. Chinval: Hussar Alani Publ., 2007, 216 p.
2. *Skazaniya o Nartah. Osetinshj epos* [Nartæ tales. Ossetian epic] Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1978, 512 p.
3. *Nartlar Oset Halk Destanlari* [Nartæ Tales. Ossetian epic]. Ankara: OwnPub Pul., 2014, 254 p.

References

1. Bejker M. *Atomy jazyka: Grammatika v temnom pole soznaniya* [The Atoms of Language. The Mind's Hidden Rules of Grammar] Moscow: LKI Publ., 2008, 272 p.
2. Beloshapkova T.V. Kategorija aspektual'nosti s tochki zrenija kognitivnoj lingvistiki [The Category of Aspectuality in Terms of Cognitive Linguistics]. *Integracija obrazovanija* [Education Integration], 2005, no. 4, pp. 180-186.

3. Grinberg Dzh. Nekotorye grammaticheskie universalii, preimushhestvenno kasajushhiesja porjadka znachimyh jelementov [Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics], 1970, no. 5. Moscow: Progress Publ., pp. 114-162. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novoe/text.pdf?ysclid=lbcgeln35s185787999> (accessed December 24, 2022).
4. Kalabekova L.T. *Sposoby` glagol'nogo dejstviya v kontrastivnom osveshhenii (na materiale francuzskogo, russkogo, osetinskogo yazy`kov)*. Monografiya [Aktionsart in Contrastive Elucidation. On the material of the French, Russian and Ossetian Languages. Monograph]. Vladikavkaz: NOSU Publ., 2015, 196 p.
5. Kalabekova L.T. Vedushchaya rol' kategorii vremeni v funkcion-al'noj znachimosti paradigmal'nyh form glagol'nogo spryazheniya (vo fran-cuzskom, russkom i osetinskom yazykah) [The Leading Role of the Category of Tense in the Functional Significance of the Paradigm Forms of Verb Conjugation (in French, Russian and Ossetian)]. *Vestnik Adygejskogo gos-universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University], 2012, no 1, pp. 192-196.
6. Uspenskij B.A. Problema universalij v jazykoznanii [The Problem of Universals in Linguistics]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics], 1970, no. 5. Moscow: Progress Publ., pp. 5-30. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novoe/text.pdf?ysclid=lbcgeln35s185787999> (ac-cessed December 24, 2022).
7. Tseplinskaja Ju.Je. *Vvedenie v ispanskuju aspektologiju* [Introduction to Spanish Aspectology]. Moscow: MPSU Publ., 2016, 60 p.
8. Shakirova L.Z. *Nauchnye osnovy metodiki obucheniiia kategoriiam vida i vremeni russkogo glagola v tiurkoiazыchnoi (tatarskoi i bashkirkoi) shkole* [Scientific Fundamentals of the Methods of Teaching the Cate-gories of Aspect and Tense of Russian Verbs in Turkic-Speaking (Tatar and Bashkir) Schools]. Kazan': Tatknigoizdat, 1974, 279 p.
9. Jarceva V.N. *Kontrastivnaja grammatika* [Contrastive Grammar]. Mos-cow: «Nauka» Publ., 1981, 112 p. URL: <https://www.booksite.ru/full-text/kontrgram/text.pdf> (accessed December 24, 2022)

10. Friedrich P. On Aspect Theory and Homeric Aspect. *International Journal of American Linguistics*, 1974, Vol. 40, Number 4, Part 2. pp. 1-44. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/toc/ijal/40/4/%2C+Part+2> (accessed December 24, 2022)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Такоева Тамара Астановна, ст. преподаватель

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Российская Федерация
takoevat@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara A. Takoeva, senior lecturer

North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, Republic North Ossetia-Alania,
362025, Russian Federation
takoevat@yandex.ru
SPIN-cod: 6597-9976
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4603-4711>

Поступила 09.12.2022

После рецензирования 25.12.2022

Принята 28.12.2022

Received 09.12.2022

Revised 25.12.2022

Accepted 28.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-184-194

УДК 811.111

АББРЕВИАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Е.П. Ефремова, Е.В. Лазуткина,
О.Н. Ратуева*

Статья посвящена актуальной для профессиональной терминологии проблеме использования сокращений. Рассмотрев различные определения понятия «аббревиация» и «аббревиатура», авторы приводят примеры использования этих приемов в юридическом английском языке.

Цель. Настоящее исследование посвящено анализу понятия «аббревиация» при использовании сокращений в терминах в юридическом английском языке.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила юридическая терминология английского языка. В качестве методов научного исследования выбраны метод теоретического анализа, описательный и сравнительный методы.

Результаты. В статье представлены результаты анализа понятий «сокращение», «аббревиация», «акронимия». В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто применяемыми являются инициальные аббревиатуры, а также большинство сокращений используются для экономии речевых средств.

Область применения результатов. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при обучении студентов письменному и устному переводу с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Ключевые слова: аббревиатура; сокращение; аббревиация; словообразование; акронимия; сложные слова; полисемия; юридическая лексика

ABBREVIATION IN THE TERMINOLOGY ON THE MATERIAL OF LEGAL ENGLISH

*E.P. Yefremova, E.V. Lazutkina,
O.N. Ratueva*

The article is devoted to the problem of using abbreviations relevant for professional terminology. After studying various definitions of the concept of “abbreviation” and “abbreviation” the authors give examples of the usage of these techniques in legal English.

Aim of the study. *This study is devoted to the analysis of the concept of “abbreviation” in legal English terms.*

Materials and methods. *The research material was the legal terminology of the English language. The methods of scientific research are the method of theoretical analysis, descriptive and comparative methods.*

Results. *The article presents the results of the analysis of the concepts of “abbreviation”, “abbreviation” and “acronym”. The study brings out that the most commonly used abbreviations are initial ones, and most abbreviations are used for speech resources saving.*

Practical implications. *The practical significance of the research lies in the fact that the results obtained can be used in teaching students written and oral translation from English into Russian and from Russian into English.*

Keywords: *abbreviation; word formation; acronym; compound words; polysemy; legal vocabulary*

С развитием общества появляются новые предметы и явления, которые тем или иным образом отражаются в словах и значениях. Лексически язык непрерывно развивается и совершенствуется, находясь в постоянном движении.

Сокращения прочно вошли во многие языки и активно используются в различных сферах человеческой жизни. В последние годы количество сокращений существенно увеличилось, в некоторых языках они составляют значительную часть словарного состава,

причем проникают они практически во все слои лексики и широко применяются как в устной, так и в письменной речи. Количество аббревиатур всех типов растет, что подмечено многими исследователями [12].

В настоящее время наблюдается расхождение в использовании терминов относительно сокращений. Данная проблема связана с аспектным подходом к изучению единиц в работах различных исследователей. Путаница происходит среди русскоязычных терминов «сокращение» и «аббревиация».

Способ словообразования в английском и русском языках, который подразумевает сокращение лексической единицы, называется сокращением в научных трудах Е.В. Белокуровой, Л. В. Кульгавовой, А.Л. Балигарь. Эти ученые признают неоднородный характер слов, входящих в понятие «сокращение».

Другие исследователи, например, Е.А. Земская, Д. Кристал, Н.Ю. Шведова называют данный способ словообразования в английском и русском языках аббревиацией, в рамках которой выделяются сокращенные слова как один из возможных видов аббревиации.

Третья группа исследователей (например, А.Л. Балигарь) считает термины «аббревиация» и «сокращение» синонимичными, ставя между ними знак равенства.

Для того, чтобы понять оба термина и определиться с употреблением, необходимо дать характеристику и объяснение обоим терминам.

Термин «сокращение», производное от глагола «сокращать», т.е. укорачивать, уменьшать слово по длине. По мнению Е.В. Белокуровой «сокращенные слова – это способ уменьшения объема текста» [4, с. 6].

Российский лингвист Л.В. Кульгавова выделяет три основных типа сокращений: аббревиатура (abbreviation), апокопа (clipping) и блендинг (blending).

Под сокращением, по мнению И.В. Арнольд, понимается «морфологическое словообразование, при котором некоторая часть звукового состава исходного слова опускается» [2, с. 188].

Во многих словарях сокращение указывается как процесс, а не как отдельный термин, т.е. термин в словаре – аббревиация, аббревиатура. Но буквальный перевод единицы звучит как «сокращать»: аббревиатура (от латинского *abbrevio* – сокращаю) – существительное, состоящее из усеченных слов или усеченных компонентов исходного сложного слова.

Н.Ю. Шведова предпочитает термин «аббревиатура», называя этим понятием «существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» [15, с. 305].

Обобщая вышесказанное, в целом можно сказать, что термин «аббревиация», «аббревиатура» используется лингвистами более охотно и часто, чем термин «сокращение», но оба термина взаимозаменяемы и в целом равнозначны.

Аббревиация как способ словообразования изучается сравнительно недавно. Важную роль в её становлении сыграли исследования Ф.Ф. Фортунатова, разграничившего «формы словоизменения и словообразования» [14].

До сих пор не получил однозначного определения статус сокращений в системе способов русского словообразования. Одна часть лингвистов не рассматривают производное слово в аспекте нового словообразовательного значения, которое должно обязательно возникнуть в результате деривации. Другие лингвисты (в их число входят Е.А. Земская, Д.И. Алексеев) отстаивают статус аббревиации как способа словообразования. В качестве основного аргумента лингвисты утверждают, что графическое оформление аббревиатур отличается от оформления графических сокращений, в которых используются точки, косые линии, дефис. Помимо этого, в аббревиатурах могут возникать иные значения, то есть в результате деривации могут возникать новые словообразовательные значения, отличные от производящего слова.

Кроме того, Д.И. Алексеев отмечает, что «аббревиатура не рассчитана на передачу всей информации, содержащейся в многословном

описательном исходном наименовании, она предусматривает обобщение исходной информации и ее интеграцию (сжатие)» [1, с. 14].

В английском языке активно исследуется похожий способ словообразования, который стоит отметить в работе – акронимия. Таким образом, В.И. Заботкина указывает на то, что «акронимы являются такими сокращениями, которые произносятся и воспринимаются как обычные слова, в отличие от аббревиатур, которые читаются и воспринимаются по названиям букв» [6, с. 18]. Акроним представляет собой лексическую единицу, читаемую как полное слово, поэтому аббревиатура очень близка к акрониму, однако все же это два разных самостоятельных вида словообразования [9].

В.В. Борисов отмечает аббревиацию и акронимию как два отдельных способа образования сокращений [5]. В данной классификации под аббревиатурой понимается одна или несколько букв, которые имеют алфавитное соответствие с первоначальным вариантом слова или словосочетания и используются для краткости. Очень важным моментом является возможность включения в аббревиатуру цифр, знаков или символов. Акроним – это «слово, полученное в результате сочетания инициальных букв или букв и слогов, которое можно свободно произнести» [9, с. 79]. Фонетическое строение получаемых посредством акронимии слов схоже с фонетическим строением слов общеупотребительных. В.М. Лейчик считает полное совпадение акронима с простым словом основанием для его мотивирования этим словом. Лингвист указывает на «возможность двойной мотивации такого акронима вследствие его созвучия с простым словом и аргументирования исходным словосочетанием» [9, с. 80]. Акронимия, развиваясь параллельно с другими способами сокращения, имеет свои особенности.

В.Н. Немченко рассматривает аббревиатуры как «особую категорию сложных слов, что позволяет включать сокращения либо в чистое сложение с целым словом в качестве опорного компонента (стенгазета, зарплата), либо в состав сложно-флексийного способа, к которому относятся слова, состоящие из усеченных основ» [10, с. 182]. Основным словообразовательным средством, по мнению

лингвиста, является единое словесное ударение, а в большинстве случаев – система окончаний.

Помимо проблемы, связанной с терминологией, существует проблема определения типа сокращения. Связано это с тем, что каждый исследователь предлагает свою классификацию или типологию. Например, А.С. Никишина берет за основу своей типологии семантический аспект, т.е. разбивает сокращения на тематические группы [11]. Н.Ю. Шведова и А.Л. Балигарь берут за основу своих типологий структурно-формальные различия.

Н.Ю. Шведова основывается на структурно-формальном подходе предлагает следующие структурные типы общеупотребительных аббревиатур:

1) Аббревиатуры инициального типа, с двумя подтипами: а) образования из сочетаний начальных звуков слов: CA (Class Action) – групповой иск, IRC - Internal Revenue Code – Налоговый кодекс б) образования из названий начальных букв слов: Fed.B.J. (Federal Bar Association Journal) – Журнал федеральной ассоциации адвокатов;

2) Аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»): xtry (extraordinary) – чрезвычайный;

3) Усечение конца или начала слова: barr. (barrister) – барристер, deft. (defendant) – ответчик, подсудимый;

4) Стяжение, которое образовывается путем использования первых согласных и конечного слога: exor (*executor*) – судебный исполнитель, mtgor (*mortgagor*) – должник по залогу, залогодатель [15, с. 102].

Лексико-семантические процессы происходят в любой лексике того или иного языка. Кроме того, данные процессы можно наблюдать и с терминологической лексикой юридической направленности. В данном случае под лексико-семантическими процессами подразумеваются полисемия и омонимия.

Под полисемией (многозначностью) принято понимать «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [13, с. 9], например: app. 1.

(appellate) – апелляционный; 2. (application) – заявка; 3. (appended) – приложенный; 4. (appendix) – приложение; 5. (appropriation) – ассигнование; 6. (approved) – одобренный, утвержденный.

Следующим процессом, затрудняющим понимание, является омонимия, при которой можно наблюдать совпадение звуков в двух или нескольких лексических единицах, которые по своему значению не имеют ничего общего. Рассмотрим следующие примеры: AR 1. (Administrative Regulations) – административные нормативные акты; 2. (Administration Report) – отчет администрации; 3. (Annual Report) – годовой отчет.

Таким образом, мы можем прийти к заключению, что в современном мире аббревиация представляет собой один из распространенных продуктивных приемов словообразования, а также имеет широкое распространение в юридической терминологии в английском языке. Следует отметить, что чаще всего используются инициальные аббревиатуры, под которыми понимается образование из первых букв словосочетания/сложного слова. Большинство сокращений используются в различных названиях, что дает возможность экономии речевых средств, устранению избыточности информации и позволяет учитывать аббревиации в качестве одного из важных способов оптимизации речевого сообщения.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Аббревиация в современной виртуальной коммуникации: прагматический аспект: на материале английского и немецкого языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2017. 22 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Москва: Флинта, 2012. 376 с.
3. Балигарь А.Л. Основные типы кратких форм лексических единиц // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. 1978. № 6. С. 37.
4. Белокурова Е.В. Сложности сложносокращенных и сокращенных слов // Секретарское дело. 1998. № 7(36). С. 5-8.

5. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. Москва: Воениздат, 1972. 320 с.
6. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1989. 56 с.
7. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Москва: КомКнига, 2005. 224 с.
8. Казакова Т.Е. Словообразование в вузе и в школе. Тобольск: Полиграфист, 1999. 245 с.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. Москва: ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. Москва: Высшая школа, 1984. 255 с.
11. Никишина С.А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы // Вестник НВГУ. 2011. № 4 С. 37-47.
12. Палкова А.В. Аббревиация как способ образования новых лексических единиц в сфере компьютерной техники и Интернета // Иностранные языки в экономических вузах России: всероссийский научно-информационный альманах. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов, 2004. С. 66-80.
13. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. Москва: Акад. наук СССР, 1959. 16 с.
14. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Москва: Мин-во просвещения РСФСР, 1956. 472 с.
15. Шведова Н.Ю. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Москва: РАН. Инст-т рус. яз., 2002. 800 с.
16. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 489 p.

References

1. Alekseev A.V. *Abbreviatsiya v sovremennoy virtual'noy kommunikatsii: pragmaticheskiy aspekt: na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov* [Abbreviation in modern virtual communication: pragmatic aspect:

- based on the material of English and German languages]. Abstract of PhD dissertation. Rostov-na-Donu, 2017, 22 pp.
2. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology of modern English]. Moscow: Flinta Publ., 2012, 376 p.
 3. Baligar' A.L. Osnovnye tipy kratkikh form leksicheskikh edinit [The main types of short forms of lexical units]. *Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku* [Word Formation and its Place in the Course of Teaching a Foreign Language], 1978, no. 6, pp. 37.
 4. Belokurova E.V. Slozhnosti slozhnosokrashchennykh i sokrashchennykh slov [Difficulties with compound and abbreviated words]. *Sekretarskoe delo* [Assistant's Work], 1998, no. 7(36), pp. 17.
 5. Borisov V.V. *Abbreviatsiya i akronimiya: Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviations and acronyms: Military, scientific and technical abbreviations in foreign languages]. Moscow: Voenizdat Publ., 1972, 320 p.
 6. Zabotkina V.I. *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka* [New Vocabulary of Modern English]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1989, 126 p.
 7. Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: KomKniga Publ., 2005, 224 p.
 8. Kazakova T.E. *Slovoobrazovanie v vuze i v shkole* [Word formation at university and at school]. Tobolsk: Poligrafist Publ., 1999, 245 p.
 9. Leychik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods and structure]. Moscow: LKI Publ., 2007, 256 p.
 10. Nemchenko V.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian. Word formation]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1984, 255 p.
 11. Nikishina S.A. Abbreviatury: genesis, slovoobrazovatel'nyy status, morfemnaya struktura, tematicheskie gruppy, upotreblenie i prognozy [Abbreviations: genesis, word-formation status, morphemic structure, thematic groups, usage and forecasts]. *Vestnik NVGU* [NVGU Bulletin], 2011, no. 4. pp. 37-47.
 12. Palkova A.V. Abbreviatsiya kak sposob obrazovaniya novykh leksicheskikh edinit v sfere komp'yuternoy tekhniki i Interneta [Abbreviation as a way of formation of new lexical units in the field of computer technology and the Internet]. *Inostrannye yazyki v ekonomicheskikh vuzakh Rossii: vserossiyskiy nauchno-informatsionnyy al'manakh* [Foreign

- Languages in Economic Universities of Russia: Russian Scientific and Information Almanac]. St. Petersburg: SPbGUEF Publ., 2004, pp. 66-80.
13. Reformat'skiy A.A. *Chto takoe termin i terminologiya* [What is a term and terminology]. Moscow: Akad. nauk SSSR, 1959, 16 p.
14. Fortunatov F.F. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR, 1956, 472 p.
15. Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings]. Moscow: RAN. Inst-t rus. yaz., 2002, 800 p.
16. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, 489 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ефремова Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
yefremovasfu@mail.ru

Лазуткина Елена Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
elazutkina@sfu-kras.ru

Ратуева Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
oratueva@sfu-kras.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena P. Efremova, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Ph.D. in Pedagogy
Siberian State University
82a, Svobodnyy Prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
yefremovasfu@mail.ru

Elena V. Lazutkina, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Ph.D. in Pedagogy
Siberian State University
82a, Svobodnyy Prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
elazutkina@sfu-kras.ru

Olga N. Ratueva, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Ph.D. in Pedagogy
Siberian State University
82a, Svobodnyy Prospect, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
oratueva@sfu-kras.ru

Поступила 19.10.2022
После рецензирования 31.10.2022
Принята 02.11.2022

Received 19.10.2022
Revised 31.10.2022
Accepted 02.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-195-208

УДК 37.02

ТЕКСТЫ С ВКЛЮЧЕНИЕМ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Т.В. Акашева, Н.М. Рахимова

Обоснование. Статья посвящена актуальной проблеме повышения качества подготовки будущих переводчиков в соответствии с требованиями ФГОС 3++ и нового профессионального стандарта переводчика. В статье представлены дидактические принципы обучения переводу, разработанные К. Норд в рамках скопос-теории, а также определены критерии отбора учебных текстов с включением переводческих проблем.

Цель статьи. Определить критерии отбора текстов для обучения переводу в рамках дидактических принципов, разработанных К. Норд.

Материалы и методы. Основными методами исследования являются анализ научной литературы российских и зарубежных ученых по проблеме, теоретический анализ работ по исследуемой проблематике, наблюдение, анализ текстов и обобщение опыта.

Результаты исследования. В ходе исследования, исходя из собственного переводческого опыта и с опорой на дидактические принципы К. Норд, были определены критерии отбора учебных текстов для перевода, включающие прагматические, конвенциональные, языковые, нормативные проблемы.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы при обучении студентов письменному переводу с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: скопос-теория; переводческие проблемы; прагматические проблемы; конвенциональные проблемы; языковые проблемы; проблемы нормы

TEXTS CONTAINING TRANSLATION PROBLEMS FOR THE TRANSLATION COMPETENCES FORMATION

T.V. Akasheva, N.M. Rakhimova

Background. *The article is devoted to the actual problem of improving the quality of translators' training in accordance both with the Federal State Educational Standard 3++ requirements and the new professional translator standard. The article presents the didactic principles of teaching translation developed by K. Nord in the framework of the scopos theory, as well as defines the criteria for selecting educational texts with the inclusion of translation problems.*

Purpose. *To determine the criteria for selecting texts for teaching translation within the framework of didactic principles developed by Ch. Nord.*

Materials and methods. *The main research methods are the analysis of the scientific literature of Russian and foreign scientists on the problem, the theoretical analysis of works on the issues under study, observation, analysis of texts and generalization of experience.*

Research results. *In the course of the study, based on their own translation experience and based on the didactic principles of K. Nord, the criteria for selecting educational texts for translation were determined, including pragmatic, conventional, linguistic, and normative problems.*

Practical implications. *The results obtained can be used in teaching students to translate from German into Russian.*

Keywords: *scopos theory; translation problems; pragmatic problems; conventional problems; language problems; norm problems*

Развитие современного рынка переводческих услуг и действующие нормативные документы, в частности, Федеральные государственные стандарты по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение» и по направлению 45.03.02 «Лингвистика», требуют новых подходов к подготовке переводчиков в вузе [6; 7]. Актуальным становится формирование профессиональных компетенций в

соответствии с требованиями недавно принятого профстандарта переводчика [8].

В отечественном переводоведении обучение переводу опирается на теорию эквивалентности и адекватности. Л.С. Бархударов [2], В.Н. Комиссаров [3], Я.И. Рецкер [9], А.Д. Швейцер [11], Л.К. Латышев и А.Л. Семенов [4] считают, что основная цель, которая ставится перед переводом – это достижение эквивалентности относительно текста исходного языка и адекватности по отношению к реципиенту переводящего языка.

В 70-х годах начинается изменение подхода к процессу перевода и провозглашается коммуникативно-функциональный принцип. В отечественной науке данный принцип проанализирован в трудах З.Д. Львовской [5], О.В. Петровой и В.В. Сдобникова [10; 21], согласно которому в переводе учитываются не только лингвистические аспекты текстов оригинала и перевода, но и экстралингвистические факторы, связанные с личностными особенностями коммуникантов. Перевод всегда осуществляется с определенной целью, а переводчик стремится выполнить определённую задачу, которую он выбрал сам или получил от заказчика. Цели перевода могут быть самыми различными, и соответствующие им тексты перевода будут принципиально отличаться друг от друга. При этом несущественно, считает В.Н. Комиссаров, в какой степени перевод оказывается близок к оригиналу, куда важнее насколько он соответствует своей цели [3].

Коммуникативно-функциональный подход к переводу получил свое развитие в трудах зарубежных исследователей К. Райс и Г. Вермеера (K. Reiß, H.J. Vermeer), которые предложили собственную теорию, известную как скопос-теория [22]. Рассматривая переводчика как участника коммуникации, а не транслятора, данная теория расширила представления о роли переводчика и функции в процессе перевода.

В методическом плане последователи скопос-теории уделяют внимание развитию профессионального переводческого мышления и анализу переводческой ситуации, предполагающей определение

цели и функции перевода (Ch. Nord [15; 16; 17; 18; 19], E.A. Nida, Ch. R. Taber [14]). Преподавателям при подготовке переводчиков рекомендуется обращать особое внимание не столько на трудности понимания, сколько на трудности выражения мысли подлинника на переводящем языке (S. Wurm [24], S. Gaur, N.H. Vo, K. Kashihara, C. Baral [13]).

Наиболее продуктивный вклад в методику преподавания перевода по принципам скопос-теории сделан К. Норд (Christian Nord), которая, являясь практикующим переводчиком и профессором университета, обобщает свой опыт в практико-ориентированных исследованиях. К. Норд выступает за использование в обучении переводу определенных правил, которые смогут подготовить будущих переводчиков к функциональному подходу в переводческой деятельности.

Актуальность данной статьи определяется недостаточной разработанностью проблемы преломления скопос-теории при обучении переводу в отечественных учебных заведениях по профессиональной подготовке переводчиков.

В отличие от традиционной теории эквивалентности, согласно которой переведённый текст должен быть эквивалентен исходному тексту, последователи скопос-теории считают, что качественный перевод должен отвечать цели, с которой создается текст для реципиента принимающей культуры.

Следовательно, лингвистический подход к осуществлению перевода не позволяет на сегодняшний день успешно выполнить требования к качеству перевода, так как при переводе требуется учитывать не только особенности языковой базы исходного текста и текста перевода, но и прагматические аспекты, вытекающие из цели заказа и конкретной переводческой ситуации. Это означает, что при подготовке будущих переводчиков огромная роль отводится тщательному отбору учебных текстов.

Цель исследования состоит в определении критериев отбора текстов для обучения переводу в рамках дидактических принципов, разработанных К. Норд.

Задачи исследования:

- проанализировать дидактические принципы обучения переводу, разработанные К. Норд;
- описать критерии отбора текстов для письменного перевода с определенным уровнем переводческих проблем.

Материалы и методы исследования

При решении поставленных задач использовались следующие методы исследования: теоретический анализ работ по исследуемой проблематике, наблюдение, анализ текстов и обобщение опыта.

Результаты исследования и обсуждение

При обучении любому виду перевода мы исходим из того, что перевод – это, прежде всего, вид практической деятельности, а успех всякой деятельности определяется тем, в какой степени она достигает поставленной цели.

Исходя из принципов скопос-теории, можно утверждать, что не текст на исходном языке, а цель, сформулированная заказчиком, определяет выбор стратегии и приемов перевода, качество которого оценивается относительно его адекватности цели. Переводчик вправе самостоятельно определить стратегию перевода и выбрать переводческие приемы согласно полученной от заказчика инструкции. У переводчика есть два пути: либо воспроизводить оригинал, либо отклониться от него, отказываясь от роли посредника и выступая в качестве языкового эксперта, хорошо знающего язык, культуру и особенности соответствующей страны. В результате получается или документальный (эквивалентный) перевод, полностью соответствующий тексту-оригиналу, или инструментальный перевод, суть которого заключается в том, что он полностью соответствует инструкции заказчика. Документальный перевод воспринимается реципиентом как перевод, а инструментальный – как созданный на его родном языке [16]. Таким образом, переводчик превращается в центральную фигуру межкультурной коммуникации, следовательно, меняются и методические принципы подготовки профессиональных переводчиков.

К. Норд предлагает организовать подготовку переводчиков, разделив ее содержательно на три фазы. Фаза 0 включает обучение иностранному и родному языкам и культурным компетенциям. Фаза 1 представляет собой развитие пассивных (рецептивных) компетенций, межкультурных компетенций и включает упражнения по анализу текста и составлению текстов (на родном и иностранном языке). Кроме того, на данной фазе предусмотрен контрастивный анализ текстов – сравнение и выявление, почему тексты составляются по-разному для представителей разных культур. В ходе фазы 2 реализуется развитие продуктивных компетенций перевода и выполняются переводы согласно сформулированным заданиям. Собственный многолетний переводческий опыт авторов, а также опыт преподавания перевода позволяет отметить обоснованность и логичность данного деления на фазы [1; 12].

Реализация указанных фаз предполагает тщательный отбор учебных текстов согласно следующим дидактическим принципам К. Норд:

- тексты для перевода должны быть аутентичными, нельзя их упрощать, сокращать, а также предоставлять фрагмент текста. Если текст большой по объему, то следует разделить его на фрагменты и проработать до конца;
- тексты для перевода должны быть ориентированы на реальный потенциальный заказ, а не на актуальность тематики;
- тексты для перевода должны содержать ситуативность (вопросы Лассуэлла – кто? что? когда? где? по какому поводу? с какой целью?);
- при переводе следует не только обращаться к словарям и энциклопедиям, но и сравнивать с текстами из принимающей культуры: это могут быть параллельные тексты и тексты-модели; [20].

Исходя из выше указанных принципов, К. Норд формулирует основные требования к отбору учебных текстов: переход «от простого к сложному»; наличие 1–2 переводческих проблем и поэтапное добавление 1–2 новых проблем; наличие прагматического аспекта,

изменяющегося от текста к тексту; наличие одной темы (подбор одного текста с главной темой и последующих – с подчиненными темами); варьирование заданий (сделать черновой перевод, сделать выборочный перевод и т.д.) и использование разных форматов (например, WORD, PDF и т.д.) [17].

Одним из важных критериев является включение в отобранный текст переводческих проблем. К. Норд выделяет 4 категории переводческих проблем:

1. Проблемы прагматического характера (PÜP– pragmatische) возникают при сравнении исходного текста с целевым текстом.
2. Проблемы, обусловленные традициями и конвенциями в разных языках (KÜP– konventionsbedingte).
3. Проблемы, обусловленные лингвистическими системами пары языков (SÜP – sprachbezogene) или так называемые языковые проблемы.
4. Проблемы, специфические для определенного текста (TÜP– textspezifische) [20].

Выделение переводческих проблем важно, прежде всего, при обучении письменному переводу, так как проработка переводческих проблем на этапе предпереводческого анализа текста позволит их увидеть, структурировать и найти пути решения, что положительно скажется на качестве выполнения учебного перевода. Решение проблемы необходимо начинать с 4-ой категории и переходить на уровень выше.

Исходя из критерия наличия переводческих проблем, предлагаем использовать при обучении следующие тексты.

Уровень 1. Тексты с включением прагматических проблем. Данные проблемы охватывают такие аспекты, как дейксис, реалии, фоновые знания, изучение предыстории и т.д., то есть это знания, которые необходимы переводчику для реализации прагматической адаптации.

Кроме того, к прагматическим проблемам можно отнести упоминание известных личностей, аллюзии и реминисценции на литературные и рекламные тексты, типичные для культуры исходного текста.

Уровень 2. Тексты с включением конвенциональных проблем, возникающих вследствие различий культурных и конвенциональных норм в текстах исходной и принимающей культуры. Это, например, обозначения мер, весов, обращение, стилистические особенности, способы организации связности текста, грамматические конструкции, риторические средства.

Уровень 3. Тексты этого уровня включают переводческие проблемы конкретной пары языков, возникающие из-за несовпадения структур ИЯ и ПЯ. Это, например, нормы правописания (имена существительные в немецком языке пишутся с заглавной буквы), лексические особенности (комбинаторность, многозначность), синтаксис (тема-рема, эмфаза, модальность, частицы, пунктуация и т.д.).

Уровень 4. Тексты включают намеренное или ненамеренное отклонение от стандартизированного шаблона. Это, например, стилевые особенности автора, игра слов, разговоры из повседневной жизни, личные письма, дневники, рекламные тексты и т.д. Кроме того, это проблемы, связанные с плохим качеством копии, неразборчивым почерком, со смазанными строками.

Указанные критерии отбора текстов позволяют оценивать переводческие проблемы с учетом переводческого задания и ожиданий реципиента перевода, поэтому включение в процесс обучения переводу текстов с тщательно подобранными переводческими проблемами и целенаправленная работа над этими проблемами позволят будущим переводчиками в практической деятельности более эффективно решать переводческие задачи.

Заключение

1. Лингвистический подход к осуществлению перевода не позволяет успешно выполнить требования к качеству перевода, так как при переводе требуется учитывать не только особенности языковой базы ИТ и ПТ, но и прагматические аспекты, вытекающие из цели заказа и конкретной переводческой ситуации.
2. Дидактические принципы К. Норд представляет собой несомненный вклад в методику преподавания перевода. Органи-

зация занятий по практическому переводу с учетом подхода скопос-теории предполагает тщательный отбор корпуса текстов, обязательно включающих разные уровни переводческих проблем.

3. Предложенный в данной статье подход к отбору текстов перевода с включением прагматических, конвенциональных, языковых проблем и проблем нормы позволит более эффективно организовать занятия по практическому курсу перевода в высшей школе.

Список литературы

1. Акашева Т.В. Проектирование и актуализация учебных пособий по переводу // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования: Тез. докл. 79-й междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та, 2021. С. 353.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения. 1975. 236 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Изд. 2-е, испр. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
4. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.
5. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2018. 224 с.
6. Приказ от 12 августа 2020 г. N 989 об утверждении Федерального Государственного Образовательного Стандарта высшего образования – специалитет по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-12082020-n-989-ob-utverzhdanii> (дата обращения: 03.03.2021).
7. Приказ от 12 августа 2020 г. N 989 об утверждении Федерального Государственного Образовательного Стандарта высшего образования - 45.03.02 Лингвистика. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969> (дата обращения: 04.09.2021).

8. Приказ от 18 марта 2021 года N 134н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области перевода». URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689>. (дата обращения: 20.09.2022).
9. Рецкер Я.И. Основные этапы подготовки переводчика (Из опыта преподавателя перевода с английского языка) // Тетради переводчика. Москва: Изд-во «Международные отношения», 1967. С. 63-76.
10. Сдобников В.В., Петрова О.В. О зелёном соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты. 2012. № 1(33). С. 69-76.
11. Швейцер А.Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 167.
12. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Smolnikov R.S. Development of professional competences of students – future translators in the Skopos Theory framework // Перспективы науки и образования. 2022. Т. 55, № 1. С. 95-110. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.6>
13. Gaur S., Vo N.H., Kashiwara K., Baral C. Translating Simple Legal Text to Formal Representations // Lecture Notes in Computer Science, 2015, vol. 9067, pp. 259-273.
14. Nida E.A., Taber Ch.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969, 218 p.
15. Nord Ch. Äquivalenz statt Äquivalenz: Ausnahme oder Regel? // Übersetzungsäquivalenz in Textsorten. Berlin: Logos, 2018, S. 113-127.
16. Nord Ch. Warum Kann Man „Danke“ Nicht Einfach mit „Gracias“ Übersetzen? Vom Zusammengang zwischen Sprache und Kultur // Welten verbinden durch Übersetzen und Dolmetschen. Berlin: BDÜ Fachverlag, 2017. S. 123-137.
17. Nord Ch. Meaning – Sense – Function: What is Transferred? // Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2016, pp. 3-10.
18. Nord Ch. Function + Loyalty: Theology Meets Skopos // Open Theology, 2016, 2, pp. 566-580.
19. Nord Ch. Skopos and (Un)Certainty: How Functional Translators Deal with Doubt // META, 2016, vol. 61(1), pp. 29-41.
20. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und Didaktische Anwendung einer Übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1992, 275 S.

21. Petrova O., Sdobnikov V. How Can and Should Translation Teachers be Trained? // *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 2021, 9(2), pp. 267-277.
22. Reiß K., Vermeer H.J. *Grundlegung Einer Allgemeinen Übersetzungstheorie*. Tübingen: Niemeyer, 1984, 101 S.
23. Sdobnikov, V.V. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges // *Russian Journal of Linguistics*, 2019, № 23(2), pp. 295-327.
24. Wurm S. From Writing to Sign. An Investigation of the Impact of Text Modalities on Translation // *Source: Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association*, 2018, vol. 13(1), pp. 130-149.

References

1. Akasheva T.V. Proektirovanie i aktualizacija uchebnyh posobij po perevodu [Designing and Updating Translation Textbooks]. *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija* [Actual Problems of Modern Science, Technology and Education]. Magnitogorsk: MSTU Publ., 2021, pp. 353.
2. Barhudarov L.S. *Jazyk i perevod* [Language and Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1975, 236 p.
3. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern Translation Studies]. Moscow: R. Valent Publ., 2011, 408 p.
4. Latyshev L.K., Semenov A.L. *Perevod: teorija, praktika i metodika prepodavanija* [Translation: Theory, Practice and Teaching Methods]. Moscow: «Akademija» Publ., 2003, 192 p.
5. L'vovskaja Z.D. *Sovremennye problemy perevoda* [Modern Problems of Translation]. Moscow: LKI Publ., 2018, 224 p.
6. *Prikaz ot 12 avgusta 2020 g. N 989 ob utverzhdenii Federal'nogo Gosudarstvennogo Obrazovatel'nogo Standarta vysshego obrazovanija – specialitet po special'nosti 45.05.01 Perevod i perevodovedenie* [Order No. 989 dated August 12, 2020 on the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – specialist's degree in the specialty 45.05.01 Translation and Translation Studies]. URL: <https://>

- legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-12082020-n-989-ob-utverzhdenii (accessed March 03, 2021).
7. *Prikaz ot 12 avgusta 2020 g. N 989 ob utverzhdenii Federal'nogo Gosudarstvennogo Obrazovatel'nogo Standarta vysshego obrazovaniya - 45.03.02 Lingvistika* [Order No. 989 dated August 12, 2020 on the approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education – 45.03.02 Linguistics.]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-03-02-lingvistika-969> (accessed April 04, 2021).
 8. *Prikaz ot 18 marta 2021 goda N 134n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta «Specialist v oblasti perevoda»* [Order No. 134n dated March 18, 2021 “On approval of the professional standard “Specialist in Translation”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603354689> (accessed September 20, 2021).
 9. Recker Ja.I. Osnovnye jetapy podgotovki perevodchika (Iz opyta prepodavatel'ja perevoda s anglijskogo jazyka) [The Main Stages of Translator Training (From the Experience of an English Translation Teacher)]. *Tetradi perevodchika* [Translator's Notebooks]. Moscow: «Mezhdunarodnye otnoshenija» Publ., 1967, pp. 63-76.
 10. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. O zeljonom soke i solenom jelektrichestve. Chemu i kak učit' budushhih perevodchikov [Concerning Green Juice and Salty Electricity. What and How to Teach Future Translators]. *Mosty* [Bridges], 2012, no. 1(33), pp. 69-76.
 11. Shvejcer A.D. K probleme lingvisticheskogo izuchenija processa perevoda [On the Problem of Linguistic Study of the Translation Process]. *Voprosy jazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1970, no. 4, pp. 167.
 12. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Smolnikov R.S. Development of Professional Competences of Students – Translators in the Skopos Theory Framework. *Perspektivy nauki i obrazovania* [Perspectives of Science and Education], 2022, vol. 55, no. 1, pp. 95-110. <https://doi.org/10.32744/pse.2022.1.6>
 13. Gaur S., Vo N.H., Kashihara K., Baral C. Translating Simple Legal Text to Formal Representations. *Lecture Notes in Computer Science*, 2015, vol. 9067, pp. 259-273.
 14. Nida E.A., Taber Ch.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969, 218 p.

15. Nord Ch. Adäquatheit statt Äquivalenz: Ausnahme oder Regel? *Übersetzungsäquivalenz in Textsorten*. Berlin: Logos, 2018, S. 113-127.
16. Nord Ch. Warum Kann Man „Danke“ Nicht Einfach mit „Gracias“ Übersetzen? Vom Zusammengang zwischen Sprache und Kultur. *Welten Verbinden durch Übersetzen und Dolmetschen*. Berlin: BDÜ-Fachverlag, 2017. S.123-137.
17. Nord Ch. Meaning – Sense – Function: What is transferred? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, pp. 3-10.
18. Nord Ch. Function + Loyalty: Theology Meets Skopos. *Open Theology*, 2016, 2, pp. 566-580.
19. Nord Ch. Skopos and (Un)Certainty: How Functional Translators Deal with Doubt. *META*, 2016, vol. 61(1), pp. 29-41.
20. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und Didaktische Anwendung einer Übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1992, 275 S.
21. Petrova O., Sdobnikov V. How Can and Should Translation Teachers be Trained? *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 2021, 9(2), pp. 267-277.
22. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie. Tübingen: Niemeyer, 1984. 101 S.
23. Sdobnikov V.V. Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, no. 23(2), pp. 295-327.
24. Wurm S. From writing to sign. An investigation of the impact of text modalities on translation. *Source: Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association*, 2018, vol. 13(1), pp. 130-149.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, заведующая кафедрой лингвистики и перевода, доцент, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru

Рахимова Нурия Мухаметовна, доцент кафедры лингвистики и перевода, кандидат филологических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nuria_rahimova@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Akasheva, head of the Department of Linguistics and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
akasheva.tv@yandex.ru
SPIN-code: 2599-2432
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2695-5070>
Researcher ID: W-6866-2018
Scopus Author ID: 57189625182

Nuria M. Rakhimova, Associate Professor of the Department Linguistics and Translation, Candidate of Philological Sciences
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
nuria_rahimova@list.ru
SPIN-code: 3292-6182
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-0032>
Researcher ID: W-4929-2018
Scopus Author ID: 57189616173

Поступила 01.11.2022
После рецензирования 23.11.2022
Принята 29.11.2022

Received 01.11.2022
Revised 23.11.2022
Accepted 29.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-209-222

УДК 81`25:28-24

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В КОРАНЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Сармад М.О. Аль-Бирмани

Статья посвящена сравнительному изучению нескольких переводов (М.М. Пиктхолла, А.Ю. Али, Абу-Аделя и Э.Р. Қулиева) Корана на примере перевода метафоры «Waalssubhi itha tanaffasa».

Целью исследования является выявление решений наиболее сложных для переводчика проблем кросс-культурной переводимости текста, соотнесения образных структур арабского, русского и английского языков.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил оригинальный текст Священного Корана, а именно метафора «Waalssubhi itha tanaffasa», и ее переводы на английский (М.М. Пиктхолла, А.Ю. Али) и русский язык (Абу-Аделя, Э.Р. Қулиева). В качестве методов научного исследования выбраны метод теоретического анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результатом исследования стала классификация переводов коранической метафоры «Waalssubhi itha tanaffasa» на русский (Абу-Аделя, Э.Р. Қулиева) и английский языки (М.М. Пиктхолла, А.Ю. Али). Основанием классификации являются методы перевода метафоры П. Ньюмарка, примененные авторами в процессе перевода исследуемого текста на английский/русский язык.

Область применения. Полученные результаты исследования могут быть применены исследователями в области теории и практики перевода, межкультурной коммуникации, стилистики и интерпретации текста, лингвокультурологии и аксиологической лингвистики.

Ключевые слов: стратегии перевода; кораническая метафора; английский язык; русский язык

STRATEGIES FOR TRANSLATING THE METAPHORS IN THE QUR'AN INTO ENGLISH AND RUSSIAN

Sarmad M.O. Al-Bearmany

The article is devoted to the comparative study of several translations (M.M. Pickthall, A.Y. Ali, Abu-Adel and E.R. Kuliyev) of the Quran by the example of the translation of the metaphor "Waalssubhi itha tanaffasa".

***The purpose** of the study is to identify solutions to the most difficult problems for the translator of cross-cultural translatability of the text, the correlation of figurative structures of Arabic, Russian and English.*

***Materials and methods.** The research material was the original text of the Holy Quran, namely the metaphor "Waalssubhi itha tanaffasa", and its translations into English (M.M. Pickthall, A.Y. Ali) and Russian (Abu-Adel, E.R. Kulieva). The methods of scientific research are the method of theoretical analysis, descriptive and comparative methods.*

***The result of the study** is the classification of translations of the Quranic metaphor "Waalssubhi itha tanaffasa" into Russian (Abu-Adel, E.R. Kuliyev) and English (M.M. Pickthall, A.Y. Ali). The basis of the classification is the methods of translation of P. Newmark's metaphor, used by the authors in the process of translating the text under study into English / Russian.*

***Practical implications.** The obtained research results can be applied by researchers in the field of theory and practice of translation, intercultural communication, stylistics and interpretation of text, linguoculturology and axiological linguistics.*

***Keywords:** translation strategies; Qur'anic metaphor; English language; Russian language*

Введение

Цель. Выявление решений наиболее сложных для переводчика проблем кросс-культурной переводимости текста, соотнесения образных структур арабского, русского и английского языков.

Актуальность. Коран – священное писание, представляющее собой послание Бога, переданное людям через пророка Мухаммеда. Текст Священной Книги, написанный на арабском языке, содержит яркие изобразительно-выразительные средства, такие как эпитет, сравнение, метафора, гипербола, аббревиатура и другие, что побуждает ученых-лингвистов к изучению данного языкового и литературного феномена. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблем, связанных с изучением ключевых ценностных представлений арабской культуры; установлением доминантных способов их языковой символизации, приемов перевода, обеспечивающих перенос смыслов исходных текстов в инокультурное мировосприятие.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужил оригинальный текст Священного Корана, а именно метафора «Waalssubhi itha tanaffasa», и ее переводы на английский (М.М. Пиктхолла, А.Ю. Али) и русский язык (Абу-Аделя, Э.Р. Кулиева). В качестве методов научного исследования выбраны метод теоретического анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и обсуждение

На сегодняшний день существует множество переводов Корана на различные мировые языки, среди которых русский и английский, и их количество постоянно растет. Для анализа мы выбрали 4 перевода (2 на английский и 2 на русский языки), которые, на наш взгляд, являются наиболее авторитетными.

Первый перевод Корана (1930) на английский язык писателя, романиста и арабиста Мухаммада Уильяма Мармадюка Пиктхолла (Muhammad William Marmaduke Pickthall). Данный перевод (The Meaning of the Glorious Qur'an) был санкционирован для публикации одним из старейших исламских университетов в мире «Аль-Азхар», переиздавался десятки раз и приобрел наибольшую популярность среди мусульман. В дополнение к основному тексту

при поддержке бывшего верховного имама Исламского университета «Аль-Азхар» шейха Мустафы Аль-Мараги М.М. Пиктхолл поместил в начале Священного Корана специальное введение к биографии Пророка Мухаммеда и особое предисловие к каждой суре. Кроме того, автор указал, что данный перевод основан на тафсир Замахшари, тафсир Аль-Байдави и тафсир Аль-Джалалайна. Закончил перевод М.М. Пиктхолл выводом о положениях чтения Корана.

Перевод М.М. Пиктхолла полностью соответствует арабскому тексту. Суры расположены отдельно на каждой странице. Автор использует литературный язык подобный тому, который мы находим в Библии, что является одной из отличительных особенностей данного перевода. В процессе интерпретации М.М. Пиктхолл применяет древние слова, присущие стилю Евангелия, сноски и комментарии к тексту, что заставляет читателя обращаться к другим исламским религиозным книгам с целью глубокого понимания смысла стиха.

Другой перевод Корана на английский язык «Значение Священного Корана» (The Meaning of the Glorious Qur'n) был выполнен исламским богословом и переводчиком Абдуллою Юсуфом Али (Abdullah Yusuf Ali). Автор работал над ним с 1934 по 1937 гг. Это один из самых популярных переводов, получивший одобрение мусульман во всем мире.

Данный перевод состоит из двух частей, текст каждой из которых полностью соответствует оригиналу. А.Ю. Али в процессе работы опирался на работы таких известных ученых-толкователей Корана, как Ат-Табари, Аз-Замахшари, Аль-Рази, Ибн Касир и Аль-Джалалайн. Для каждой суры было написано введение, а для каждой части – краткое содержание в виде стихотворного послания. Текст отличается изысканным языком и особым авторским стилем. В нем, как и в переводе Пиктолла, содержится много устаревшей лексики, целью применения которой является создать высокий стиль повествования в Коране.

Среди особенностей перевода А.Ю. Али можно выделить также обильное использование комментариев к сурам (в тексте их насчитывается более 300, что делает его более доступным для

понимания) и оценок (около 6300). В конце своего перевода он включил приложения, объясняющие наиболее важные вопросы Ислама и религии в целом. Следует также отметить, что комментarii А.Ю. Али на полях и приложения имеют явную мистическую направленность.

Обратимся к интерпретациям Корана на русский язык. Одним из таких является перевод-тафсир Корана под названием «Перевод смысла аятов и их краткое тафсир» (2008) под руководством Абдуллаха ибн Абд Аль-Мухсина (Абу Адель). В нём также использованы толкования аш-Шаукани, Ибн Аль-Усеймина, Абу Бакра Аль-Джазаири, Аль-Багави, Ибн Аль-Джаузи и других исламских богословов.

Перевод, выполненный Абу Аделем, представляет собой совмещение перевода с тафсиром. По мнению автора, перевод Корана и тафсир к нему должны быть неразрывно связаны. Прямой перевод Корана представлен обычным текстом, тафсир Корана – курсивом, а текст, который начинался словами «То есть», был представлен в прямоугольных скобках.

Четвертый анализируемый нами перевод Корана на русский язык – «Перевод Священного Корана на русский язык» азербайджанского религиоведа, исламоведа и философа Эльмира Рафаэль оглы Кулиева.

В 1997 г. Э.Р. Кулиев приступает к переводу на русский язык многотомного тафсира известного богослова Абдурахмана ибн Насира Ас-Саади. В процессе работы рождается идея выполнить параллельный перевод Корана, основанный на мусульманской традиции. На сегодняшний день смысловой перевод Корана и его тафсира – самое большое достижение Э. Кулиева, в тени которого нередко остаются другие изыскания учёного.

О метафоре как объекте перевода учеными-лингвистами написано множество работ, но до сих пор данный вопрос является одним из наиболее сложных и проблемных, так как метафора сама по себе «это воплощение оригинальных эмоционально окрашенных образов, которые выполняют в тексте одну из важнейших задач –

воздействие на воображение читателя» [12, с. 238]. Это связано со сложностью передачи при изначально заложенной автором эмоционально-экспрессивной и стилистической окраски художественного текста.

Обратимся к понятию «метафора». Согласно определению О.С. Ахмановой, метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – «троп, который состоит в употреблении слов и словосочетаний в переносном значении исходя из их сходства, подобия» [3, с. 231].

Сохранение смысла метафоры при переводе текста требует тщательного анализа средств, используемых автором для создания экспрессивности и особой стилистической окраски текста, правильного подбора моделей перевода для передачи смысла и авторского стиля текста.

Нарушение смысла или полная его утрата при переводе метафоры ведет к искажению авторского смысла. В связи с этим в теории перевода был сформулирован «закон сохранения метафоры», в соответствии с которым «метафорический образ должен по мере возможности сохраняться» [4, с. 81].

Так, С.В. Шикалов в своей работе «Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка» приводит следующие приемы перевода метафор:

«1. Происходит сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок носителям другого языка.

2. Оригинальная метафора заменяется метафорой-эквивалентом.

3. Метафора переводится сравнением.

4. Передача метафоры сравнением с экспликацией смысла.

5. Передача смысла без передачи образа – «снятие» образа».

6. Отказ от метафоры и ее смысловой экспликации.

7. Сохранение исходной метафоры с экспликацией смысла» [14, с. 158].

В ходе статьи мы постараемся проанализировать четыре перевода данной метафоры на английский и русский языки и сравнить их. При анализе мы опирались на книгу Аш-Шарифа Аль-Ради «*Talakhees Albayan fi Mejazat Alquran*».

Алгоритм анализа:

1. Рассматривается весь аят (или его часть), содержащий метафору, с обращением к тафсиру. В случае, если толкование неоднозначно, приоритетным считается мнение таких авторитетных толкователей Корана, как Ат-Табари, Аль-Нисабури, Аль-Куртуби, Аз-Замахшари, Аль-Джазаири, Аль-Джалалайн и Ас-Саади.

2. В качестве теоретической базы анализа отдельных элементов метафоры, а также определения ее смысла и образов, мы используем исследования Аш-Шарифа Аль-Ради, изложенного им в книге «Вершина красноречия» («*Nahjul-Balagha*»).

3. Определение способа перевода выбранной метафоры каждым переводчиком осуществляется с учетом методологии перевода Питера Ньюмарка, о которой упоминалось ранее.

Перевод метафоры «*Waalssubhi itha tanaffasa*» (Сура 81, Аят 18. *Ам-Таквир*).

وَالصُّبْحِ إِذَا تَنَفَّسَ

оно дышит! когда и (ранним) утром,

Дословный перевод аята «*И (ранним) утром, когда оно дышит*» можно интерпретировать как воспоминание Аллаха об утре, которое наполнено дыханием словно живое существо.

Аль-Нисабури видит в «*дыхании утра*» метафору избавления от тьмы ночи и сравнивает данное выражение состояния природы и времени дня с дыханием несчастного, наконец нашедшего покой.

Ас-Саади интерпретирует значение метафоры следующим образом: «Клянусь рассветом, когда он забрезжил! [Рассвет начинает брезжить с того момента, как начинают различаться первые его признаки, и первый свет едва-едва рассекает мглу. Продолжается же этот промежуток времени до восхода солнца. Аллах поклялся этими великими явлениями в подтверждение величия и славы Священного Корана, который защищен от проклятых побиваемых камнями дьяволов]» [9].

Метафора «*утреннее дыхание*», по мнению ученых-экзегетиков, таких как Ас-Саади и Аль-Куртуби, также может обозначать *сияние утра*.

Относительно метафорического использования глагола «дышать» в аяте Аш-Шариф Аль-Ради согласен со словами Аль-Нисабури и, в свою очередь, считает, что «это одна из странных метафор: дыхание здесь – это утренний свет, выходящий из темных туч ночи как отдых от страданий или облегчение от беспокойства» [19, с. 228].

А.Ю. Али перевел анализируемый аят так:

وَالصُّبْحُ إِذَا تَنَفَّسَ [13].

And the Dawn as it breathes away the darkness

Если мы обратимся только к части аята, то дословный перевод данного выражения «*And the Dawn as it breathes*» будет означать «*утро, когда оно дышит*»; но если мы возьмем перевод аята полностью, то найдем в нем объяснение этому дыханию: «*And the Dawn as it breathes away the darkness*». Мы же уточняем и анализируем значение слова *утро*. Оно словно превращается в дыхание, которое рассеивает тьму ночи, а образный перевод А.Ю. Али звучит как «*А утром, когда он выдохнет тьму*». Из этого можно сделать вывод о том, что стратегия дословного перевода метафор несостоятельна и требует широкого образного контекста.

В ходе анализа выявлено, что А.Ю. Али при переводе метафоры использует преимущественно метод дословного перевода и частично метод сравнения.

М.М. Пиктхолл перевел анализируемый аят так:

وَالصُّبْحُ إِذَا تَنَفَّسَ [16].

And the breath of morning

Здесь мы можем видеть, что версии перевода данной метафоры переключаются с вариантом А.Ю. Али: «*And the breath of morning*» – утреннее дыхание. Можно сказать, что здесь подразумевается тот же смысл, что и передан в словах Аль-Нисабури выше, а именно: дыхание утра есть избавление от ночной тьмы. М.М. Пиктхолл указал, что точный дословный перевод аята «*Waalssubhi itha tanaffasa*» – «*утро, когда оно дышит*», но предпочел оставить текст первого перевода.

Что касается перевода анализируемого аята Абу-Аделя на русский язык, то он следующий:

وَالصُّبْحِ إِذَا تَنَفَّسَ [1].

и (ранним) утром, когда оно (свежестью) дышит!

В его переводе в скобках было помещено пояснение слова «утро» – раннее время суток, обозначающее самое начало восхода. Как мы видим, здесь используется смысловая трансформация.

Также в слове «дыхание» в скобках ставится уточнение «свежестью» для обозначения чистого, прохладного воздуха раннего утра. Для передачи полного смысла приведенной выше метафоры использование данных синонимов в метафоре является обоснованным.

Так, Абу-Адель при переводе коранической метафоры использует метод смысловой трансформации с добавлением метода сравнения, что придает переведенному им тексту особую поэтически возвышенную стилистическую окраску.

Эльмир Кулиев перевел анализируемый аят на русский язык так:

وَالصُّبْحِ إِذَا تَنَفَّسَ [6].

Клянусь рассветом, когда он забрезжил!

Отметим два важных момента: во-первых, это использованное им слово «клянусь». В арабском языке оно часто передается имплицитно через букву «و». Это происходит в некоторых случаях, хотя прямого указания в айте на это нет. И об этом не упоминалось ни в книгах тафсир, ни в переводах этого аята предшественниками. В данном примере мы видим, что переводчик использует имплицитную версию.

Во-вторых, перевод слова «والصبح» словом «рассвет», то есть указание на время, когда «рассвет забрезжил», указывает на начало первой зари и постепенный восход солнца. Здесь налицо преобразование слова «дыхание» в выражение «он забрезжил», что также используется для обозначения первой зари и постепенного восхода нового дня. В обоих случаях Э.Р. Кулиев использовал свой авторский метод, чтобы прояснить метафору в целевом языке.

Использование автором методов смысловой трансформации с элементами эквивалентного перевода говорит об инновационном взгляде на перевод коранической метафоры и текста Священной Книги в целом.

Подводя итог, можно сказать о том, что метафора дыхания утра перед рассветом и распространения его света указывает на демонстрацию посредством различных природных явлений (появление и распространение света) силы Аллаха. В данном фрагменте мы наблюдаем одушевление, так как автор вдохнул жизнь в утро и придал ему черты живого существа (человека), освобождающегося от тяжести ночи, страданий, забот.

На основании анализа методов перевода метафоры П. Ньюмарка при работе с коранической метафорой была составлена диаграмма, показывающая процентное соотношение использования авторами (А.Ю. Али, М.М. Пиктолл, Абу-Адель, Э.Р. Кулиев) методов перевода.

Диаграмма 1

Один метод перевода П. Ньюмарка, примененный при переводе коранической метафоры «*Waalssubhi itha tanaffasa*» (Сура 81, Аят 18. Ам-Таквир) приравнивается к 10%. Соответственно, А.Ю. Али дважды использовал дословный перевод метафоры (20%) и один раз сравнение с добавлением тафсира (10%). М.М. Пиктолл

применял только метод дословного перевода (20%). Абу-Адель для перевода метафоры дважды использовал метод смысловой трансформации (20%) с элементами метода сравнения (10%). Что касается перевода Э.Р. Кулиев, то он работал с коранической метафорой при помощи метода смысловой трансформации (20%) совместно с эквивалентным переводом (10%). Важно отметить, что при работе с коранической метафорой метод отказа от перевода последней авторами не применялся в связи с опасением потери значений.

Подводя итоги, можно сказать, что представленные нами переводы можно разделить на две части, объединив работы А.Ю. Али и М.М. Пиктхолла в одну группу, где метод дословного перевода коранической метафоры является основным, и работы Абу-Аделя и Э.Р. Кулиева, которые на первое место ставили интерпретацию художественных смыслов текста Корана. В первом случае при переводе А.Ю. Али и М.М. Пиктхолл сделали дословный перевод метафоры, внося лишь незначительные изменения: изменение структуры метафоры у М.М. Пиктхолла и особый, уникальный смысл в переводе А.Ю. Али. В двух других переводах (Абу-Аделя и Э.Р. Кулиева) на русский язык метафора трансформирована в смысловое значение на целевом языке.

Список литературы

1. Абу-Адель. Перевод смысла аятов и их краткое тафсир. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/81:18> (дата обращения: 14.08.2022).
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
4. Гилемшина А.Г. Своеобразие экспрессивной лексики в разновременных переводах Корана // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 4. С. 70-75.
5. Густерин П.В. Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2010. № 1. С. 84-92.
6. Кулиев Э.Р. оглы. Перевод священного Корана на русский язык. URL: <https://quran-online.ru/81/kuliev> (дата обращения: 15.08.2022).

7. Мисюра В.А. Трактат Суйути о порядке сур в Коране // *Minbar. Islamic Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 152-163.
8. Пентковская Т.В. К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. // *Stephanos*. № 6(44). С. 43-52.
9. Тафсиры. Толкование священного Корана. URL: <http://священный-коран.рф/tolkovanie-svyashchennogo-korana-as-saadi.html> (дата обращения 16.08.2022)
10. Трекина К.Д. Перевод метафор в художественном тексте (на примере романа Агаты Кристи «Пять поросят») // *Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VII Межд. науч. конф-ии молодых ученых, Екатеринбург, 09 февраля 2018 г. / Мин-во образования и науки РФ; Уральский фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Уральский гуманитар. ин-т. Том I. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2018. С. 238-245.*
11. Шарипов У.З. Предисловие к новому переводу Корана // *Историческая психология и социология истории*. 2010. Т. 3. № 1. С. 67-82.
12. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // *Вестник МГЛУ*. 2010. № 9(588). С. 156-162.
13. Abdullah Yusuf Ali. The Meaning of the Glorious Qur'nhttps. URL: <https://quran4all.net/ar/translate/2/81/18> (дата обращения: 15.08.2022).
14. Najjar I.Ii. Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran // *Russian Journal of Linguistics*. 2019, vol. 23(2), pp. 509-522.
15. Newmark P. The Translation of Metaphor // *Approaches to Translation*. N.Y.: Routledge, 1998, pp. 77-93.
16. Pickthall M.M. The Meaning of the Glorious Qur'an. URL: <https://quranopedia.com/quran/81vs18> (дата обращения: 14.08.2022).
17. <https://quran-online.ru> (дата обращения: 14.08.2022).
18. <https://umma.ru> (дата обращения: 14.08.2022).
19. الشريف الرضي، أبو الحسن محمد بن الحسن الموسوي. د. محمد عبده. نهج البلاغه بيروت: دار الأندلس 4891/4041. (بالعربية). ص 53
20. ناصر السعدي. تيسير الكريم الرحمن في تفسير كلام المنان. بيروت ، 7141. ص 518-618

References

1. Abu-Adel'. *Perevod smysla ayatov i ikh kratkoe tafsir* [Translation of the meaning of the ayah and their short tafsir]. URL: <https://ru.quranacademy.org/quran/81:18> (accessed August 08, 2022).

2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 576 p.
3. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 140 p.
4. Gilemshina A.G. Svoeobrazie ekspressivnoy leksiki v raznovremennykh perevodakh Korana [Peculiarities of Expressive Vocabulary in Multitemporal Translations of the Quran]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan State University], 2007, no. 149(4), pp. 70-75.
5. Gusterin P.V. Pervyy perevodchik i pervoe izdanie Korana na russkom yazyke [The first translator and the first edition of the Quran in Russian]. *Islamovedenie* [Islamic Studies], 2010, no. 1, pp. 84-92.
6. Kuliev E.R. ogly. *Perevod svyashchennogo Korana na russkiy yazyk* [Translation of the Holy Quran into Russian]. URL: <https://quran-online.ru/81/kuliev> (accessed August 15, 2022).
7. Misyura V.A. Traktat Su'uti o poryadke sur v Korane [Suyuti's treatise on the order of the surahs in the Qur'an]. *Minbar: Islamic Studies*, 2021, no. 14(1.), pp. 152-163.
8. Pentkovskaya T.V. K problematike izucheniya russkogo pechatnogo perevoda Korana 1716 g. [To the problems of studying the Russian printed translation of the Qur'an published in 1716]. *Stephanos*, no. 6(44), pp. 43-52.
9. *Tafsiry. Tolkovanie svyashchennogo Korana* [Tafseers. Interpretation of the Holy Qur'an]. URL: <http://svyashchennyykoran.rf/tolkovanie-svyashchennogo-korana-as-saadi.html> (accessed August 16, 2022)
10. Trekina K.D. Perevod metafor v khudozhestvennom tekste (na primere romana Agaty Kristi «Pyat' porosyat») [Translation of metaphors in a literary text (on the example of Agatha Christie's novel "The Five Little Pigs")]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka: sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchennykh* [Topical Issues of Philological Science of the XXI Century: Collection of Articles of the VII International Scientific Conference of Young Scientists]. Yekaterinburg: OOO "Izdatel'stvo UMTs UPI", 2018, pp. 238-245.
11. Sharipov U.Z. Predislovie k novomu perevodu Korana [Preface to a new translation of the Koran]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 2010, no. 3(1), pp. 67-82.

12. Shikalov S.V. Sposoby perevoda metafor v kontseptsii Pitera N'yumarka [Methods of translating metaphors in the concept of Peter Newmark]. *Vestnik MGLU* [MSLU Bulletin], 2010, no. 9(588), pp. 156-162.
13. Abdullah Yusuf Ali. *The Meaning of the Glorious Qur'an* [https:// URL: <https://quran4all.net/ar/translate/2/81/18> (accessed August 15, 2022)].
14. Najjar I.I. Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23(2), pp. 509-522.
15. Newmark P. The Translation of Metaphor. *Approaches to Translation*. N.Y.: Routledge, 1998, pp. 77-93.
16. Pickthall M.M. The Meaning of the Glorious Qur'an. URL: <https://quranopedia.com/quran/81vs18> (accessed August 14, 2022)
17. <https://quran-online.ru> (accessed August 14, 2022)
18. <https://umma.ru> (accessed August 14, 2022)
19. الشريف الرضي، أبو الحسن محمد بن الحسن الموسوي. د. محمد عبده. نهج البلاغه بيروت: دار الأندلس 4891/4041. (بالعربية). ص 053
20. ناصر السعدي. تيسير الكريم الرحمن في تفسير كلام المنان. بيروت. 1417. ص 518 618

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сармад М.О. Аль-Бирмани, аспирант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Университетский проспект, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация

sarmadbmx@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sarmad M.O. Albearmany, PhD student

Volgograd State University

100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062, Russian Federation

sarmadbmx@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3975-6449>

Поступила 27.10.2022

Received 27.10.2022

После рецензирования 16.11.2022, 18.11.2022

Revised 16.11.2022, 18.11.2022

Принята 24.11.2022

Accepted 24.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-223-250

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ ФРЕЙМА «ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я. Винья-Тальянти, Е.Н. Сидорова, Е.Н. Ширлина

Обоснование. В последние годы вопросы устойчивого развития экономики и экологического производства стали значимой частью политической повестки разных стран. Именно в рамках политического дискурса формируется общественный образ «зелёной экономики» и происходит её фреймирование. Однако особенностям формирования фрейма «зелёная экономика» в речи видных политических деятелей всё ещё не уделено достаточно внимания.

Цель. В статье рассматриваются особенности фрейма «зелёная экономика» в публичных выступлениях британских премьер-министров с целью выявления входящих в него экологических и экономических аспектов, степени его конкретности и научности, а также роли, которую играют в формировании фрейма партийная принадлежность и политические взгляды ораторов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили наиболее значимые речи Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона за 2012-2021 гг. При анализе материала были использованы количественные методы, а также дискурс-анализ.

Результаты. Результаты исследования показали, что британские политики затрагивают в своих публичных выступлениях вопросы «зелёной экономики» в тех случаях, когда это отвечает тематике мероприятия. Они пытаются представить устойчивое развитие экономики как прерогативу и заслугу своей партии, но в то же время как общую задачу всей нации. Кроме того, премьер-министры редко ссылаются на научные данные. Количественный анализ показал, что экологический аспект фрейма «зелёная экономика» как правило представлен более полно, чем экономический.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении корпуса и словаря по теме «Зелёная экономика», а также при обучении английскому языку студентов экономических направлений.

Ключевые слова: зелёная экономика; фрейм; политический дискурс; фрейминг; дискурс-анализ; семантическое поле

FEATURES OF THE FRAME ‘GREEN ECONOMY’ IN THE ENGLISH-SPEAKING POLITICAL DISCOURSE

J. Vigna-Taglianti, E.N. Sidorova, E.N. Shirлина

Background. Recently, the issues of sustainable economic development and environmentally friendly production have become an important part of the political agenda in various countries. The public image of the ‘green economy’ is formed in the political discourse, so that is where its framing takes place. However, the features of the frame ‘green economy’ in public speeches of prominent political figures have not gotten enough attention yet.

Purpose. The article examines the features of the frame ‘green economy’ in the public speeches of British prime ministers to identify its environmental and economic aspects, the degree of its specificity and its scientific character, as well as the role played in the framing process by the party membership and political views of the speakers.

Materials and methods. The research material comprises the most significant speeches of D. Cameron, T. May and B. Johnson for the years 2012–2021. Quantitative methods and discourse analysis were used to analyse the material.

Results. The research results have shown that British politicians address green economy issues in their public speeches when it suits the topic of the event. They try to present sustainable economic development as the prerogative and merit of their party, but at the same time, as a task for the entire nation. Moreover, the prime ministers rarely refer to scientific data. Quantitative analysis has shown that the environmental

aspect of the green economy frame is generally more fully represented than the economic one.

Practical implications. *The results of the research can be used in compiling a corpus and vocabulary on green economy, as well as in teaching English to economics students.*

Keywords: *green economy; frame; political discourse; framing; discourse analysis; semantic field*

Введение

Сегодня не вызывает сомнения, что изменения климата и другие проблемы экологии занимают важное место в политическом дискурсе. Как утверждает Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), экологические проблемы могут вызвать нестабильность и неопределённость как в природных, так и в человеческих системах [1]. Эта нестабильность, наряду с необходимостью значительного сокращения выброса парниковых газов, имеет далеко идущие последствия для политической практики.

Роль политики в управлении изменением климата является широко обсуждаемым вопросом [2]. Тем не менее очень мало внимания уделяется группе людей, непосредственно занимающихся решением данной проблемы: самим политикам, которые, действуя через институты на глобальном, национальном и локальном уровнях, призваны стать посредниками в решении сложных проблем, связанных с экологией и перспективами развития зелёной экономики.

Цель

В представленном исследовании мы предпринимаем попытку внести свой вклад в устранение этого пробела с помощью качественного и количественного анализа публичных выступлений британских премьер-министров: от Дэвида Кэмерона до Бориса Джонсона. Цель исследования – проанализировать, каким образом англоязычные политики концептуализируют и представляют проблемы экологии и зелёную экономику как часть актуальной общемировой повестки.

Материал был получен методом сплошной выборки из наиболее значимых публичных выступлений Дэвида Кэмерона, Терезы Мэй и Бориса Джонсона за 2012-2021 гг. Эти временные рамки помогают определить, как менялись концептуализация и репрезентация зелёной экономики в британской политике и общественном мнении. Для достижения поставленной цели мы используем метод дискурс-анализа и количественные методы исследования.

Актуальность

Хотя политики – не единственные люди, принимающие решения по вопросам зелёной экономики, их роль крайне важна. Многие, если не большинство, предлагаемых мер для уменьшения отрицательного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду требуют законодательных инициатив. Тем не менее причины, по которым политики проявляют активность или бездействуют, когда дело касается вопросов экологии, всё ещё недостаточно хорошо изучены по сравнению, например, с поведением потребителей [8] или стратегиями корпоративных лидеров [9]. В дискуссиях о политике и управлении, как правило, не рассматриваются мотивы и взгляды людей, которые делают политику, а термины «управление» и «политика» используются абстрактно [10].

Очевидно, что политики не реагируют на научные данные об изменении климата простым или линейным образом, и мы не должны ожидать от них такой реакции [10]. Тем не менее среди научного и политического сообществ бытует мнение, что научные данные непосредственно трансформируются в политические действия [7]. М. Хайер и другие исследователи используют слово ‘cockpitism’ (от английского ‘cockpit’ – «кабина пилота») для описания иллюзии простого и плавного перехода от освещённого наукой вопроса к международному соглашению, реализуемому национальными правительствами, которые действуют в интересах планеты в целом [7].

В действительности, очевидно, что политики не пассивно трансформируют научные данные в соответствующие действия. Вместо этого они, осознанно или нет, создают общественный образ про-

блемы в соответствии со своей идеологией, взглядами и мнениями избирателей и других субъектов общественно-политической жизни, ощущением достижимости, преобладающими нормами и предположениями и так далее [6]. Этот процесс «фрейминга» влияет как на то, как обсуждаются вопросы, включая тип используемого языка, так и на то, обсуждаются ли определенные аспекты вопроса вообще, или же они игнорируются.

«Фрейминг» можно рассматривать как активный процесс, работу над знаками или конструирование смысла [10], непрерывный процесс описания и определения проблемы в соответствии с целями определённой группы или движения. Подобное фреймирование происходит со всеми темами, но оно особенно очевидно в общественно значимых вопросах, таких как экология.

Одним из наиболее важных инструментов фреймирования является язык. Так, Н. Фэйркло отмечает, что политические различия всегда представлялись как различия в языке, политическая борьба всегда была частично борьбой за доминирующий язык [5]. Это не значит, что политическое противостояние может быть сведено к лингвистическому – скорее, язык является важнейшим способом, с помощью которого различные политические группировки отстаивают свои позиции и создают альянсы.

В концепции М. Хайера о «дискурсивных коалициях» аргументация – это средство, с помощью которого акторы пытаются навязать другим свой взгляд на реальность, предложить определенные социальные позиции и практики и критиковать альтернативные социальные механизмы [6].

При анализе фрейма в политическом дискурсе важно также рассмотреть, какие вопросы или аспекты проблемы вообще не обсуждаются. Как отмечалось выше, убедительные научные данные не приводят автоматически к решению проблемы. Например, согласно концепции «политических окон» Д. Кингдона вопрос попадает в политическую повестку дня, когда присутствуют три фактора: чётко обозначенная проблема, предлагаемые пути решения, такие как политические механизмы, и политическая поддержка вопроса [10].

Таким образом, в работе рассматриваются два аспекта «фрейминга»: во-первых, как обсуждаются различные аспекты зелёной экономики – какие языковые единицы и в каком окружении наиболее часто используются при представлении темы; во-вторых, какие аспекты зелёной экономики исключаются из обсуждения.

Методы исследования

Для изучения особенностей построения политического дискурса и моделирования в нём определённых фреймов используются методы как количественного, так и качественного анализа. На наш взгляд, наиболее полное исследование возможно лишь при комплексном применении этих двух групп методов.

Критический дискурс-анализ (КДА) можно рассматривать не как конкретный, предписанный метод, а как широкую теоретическую ориентацию, которая сочетает внимательное прочтение текста с рассмотрением социального, политического и культурного контекста текста [10]. КДА несёт в себе обязательный аксиологический компонент. Исследователи, изучающие политический дискурс с позиций КДА, раскрывают механизмы, с помощью которых средства массовой информации или отдельные общественные и политические деятели формируют общественное сознание, исходя из своих целей. Так, например, КДА помогает определить, с помощью каких языковых средств и дискурсивных стратегий происходит формирование образа мигранта, представителя оппозиции или внешнего врага. В отличие от КДА в дескриптивном подходе к дискурс-анализу преобладает стремление к объективному описанию явлений без их идеологической оценки.

В данном исследовании дискурс-анализ использовался как для поиска релевантного языкового материала, так и для объяснения результатов количественного анализа посредством качественной интерпретации речи британских премьер-министров.

Количественные методы в лингвистике позволяют получить объективные данные и материал для дальнейшего качественного анализа. Так, вероятностно-статистические методы помогают про-

следить взаимосвязь между частотой использования различных языковых единиц, их левым и правым окружением и стилем конкретного автора.

Одним из перспективных методов изучения политического дискурса является корпусный анализ, преимущество которого заключается в возможности обрабатывать большие объёмы текста для выявления речевых закономерностей. Так, Р. Уиллис в 2017 г. создала корпус из 97 000 слов на основе Hansard, онлайн-записи парламентских выступлений, чтобы выяснить, как в речах британских парламентариев репрезентируется концепт климатических изменений в рамках готовящегося законопроекта. Корпус был проанализирован с помощью трёх методов: анализа ключевых слов, изучающего частоту употребления значимых слов по сравнению с другими корпусами; анализа коллокаций, исследующего, какие слова используются вместе, и дающего представление о значениях, придаваемых ключевым терминам; и семантического тегирования, сравнивающего относительную частоту использования групп слов, имеющих схожие значения.

Анализ корпуса показал, что члены парламента использовали научные и экономические фреймы для обсуждения законопроекта об изменении климата. При этом они исключили из дискуссии такие темы, как окружающая среда или ущерб, который наносится различным биологическим видам. Также очень мало обсуждаются люди или социальные факторы. Кроме того, анализ помог сделать вывод о том, что политики используют научные данные избирательно, преуменьшая или игнорируя риски резкого или необратимого изменения климата. Исследовательница пришла к заключению, что политики рассматривают изменение климата как экономический и технический вопрос и пренебрегают обсуждением человеческих и социальных аспектов, пытаясь тем самым преуменьшить значимость проблемы [10].

Как уже было сказано ранее, анализ построения фрейма требует сочетания количественных методов и методов их качественного описания.

Для анализа особенностей фрейма «зелёная экономика» нами были предприняты следующие шаги:

1. Выбор наиболее значимых публичных речей британских премьер-министров, посвящённых экологии и зелёной экономике или напрямую затрагивающих эти темы.

2. Семантический анализ выбранных текстов с помощью сервиса Istio, который позволяет оценить их насыщенность ключевыми словами. Количественный анализ наиболее частотных ключевых слов.

3. Анализ левого и правого окружения ключевых слов.

4. Группировка слов по категориям значения, или семантическим полям, чтобы определить, какие семантические группы используются чаще или реже по сравнению с другими. Этот метод помогает выявить закономерности, которые не заметны на уровне отдельных слов.

5. Дескриптивный дискурс-анализ, который позволяет рассматривать речи в широком контексте политической ситуации и общественной дискуссии.

Следует отметить, что особый интерес для нас представляло соотношение языковых единиц из семантических полей «экономика» и «экология» и их взаимосвязь, поскольку предпосылкой исследования послужила гипотеза о том, что в современном политическом дискурсе усиливается тенденция к рассмотрению экологических вопросов, как проблем экономики.

Результаты

Речь Д. Кэмерона об изменении климата, 23.09.2014 (UN Climate Summit)

Большое внимание к проблемам экологии было отличительной чертой политики Д. Кэмерона. Экологическая повестка лежала в основе его программы модернизации. По словам бывшего премьер-министра, он создал самое «зелёное» правительство. В свою очередь стратегия ‘Vote Blue, Go Green’ оказала положительное влияние на имидж его партии, а высокий уровень поддержки Д. Кэмерона способствовал межпартийному консенсусу, который обеспечил радикальные изменения в климатической политике [3].

Однако несмотря на то, что коалиционное правительство приняло важные меры по защите окружающей среды и внедрению зелёной экономики (сборы с авиапассажиров, «умные» счётчики, льготные тарифы и т.д.), Д. Кэмерон и его партия не смогли удерживать лидерство в этом вопросе. Н.Т. Картер и Б. Клеменс связывают это с тем, что начиная с 2010 г. консервативные члены парламента, подстрекаемые прессой правого толка, начали демонстрировать всё более ангажированный подход к экологии. Вопросы экологии оказались чересчур сложной задачей для консерваторов, показав отсутствие среди них единства и стремление поддерживать интересы производителей [3].

В 2012 г. Д. Кэмерон выступил в Лондоне на министерской конференции по чистой энергии (СЕМ). Это выступление вызвали серьёзную критику со стороны британского общества. Представители «зелёных» НПО, бизнеса и политики оспорили утверждения о том, что новая политика и реформы, принятые коалицией, способствовали развитию зелёной экономики в Великобритании. Так, теневой министр энергетики лейбористов К. Флинт раскритиковала премьер-министра за неспособность произнести «правильную» речь, заявив, что его выступление продемонстрировало реальное отсутствие поддержки зелёной экономики со стороны правительства [4].

24 сентября 2014 г. Д. Кэмерон выступил с комментариями на Климатическом саммите ООН в Нью-Йорке [а]. Его выступление также подверглось критике со стороны оппозиции за отсутствие конкретных предложений по решению проблемы. Речь премьер-министра Д. Кэмерона представляет собой мотивационное выступление и призыв к действию, а также подведение итогов уже проделанной работы в сфере борьбы с изменением климата. Д. Кэмерон подчеркивает необходимость срочных мероприятий, о чем свидетельствует повторение слов “need” и “needs”, которое встречается в тексте 10 раз. К семантическому полю «необходимость» также относятся модальные глаголы “should” и “must” (3 и 2 раза, соответственно), как представлено в Таблице 1.

Таблица 1.

Слова из семантического поля «необходимость»

“need” и “needs”		
We now	need	the whole world to step up...
We	need	to work hard now...
To achieve a deal, we	need	all countries [...] to make...
...support to those who	need	it...
...if we get this right there	need	not be a trade-off...
We	need	to give this business...
...the certainty it	needs	to invest...
...the right technologies for their	needs	.
In short, we	need	a framework...
...take the steps that they	need	to as well so...
“should” и “must”		
...we	should	listen to it.
...we	should	insure against them.
...we	should	seize it.
And we	must	agree a global deal...
We	must	provide support to...

Среди научных терминов из сферы экологии, самые распространенные – слова “carbon” (7 раз) и “emissions” (5 раз), которые встречаются даже чаще основной темы речи – “climate change” (3 раза), как показано в Таблице 2.

Таблица 2.

Термины из сферы экологии

Термин “climate change”		
	Climate change	is one of the most...
...demand action on	climate change	, right here at...
...the world’s first	Climate Change	Act.
Термин “carbon”		
...leading financial centre in	carbon	trading.
...£1 billion in	Carbon	Capture and Storage.
...new coal without	Carbon	Capture and Storage.
...all forms of lower	carbon	energy including...
...forgo the high	carbon	route to growth...
...and reducing	carbon	emissions.
...to invest in low	carbon	.
Термин “emissions”		
...has cut greenhouse gas	emissions	by one quarter.
...on track to cut	emissions	by 80 per cent...
...an offer to cut	emissions	by at least 40 per cent...
...commitments to reduce	emissions	.
...and reducing carbon	emissions	.

Что касается личных местоимений, в речи Д. Кэмерона преобладает использование первого лица множественного числа (32 раза), которое встречается намного чаще первого лица единственного числа (16 раз). Данные об использовании личных местоимений представлены в Таблице 3.

Таблица 3.

Использование личных местоимений

I л. ед.ч. <i>в т.ч. формы</i> I my	16 раз 15 раз 1 раз
I л. мн.ч. <i>в т.ч. формы</i> we our	32 раза 22 раза 10 раз
III л. мн. ч. <i>в т.ч. формы</i> they them their	3 раза 1 раз 1 раз 1 раз

***Речь Т. Мэй о экологических проблемах,
11.01.2018 г. (London Wetland Centre)***

Выступление Т. Мэй в Лондонском центре водно-болотных угодий (англ. London Wetland Centre) 11 января 2018 г. можно считать исторически значимым, поскольку в нём премьер-министр впервые раскрыла 25-летнюю программу правительства по экологическим вопросам. К тому же, как отметили авторы специализированного PR-агентства “Greenhouse”, впервые за 10 лет экологические вопросы стали главной темой речи премьер-министра Великобритании [b]. Тем не менее программа показалась общественным деятелям и специалистам в сфере защиты окружающей среды амбициозной, но неопределённой в плане конкретных и срочных мер для улучшения экологической обстановки в стране [b, c]. На сайте правительства Соединённого королевства основная часть речи Т. Мэй (без введения и заключения) разделена на 10 главных тематических блоков: ценность нашей окружающей среды; консервация и рост; наш по-

служной список; благополучие животных; улучшение нашей окружающей среды; доступность и участие; пластик; изменение климата; качество воздуха [d].

Речь характеризуется заметным национально-патриотическим тоном, при описании природных ресурсов и богатств Соединённого королевства используются эмоционально нагруженные языковые единицы: *“In the United Kingdom, we are blessed with an abundance and variety of landscape and habitats. These are assets of immense value”, “Our green and blue places have inspired some of our greatest poetry, art and music and have become global cultural icons”,* и т.д.

Важно вспомнить, что в момент данного выступления страна находилась в процессе переговоров насчёт выхода из Евросоюза (так называемый «брексит»), с чем может быть связана патриотическая риторика. Сам брексит упоминается в речи несколько раз: Т. Мэй обещает аудитории, что он не скажется на непрерывности экологической программы, поскольку независимая Великобритания продолжит и даже усовершенствует политику и программы Европейского союза в данной сфере: *“Action at the EU level – of which the UK has consistently been a champion – has helped drive these improvements. Because we recognise their value, we will incorporate all existing EU environmental regulations into domestic law when we leave. And let me be very clear. Brexit will not mean a lowering of environmental standards”*.

Другая характерная черта выступления премьер-министра – отсылка к прошлому, к наследству (англ. *heritage, inheritance*) и политическим традициям страны. В самом начале своей речи Т. Мэй, подчеркивая свою роль главы не только правительства, но и Консервативной партии Великобритании, устанавливает параллель между Консерватизмом и консервацией природных ресурсов: *“speaking as the Leader of the Conservative Party, I know I draw upon a proud heritage. Because Conservatism and Conservation are natural allies”*. В её словах основная миссия политических деятелей – защитить и улучшить то, что досталось им в наследство от предыдущих поколений, и передать всё это следующему. Т. Мэй обращает особое внимание на проделанную её партией работу в сфере экологии, упо-

миная бывших консервативных премьер-министров, таких как Маргарет Тэтчер (премьер-министр с 1979 по 1990 гг.), Дэвид Кэмерон (с 2010 по 2016 гг.) и даже Бенджамин Дизраэли (премьер-министр в 1868 г. и снова с 1874 по 1880 гг.). Тема отсылки к прошлому и к политической традиции консерватизма выражена различными словосочетаниями, представленными в Таблице 4.

Таблица 4.

Словосочетания семантических полей «наследство» и «консерватизм»

Семантическое поле “heritage”		
...I draw upon a proud	heritage	.
...it applies equally to our natural	heritage	.
...build on this proud	heritage	, and the action...
...pass on that	inheritance	to the next generation.
...protect and renew our natural	inheritance	for the next generation.
To safeguard and improve on our	inheritance	, so we can pass on...
...what we have	inherited	from those who went...
Семантическое поле “conservatism”		
...is a fundamental	Conservative	principle.
...as the Leader of the	Conservative	party,
	Conservative	Governments...
Benjamin Disraeli’s	Conservative	government...
A	Conservative	government...
...a central place in the	Conservative	agenda.
...under a	Conservative	government...
Because	Conservatism	and Conservation...
... serious environmentalism and serious	Conservatism	both point...

Обсуждая экологические темы, политики стараются использовать экономические термины и язык науки в целом [d]. Однако в речи Т. Мэй нет никаких отсылок к науке, научным исследованиям или позициям ученых. С другой стороны, в тексте присутствует множество специализированных терминов из области экономики, среди которых самыми распространенными являются “economy” и “economic” в сочетании с различными словами, особенно в выражениях “free economy” (4 раза из 8) и “economic growth” (6 раз), как представлено в Таблице 5.

Таблица 5.

Словосочетания с терминами “economy” и “economic”

Словосочетания с существительным “economy”		
...contribute billions to our	economy	.
...a belief in a free market	economy	which pursues...
A free market	economy	, operating under...
...a free enterprise	economy	will help...
...of any other major	economy	.
...growth in our	economy	and deliver...
...it is in free	economies	and free societies...
Around the world,	economies	at all stages...
Словосочетания с прилагательным “economic”		
...the objective of	economic	growth is...
...the very idea of	economic	growth itself...
...delivering sustainable	economic	growth, is...
...harnessing the	economic	potential of...
...press for sustainable	economic	growth, and the immense...
...boosting	economic	productivity, prosperity and growth...
...to promote their	economic	growth, we will also...

Как и стоило ожидать, самым распространенным словом в речи премьер-министра является существительное “environment”, которое встречается в тексте 25 раз, в т.ч. 3 раза при упоминании самого стратегического плана, о котором Т. Мэй докладывает. Кроме этого, в тексте присутствуют производные термины “environmental” и “environmentalism” (12 и 2 раза, соответственно). В Таблице 6 представлены самые частые словосочетания, содержащие данные термины.

В речи политиков особый интерес представляет использование местоимений и других слов семантического поля «общество», т.е. непосредственно связанных с людьми. В своем выступлении Т. Мэй использует в основном местоимения первого лица множественного числа (181 раз), а также третьего лица множественного числа (30 раз) и первого лица единственного числа (18). Результаты анализа представлены в Таблице 7.

Таблица 6.

Словосочетания с термином “environment” и его производными

Словосочетания с существительным “environment”	
natural environment <i>в т.ч.</i>	13 раз
our natural environment	5 раз
the natural environment	5 раз
that natural environment	1 раз
a healthy natural environment	1 раз
a healthy and beautiful natural environment	1 раз
our environment <i>в т.ч.</i>	14 раз
our environment	7 раз
our natural environment	5 раз
our marine environment	1 раз
our most precious environments	1 раз
the environment <i>в т.ч.</i>	7 раз
the environment	5 раз
the natural environment	2 раза
Словосочетания с прилагательным “environmental”	
environmental protection(s)	3 раза
environmental policy / regulations / standards / principles / benefits / aspects / scourges	по 1 разу
environmental land management	1 раз
net environmental gain	1 раз
Слово “environmentalism”	
без согласованных слов	2 раза

Таблица 7.

Использование личных местоимений

I л. ед.ч. <i>в т.ч. формы</i> I me my myself	18 раз 15 раз 1 раз 1 раз 1 раз
I л. мн.ч. <i>в т.ч. формы</i> we us our ourselves	181 раз 86 раз 7 раз 87 раз 1 раз
III л. мн. ч. <i>в т.ч. формы</i> they them their themselves	30 раз 16 раз 4 раза 9 раз 1 раз

Рассматривая использование других единиц, связанных с обществом и общественными группами, чаще всего в тексте встречаются слова “people” и “generation” (14 и 11 раз, соответственно), а также термины семантического поля “family” (8 раз). Анализ данных единиц представлен в Таблице 8.

Таблица 8.

Единицы из семантического поля «общество»	
Слово “people”	
всего	14 раз
<i>в т.ч.</i>	
в общем	7 раз
young people	6 раз
people in this room	1 раз
Слово “generation”	
всего	11 раз
<i>в т.ч.</i>	
the next / successive generation(s)	8 раз
each new generation	1 раз
over generations	1 раз
the first generation	1 раз
Семантическое поле “family”	
всего	8 раз
<i>в т.ч.</i>	
family	1 раз
child / children / grandchildren	7 раз

***Речь Б. Джонсона об экологических проблемах,
11.01.2021 г. (UN Climate Summit, Glasgow)***

11 января 2021 г. Б. Джонсона выступил с речью на 26-й конференции ООН по изменению климата в Глазго [е]. В своей речи британский премьер-министр обозначил актуальную проблему – выбросы углекислого газа, которые привели к повышению температуры на два градуса по Цельсию во всем мире, а также предложил способы её решения, ещё раз указав на неотложность и важность выполнения определенных действий с целью избежать глобальной катастрофы.

Выступление Б. Джонсона характеризуется значительным количеством эмоционально окрашенной лексики и выражений, передающих экстренность и масштаб сложившейся ситуации, он сравнивает из-

менение климата и повышение температуры с бомбой замедленного действия, способной уничтожить всё живое на планете: *“Except that the tragedy is this is not a movie, and the doomsday device is real. And the clock is ticking to the furious rhythm of hundreds of billions of pistons and turbines and furnaces and engines...”*, *“Because humanity has long since run down the clock on climate change. It’s one minute to midnight on that doomsday clock, and we need to act now”*, *“We have the technology to deactivate that ticking doomsday device. Not all at once. I’m afraid it’s too late for that”*, *“And yes, my friends, we’ve brought you to the very place where the doomsday machine began to tick”*.

Однако, несмотря на пессимистичное начало, у человечества есть шанс избежать трагедии. В своей речи британский политик предлагает конкретные пути решения сложившейся проблемы, в основе которых лежит переход мирового сообщества к зелёной экономике. Такие выражения, как *“to move to green technology”*, *“a journey to a cleaner greener future”*, *“a green industrial revolution”*, *“to decarbonize”* представляют собой репрезентацию передовых экологических идей в политическом дискурсе.

Неудивительно, что самым распространенным словосочетанием, которое использует Б. Джонсон, является «изменение климата», встречающееся в речи семь раз (Таблица 9).

Таблица 9.

Словосочетания с “climate change”

Словосочетания с “climate change”		
...run down the clock on	climate change	.
...get serious about	climate change	today,
...we get real about	climate change	.
...be the end of the story on	climate change	.
...solved	climate change	,
...COP26 will not be the end of	climate change	, it can, and it must
...to begin the fight back against	climate change	.

В своей речи премьер-министр придерживается основной концепции саммита ООН по изменению климата – зелёной экономики. Данный термин определяет экономику, которая характеризуется

низким уровнем использования углерода, эффективным использованием ресурсов и рассчитана на все социальные классы. Прилагательное «зелёный» в данном контексте прозвучало в выступлении четыре раза (Таблица 10).

Таблица 10.

Семантическое поле “green”		
Семантическое поле “green”		
And as we look at the	green	industrial revolution that’s now needed around the world
to help the rest of the world to move to	green	technology.
set off on a journey to a cleaner	greener	future.
continue with a program that is a	green	industrial revolution

При анализе речи политиков мы обратили особое внимание на использование личных местоимений и других слов семантического поля «общество». В выступлении Б. Джонсона прозвучали в основном местоимения первого лица множественного числа (77 раз), а также первого лица единственного числа (10) и третьего лица множественного числа (9 раз). Результаты анализа представлены в Таблице 11.

Таблица 11.

Использование личных местоимений	
I л. ед.ч. <i>в т.ч. формы</i> I me my myself	10 раз 7 раз 0 раз 3 раз 0 раз
I л. мн.ч. <i>в т.ч. формы</i> we us our ourselves	77 раз 60 раз 7 раз 9 раз 1 раз
III л. мн. ч. <i>в т.ч. формы</i> they them their themselves	9 раз 5 раз 2 раза 2 раза 0 раз

Проанализировав употребление других лексических единиц, относящихся к обществу и общественным группам, чаще всего в речи используется слово “people” (2 раза), а также термины семантического поля “family” (5 раз). Результаты анализа лексических единиц представлены в Таблице 12.

Таблица 12.

Единицы из семантического поля «общество»	
Слово “people”	
всего	2 раз
<i>в т.ч.</i>	
в общем	1 раз
young people	1 раз
Семантическое поле “семья”	
всего	5 раз
<i>в т.ч.</i>	
child / children / grandchildren	5 раз

Что касается обращения к научным данным, Б. Джонсон, говоря о проблемах экологии и перехода к зелёной экономике, дважды ссылается на позицию учёных и только единожды использует термин «экономика»: *“Cows will still belch in their pastures, even if some brilliant Kiwi scientists are teaching them how to be more polite”, “And we know what the scientists tell us, and we have learned not to ignore them”, “high-skilled jobs in power and technology, taking our economies forward”*.

Выводы

В проанализированных выступлениях было выделено две основных группы ключевых слов: экономика и экология. Как видно из Таблицы 13, группа «экология» представлена наибольшим количеством языковых единиц.

Количественный анализ речей британских премьер-министров показал, что основной экологической проблемой, вызывающей беспокойство, являются изменения климата, вызванные выбросами парниковых газов: термины “climate change” и “carbon emissions” являются одними из наиболее частотных. Это можно объяснить тем,

что данная проблема является широко обсуждаемой в обществе и представляет собой актуальный внешне- и внутривнутриполитический вопрос.

Таблица 13.

Количественный анализ терминологических единиц из областей экономики и экологии в выступлениях Д. Кэмерона, Т. Мэй и Б. Джонсона

	Экономика	Экология
Д. Кэмерон	15 единиц	21 единица
Т. Мэй	28 единиц	82 единицы
Б. Джонсон	18 единиц	14 единиц

Термины “economy” и “economic” также играют заметную роль, из чего можно сделать вывод о том, что в современном политическом дискурсе делается акцент на экологии как важнейшем факторе хозяйственной деятельности государств, призванном обеспечить благосостояние не только нынешнего, но и следующих поколений граждан. На последнее указывает активное использование таких лексем, как “heritage”, “inheritance”, “generation”.

Привлечение к анализу дополнительных семантических полей, таких как «наследие», «консерватизм», «общество», позволяет продемонстрировать, насколько важно для политиков представить проблемы зелёной экономики как часть своей политической программы, отвечающей запросам общества.

Преимущественное использование форм первого лица множественного числа подчёркивает, с одной стороны, что политики говорят от имени партии, которую они представляют. С другой стороны, они тем самым апеллируют к мировому политическому сообществу и широкой общественности (инклюзивное «мы»).

Выступления политиков носят декларативный характер, поэтому они исходят из мирового научного консенсуса по вопросам экологии и практически не ссылаются на научные данные в своей аргументации. В тех случаях, когда они выборочно используют научный, экономический и технический язык, их основной целью является опора на научный и общественный консенсус для подкрепления своей позиции.

При анализе важно обратить внимание на окружение, в котором встречаются ключевые слова. Так, обилие модальных глаголов со значением долженствования указывает на готовность принять на себя обязательства по развитию зелёной экономики и вместе с тем является призывом к обществу (или мировому сообществу) содействовать решению наиболее острых экологических проблем.

Анализ окружения ключевых слов показал, что упоминание изменений климата чаще всего содействует со словами, которые должны показывать всю серьёзность проблемы: “to get real about”, “to get serious about” и др., а также необходимость её решения: “to run down the clock”, “to solve”, “to fight back”. Последнее относится и к семантическому полю “carbon emissions”. Лексемы “emissions” и “carbon” соседствуют с такими, как “reduce”, “low”, “cut”.

Слова из семантического поля “environment” встречаются в окружении, которое придаёт им положительную коннотацию: “a healthy and beautiful natural environment”, “our precious environment”. Ещё один элемент фрейма «зелёная экономика», который строится вокруг семантического поля “environment”, – это необходимость защищать окружающую среду от отрицательных воздействий климатических изменений и предложение конкретных мер: “environmental protection(s)”, “environmental policy / regulations / standards / principles”, “environmental land management” и др.

Левое и правое окружение ключевых слов из семантического поля “green” указывает на то, что переход к зелёной экономике ещё не завершён, но она представляет собой желанную цель для всего мирового сообщества: “to move to”, “to set off on a journey to”, “to continue with a program”, “future”, “industrial revolution” и др.

Что касается семантического поля “economy”, с помощью окружения входящих в него ключевых слов политики также представляют слушателям идеальную картину будущего, в котором использование «зелёных» технологий приведёт к процветанию: “growth”, “potential”, “productivity”, “prosperity”. Левое окружение слов демонстрирует, какой должна быть экономика, чтобы можно было рассчитывать на такой результат. Наиболее частотными прилага-

тельными в левом окружении лексемы “economy” являются “free” и “sustainable”.

Анализ семантического поля “heritage” показывает, что левое окружение ключевых слов подчёркивает преемственность политики в области зелёной экономики (“a proud (heritage)”, “to pass on”, “to protect and renew”, “to safeguard”, “to improve” и др.), а правое окружение указывает на тех, для кого необходимо построить комфортный и безопасный мир (“next generation”).

При анализе выступлений становится заметно, что ораторы оставляют без внимания другие экологические проблемы, влияющие на экономику, кроме изменений климата вследствие выброса парниковых газов. Это можно объяснить тематикой мероприятий, в рамках которых они выступали, и особым вниманием общественности к этой проблеме.

Заключение

В последние годы вопросы зелёной экономики прочно заняли место в политическом дискурсе. При анализе построения фрейма «зелёная экономика» необходимо учитывать сочетание экстралингвистических факторов, таких как формат и тематика политического мероприятия, партийная принадлежность выступающего, общественное внимание к конкретным аспектам проблемы и даже личность оратора, и конкретных языковых единиц. Это требует комбинированного количественного и качественного анализа текстов, составляющих политический дискурс.

Несмотря на то, что в своих выступлениях по проблемам зелёной экономики британские политики иногда обращаются к научным данным, их язык не носит ярко выраженный научный и экономический характер. В своих выступлениях, носящих декларативный характер, в отличие, например, от политических дебатов, они создают положительную картину будущего, в котором природосберегающие технологии, грамотная экологическая политика и усилия всех стран приведут к экономическому процветанию. Кроме того, экологическая тематика является для них средством заявить о своей

политической программе и показать её преимущества по сравнению с конкурентами.

Данное исследование носит выборочный характер, однако описанные в нём методы помогут получить более полную картину фрейма «зелёная экономика» в политическом дискурсе, например, как база для корпусного анализа и начальный этап работы над составлением терминологического словаря по теме «Зелёная экономика». Анализ других семантических полей, например, поля «причинно-следственная связь» в сочетании с критическим дискурс-анализом, даст представление о том, какую роль различные политические силы отводят себе в решении проблемы и какие меры предлагают.

Список литературы

1. AR4 Climate Change 2007: Synthesis Report // Intergovernmental Panel on Climate Change, 2007. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar4/syr/> (дата обращения: 25.10.2022).
2. Biermann F., Abbott K., Andresen S., Bäckstrand K., Bernstein S., Betsill M., et al. Transforming governance and institutions for global sustainability: key insights from the Earth System Governance Project // Current Opinion in Environmental Sustainability, 2012, no. 4(1), pp. 51-60. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cosust.2012.01.014> (дата обращения: 25.10.2022).
3. Carter N., Clements B. From ‘greenest government ever’ to ‘get rid of all the green crap’: David Cameron, the Conservatives and the environment // British Politics, 2015, no. 10, pp. 204-225. URL: <http://dx.doi.org/10.1057/bp.2015.16> (дата обращения: 19.10.2022).
4. Environmental leaders slam Cameron’s speech as ‘hot air’, 2012. URL: <https://www.edie.net/environmental-leaders-slam-camérons-speech-as-hot-air/> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Fairclough N. New Labour, New Language? 2002, 192 p. URL: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203131657> (дата обращения: 23.10.2022).
6. Hajer M.A., Hoppe R., Jennings B. The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Duke Univ. Press, 1993. URL: <http://dx.doi.org/10.1515/9780822381815> (дата обращения: 22.10.2022).

7. Hajer M., Nilsson M., Raworth K., Bakker P., Berkhout F., de Boer Y., et al. Beyond Cockpit-ism: Four Insights to Enhance the Transformative Potential of the Sustainable Development Goals // *Sustainability*, 2015, no. 7(2), pp. 1651-60. URL: <http://dx.doi.org/10.3390/su7021651> (дата обращения: 25.10.2022).
8. Jackson T. *Motivating sustainable consumption*, 2005, 150 p. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?hl=en&publication_year=2005&author=T.+Jackson&title=Motivating+sustainable+consumption%3A+a+review+of+evidence+on+consumer+behaviour+and+behavioral+change.+Sustainable+development+research+network+%5Bonline%5D (дата обращения: 22.10.2022).
9. Rickards L., Wiseman J., Kashima Y. Barriers to effective climate change mitigation: the case of senior government and business decision makers // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 2014, no. 5(6), pp. 753-73. URL: <http://dx.doi.org/10.1002/wcc.305> (дата обращения: 19.10.2022).
10. Willis R. Taming the Climate? Corpus analysis of politicians' speech on climate change // *Environmental Politics*, 2017, no. 26(2), pp. 212-31. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/09644016.2016.1274504> (дата обращения: 22.10.2022).

Список текстов

- a. UN Climate Summit 2014: David Cameron's remarks. URL: <https://www.greenhouse.agency/blog/first-speech-environment-uk-prime-minister-10-years/> (дата обращения: 22.10.2022).
- b. First speech on environment by UK Prime Minister in over 10 years. URL: <https://www.greenhouse.agency/blog/first-speech-environment-uk-prime-minister-10-years/> (дата обращения: 22.10.2022).
- c. Walker P., Laville S. Theresa May defends green plan as critics say it is too slow and vague. *The Guardian*, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2018/jan/11/may-defends-inspiring-green-plan-as-critics-call-for-immediate-action> (дата обращения: 22.10.2022).
- d. Prime Minister's speech on the environment: 11 January 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-the-environment-11-january-2017> (дата обращения: 22.10.2022).

- e. Boris Johnson COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/boris-johnson-cop26-climate-summit-glasgow-speech-transcript> (дата обращения: 22.10.2022).

References

1. AR4 Climate Change 2007: Synthesis Report. Intergovernmental Panel on Climate Change, 2007. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar4/syr/> (accessed October 25, 2022).
2. Biermann F., Abbott K., Andresen S., Bäckstrand K., Bernstein S., Bet-sill M.M., et al. Transforming governance and institutions for global sustainability: key insights from the Earth System Governance Project. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 2012, no. 4(1), pp. 51-60. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.cosust.2012.01.014> (accessed October 25, 2022).
3. Carter N., Clements B. From ‘greenest government ever’ to ‘get rid of all the green crap’: David Cameron, the Conservatives and the environment. *British Politics*, 2015, no. 10, pp. 204-225. URL: <http://dx.doi.org/10.1057/bp.2015.16> (accessed October 19, 2022).
4. Environmental leaders slam Cameron’s speech as ‘hot air’, 2012. URL: <https://www.edie.net/environmental-leaders-slam-cameron-speech-as-hot-air/> (accessed October 25, 2022).
5. Fairclough N. New Labour, New Language? 2002, 192 p. URL: <http://dx.doi.org/10.4324/9780203131657> (accessed October 23, 2022).
6. Hajer M.A., Hoppe R., Jennings B. The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Duke Univ. Press, 1993. URL: <http://dx.doi.org/10.1515/9780822381815> (accessed October 22, 2022).
7. Hajer M., Nilsson M., Raworth K., Bakker P., Berkhout F., de Boer Y., et al. Beyond Cockpit-ism: Four Insights to Enhance the Transformative Potential of the Sustainable Development Goals. *Sustainability*, 2015, no. 7(2), pp. 1651-60. URL: <http://dx.doi.org/10.3390/su7021651> (accessed October 25, 2022).
8. Jackson T. Motivating sustainable consumption, 170 p. URL: https://scholar.google.com/scholar_lookup?hl=en&publication_year=2005&author=T.+Jackson&title=Motivating+sustainable+consump-

- tion%3A+a+review+of+evidence+on+consumer+behaviour+and+behavioural+change.+Sustainable+development+research+network+%5Bonline%5D (accessed October 22, 2022).
9. Rickards L., Wiseman J., Kashima Y. Barriers to effective climate change mitigation: the case of senior government and business decision makers. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 2014, no. 5(6), pp. 753-73. URL: <http://dx.doi.org/10.1002/wcc.305> (accessed October 19, 2022).
 10. Willis R. Taming the Climate? Corpus analysis of politicians' speech on climate change. *Environmental Politics*, 2017, no. 26(2), pp. 212-31. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/09644016.2016.1274504> (accessed October 22, 2022).

Materials

- a. UN Climate Summit 2014: David Cameron's remarks. URL: <https://www.greenhouse.agency/blog/first-speech-environment-uk-prime-minister-10-years/> (accessed October 22, 2022).
- b. First speech on environment by UK Prime Minister in over 10 years. URL: <https://www.greenhouse.agency/blog/first-speech-environment-uk-prime-minister-10-years/> (accessed October 22, 2022).
- c. Walker P., Laville S. Theresa May defends green plan as critics say it is too slow and vague. *The Guardian*, 2018. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2018/jan/11/may-defends-inspiring-green-plan-as-critics-call-for-immediate-action> (accessed October 22, 2022).
- d. Prime Minister's speech on the environment: 11 January 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-speech-on-the-environment-11-january-2017> (accessed October 22, 2022).
- e. Boris Johnson COP26 Climate Summit Glasgow Speech Transcript. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/boris-johnson-cop26-climate-summit-glasgow-speech-transcript> (accessed October 22, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Винья-Тальянти Якопо, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева»

Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация

jacopo.vignataglianti@gmail.com

Сидорова Елизавета Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева»

Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация

elizavetasidorova5@gmail.com

Ширлина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А.Тимирязева»

Лиственничная аллея, 2, г. Москва, 127550, Российская Федерация

shirl2005@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Jacopo Vigna-Taglianti, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Russian

Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation

jacopo.vignataglianti@gmail.com

SPIN-code: 8525-0391

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-544X>

ResearcherID: Y-3631-2019

Elizaveta N. Sidorova, lecturer, Department of Foreign Languages and Russian

Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation

elizavetasidorova5@gmail.com

SPIN-code: 6716-1566

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1550-1145>

Elena N. Shirlina, Cand. Phyl. (Phylology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Russian

Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

2, Listvennichnaya al., Moscow, 127550, Russian Federation

shirl2005@yandex.ru

SPIN-code: 8337-6955

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7397-6985>

ResearcherID: Q-3764-2017

Scopus Author ID: 56872822700

Поступила 31.10.2022

После рецензирования 16.11.2022

Принята 19.11.2022

Received 31.10.2022

Revised 16.11.2022

Accepted 19.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-251-259

УДК 811. 11

ВНУТРЕННЯЯ РИФМА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ЗВУКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Н.Н. Чайко

Цель. Данная статья посвящена рассмотрению лингвистической сущности внутренней рифмы, а также анализу рифма-членов в зависимости от их количества и местоположения в пределах одного или разных стиховых отрезков и их функционированию в поэтических текстах немецких романтиков. Актуальность данного исследования объясняется общим интересом современного языкознания к изучению средств звуковой организации и выразительности поэтической речи, а также отсутствием работ по данной проблематике.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. В ходе исследования установлено, что основную разновидность внутририфмовых созвучий составляют двухчленные рифма-пары (одностиховые – смежные непрерывные и прерывные) и разностиховые (симметричные). Внутренняя рифма есть характерный признак поэтических текстов. Она служит увеличению рифмового коэффициента, расширяет звучность стиха и является средством звукового воздействия, придавая стиху эмоциональность и музыкальность.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Стилистический анализ художественного текста», в семинарах по изучению звуковых особенностей языка немецкой поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст; внутренняя рифма; рифма-пара; ритмическая группа; стих; полустилишие; звучность

INTERNAL RHYME AS A SOUND EXPRESSIVENESS MEANS IN THE LANGUAGE OF GERMAN POETRY

N.N. Chaiko

Purpose. *This article is devoted to the consideration of the linguistic essence of internal rhyme, as well as the analysis of rhyme terms depending on their number and location within one or different verse segments and their functioning in the poetic texts of German Romantics. Scientific originality of the research lies in the common interest of modern linguistics in the study of the means of sound organization and expression of poetic speech, as well as the lack of study on this subject.*

Method or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the continuous sampling method in the selection of practical material as well as the method of descriptive linguo-stylistic analysis.*

Results. *In the course of the study, it was found that the main variety of intra-rhyme consonances are two-membered rhyme pairs of one-verse – mixed continuous and discontinuous) and different-verse (symmetrical). Internal rhyme is a characteristic feature of poetic texts. It serves to increase the rhyme coefficient, expands the sonority of the verse and is a means of sound influence, giving the verse emotionality and musicality.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the classes “Stylistics of the German language”, “Stylistic analysis of a literary text”, in seminars on the study of sound features of the language of German poetry.*

Keywords: *poetic text; internal rhyme; rhyme - couple; rhythmic group; poem; half – verse; sonority*

Звуковая сторона поэтической речи всегда привлекает особое внимание лингвистов. Поэзия – источник самого высокого эстетического наслаждения, и звуковая организация играет доминирующую роль в построении поэтического текста. Литература романтизма характеризуется тем, что она пытается раздвинуть границы текста и расширить литературу до музыки и изобразительности. Так, поэты-романтики в погоне за звуковым воздействием охотно пользуются разноименными видами рифмы.

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение внутренней рифмы как средства выразительного звукового повтора в немецком языке на материале поэзии поэтов-романтиков. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих **задач**: методом сплошной выборки определить корпус рифма-членов, проанализировать рифма-пары с учетом их количества и расположения относительно друг друга, а также определить основные функции данного звукового приема. **Актуальность** темы обусловлена общим интересом к проблемам звуковой организации и выразительности поэтической речи. **Научная новизна** заключается в том, что впервые проводится анализ внутристиховых рифменных созвучий в лирике романтизма. **Практическая значимость** работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания таких дисциплин как стилистика, интерпретация художественных текстов.

Существуют многочисленные наблюдения над различными типами рифмы: рифма как прием метрической организации (предмет метрики – учение об окончании стиха), рифма как звуковой повтор-явление звуковой инструментовки и учение рифмы со смысловой (семантической) точки зрения [7, с. 21-22]. Так, теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных исследователей в области поэтики, стиховедению и литературоведению В.М. Жирмунского [6; 7], В.В. Виноградова [2; 3], О.А. Смирницкой [10], М.Л. Гаспарова [4], Н.А. Богомолова [1], В.Е. Холшевникова [12], Б.В. Томашевского [11], А.А. Илюшина [8], Г.А. Шенгели [13], а также большое количество немецких стиховедческих работ, посвященных изучению поэтического искусства немецких лириков 19 века, а именно звуковой организации стиха Х.Ю. Диллера [15], А. Хойслера [16], Р. Блюмеля [14] и др.

В теоретических рассуждениях по поводу **внутренней рифмы** наблюдается некая многозначность термина. Существует множество подходов к определению внутренней рифмы. Для определения сущности внутренней рифмы в целом и ее основных характеристик следует обратиться к словарям и научным работам, в которых поднимался данный вопрос. Так, А. Квятковский определяет внутреннюю

рифму «как слова в середине стиха, рифмующиеся или с концевыми рифмами (в конце строки), или между собой [9, с. 80]. По мнению В.Е. Томашевского, внутренняя рифма является своеобразным наиболее сильным повтором, стоящим не на конце, а внутри стиха [11, с. 83-100]. Схожую трактовку дает и А.А. Илюшин, указывая на то, что внутренняя рифма представляет собой особый вид внутренней рифмы, признавая, что она нечто большее (более сильный повтор), чем звуковая инструментовка (звуковые повторы – аллитерация, ассонанс) [8, с. 99]. Более точное определение, которое будет использовано в рамках дальнейшего исследования, дает В.М. Жирмунский, указывая на то, что для определения внутренней рифмы нужно исходить от созвучия, т.е. «внутренняя рифма – созвучие, объединяющее такие ритмические группы, из которых по крайней мере одна (иногда и обе) находятся внутри стиха [7, с. 47]. Он отмечает, что использование внутрстиховых созвучий увеличивает звучность стиха, т.е. соотношение зарифмованных и не зарифмованных слогов. Чем больше зарифмованных слогов, тем больше звучность – рифменный коэффициент, инструментовка звучности стиха.

Как прием внутренней звучности, внутренняя рифма встречается особенно часто в романтической лирике, являясь одним из существенных факторов звукового воздействия поэзии. Те яркие и индивидуальные образцы поэтического творчества неразрывно связаны с выразительными функциями языка.

Проведенный нами анализ в текстах поэзии 19 в. с привлечением данных корпусов [5] показал наличие двучленных, четырехчленных рифма-слов, (далее рифма-пар, рифма-членов), соединенных рифменным созвучием и расположенных либо в пределах одной строки (одностиховые), либо разных строк (разностиховые). Первую разновидность представляют смежные рифма-пары в пределах одной строки, напр.:

<...> *Mir träumte von einem Königskind,*

*Mit **nassen, blassen** Wangen;*

Wir sassen unter der grünen Lind'

Und hielten uns liebeumfangen. <...> (H. Heine, *mir träumte von einem Königskind*)

Приведенный отрывок ярко и точно иллюстрирует всю силу внутренней рифмы. Непрерывная рифма-пара *nassen, blassen* занимает внутристиховую изолированную позицию и не связана с концевой рифмой. Звуковой повтор рифменного двучлена прилагательных способствует расширению созвучной части, служит эмоциональному выделению и средством передачи поэтической информации.

Довольно часто одностиховые, непрерывные рифмующие слова разделены односложным рифмующим союзом *und*. В таких случаях мы снова наблюдаем нетождественность концевой рифме, расположение объединенных внутренней рифмой словоформ, которые предшествуют стиховому окончанию, содержащему концевую рифму. Такие двучлены занимают положение по обе стороны цезуры и характеризуется как амбицезурными, ср.:

<...> *Die sämtliche Höll' ist los fürwahr!*

Und lärmet und schwärmet in wachsender Schaar; <...> (H. Heine, Nun hast du das Kaufgeld..)

Нередко звуковые созвучия связывают и прерывную рифма-пару в пределах одного стиха, ср.:

O wunderliches Schlummerwachen, bist

Der zarten Nerve Fluch du oder Segen?-

's ist eine Nacht, vom Taue wach geküßt,

*Das Dunkel **fühl**' ich **kühl** wie feinen Regen*<...> (A. von Droste – Hülshoff, durchwachte Nacht)

Приведенный пример показывает своеобразие членов рифма-ряда, так как они усиливают созвучие всего стиха за счет своей выразительности. Выбор и соединение слов происходит по признаку эмоционального воздействия чувственного созвучия.

Чаще всего прерывные одностиховые двучлены объединяют ритмические группы, одна из которых стоит в конце стиха. Такая звуковая связность расширяет и содействует увеличению созвучности первой строки, как, например, у Г. Верта «Kein schöner Ding ist auf der Welt», созвучие словоформ *sang – klang* играет некую связующую роль – звуковая скрепа. Она обеспечивает звуковую часть второго полустихия, зарифмованность ритмических групп приводит к тому,

что отсутствие концевой рифмы перестает восприниматься, уходит на задний план, придает звуковую инструментовку, ср.:

<...> *Und meinte: die Linke in Berlin
Und in Frankfurt sei wert, daß sie hänge,
Und nahm das Glas und sang, daß es **klang**,
Ein Dutz' patriot'scher Gesänge. <...>*

Среди рифменных двучленов встречаются и разностиховые рифма-пары. Такие разностиховые рифма-пары могут занимать в соответствующих стихах одинаковые позиции и характеризуются как симметричные – появление внутренней рифмы такого типа обычно связано с синтаксическим параллелизмом, звуковое и синтаксическое повторение является характерным элементом эмоционально-лирического стиля многих поэтов-романтиков, ср.:

<...> *Muss das **Herz** dir brechen
Bleibe fest dein Mut,
Sei der **Schmerz** der Liebe
Dann dein höchstes Gut. <...> (A. Von Chamisso, der Traum...)*
<..> *So **sangen** sie wohl im Walde,
Es blitzte das grüne Gras.
Es **klangen** an Strom und Halde
Diskant, Tenor und Baß.<...> (G. Weerth, Im grünen Walde)*

Первый пример иллюстрирует срединную рифма-пару, члены которой симметрично расположены в нечетных стихах строфы. Внутренняя рифма несет мощный заряд эмоций, рифмуются слова, очень связанные друг с другом, образуя прочный смысловой рифма-ряд (*Herz – Schmerz*). Начальная позиция двучлена во втором примере в сочетании с синтаксическим параллелизмом демонстрирует не только симметричное расположение, но и одинаковое членение на полустихия. Рифмуются центральные члены (ядра) ритмических групп. Такая рифма-пара из глаголов звучания *sangen – klangen* придает особый тон музыкальности, романтичности и эмоциональной насыщенности.

Довольно редко в поэзии романтиков встречается рифмованный четырехчлен. Всю яркость и выразительность столь объемного со-

звучия нам демонстрирует К. Брентано, один из ярчайших представителей немецкой лирики, в отрывке из стихотворения «Trippel, trippel, trap...», ср.:

<...> *Bist du von der **Kammertür***

*Klage deinen **Jammer** mir;*

*Dann schieb ich die **Klammer** für*

*Schrei, wer ist, Potz **Hammer**, hier. <...>*

Объединенные внутренней рифмой существительные образуют не нагромождение, но вписывающую в структуру четверостишия линейность, выделяясь на этом фоне цельной зарифмованностью. Заполняя все четверостишие, внутренние созвучия являются мощным звуковым воздействием, подчеркивают всю его содержательность, рифмуются ключевые слова, что придает им особую силу. Конечная перекрестная рифма отодвигается на задний план, блекнет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что самыми частотными являются рифменные двучлены одностиховые (смежные непрерывные и прерывные) и разностиховые (симметричные). Трехчленные рифма-ряды не встречаются в текстах поэзии, а четырехчлены довольно редко. Между тем следует отметить, что внутристиховые рифменные созвучия являются мощным средством звуковой выразительности, расширяют звучность стиха, придают стиху музыкальность, эмоциональный тон и выражают идейное содержание всего текста.

Список литературы

1. Богомолов Н.А. Краткое введение в стиховедение. М.: МГУ, 2009. 84 с.
2. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225 с.
4. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М.: Высш. шк., 1993. 272 с.
5. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
6. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.

7. Жирмунский В.М. Рифма. Ее история и теория. Петроград: Академия, 1923. 342 с.
8. Илюшин А.А. Русское стихосложение. М.: Высш. шк., 2004. 241 с.
9. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. 377 с.
10. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т.1. М.: Филология. 484 с.
11. Томашевский Б.В. Стилистика и стиховедение. Л.: Учпедгиз, 1959. 535 с.
12. Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. М.: Академия, 2004. 208 с.
13. Шенгели Г.А. Техника стиха. М.: Госуд. изд-во художеств. лит-ры, 1960. 313 с.
14. Blümel R. Kleine deutsche Verslehre. Leipzig: Meyer, 1918. 71 S.
15. Diller H.J. Metrik und Verslehre. Düsseldorf: A. Bagel; Bern; Francke, 1978. 143 S.
16. Heusler A. Deutsche Verskunst. Berlin: Walter de Gruyter, 1951. 33 S.

References

1. Bogomolov N.A. *Kratkoe vvedenie v stihovedenie* [A brief introduction to poetry]. Moscow: MGU, 2009, 84 p.
2. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vyssh. shk. Publ, 1971, 240 p.
3. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow: AN SSSR, 1963, 225 p.
4. Gasparov M.L. *Russkie stichi 1890-h – 1925-go godov v kommentariyah* [Russian poems of the 1890s – 1925 in the comments]. Moscow: Vyssh. shk., 1993, 272 p.
5. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga Publ., 1984, 704 p.
6. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sov. Pisatel, 1975, 664 p.
7. Zhirmunskij V.M. *Rifma. Ee istoriya i teoriya* [Rhyme. Her history and theory]. Petrograd: Akademiya, 1923, 342 p.

8. Ilyushin A.A. *Russkoe stihoslozhenie* [Russian versification]. Moscow: Vyssh. shk., 2004, 241 p.
9. Kvyatkovskij A. *Poeticheskij slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow: Sov. Enciklopediya Publ., 1966, 377 p.
10. Smirnitskaya O.A. *Stih i yazyk drevnegermanskoj poezii* [Verse and language of ancient Germanic poetry]. Vol. 1-2. Moscow: Filologiya Publ., 484 p.
11. Tomashevskij B.V. *Stilistika i stihovedenie* [Stylistics and poetry]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1959, 535 p.
12. Holshevnikov V.E. *Osnovy stihovedeniya. Russkoe stihoslozhenie* [Fundamentals of poetry]. Moscow: Akademiya Publ., 2004, 208 p.
13. Shengeli G.A. *Tekhnika stiha* [Verse technique]. Moscow: Gosud. izd-vo hudozhestv. lit-ry, 1960, 313 p.
14. Blümel R. *Kleine deutsche Verslehre*. Leipzig: Meyer, 1918, 71 S.
15. Diller H.J. *Metrik und Verslehre*. Düsseldorf: A. Bagel; Bern; Francke, 1978, 143 S.
16. Heusler A. *Deutsche Verskunst*. Berlin: Walter de Gruyter, 1951, 33 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalja N. Chaiko, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatulina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

Поступила 01.09.2022

После рецензирования 26.09.2022

Принята 10.10.2022

Received 01.09.2022

Revised 26.09.2022

Accepted 10.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-260-273

УДК 811.161.1

ЦИКЛИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Е.Е. Меньшикова

Обоснование. *Статья посвящена исследованию циклического времени в рекламном туристическом нарративе. Исторически в культурном сознании сосуществуют две основные модели времени: время циклическое и время линейное. В языковой картине мира циклическое и линейное время выступают как взаимодополняющие. Циклическое время, являясь объектом настоящего исследования, есть одна из основных категорий мировосприятия. Связь циклического времени с циклическими явлениями природы, взаимосвязь события и времени особенно актуальны для рекламного туристического нарратива.*

Цель. *Определить особенности функционирования циклического времени в рекламном туристическом нарративе.*

Материалы и методы. *Фактическим материалом для исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива сети Интернет. Для достижения цели и решения задач в работе использовались метод сплошной выборки, метод анализа материала, описательный метод.*

Результаты. *Результаты исследования показали, что циклическое время предполагает объективное деление временных отрезков, оно непосредственно связано с событиями, конкретно. Показано, что циклическое время в текстах рекламного туристического нарратива определяет развитие событий, а событие определяет восприятие времени. Исходя из анализа практического материала, автор выделяет в рекламном туристическом нарративе сезонный, суточный и календарный виды регламентации времени. Автором делается вывод о том, что цикличность времени структурирует*

рекламный туристический нарратив как композиционно оформленное дискурсивное событие.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке вузовских курсов лекций и семинаров по общему языкознанию, лексикологии, когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: рекламный туристический нарратив; темпоральность; циклическое время; сезонный и суточный виды регламентации времени

CYCLICAL TIME IN ADVERTISING TOURIST NARRATIVE

E.E. Menshikova

Background. The study provides an analysis of cyclical time in the advertising tourist narrative. Historically, two main models of time co-exist in the cultural consciousness, i.e., cyclical time and linear time. In the linguistic picture of the world, cyclical and linear time are complementary. The connection of cyclical time with cyclical phenomena of nature, the relationship of an event and time are especially relevant for the advertising tourist narrative.

Purpose. To determine the features of the functioning of cyclical time in the advertising tourist narrative.

Materials and methods. The actual material for the study was the online texts of the advertising tourist narrative. The article used a set of such research methods as continuous sampling, material analysis, descriptive.

Results. The results of the study showed that cyclic time is definite, it assumes an objective division of time segments and is directly related to events. It was revealed that the cyclic time in the texts of the advertising tourist narrative determines the development of events, and the event determines the perception of time. According to the results of analysis of practical material, the author identifies seasonal, daily and calendar

types of time regulation in the advertising tourist narrative. The author comes to conclusion that the cyclicity of time structures the advertising tourist narrative as a compositionally designed communicative event.

Practical implications. *The results of the study can be applied in the courses of lectures and seminars on general linguistics, lexicology and cognitive linguistics.*

Keywords: *advertising tourist narrative; temporality; cyclical time; seasonal and diurnal types of time regulation*

Введение

Актуальность исследования детерминирована тем, что оно выполнено в русле современных когнитивных исследований в рамках антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений, который позволяет рассматривать язык не только как средство вербализации мысли, но и интерпретации этой мысли. В свете когнитивных исследований проблема обоснования категории темпоральности как продукта взаимодействия языка и сознания, речи и мышления представляется важной. Необходимость изучения циклического времени, связанного с циклическими явлениями природы в текстах различного типа, также актуализирует проблему данной работы. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые дано описание феномена цикличности в структуре рекламного туристического нарратива.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности функционирования циклического времени в рекламном туристическом нарративе. Поставленная цель предопределила решение следующих **задач**: 1) обобщить основные положения лингвистических теорий исследования категории времени; 2) изучить работы по обоснованию цикличности времени; 3) выявить и описать репрезентацию циклического времени в рекламном туристическом нарративе.

В качестве **теоретической базы** для проведения исследования послужили работы, посвященные исследованию времени, темпоральности и темпоральных смыслов [2-4; 9], цикличности времени [10; 12].

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили тексты рекламного туристического нарратива сети Интернет. Актуальность исследования данных текстов обусловлена тем, что Интернет выступает как комплексное коммуникативное пространство, определяющее цели, способ, среду общения и обладающее интерактивностью, возможностью обратной связи, формированием определенного отношения к событию, взаимодействием вербальных текстов и мультимедийного компонента, временной и пространственной доступностью. Для достижения цели и решения поставленных задач в работе использовались метод анализа и синтеза теоретического материала; метод сплошной выборки; описательный метод; метод контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Несмотря на разночтения в толкованиях времени, ученых объединяет указание на определяющую роль человека в темпорализации бытия. Так, по мнению немецкого философа М. Хайдеггера, время есть возможный горизонт всякого понимания бытия-вообще, время и человек не могут рассматриваться по отдельности: «Времени нет без Человека» [11, с. 93]. О.В. Бронникова, рассматривая антропоцентричность времени, акцентирует внимание на том, что «время – сущность бытия, само бытие, средство познания и интерпретации мира; время существует, потому что объективируется человеком» [4, с. 8].

В лингвистической науке ученые оперируют как понятием времени, так и понятием темпоральности. Отмечается, например, что «категория темпоральности включает в себя и грамматические, и лексические средства выражения временных отношений, а следовательно, она по объему больше категории времени» [8, с. 148]. Анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных лингвистов позволяет для целей настоящего исследования взять за основу определение темпоральности, данное А.В. Бондарко. В его трактовке темпоральность является сложной функционально-семантиче-

ской категорией, «отражающей восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего» [3, с. 5]. Темпоральность, таким образом, выступает лингвистическим аспектом категории времени.

Анализ научной литературы показал, что в лингвистике рассмотрением категории времени занимаются представители разных направлений, в частности, время рассматривается с точки зрения грамматического подхода, в рамках синтаксической семантики, функциональной грамматики, а также когнитивного направления. В традиционном (грамматическом) толковании под временем понимают грамматическое время, где основным является взаимодействие категорий времени и вида. Так, Е.А. Блинова, рассматривая способы объективации категории времени, трактует грамматическое время как языковое отражение объективного времени, которое «служит для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении и является необходимым компонентом предикативности» [1, с. 8].

Семантико-синтаксический подход основывается на рассмотрении темпоральных синтаксем и лексем. Как пишет А.М. Мухин, синтаксемы с семантикой темпоральности составляют «многочленный темпоральный ряд» разных функциональных классов, что говорит о многообразии типов темпоральных отношений в языке: темпоральная акциональная, антериорная акциональная, инцептивная акциональная, терминативная акциональная, пассивная акциональная, стативная, квалитативная и другие синтаксемы [7, с. 62]. Семантический аспект и синтаксическая роль языковых единиц, являясь характерными чертами данного подхода, отличают его от традиционного грамматического подхода.

В функциональной грамматике лингвистические исследования базируются на понятии функционально-семантического поля, под которым А.В. Бондарко понимает «двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматиче-

скими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне» [2, с. 40]. А.В. Бондарко, рассматривая языковую единицу с точки зрения взаимодействия формы, содержания и функции, пишет, что «темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначающих ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [3, с. 5]. В этом же ключе высказывается Е.В. Тарасова, отмечая, что время относится к числу «понятий, образующих основной семантический «инвентарь» культуры народа и общества» [9, с. 35]. К отличительным признакам функционально-грамматического направления относят, например, подход «от семантики к средствам ее выражения», «учет широкого контекста и ситуации общения», «исследование языка в его реальном употреблении», язык рассматривается «как орудие формирования мысли» [5, с. 10-11].

Среди зарубежных фундаментальных научных исследований отметим работы по функциональной грамматике С. Дика [13-14] и У. Фоли [15]. С. Дик заложил теоретическую основу функциональной грамматики, которая опирается на разные виды адекватности грамматики (психологическую, типологическую, прагматическую), а также на функциональный характер языка как средства социального взаимодействия. Референциально-ролевая грамматика У. Фоли и Р. Ван Валин подчеркивает социальную природу использования языка, основывается на принципе классификации лексических единиц, формирующих семантическое поле, с опорой на функциональные роли актантов в исследуемой сфере общения.

Таким образом, анализ различных точек зрения отечественных и зарубежных авторов позволяет выделить следующие основные характеристики времени: связи с категориями аспектуальности и таксиса, временная локализованность/нелокализованность, дейктическая локализация, точка отсчета (настоящее, прошлое и будущее).

Исторически в культурном сознании (при всем многообразии моделей времени) сосуществуют две основные модели времени: – «время как последовательность однотипных событий» и время линейное – «время как однонаправленное поступательное движение»

[12, с. 97]. Как пишет Е.С. Яковлева, «в культурной парадигме носителей языка с понятием цикличности времени связываются идеи природных циклов, возвратов, повторов» [Там же, с. 100].

Интерес для настоящей работы представляет точка зрения Б.А. Успенского, который, говоря о восприятии времени как семиотической проблеме, отмечает, что «циклическое время конкретно», «качественно разнородно, оно вообще не мыслится отдельно от событий, которыми оно наполняется» [10, с. 43]. Ученый делает акцент на том, что события и циклическое время взаимосвязаны, а качество времени определяет конкретную реализацию событийного текста – циклическое «время определяет развитие событий, события же, в свою очередь, определяют восприятие времени», циклическое время «состоит из событий, оно является как бы материей, наполняемой событиями» [Там же, с. 45].

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что представление о циклическом времени восходит к природно-календарным циклам и предполагает объективное деление временных отрезков (утро, день, ночь, зима, лето, осень, весна и т.д.). В текстах рекламного туристического нарратива (и вообще в текстах) циклическое время актуализируется связью времени и пространства: «время мыслится по модели пространства, воспринимается в пространственных категориях» [Там же, с. 39]. Как отмечает Б.А. Успенский, время и пространство «как бы изоморфны и могут быть уподоблены друг другу», «пространство наполнено предметами», а «время наполнено событиями», ориентация в пространстве соответствует ориентации во времени [Там же, с. 40-41]. Связь пространства и времени в текстах рекламного туристического нарратива задается языковой категорией предикативности и, как отмечает О.О. Кандрашкина, «поскольку сами явления окружающего мира существуют во времени и пространстве, языковая форма их выражения не может не отражать этого их фундаментального свойства» [6, с. 1219]. В текстах рекламного туристического нарратива время такой же обязательный атрибут пространства текста, как и пространство, что наглядно подтверждается нашими примерами.

В текстах рекламного туристического нарратива объективным проявлением регламентации циклического времени является сезонный и суточный виды. В рамках данной работы мы остановимся на рассмотрении сезонного вида регламентации. Сезонный вид регламентации времени включает времена года (весна, лето, осень, зима), которые имеют свою систему мотивов и образов, содержат в своей семантике реальные признаки отображаемых объектов действительности. Так, например, летнее время года актуализируется в рекламном туристическом нарративе пространством пейзажа (красотой, степенью первозданности, гармонией неповторимостью, уникальностью, экзотичностью), пространством уникальных природных объектов (равнин, пустынь, лесов, гор, вулканов, рек, водопадов, озёр, морей, океанов, островов и т.д.). Активно используются метафорические и сравнительные конструкции, эпитеты, различные способы переноса и выражения сопоставления, прием олицетворения. Например: *Если и есть на земле рай, то его нужно искать на тропических островах, оброненных богами в неистовую синеву Карибского моря. Там, где пальмы склоняются над белоснежным песком, где сумасшедшая луна пляшет в небесах под ритмы рэгги, вдохнуть ветер свободы, играющий листьями пальм... пылающие во все небо закаты... бархат ночи... огромные влажные звезды... разноцветные кораллы и доверчивые рыбы... там закаты полыхают, как пламя страсти, а рассветы разливают свечение нежности. Там природа полна чувственной неги, ветер шепчет слова любви* [19].

Осеннее время года, представленное в рекламном туристическом нарративе по модели пространства, репрезентируется, например, образом собственно осени (*золотая, бархатная, нарядная, багряная, звонкая*) и образом осеннего леса, его нарядности, цветом листвы (*баgreц и золото леса, осенний наряд, золотые одеяния, золото листьев*). При описании осеннего времени года используются эпитеты, эпитеты-тропы, метафоры, прием олицетворения. Например: *Золотая осень в России... природа надевает свои самые праздничные наряды... огненно-красные, нежно-желтые, золотые, багряные... на фоне холодной небесной синевы. Золотая осень –*

волшебная пора... Природа готовится ко сну. Деревья примеряют разноцветные платья. ...клен, осина, рябина одевают красные наряды, береза, липа, ясень – золотистый, дуб и каштан – коричневый. Ёлочки же верны своим зеленым одеждам... все краски отражаются в воде, создавая новые разноцветные миры [16].

Зимнее время года эксплицируется в рекламном туристическом нарративе, например, пространством зимнего леса (*дремучий, волшебный, величественный, сказочный, девственный*), пространством снега и снежного покрова (*алмазный, серебристый, белоснежное одеяло*), пространством возвышенностей и т.д. Зимнее время года, которое воспринимается в пространственных категориях, репрезентируется посредством разнообразных метафор, включая адъективные метафоры, эпитетов, приема олицетворения. Например: *Озеро Риза... природа щедро посылает снежной крошкой суровые спины гор, поросшие малахитовой щетиной чащ, а сам водоём покрывается бриллиантовым панцирем льда... бирюзовая водная гладь... горные шпиль, покрытые снежными шапками... лазурь кавказских небес. Нефритовая зелень пихтовых лесов покрыта снежной вуалью... Зима... обычно мягкая, словно лапки пушистого кота... Это великолепие, вместе с горными вершинами и лапами заснеженныхелей, отражается в тёмной бирюзе озерных вод [17].*

Темпоральное представление весеннего времени года в рекламном туристическом нарративе также отмечено характерными природными особенностями. Репрезентация весеннего времени года (как и других вышеописанных сезонов) базируется на трансформации темпоральных образов и мотивов в пространственные и обратно, что выполняет текстообразующую функцию в рекламном туристическом нарративе. Приход весны связан с мотивом обновления мира, флористическими и орнитологическими мотивами, а доминантным мотивом выступает циклический мотив весеннего преобразования и обновления природы и человека. Весенняя образность в рекламном туристическом нарративе имеет метафорический и даже метафизический характер. Например: *Весна время обновления и новых путешествий! С приходом весны весь мир обновляется, просыпаясь после длительного зимнего сна... начинают*

расти зеленые листья... первые цветы пробиваются сквозь снег... солнце начинает дарить больше тепла... время, когда мечты сбываются... лучи солнца дарят неподдельный эмоциональный взлет... возможность порадоваться буйству цветов... природа расцветает и дарит людям свои яркие краски. Путешествия весной всегда озарены особой романтикой и чувством свободы: обновляется не только мир вокруг нас, но и внутренний мир каждого человека. [18].

Исследование показало, что циклическое время в текстах рекламного туристического нарратива характеризуется связью времени и пространства, присутствием событийного, а также трансцендентного сюжетов. Циклическое время осознается как пространство, а временной процесс «предстает как путешествие, постоянное передвижение из прошлого в будущее через настоящее» [10, с. 41].

Заключение

Обобщением полученных результатов работы являются следующие **выводы**: 1. Понятие времени, являясь сложной и многоуровневой категорией, рассматривается с точки зрения разнообразных аспектов. Анализ научной литературы показал, что категория времени трактуется как текстообразующая и функционально-семантическая категория. 2. В ходе исследования было установлено, что в рекламном туристическом нарративе циклическое время представляет собой последовательность событий, восходящих к сезонным и суточным циклам, и структурируют рекламный туристический нарратив как композиционно оформленное дискурсивное событие. 3. Времена года представляют собой систему образов, представлены характерными природными особенностями. Восприятие пространства определенного сезона года определяет в рекламном туристическом нарративе и восприятие времени.

Список литературы

1. Блинова Е.А. Морфотемный анализ темпоральности как категории языкового сознания и речевого мышления в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2009. 25 с.

2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1983. 208 с.
3. Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5-10.
4. Бронникова О.В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 25 с.
5. Воейкова М.Д. Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 1. СПб.: Наука, 2015. С. 7-21. URL: https://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_XI_1.pdf (дата обращения: 05.10.2022).
6. Кандрашкина О.О. Категория пространства времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. С. 1217-1221. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2011/2011_2_1217_1221.pdf (дата обращения: 02.11.2022).
7. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология. СПб.: Нестор, 2007. 198 с.
8. Синкевич Д.А. Категория темпоральное™ в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7(188). С. 148-152.
9. Тарасова Е.В. Языковое поле темпоральности в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993. 43 с.
10. Успенский Б.А. Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.
11. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (дата обращения: 20.10.2022).
12. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
13. Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part I. The Structure of the Clause. Ed. Kees Hengeveld. Berlin and New York: Walter De Gruyter & Co, 1997, 373 p.

14. Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part 2. Complex and Derived Constructions. Ed. Kees Hengeveld. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1997, 477 p.
15. Foley W.A., Van Valin Jr. R.D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 416 p.
16. http://activehike.ru/zolotaya_osen/ (дата обращения: 15.10.2022).
17. https://clubvoshod.com/info/pohodnoe_info/dostoprimechatelnosti/abhaziya/ozero_rica_zimoy/ (дата обращения: 09.10.2022).
18. https://santour.ru/news/1/vesna___vremya_obnovleniya_i_novyh_putieshestvij_.html (дата обращения: 22.10.2022).
19. <https://www.sodis.ru/disp?s=publication&id=33660> (дата обращения: 15.10.2022).

References

1. Blinova E.A. *Morfotemnyj analiz temporal'nosti kak kategorii jazykovogo soznaniya i rechevogo myshleniya v russkom i anglijskom jazykah* [Morphothemic analysis of temporality as a category of linguistic consciousness and speech thinking in the Russian and English languages]. Abstract of PhD dissertation. Veliky Novgorod, 2009, 25 p.
2. Bondarko A.V. *Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and questions of aspectology]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, 208 p.
3. Bondarko A.V. Vstupitel'nye zamechanija [Introductory Remarks] *Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional Grammar Theory. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka Publ., 1990, pp. 5-10.
4. Bronnikova O.V. *Modusnyj metakoncept VREMJA/TIME v russkom i anglijskom jazykah: na materiale dannyh nacional'nyh korpusov* [Modus metaconcept of TIME in the Russian and English languages: based on the data from national corpora]. Abstract of PhD dissertation. Tyumen, 2017, 25 p.
5. Voejkova M.D. Vvedenie. Peterburgskaja shkola funkcional'noj grammatiki: istorija, sovremennoe sostojanie i napravlenija razvitiya [Introduction. Saint Petersburg School of Functional Grammar: its history, state of the art and main directions of its development]. *Acta Linguistica Petropoli-*

- tana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2015, vol. XI, part 1. St. Petersburg: Nauka Publ., 2015pp. 7-21. URL: https://iling.spb.ru/pdf/alp/alp_XI_1.pdf (accessed October 05, 2022).
6. Kandrashkina O.O. Kategoriya prostranstva vremeni i khronotopa v khudozhestvennom proizvedenii i yazykovye sredstva ikh vyrazheniya [Categories of «Time», «Space» and «Chronotop» in literature and language means of their expression]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, pp. 1217-1221. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/25/1085861409/alp_XI_1.pdf (accessed November 02, 2022).
 7. Muhin A.M. *Funkcional'nyj sintaksis. Funkcional'naja leksikologiya. Funkcional'naja morfologiya* [Functional syntax. Functional lexicology. Functional morphology]. St. Petersburg: Nestor Publ., 2007, 198 p.
 8. Sinkevich D.A. Kategorija temporal'noe v lingvofilosofskom osveshchenii [Category of temporality in linguo-philosophical light]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 7(188), pp. 148-152.
 9. Tarasova E.V. *Jazykovoe pole temporal'nosti v sinhronii i diahronii* [The language field of temporality in synchrony and diachrony]. Abstract of PhD dissertation. Krasnodar, 1993, 43 p.
 10. Uspenskiy B.A. *Izbrannye trudy. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996, 608 p.
 11. Hajdegger M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993, 447 p. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (accessed October 20, 2022).
 12. Jakovleva E.S. *Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira: (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, 343 p.
 13. Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part I. The Structure of the Clause Ed. Kees Hengeveld. Berlin and New York: Walter De Gruyter & Co, 1997, 373 p.

14. Dik S.C. The Theory of Functional Grammar. Part 2. Complex and Derived Constructions. Ed. Kees Hengeveld. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1997, 477 p.
15. Foley W.A., Van Valin Jr. R.D. Functional Syntax and Universal Grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, 416 p.
16. http://activehike.ru/zolotaya_osen/ (accessed October 15, 2022)
17. https://clubvoshod.com/info/pohodnoe_info/dostoprimechatelnosti/abhaziya/ozero_rica_zimoy/ (accessed October 09, 2022).
18. https://santour.ru/news/1/vesna___vremya_obnovleniya_i_novykh_putieshestvij_.html (accessed October 22, 2022).
19. <https://www.sodis.ru/disp?s=publication&id=33660> (accessed October 15, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Меньшикова Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для профессиональных целей

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Байкальский государственный университет»

ул. Ленина, 11, г. Иркутск, Иркутская область, 664003, Российская Федерация

canoe@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina E. Men'shikova, PhD in Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department for Professional Purposes
Baikal State University

11, Lenin Str., 664003, Irkutsk, Russian Federation

canoe@list.ru

SPIN-code: 7939-4420

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8410-3223>

Поступила 08.11.2022

После рецензирования 01.12.2022

Принята 06.12.2022

Received 08.11.2022

Revised 01.12.2022

Accepted 06.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-274-286

УДК 811.11

СИНТАКСИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ 19 В

Н.Н. Чайко

Цель. Данная статья посвящена рассмотрению лингвистической сущности синтаксической метафоры как одному из стилистических приемов языковой образности и выразительности, а также анализу основных метафорических структур – метафорических словосочетаний и метафор-предложений в текстах немецких поэтов-романтиков 19 в. Актуальность данного исследования объясняется общим интересом современного языкознания к изучению приемов стилистической выразительности, а также отсутствием работ по данной проблематике.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют структурно-описательный, лингвопоэтический и лингвостилистический методы анализа текста.

Результаты. В ходе исследования установлено, что основную разновидность синтаксической метафоры образует определительная метафоризация адъективных и генитивных словосочетаний, в которых развернутые метафорические переносы основаны на синестезии, опредмечивании и денатурализации. Особенностью метафорических предложений является персонификация и опредмечивание. По результатам анализа сделан вывод о том, что синтаксическая метафора в поэтических текстах выражает субъективное отношение поэта, придает смыслу чувственный облик, создает эффект убеждения, эмоциональной реакции и эстетической выразительности.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интер-

претация текста», в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст; синтаксическая метафора; метафорические словосочетания; метафоры-предложения; персонификация; синестезия; опредмечивание; денатурализация

SYNTACTIC METAPHOR AS ONE OF THE GRAMMATICAL EXPRESSIVENESS MEANS IN POETRY OF THE 19TH CENTURY

N.N. Chaiko

Purpose. This article is devoted to the consideration of the linguistic essence of syntactic metaphor as one of stylistic techniques of linguistic imagery and expressiveness, as well as the analysis of the main metaphorical structures – metaphorical phrases and metaphor sentences in the texts of German romantic poets of the 19th century. Scientific originality of the research lies in the common interest of modern linguistics in the study of stylistic expressiveness techniques as well as the lack of study on this subject.

Method or methodology of the work. The research is based on structural-descriptive, linguistic-ethical and linguistic-stylistic methods of text analysis.

Results. In the course of the study, it was found that the main type of syntactic metaphor is formed by the definitional metaphorization of adjectival and genitive phrases, in which the expanded metaphorical translations are based on synesthesia, objectification and denaturalization. A feature of metaphorical sentences is personification and objectification. According to the results of the analysis, it is concluded that the syntactic metaphor in poetic texts expresses the subjective attitude of the poet, gives the meaning a sensual appearance, creates the effect of persuasion, emotional reaction and aesthetic expressiveness.

Practical implications. The results of the research can be used at the classes of stylistics of the German language, text interpretation, in seminars on the study of features of the language of German poetry.

Keywords: *poetic text; syntactic metaphor; metaphorical phrases; metaphor-sentences; personification; synesthesia; objectification; de-naturalization*

Немецкий романтизм как литературное направление является отражением идейно-творческого наследия Германии 19 в. Одним из ярких и существенных признаков романтизма по словам В.Г. Белинского «является внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца» [10, с. 10]. Охватывая все стороны человеческой жизни и отображая внутренний духовный мир человека, немецкая лирика занимает особое место в литературе романтизма. Творческая деятельность немецких поэтов-романтиков многолика и многогранна. Каждый романтик создает свое царство отражения задушевной жизни, в котором жизнь становится поэзией, а поэзия – его жизнью. Лирические произведения пронизаны эмоциональностью и лиризмом и тем самым ярко передают творимые фантазии поэта. Они изображают сильные бунтарские страсти и характеры – стремление к лучшему и возвышенному, противостояние окружающей действительности и постоянному порыву к новому. Любовь и любовные переживания, отчасти пронизанные грустью и унынием, выражают определенную душевно-эмоциональную настроенность поэта.

Изучение языковых особенностей поэтических текстов объясняется стремлением исследовать различные приемы стилистической выразительности, те яркие и острые языковые средства, которые маркируют лирические индивидуальности и оригинальность их творческого почерка. Как подчеркивают исследователи, такие языковые средства рассчитаны на «создание эффекта убеждения, эмоциональной реакции и особой доказательности» [6, с. 139].

В рамках настоящей статьи ставится **задача** рассмотреть эмоционально-выразительную функцию синтаксической метафоры как одного из самых ярких стилистических средств образности поэтической речи, а также проанализировать основные разновидности семантических трансформаций метафорических словосочетаний и предложений.

Таким образом, **материалом исследования** послужили стихотворные произведения поэтов-романтиков 19 в. [10]. Выбор поэтических текстов в качестве материала позволяет по-новому представить весь разноструктурный потенциал синтаксической метафоры и максимально раскрыть экспрессивную образность и выразительность немецкой лирики. Актуальность темы обусловлена общим интересом к проблемам различных синтактико-стилистических приемов выражения экспрессивности, которые находят яркое отражение в поэтическом тексте. Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей в области синтаксиса немецкого языка В.Г. Адмони [1], О.И. Москальской [14], а также труды по стилистике, поэтике, стиховедению, литературоведению В.В. Виноградова [8; 9], В.М. Жирмунского [12], Э. Ризель [16], М.П. Брандес [6], W. Schneider [17] и теории метафоры Н.Д. Арутюновой [3], Д. Бикертонна [4], М. Блэк [5], А. Вежбицкой [7] и т.д.

Стилистические приемы опосредованной образности известны еще со времен античной риторики под названием «тропы». Самое удивительное и распространенное среди изобразительно-выразительных языковых средств – метафора. В теоретических рассуждениях по поводу метафоры обычно говорится, что метафорическое употребление слов вызывает в сознании воспринимающего текст некое изображение скрытого сравнения, при котором название одного предмета применяется к другому, выявляя таким образом какой-то важный признак [2, с. 82], но при этом «этот признак нельзя приписать просто другим способом» [11, с. 132]. Синтаксическая метафора, в свою очередь, представляет собой результат сочетания и скрытого сравнения компонентов синтаксической структуры. В процессе метафоризации взаимодействуют два вида семантики: грамматическая и лексическая, тем самым грамматическая семантика вступает в противоречие с лексической семантикой элементов, которые заполняют грамматическую структуру (словосочетания, предложения). По мнению О.А. Костровой, «синтаксический знак теряет семантическую иконичность, оттеняется необычным, нека-

ноническим представлением автора высказывания, т.е. приобретает образность» [13, с. 74].

Переходя к вопросу о конкретных метафорических трансформациях в поэтических текстах, необходимо отметить, что основными грамматическими структурами являются метафорические словосочетания и метафоры-предложения. Проведенный анализ обнаружил, что основными грамматическими структурами метафорических словосочетаний являются адъективные и генитивные метафоры. Первые, как правило, отмечают нарушение смысловой связности между определением и существительным, т.е. изменение семантики атрибута влечет за собой его метафоризацию. Рассмотрим в качестве примера следующие отрывки:

<...> *Es sang **mit süßem Schalle** im tiefen Stromestal*

Die schöne Nachtigalle von ihrer Liebesqual. <...> (G. Weerth, in lauen Sommernächten ...)

<...> *Munter tanzen meine Lieder nach der **süß'ten Melodie**.* - <...> (Jh. W. Goethe, Balde she ich...)

<...> *Konnt ich bald **einen süßen Klang** nur hören.* <...> (G. Herwegh, Ich stand...)

<...> *O himlich stiller Grund! O **süßen Liebesflüstern*** <...> (J. von Eichendorf, das Flügelross)

<...> *Sie sitzt in **lauter Duft*** <...> (T. Storm, im Walde)

Рассматривая семантические отношения в метафорических словосочетаниях *mit süßem Schalle*, *süß'te Melodie*, *einen süßen Klang*, *süßen Liebesflüstern*, *lauter Duft*, наблюдаем изменение семантики определений *süß* и *laut*, которые подвергаются образному переосмыслению. Неспецифичность атрибутов состоит в том, что качество, которое обозначают эти прилагательные в положительной или превосходной степени, воспринимается другим органом чувств, чем предмет, обозначаемый определяемым существительным. Имя прилагательное подвергается здесь метафорической синестезии. Качества, которые приписываются прилагательным, поэтически выражают приподнятое настроение поэта, всю любовную страсть и верность своему чувству.

В отдельных случаях метафоризацию обнаруживают словосочетания-цветообозначения, прием, при котором нарушается привычная комбинаторика в обозначении предметов и свойственных им цветов. Цветовые атрибуты создают определенные отрицательные или положительные ассоциации и образы. Так, при помощи метафоризации черного цвета Фр. Шиллер создает образ «черной души (*die schwarze Seele*)» в стихотворении «Der Gang nach dem Eisenhammer» или «черную бездну моря (*der schwarze Mund*)» в тексте «Der Taucher», тем самым создается некий образ таинственности, неопределенности. Нередко метафоры-цветообозначения служат положительному эмоциональному насыщению текста и поэтически выражают душевные чувства, как например, у В. Гёте в метафоричном выражении «весенняя погода в розовом цвете (*ein rosafarbnnes Frühlingswetter*)». Такое яркое нарушение атрибутивно-семантической сочетаемости с большей силой передает любовный порыв поэта, вызывает нежные чувства, излучает его человеческую теплоту, ср.:

<...> *Ganz war mein Herz an deiner Seite,
Und jeder Atemzug für dich.*

Ein rosafarbnnes Frühlingswetter

Lag auf dem lieblichen Gesicht <...> (Willkommen und Abschied)

Среди определительных словосочетаний имеют место и сочетания с определительным причастием. Как правило, это является нарушением сочетаемости причастия, которое обозначает законченное действие, и существительным/ предметом, не входящим в сферу действия причастия, ср.:

<...> *Ich gebe dir einen Hofstaat*

Von steifgeputzten Sonetten <...> (H. Heine, Krönung)

Пример синтаксической метафоры *steifgeputzte Sonetten* (*чопорно-напудренные сонеты*) иллюстрирует яркое, эксплицитное переосмысление причастия, а определяемое существительное получает дополнительный выразительный смысл, происходит опредмечивание определяемого существительного. Сила и острота метафорического высказывания очевидна, она притягивает больше внимания.

Через метафорическое значение причастия Г. Гейне выражает свое отношение к любимой, создавая яркий, возвышенный образ лирического героя.

Наряду с атрибутивными словосочетаниями процессу метафоризации в поэтических текстах широко подвергаются и генитивные словосочетания, метафоричность которых возникает за счет лексико-синтаксического диссонанса, обеспечивая возможность интерпретации одних понятий через призму других [15, с. 351]. Типичным является контрастное лексико-семантическое наполнение в позиции номинативного имени существительного и в позиции генитивного имени существительного. Такое неестественное содержательное наполнение ведет к метафоризации всей грамматической модели.

Так, в лирических текстах яркий поэтический образ создают метафорические переосмысления, в которых противопоставляются часть тела живого существа и абстрактное понятие как у Фр. Гельдерлина «руки бесконечности (*Arme der Unendlichkeit*)», природное явление и чувство любви «роса любви (*Tau der Liebe*)», вещь, сделанная человеком и человеческий порок у Э. Мёрике «в чаше грехов (*Im Kelche der Sünden*)», артефакты и внутренние ощущения живого существа у Г. Гейне «колыбель страданий (*Wiege meiner Leiden*)» и «надгробный памятник покоя, тишины (*Grabmahl meiner Ruh*)» и т.д.

Остро и ярко характеризуют поэтический мир романтика и метафоры-предложения. Наряду с метафорами-словосочетаниями в них также происходит нарушения грамматической и лексической связности. Метафоричность предложений служит для создания более полного законченного образа и тем самым воплощает мышление поэта, его уникальное видение и яркое изображение внутреннего мира. Так, одним из основных видов метафоризации предложений выступает персонификация, которая затрагивает грамматическую модель по типу «номинативное подлежащее + полнозначный глагол». Особой образностью и выразительностью отличаются метафорические предложения, в которых стоит подлежащее / не активное лицо при полнозначном глаголе, выражающим активное

действие. Чаще всего персонифицируются абстрактные понятия, которые обозначают темноту, духов и внутреннее состояние человека и выполняют активное действие, ср.:

*In goldenen Kähnen **schiffen die Geister** im himmlichen See.*
(C. Brentano, Sprich aus der Ferne ...)

*Nimm, bevor **die Müde deckt** das Leichentuch...* (A. von Chamisso, Traum...)

*Es **schleichen wilde Schrecken** so ängstlich leise her...* (Novalis, Es gibt so Zeiten)

Часто персонифицируются понятия небесной и земной сферы (луна, звезды и вода). Удивительным образом романтики иллюстрируют природу как царство красоты, добра, умиротворенности. Здесь и музыка бесконечных пространств, в которой раскрывается весь поэтический мир и определяется эмоциональная тональность лирики, ср:

*Da **schleicht der Mond** so heimlich sacht ...* (J. von Eichendorff, Nachts)

***Sterne mit goldenen Füßchen wandeln** droben bang und sacht...* (H. Heine, Sterne...)

*Es **singen die Wasser** im Schlafe noch fort...* (E. Mörike, Um Mitternacht)

Нередко метафорическому переосмыслению подвергаются и артефакты. Как, например, у Г. Гейне в стихотворении «Sie erlischt» в заключительном трехстишии появляется новый образ – метафора-предложение, которое играет ведущую роль, направляет внимание на предмет («последнюю театральную лампу») и оживляет представление чувственными глаголами, придает смыслу чувственный облик погасшей человеческой души, отчаянный стон на несовершенные надежды, ср.:

<...> ***Die letzte Lampe ächzt und zischt***

Verzweiflungsvoll, und sie erlischt.

Das arme Licht war meine Seele. <...>

Ярким примером персонификации является метафора творения, созданного поэтом. Мастерски точно оживляется ограниченность поэтического мира, ср.:

Poesie geht onhe Schuh', ... (J. Von Eichendorff, Umkehr)

Метафора может распространяться и на обстоятельство, ср.:

Im Wasserbette ruhen alle Fische. (Fr. Schiller, die Winternacht)

Und mit ausgestreckten Armen springt sie in den heißen Tod. (Jh. W. Goethe, der Gott und die Bajadere)

Довольно часто метафоризируются объекты – абстрактные имена. Здесь имеет место субъектно-объектная грамматическая модель, в которой происходит метафоризация опредмечивания – проецирование активного действия субъекта на объект, ср.:

Ich will die Freiheit nicht verkaufen, ... (G. Herwegh, Leicht Gepäck)

Gierig saugt sie seines Mundes Flammen. (Jh. W. Goethe, die Braut von Korinth)

Ich hab auf deine Stirn gegossen

Den milden Hauch der Poesie. (D. von Liliencron, Ich hab auf deine Stirn...)

Персонификация может возникать между субъектом и предикатом с обстоятельством. В этом случае образуется развернутая метафора – яркая картина персонификации взглядов, сердечной любви, ср.:

Wohl durch die verhängten Fenster wirft die Sonne neugierige Blicke. (H. Heine, Maria Antoinette)

Среди метафор-предложений обнаруживаются и грамматические модели с предикативным сказуемым с семантикой качественного признака. Так, предикативное прилагательное наделяется качеством, которое дает физическую характеристику живого существа, создавая эффект эмоциональной реакции, ср.:

Satt ist die Welt des märchenhaften Plunders, ... (G. Weerth, Das war daheim...)

Die Zeit, in der er lebt,

Ist alt, verblüht, von allen längst verlassen. (T. Storm, In seinem Garten wandelt er allein)

Метафорическим может быть и предикативное существительное, семантика которого представляет образную идентификацию

субъекта и отождествляет субъект с некой доминантой. Сила метафоры уникальна. Она не предсказуема, заостряет и удерживает внимание читателя на самых важных аспектах поэтической души: выражения мироощущения, стремление к идеалу, совершенству, ср.:

Der Himmel ist die Seele dein: (E. Mörike, Mein Fluss)

Der Himmel ist ihr Zelt. (C. Brentano, Es leben drei Soldaten)

Der Dichter ist das Herz der Welt. (J. von Eichendorff, An die Dichter)

Und der Mund ist ohne Schranken. (T. Storm, Ständchen)

Таким образом, подробно проанализировав все возможные метафорические переосмысления словосочетаний и предложений, мы можем заключить, что синтаксическая метафора наполняет немецкую лирику богатым образным и эмоциональным содержанием. Противоречивое и неожиданное лексико-грамматическое наполнение понятий в синтаксической метафоре передает читателю весь сложный комплекс ярких образов и эмоций, созданный поэтом. Путем метафоры развивается разнообразие наименований для одних и тех же реалий, она способствует углублению их характеристики и тем самым усиливает экспрессию. Наиболее типичной для определенных словосочетаний является синестезия, денатурализация и опредмечивание. Метафоры-предложения метафоризируются путем персонификации, опредмечивания и отождествления.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
4. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 284-307.
5. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 153-173.

6. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
7. Вежицкая А. Сравнение градация – метафора // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 133-153.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
9. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225 с.
10. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
11. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1987. 303 с.
12. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.
13. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 240 с.
14. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.
15. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. М.: МГУ, 1997. 454 с.
16. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moskau: Verlag Hochschule, 1975. 315 S.
17. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka: Sistema ot-no-shenij i sistema postroeniya* [The syntax of modern German: A system of relations and a system of construction]. Leningrad: Nauka, 1973, 366 p.
2. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka* [Stylistics of the modern English language]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1981, 295 p.
3. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafor* [Metaphor Theory]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 5-32.

4. Bikerton D. Vvedenie v lingvisticheskuyu teoriyu metafory [Introduction to the Linguistic Theory of Metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 284-307.
5. Blek M. Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 153-173.
6. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo yazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1983, 271 p.
7. Vezhbickaya A. Sravnenie gradaciya – metafora [Comparison gradation – metaphor]. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp.133-153.
8. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1971, 240 p.
9. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow: AN SSSR, 1963, 225 p.
10. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga Publ., 1984, 704 p.
11. Dolinin K.A. *Stilistika francuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. Leningrad: Prosveshchenije Publ., 1987, 303 p.
12. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sov. Pisatel Publ., 1975, 664 p.
13. Kostrova O.A. *Ekspressivnyj sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka* [Expressive syntax of the modern German language]. Moscow: Flinta Publ., 2004, 240 p.
14. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa na materiale nemeckogo yazyka* [Problems of the system description of syntax using the German language material]. Moscow: Vyssh. Shk. Publ., 1981, 173 p.
15. Chenki A. *Semantika v kognitivnoj lingvistike* [Semantics in cognitive linguistics]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki* [Fundamental Directions of Modern American Linguistics]. Moscow: MGU, 1997, 454 p.
16. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. Moskau: Verlag Hochschule, 1975, 315 S.
17. Schneider W. *Stilistische deutsche Grammatik*. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalja N. Chaiko, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

Поступила 01.09.2022

После рецензирования 03.10.2022

Принята 18.10.2022

Received 01.09.2022

Revised 03.10.2022

Accepted 18.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-287-301

УДК 811.161

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БОЛЕЗНЕЙ В РОССИИ

*Н.А. Буданова, А.А. Кузнецова,
Е.Д. Аксенова, В.Ю. Скаковский*

Исследование дополняет сведения о природе медицинского термина в рамках исторического терминоведения.

Цель. В статье рассмотрены лингвистические особенности медицинских заимствованных терминов, обозначающих болезни человека.

Материал и методы. Материалом послужили медицинские научные тексты по фармакологии и хирургии 1835-1899 гг. издания. При анализе использовался лексико-семантический, этимологический и словообразовательный анализ лексики, сопоставительный метод лингвистического исследования.

Результаты. Результаты исследования позволяют утверждать, что русская научная медицинская терминология болезней на национальном языке была окончательно сформирована к XIX в. Основой формирования служат лексические единицы греко-латинского происхождения, также были заимствования из польского, французского, английского языков. Сравнительный анализ терминов в разных языках показал наличие большого числа терминов-интернационализмов. При образовании терминов использовались переводные заимствования и калькирование. Исследование выявило сложность доказательства образования терминов путем калькирования. Анализ медицинских терминов выявил семантические различия в языке-источнике и в языке-реципиенте, что подтверждает: 1) искусственный характер формирования терминологической систе-

мы, 2) наличие национальной специфики терминов, обозначающих болезни. Таким образом, результаты исследования показывают, что при единстве законов человеческого познания в каждом языке проявляется индивидуальное понимание картины мира; в названиях болезней, образованных на основе национального языка, отражается народное понимание болезней.

Область применения результатов. Фактический материал и выводы статьи могут использоваться как в терминоведении, так и в курсе медицинского образования.

Ключевые слова: медицинская терминология; названия болезней; заимствованная лексика; национальная специфика термина

LEXICAL FEATURES OF BORROWED VOCABULARY OF THE FORMATION PERIOD OF MEDICAL TERMINOLOGY OF DISEASES IN RUSSIA

*N.A. Budanova, A.A. Kuznetsova,
E.D. Axenova, V.Y. Skakovsky*

The study complements the information about the nature of the medical term within the framework of historical terminology.

Purpose. *The article discusses the linguistic features of medical borrowed terms denoting human diseases.*

Materials and methods. *The material was medical scientific texts on surgery and pharmacology of 1835-1899 editions. The analysis used lexico-semantic, etymological and word-formation analysis of vocabulary, a comparative method of linguistic research.*

Results. *The results of the study suggest that by the nineteenth century, the Russian scientific medical terminology of diseases was finally formed in the national language. The basis of the formation are lexical units of Greek-Latin origin, there were also borrowings from Polish, French, and English. Comparative analysis of terms in different languages has shown the presence of a large number of terms-internationalisms. Translated borrowings and calculus were used in the formation*

of terms. The study revealed the difficulty of proving the formation of terms by calculus. The analysis of medical terms revealed semantic differences in the source language and in the recipient language, which confirms: 1) the artificial nature of the formation of the terminological system, 2) the presence of national specificity of terms denoting diseases. Thus, the results of the study show that with the unity of the laws of human cognition, an individual understanding of the world picture is manifested in each language; the names of diseases formed on the basis of the national language reflect the popular understanding of diseases.

Practical implications. *The factual material and conclusions of the article can be used both in terminology and in the course of medical education.*

Keywords: *medical terminology; names of diseases; borrowed vocabulary; national specifics of the term*

Научная картина мира отображает единую объективную систему научных знаний в современном мире, складываясь в единое целое из большого числа отраслевых элементов, в которых термин «мир» определяет предметную область какой-либо отдельной науки. Конкретные предметные научные картины мира существуют в разных языковых реализациях. В связи с этим возникает понятие языковой картины мира, а также вопрос, существуют ли различия в языковых картинах мира разных народов и отражается ли менталитет народа через язык, языковые номинации. Объектом нашего исследования является взаимоотношение научной картины мира и языковой картины мира узкодисциплинарной научной области – медицины в начальный период формирования научной терминологии в России. В качестве предмета исследования выступают медицинские термины, обозначающие болезни человека.

Современная медицина представляет собой систему научных знаний, полученную в результате объединения многолетнего исторического опыта и современных научных исследований. Глобализация в современном мире привела к всеобщей доступности информации о новейших научных исследованиях, к возможности

всеобщего обсуждения результатов этих исследований, к ускоренному включению новых знаний в единую научную картину мира. Считается, что единая картина знаний «получает в каждом национальном языке национальную форму выражения посредством формирования национальных терминологий на родном языке носителей данного языка» [8, с. 13]. Однако это утверждение справедливо только в том случае, когда в конкретном социуме существует собственная национальная научная школа, где носители языка ведут научные исследования по всему спектру научного знания, где есть соответствующая научная традиция. «Если такой традиции нет, то содержательный инвариант НКМ (научной картины мира) оформляется: а) в языковую оболочку того языка, на котором осуществляются приоритетные разработки в той или иной области знания; б) в языковую оболочку того национального языка, который является посредником при передаче научных знаний...» [Там же, с. 13].

Рассматривая историю формирования русской научной медицинской терминологии болезней, можно увидеть эти два паста лексик, которые вошли в нее в разное время: а) современные заимствованные термины из английского языка (американизмы), которые указывают на главенствующую роль американской медицины в современном мире, и б) термины греко-латинского происхождения, которые в период возникновения научной медицины в России (XVIII в.) были посредниками при передаче знаний западноевропейской медицины. В статье рассматривается вопрос проявления национальной специфики лексических единиц, обозначающих болезни человека, при формировании русской медицинской терминологии в условиях заимствования научных знаний, когда одним из способом пополнения русской терминологии болезни было заимствование терминов.

В терминологиях болезней разных стран можно выделить термины национального происхождения, которые использовались в языке на этапе первичного, донаучного познания мира и в которых зафиксировано восприятие и осмысление мира конкретным этносом, и заимствованные термины, которые можно назвать интернациональ-

ными, в абсолютном большинстве это термины греко-латинского происхождения. В русской медицинской терминологии болезней историческая судьба терминов исконно русского происхождения различна: некоторые исчезли из употребления (перешли в разряд архаизмов или были вытеснены заимствованиями), другие употребляются в языке параллельно с заимствованными терминами, а некоторые термины (очень небольшое количество) прочно вошли в современную медицинскую терминологию [3].

Изучение образования терминов в разных языках вызывает интерес у современных исследователей и способствует развитию сравнительного терминоведения [12]. Анализ наименований одних и тех же болезней в разных языковых сообществах помогает выявить национальный образ мышления людей, отраженный, в том числе, в названиях болезней. Современная русская научная терминология болезней представляет собой совокупность терминов разного происхождения [5]. Сопоставление исконно русских и заимствованных терминов помогает выявить специфику национальной научной картины мира в области медицины.

История формирования русской научной медицинской терминологии болезней тесно связана с историей формирования самой научной медицины в России: большинство исследователей связывают ее появление с созданием в XVIII в. госпитальных школ. XIX в. является вторым этапом развития медицинского терминоведения, целью которого было уточнение и систематизация медицинской терминологии [4]. На фоне общего заимствования западноевропейских научных медицинских знаний происходило формирование русской терминологии болезней путем заимствования терминов различного происхождения: из греческого языка (*геморрой, пиелит, подагра, катаракта, тиф* и др.), из латинского (*паротит*), из польского (*цынга, парша*), из французского (*грипп, коклюш*), из английского (*круп*). Все эти термины уже были освоены западноевропейской медициной. В русской терминологии болезней достаточно продуктивными были собственно заимствования, или прямые заимствования, при которых иноязычные слова передаются фонемными средствами

принимающего языка (например, *syphilis* – *сифилис*, *cataracta* – *катаракта*, *epilepsia* – *эпилепсия*), иногда с некоторыми структурными изменениями (*arthritis* – *артрит*, *skirrhus* – *скирп*).

Основная часть заимствованной лексики греко-латинского происхождения сохранилась не только в русской медицинской терминологии, она является базовой для всей современной мировой научной медицины. Изучение медицинской терминологии XIX в. указывает на терминологизацию как на один из основных способов образования названий болезней в языках-источниках. Для наименования болезни выделялся наиболее характерный признак, который обозначался словом литературного языка, а в дальнейшем это слово приобретало терминологическое значение. Например, *подагра* характеризуется прихрамывающей походкой из-за локализации боли в ноге (*pus* «нога» + *agro* «охота, поимка» = «нога в капкане»); *хорея* сравнивает поведение больного с пляской (*choreia* – «хоровод, пляска»); при *гонорее* видимым признаком болезни было течение жидкости из мочеиспускательного канала (*gonos* = *gone* «семя, сперма» и *rhoe* «течение»); название болезни *люпус* указывает на язвы на лице, напоминающие обезображивания от укусов волка (*lupus* – «волк»); *киста* – патологическая полость, которая внешне напоминает пузырь (*cistis* – «пузырь»).

Для определения национальной специфики терминологических единиц необходимо провести сравнительный анализ терминов и выяснить, каким образом происходила номинация одинаковых болезней в разных языках. Применительно к медицинской терминологии болезней необходимо учитывать исторические особенности формирования медицины в разных странах. В отношении некоторых лексических единиц русской терминологии можно с большой долей вероятностью предположить их заимствование: в этом случае выделяется «неродное» для литературного языка слово. Например, *анемия*, *гангрена*, *малярия* и т.д.

Однако среди номинаций болезней существуют термины, образованные из слов национального языка, но по структурным моделям языка-источника (например, *бессонница*, *водобоязнь* и т.д.). Такие наименования называют кальками. Калькирование как способ образования

новых терминов активно использовалось при формировании русской медицинской терминологии [2]. Таким способом образован использующийся в современной медицинской литературе термин *бессонница*. В словаре В. Даля зафиксировано слово «*бессонница*»: ж. состояние, когда не спится, невольное бденье» [6, с. 74]. Словообразовательный анализ синонимических медицинских терминов (латинских *асомния*, *диссомния*, *инсомния*, русскоязычного *бессонница* и греческого *агрипния*) выявляет одинаковую модель их образования в разных языках: приставка, обозначающая отрицание чего-либо, + лексема, обозначающая 'сон'. Этимологический анализ слова *бессонница* указывает на исконно русское происхождение его частей: др.-русск, ст.-слав. приставка *без-* [13, с. 144] и слово «*сон*» (др.-русск, ст.-слав., имеет праславянский корень **съпъ* [15, с. 716]. Учитывая основополагающую роль греческой медицины, можно говорить о калькировании как способе образования этих терминов в разных языках.

Русскоязычный термин *водобоязнь* (древнерусское, старославянское *вода*, старославянское *боязнь*) имеет одинаковую словообразовательную модель с термином греческого происхождения *гидрофобия* (*hydrophobia*: *hydro* – «вода», *phobos* – «страх»), что с большой долей вероятности подтверждает его образование с помощью калькирования.

Растения, минералы, средства растительного происхождения с древнейших времен были известны своими целебными свойствами, их использовали в качестве природных лекарств. Многолетние наблюдения за болезнями приводили к тому, что люди подмечали схожесть внешних признаков болезни с окружающими предметами. Например, «воспалительное опухание ребра века всл. нагноения сальной железы одной из ресниц, или аналогичное опухание всл. нагноения мейбомиевой железы» внешне (по форме и по цвету) напоминает зернышко ячменя. Так в латинском языке появилось название болезни *гордеолум* (*hordeolum*. (уменьш. от *hordeum* «ячмень») [1, с. 187]). При формировании терминологии на русском языке использовали семантическое калькирование, в результате чего у исконно русского слова *ячмень* (праслав. **јеѣмъ*) [15, с. 571])

появилось новое терминологическое значение – название болезни. Таким же способом был образован термин *крапивница*: с помощью семантического калькирования латинского *уртикария* (*urticaria* от *urtica* – «крапива» [1, с. 497]). *Крапива* также имеет праславянское происхождение: «*sopřiva или *sopřiva...» [14, с. 366], а само растение известно на Руси с X в. При образовании терминов *ячмень* и *крапивница* отсутствует характерное для заимствований проявление чужеродности, потому что слова этимологически являются исконно русскими. Д.С. Лотте калькирование называл «переводным заимствованием» и считал, что «в большинстве случаев в отношении таких терминов даже трудно говорить о заимствовании, о приоритете какого-либо языка (если появление самого понятия, его происхождение не зафиксировано документально). Эти термины могли появиться при соответствующих условиях и в своем языке» [9, с. 12]. Исследование подобных терминов показывает сложность доказательства их образования именно путем калькирования, потому что болезни существовали в обществе до появления научной медицины и совпадение их наименований в разных языках можно объяснить едиными законами человеческого мышления. О происхождении рассматриваемых в данной статье терминов с помощью заимствования можно утверждать с большой долей вероятности, учитывая сведения по истории медицины и признавая главенствующую роль греко-латинской терминологии при формировании всей западно-европейской и, соответственно, русской терминологии болезней.

Заимствованные термины, вероятно, не должны иметь национальной специфики. Однако при формировании национальных терминологий болезней можно найти термины, которые в процессе заимствования получили некоторые оттенки в лексическом значении. Так, греческое слово *cheiloschisis* указывает на внешний дефект губы («губа» + «расщепление»), а в латинском языке термин *labium leporinum* образован на основании замеченного сходства расщепления губы у человека с внешним видом губы зайца (*labia* «губа» + *lepus* «заяц»). Таким образом, при заимствовании термина из греческого языка в латинском исчезло слово «расщепление», его

заменили на слово «заяц», а сам термин приобрел национальную специфику. В русской терминологии закрепился термин *заячья губа* («врожденное расщепление верхней губы» [1, с. 230]), при образовании которого латинский термин *labium leporinum* был переведен на русский язык без каких-либо изменений.

Рассматривая греческий термин *panaritium* и русский *ногтоеда*, можно увидеть некоторые семантические оттенки, появившиеся при образовании русскоязычного термина. Оба термина (*панариций*, *ногтоеда*) обозначают «неспецифическое гнойное воспаление пальца руки или ноги всл. заражения гноеродными микроорганизмами...» [Там же, с. 321]. Греческое слово *panaritium* содержит указание на место болезни: воспаление в районе ногтя («искаженное греч. *paronychia*, от *para* около + *onych*, *onychos* ноготь» [11, с. 586]), буквально значит «около ногтя». В русском термине *ногтоеда* в значении слова обозначено то же место болезни (ноготь), но дополнительно в слове нашло отражение народное мистическое представление о болезнях, когда они в народном понимании объяснялись «проявлением порчи, действием дурного глаза, вхождением духа злобы в организм и т.п.» [7, с. 8]. В названии болезни *ногтоеда* проявляется антропоморфизм и страх русского человека перед болезнью, которая может «съесть» ноготь.

Оттенки значения обнаруживаются при сопоставлении латинского термина *struma* и образованного от него русского термина *зоб*, обозначающих «увеличение щитовидной железы, обусловленное не воспалительным процессом или новообразованием, а недостатком йода в окружающей природе, в местных пищевых продуктах» [1, с. 444]. В латинском языке слово обозначает «толстую шею», указывая на внешнее проявление болезни, а в русском значение слова связано с жизнью птиц (*зоб* – это «горб, выпучившееся место, провес настилки, перекладки; у зерноядных птиц: нижняя часть пищевого горла, род мешочка, где пища разбухает, до поступления в желудок...// у человека, иногда и у животных: болезненная опухоль зобяной, либо щитковой железы, или вообще передней или боковой части шеи...» [6, с. 690]). Таким образом, при образовании русского термина мы видим проявление творческого подхода, в результате чего термин получил

национальную специфику и прозрачную внутреннюю форму, что способствует лучшему запоминанию этого термина носителями языка.

Возникновение науки в России относят к XVIII в., при этом признается чрезвычайно важная роль Европы в этом процессе. Тот факт, что в XVIII в. русская медицина формировалась на базе западноевропейской, не вызывает сомнений. Основные медицинские понятия были заимствованы из западноевропейской медицины. Преподавание медицины в России происходило на немецком, латинском, голландском языках до тех пор, пока не было переведено на русский язык достаточное количество научных и учебных текстов. В условиях заимствования формировалась и русская терминология болезней. Однако при формировании терминологии болезней процесс заимствования происходил таким образом, что большое число терминов образовывалось из пласта национального языка, имело исконно русское происхождение. Некоторые названия болезней были заимствованы из языка народной медицины, существовавшей в России до появления научной медицины и отражавшей народное понимание болезней. Поэтому можно наблюдать некоторые различия в назывании болезней среди терминов греко-латинского происхождения и русскоязычных. Например, латинский *febris*, обозначающий повышенную температуру тела человека, «образован от *ferver* кипеть, гореть, быть горячим» [1, с. 143]), а соответствующий ему русский термин *лихорадка* исконно русского происхождения обозначает буквально «лиху рада» и отражает народное представление о болезни, где болезнь – «лихо», то есть зло.

Таким образом, в начальный период формирования русской научной медицины происходило формирование русской терминологии болезней путем прямого заимствования терминологических единиц из языка западноевропейской медицины (*эпилепсия*, *стоматит*, *анемия* и т.д.), а также путем калькирования. Среди терминов, образованных с помощью калькирования, можно выделить группу слов, способ образования которых трудно указать достоверно, потому что они образованы из слов национального языка и вполне могли использоваться в языке народной медицины для обозначения болезней. Например, *крапивница*, *ячмень*, *лихорадка*, *ногтоеда*, *свинка*, *ящур*, *зоб*, *молочница*, *волчья пасть*, *жаба глотки* и другие термины. В этих

названиях болезней отражается донаучная первоначальная картина мира, которая проявляется чувственным восприятием окружающей действительности и восприятием болезни как злого начала. Исчезновение подобных терминов из национальных терминологий приведет к тому, что «будущий образ мира окажется более бледным, сухим и лишенным непосредственной наглядности по сравнению с пестрым красочным великолепием первоначальной картины...» [10, с. 44].

Выводы. Изучение русских научных медицинских текстов XIX в. показало сформированность медицинской терминологии болезней на русском языке к этому времени. Исследование заимствованных медицинских терминов, обозначающих болезни, подтвердило утверждение терминоведов о том, что в настоящее время сложно доказать образование термина путем калькирования, так как они могли образоваться в разных языках независимо друг от друга. В большой степени это утверждение относится к медицинскому термину, потому что болезни существовали в обществе до появления научной медицины, а совпадение их наименований в разных языках можно объяснить едиными законами человеческого мышления. В то же время, учитывая историю развития европейской и русской медицины, а также хронологию возникновения европейской и русской терминологий, можно утверждать, что русскоязычные медицинские термины являются вторичными, образованными путем заимствования. Анализ медицинских терминов, обозначающих болезни, показывает, что в процессе заимствования у термина в языке-реципиенте появлялись новые, дополнительные оттенки значения, которые отражали национальные особенности восприятия окружающего мира, в данном случае – отношение человека к болезни.

Список литературы

1. Арнаутов Г.Д. Медицинская терминология на пяти языках. Перевод с болгарского проф. В.В. Завьялова, 4-ое русское издание, исправленное. София: Медицина и физкультура, 1979. 944 с.
2. Буданова Н.А. Калькирование как один из способов образования медицинских терминов в русском языке XIX века // Человек и мир

- в контексте современной лексикографии: межвуз. сб. науч. ст. Вып. I. Твер. гос. ун-т. Тверь: Издатель А.Н. Кондратьев, 2016. С. 4-8.
3. Буданова Н.А., Михайлова Н.Д., Вашневская Н.А., Ткачева Р.А., Бондарчук Л.В. Медицинская терминология: история вопроса // Тверской медицинский журнал. 2019. № 1. С. 44-53.
 4. Бекишева Е.В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4(2). С. 260-264.
 5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 303 с.
 6. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1 (А – З). М.: Русский язык, 1978. 699 с.
 7. Колесов В.И. Страницы из истории отечественной хирургии. М.: Изд-во АМН СССР, 1953. 284 с.
 8. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. 341 с.
 9. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 147 с.
 10. Планк М. Единство физической картины мира: сборник статей. АН СССР. Москва: Наука, 1966. 287 с.
 11. Энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. В.И. Покровского. М.: Медицина, 2001. 960 с.
 12. Фан Сян. Особенности номинации болезней в английском, русском и китайском языках // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 106-111.
 13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер., в 4 т. Т.1 (А – Д). М.: Прогресс, 1986. 576 с.
 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер., в 4 т. Т. 2 (Е – Муж). М.: Прогресс, 1986. 672 с.
 15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер., в 4 т. Т.3 (Муза – Сят). М.: Прогресс, 1987. 832 с.

References

1. Arnaudov G.D. *Medicinskaja terminologija na pjati jazykah* [Medical terminology in five languages]. Sofia, Medisina i fizkultura Publ., 1979, 944 p.
2. Budanova N.A. Kalkirovanie kak odin iz sposobov obrasovania medisinsrih terminov v russkom jazyke XIX veka [Calculus as one of the ways of formation of medical terms in the Russian language of the XIX century]. *Chelovek i mir v kontexe sovremennoi leksikografii* [Man in the Context of Modern Lexicography], 2016, pp. 4-8.
3. Budanova N.A., Mihailova N.D., Vashnevskaja N.A., Tkacheva R.A., Bondarchuk L.V. Medisinskaja terminologija: istoria voprosa [Medical terminology: background]. *Tverskoi medisinskij zhurnal* [Tver Medical Journal], 2019, no. 1, pp 44-53.
4. Bekicheva E.V. Novie napravlenija v issledovanii medisinskoj terminologii [New directions in the study of medical terminology]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2013, no. 4(2), pp 260-264.
5. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenije: uchebnoe posobie* [Terminology: textbook]. Moscow: Akademija Publ., 2008, 303 p.
6. Dal V.V. *Tolkovij slovar zivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1-4, Vol. 1 (A-Z), Moscow: Russkij jazyk Publ., 1978, 699 p.
7. Kolesov V.I. *Stranici iz istorii otechestvennoj hirurgii* [Pages from the history of Russian surgery]. Moscow: AMN SSSR, 1953, 284 p.
8. Kornilov O.A. *Jazikovije kartini mira kak proizvodnije nacionalnih mentalitetov* [Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities]. Moscow: 1999, 341 p.
9. Lotte D.S. *Voprosi zaimstvovanija i uporyadochenija inozachnih terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and ordering of foreign language terms and term elements]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 147 p.
10. Plank M. *Edinstvo fisicheskoi kartini mira* [Unity of the physical picture of the world]. AN SSSR, Moscow: Nauka Publ., 1966, 287 p.
11. *Ensiklopedičeskij slovarj medisinskih terminov* [Encyclopedic dictionary of medical terms]. Moscow: Medisina Publ., 2001, 960 p.
12. Fan Sjan Osobennosti nominasii bolesnej v anglijskom, russkom i kitajskom jazykah [Features of the nomination of diseases in English, Russian and Chinese languages].

- and Chinese]. *Chasop. Belarus State University, Filologia*, 2017, no. 1, pp. 106-111.
13. Fasmer M. *Etimologičeskij slovarj russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], 2 ed., in 4 vol. Vol. 1 (A-D). Moscow: Progress Publ., 1986, 576 p.
14. Fasmer M. *Etimologičeskij slovarj russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], 2 ed., in 4 vol. Vol. 2 (E – Muzh). Moscow: Progress Publ., 1986, 672 p.
15. Fasmer M. *Etimologičeskij slovarj russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language], 2 ed., in 4 vol. Vol. 3 (Musa – Sjat). Moscow: Progress Publ., 1987, 832 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Буданова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация
fraubudanova@yandex.ru

Кузнецова Анжелика Алимовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация

Аксенова Екатерина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация

Скаковский Владимир Юрьевич, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Тверской государствен-
ный медицинский университет» Министерства здравоохра-
нения Российской Федерации
ул. Советская, 4, г. Тверь, 170001, Российская Федерация*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Budanova, Candidate of Philological Sciences, associate
Professor of the Department of Russian Language
*Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
fraubudanova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-002-9133-3235>*

Anjelika A. Kuznetsova, Candidate of Philological Sciences, Head of
the Russian Language Department
*Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation*

Ekaterina D. Axenova, Candidate of Philological Sciences, associate
Professor of the Department of Russian Language
*Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7726-6793>*

Vladimir Y. Skakovsky, Candidate of Philological Sciences, associate
Professor of the Department of Russian Language
*Tver State Medicine University
4, Sovietskaya Str., Tver, 170100, Russian Federation*

Поступила 18.10.2022
После рецензирования 27.10.2022
Принята 31.10.2022

Received 18.10.2022
Revised 27.10.2022
Accepted 31.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-302-326

УДК 811.111.373

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИТИВНОСТИ КОНЦЕПТА ЦЕННОСТИ / VALUES (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”)

Л.Б. Здановская

Цель. Статья посвящена специфике лингвокогнитивной репрезентации концепта ЦЕННОСТИ / VALUES в русской и английской лингвокультурах. Цель исследования – раскрыть особенности концептуальной оппозитивности исследуемого концепта, реализованной на основе базовой дихотомии «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”. Научная новизна исследования заключается в определении концепта ЦЕННОСТИ / VALUES как оппозитивного компонент-концепта, демонстрирующего структурированный характер оппозитивности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили выступления известных российских журналистов, историков, политологов – участников политического ток-шоу «Кто против?» на телевизионном канале «Россия-1» в августе 2022 г., а также публикация австралийского исследователя Питера Харрисона. При написании статьи применялись следующие методы: концептуальный анализ, включающий сопоставление, обобщение, интерпретацию репрезентантов исследуемого концепта, сравнительно-сопоставительный, лексико-семантический анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ.

Результаты. В результате исследования установлена уровневая (эксплицитно-имплицитная) репрезентация оппозитивности концепта ЦЕННОСТИ / VALUES в русском и английском языковых пространствах на примере базовой оппозиции «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”.

Выводы. По мнению автора, выявленные признаки субъектов оппозиции «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM” регламентируют их категориальную закреплённость на основе базовой оценочной модели указанной дихотомии.

Ключевые слова: оппозитивный концепт; структура оппозитивности; субъект оппозиции; эксплицитность, имплицитность, дихотомия

PECULIARITIES OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION REALIZATION OF THE CONCEPT “VALUES” (ON THE EXAMPLE OF THE DICHOTOMY “US” / “THEM”)

L.B. Zdanovskaya

The article is devoted to the specifics of the linguocognitive representation of the concept “VALUES” in Russian and English linguocultures. The purpose of the study is to reveal the special aspects of the conceptual opposition of the concept under study implemented on the ground of the basic dichotomy “US / THEM”. The scientific novelty of the study lies in the definition of the concept “VALUES” as an oppositive components-concept demonstrating the structured specificity of opposition.

Materials and methods. *The materials of the study were the speeches of the famous Russian journalists, historians, political scientists – participants on the political talk show “Who is against?” on the TV channel “Russia-1” in August 2022, as well as the publication of the Australian researcher Peter Harrison. When writing the article, the following methods were used: conceptual analysis including juxtaposition, generalization, interpretation of the representatives of the studied concept, comparison and collation, lexical-semantic analysis of dictionary definitions, contextual analysis.*

Results. *As a result of the study, a level (explicit-implicit) representation of opposition of the concept VALUES in the Russian and English language spaces has been established on the example of the basic opposition “US / THEM”.*

***Conclusions.** In the author's opinion, the distinctive features of the opposition subjects "US / THEM" regulate their categorical fixing on the ground of the basic evaluation model of this dichotomy.*

***Keywords:** oppositive concept; opposition structure; subject of opposition; explicitness; implicitness; dichotomy*

Введение

Трансформация модели глобального миропорядка, обусловленная усилением тенденции многофакторности геополитических противоречий, способствовала повышению статуса национальной идентичности, закрепление которого сопряжено с поступательным развитием языка как знакового воплощения нравственных идеалов общества.

Приоритетный выбор формы коммуникативного взаимодействия человека с социумом, в первую очередь, определяется системой ценностей, соотносимой с установленными в обществе нормами поведения и фиксируемой единицами языка. Широкий спектр определенных термина «ценности» и возрастающий научный интерес к нему со стороны многочисленных смежных с лингвистикой дисциплин, включающих философию, историю, культурологию, политологию и другие направления, повлиял во многом на выбор темы исследования, в рамках которой нами предпринимается попытка концептуального анализа специфики реализации оппозитивного концепта ЦЕННОСТИ / VALUES в русском и английском языковых пространствах.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили экспертные мнения участников политической программы федерального канала «Россия-1» в августе 2022 г., материалы Интернет-публикации П. Харрисона, словарные дефиниции, подвергнутые лексико-семантическому, сравнительно-сопоставительному, контекстуальному анализу.

Принципиальное разграничение пространства, признаваемого привычным, комфортным, безопасным – *своим*, обусловлено едиными для данного социума правовыми, поведенческими, культурными и морально-этическими нормами, неприятие и несоблюдение которых

подвергается негативной оценке субъектами сообщества, не доверяющими нестандартному, а следовательно, маркируемому как *чужое* формату взаимодействия, включая процесс доверительного общения. Таким образом, структура концептуальной оппозитивности, включающая оценочный компонент, позволяет определить критерии противопоставления, реализованные на понятийном уровне, к детальному описанию которых в рамках концептуального анализа оппозитивного концепта ЦЕННОСТИ / VALUES мы переходим далее.

Рассмотрим представленность значений концепта ЦЕННОСТИ, закрепленных в толковых словарях русского языка. Лексема *ценности*, выступающая в качестве имени концепта, представлена в издании Д.Н. Ушакова (ТСУ) одной дефиницией: *Явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-н. отношении* [8, с. 914]. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (ТСОШ) также фиксирует одно значение, соответствующее ключевому слову концепта: *Ценный предмет, явление* [5, с. 873]. Современный толковый словарь русского языка (СТСРЯ) содержит определение, дополненное аксиологической составляющей, релевантной для исследуемого концепта: *Предметы и явления культуры, морали, нравственности и т. п.* [2, с. 915].

Академическое издание Оксфордского толкового словаря фиксирует единственное значение ключевой лексемы, номинирующей концепт VALUES: *4 values [pl.] beliefs about what is right and wrong and what is important in life (4 ценности [мн.] (Убеждения о том, что правильно и неправильно, и что важно в жизни)* [15, р. 1693]. Приведенная дефиниция раскрывает аксиологический аспект термина *values*. Значения 1-3, 5, фиксируемые британским изданием, рассматриваются нами как нерелевантные и не включаются в описание исследуемого концепта.

Результаты исследования

Полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа словарных дефиниций номинантов концепта ЦЕННОСТИ / VALUES позволяют нам заключить о доминирующей представ-

ленности репрезентантов исследуемого концепта в русском языковом пространстве. В результате исследования эксплицитно-имплицитной оппозитивности концепта на основе базовой дихотомии «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM” было выявлено несовпадение классификационных признаков субъектов оппозиции, демонстрирующих дифференцированную оценочность.

Обсуждение

Особое место в научных трудах, подтверждающих степень актуальности лингвистических исследований явления оппозитивности, занимает оппозиция СВОИ-ЧУЖИЕ, изучению и системному анализу которой посвящены статьи и авторские монографии российских и зарубежных ученых-филологов, среди которых, в первую очередь хотелось бы выделить работы Ю.С. Степанова (Степанов, 2004) [7], В.А. Масловой (Маслова 2008) [4], Е.И. Шейгал (Шейгал, 2004) [10], М.А. Лаптевой (Лаптева, 2013) [3], Т.В. Алиевой (Алиева, 2022) [1], Р. Фаулера (Фаулер, 1991) [13], Т.А. ван Дейка (ван Дейк, 1993, 2006) [11; 12]. Противопоставление СВОИ-ЧУЖИЕ рассматривается как базовое в силу специфики отображения в национальной картине мира, обусловленной этнокультурной уникальностью. Перейдем к комментарию прецедентных текстов, демонстрирующих отражение оппозитивности концепта ЦЕННОСТИ в русской языковой картине мира.

Смыслозначимая сущность аксиологического термина «ценности» представлена в следующем фрагменте: *«<...> про цены и ценности очень интересный разговор. <...> разница между интересами и ценностями <...> носит базовый, принципиальный характер. По интересам всегда можно договориться, <...> по ценностям договориться невозможно. <...> Ценности. Они есть у каждого человека и у каждого общества. <...> отказаться от них – это отказаться от себя, от своего «я», от собственной идентичности. <...> С одной стороны, есть ценности великой демократии, свободы, счастья <...>. Медведь чтоб не вылезал – тоже ценность по-своему. А с другой стороны, выясняется цена,*

вопрос интересов. И здесь <...> их ценности, которыми они пользуют весь мир, начинают трещать по швам <...>» (О. Барабанов, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»). Автор цитаты разграничивает понятия *цена*, *интерес*, *ценность*, устанавливая шкалу измерения национального культурного кода. Лексемы *цена*, *интерес*, выступая в данной цитате контекстуальными синонимами, актуализируют негативный смысл *на любых условиях*. Пространство *своих* представлено следующими единицами: *себя*, *свое «я»*, *собственный*. «Территория» *чужих*, присутствующая имплицитно, обозначена словосочетаниями: *каждый человек*, *каждое общество*. Следовательно, *каждый* – всякий или любой из себе подобных [5, с. 259], не признанный *собственным*, *своим*, маркируется как *чужой*. Отрицательная коннотация передана глаголами *отказаться*, *договориться*, вбирая приращенные смыслы: *нарушение преемственности поколений*, *разрушение традиций*, *измена Родине*. Зоометафора *медведь*, символизирующая образ врага – России, усиливает пейоративную оценку высказывания, включающую следующий ассоциативный ряд: *посадить на привязь*, *держат в узде*, *ограничить свободу*. Включение фразеологизма «*трещать по швам*» эксплицирует негативные коннотации: *разрушение*, *упадок*, *дискредитация*. В цитате выявлены следующие оппозиции: эксплицитно: *ценность* – *цена*; *ценность* – *интерес*; *свое «я»* – *отказ от ценностей*; *собственная идентичность* – *отказ от ценностей*; *медведь* – *ценности великой демократии*; *ценности* – *их ценности*; имплицитно: *Россия* – *коллективный Запад*.

В цитируемом фрагменте известным политологом, публицистом Д. Куликовым раскрывается специфика функционирования и понимания категории *ценности* западными странами: «С европейскими ценностями как-то не очень, потому что их все чаще затмевают цены. Секретарь НАТО Столтенберг заявил, что сотрудничество России и Китая в Арктике бросает вызов ценностям и интересам НАТО. <...> Какие ценности у НАТО в Арктике? Неужели демократия среди белых медведей? <...> В ВСУ процветают грабежи, изнасилования и воровство, но это, по всей видимости, не броса-

ет вызов ни европейским ценностям, ни натовским ценностям <...>» (Д. Куликов, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»). Журналист обращает внимание телеаудитории на трансформацию значения слова *ценности* в условиях новой политической реальности: «европейские ценности», «натовские ценности» («ценности НАТО»). В составе указанных единиц адъективы *европейские*, *натовские* имплицитно выступают антонимами к определению *общечеловеческие*. Пейоративная оценка действий политических оппонентов реализуется использованием словосочетания «*демократия среди белых медведей*», актуализируя следующие ассоциативные признаки: *главное завоевание, фундамент западной цивилизации (демократия); край Земли (белые медведи)*. Негативная коннотация лексем *грабежи, изнасилования, воровство* концептуализируют приращенный смысл *новое содержание западноевропейских приоритетов*. Двукратный повтор фразеологической единицы «бросить вызов» – проявленное в особо смелой, дерзкой форме сопротивление противнику [9, с. 48] – усиливает эмотивность текста. В высказывании реализуются следующие оппозиции: эксплицитно: *ценности – цены; сотрудничество России и Китая – ценности и интересы НАТО; ценности – грабежи, изнасилования и воровство; ценности – европейские ценности; ценности – натовские ценности*; имплицитно: *Россия – Украина; Русский мир – англосаксы*.

В представленной далее иллюстрации участник дискуссии подвергает сомнению фундаментальность, высший смысл понятия *ценность*: «Вы сделайте коллеги следующий шаг, откажитесь от термина «ценности». <...> Это химера. <...> Что у них такое ценности? Это то, что должно быть идеалом, но оно им не является, потому что имеет цену <...>. Не существует ценностей. Есть то, что является идеалом и то, что имеет цену. А вот этого среднего нет. <...>. Коня и трепетную лань не соединишь. Мы неслучайно не пользуемся словом «ценности». Мы говорим об идеалах. Вопрос цены в вопросе идеалов бессмысленный». (Т. Сергейцев, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»). Противопоставляя понятия *ценность, цена, идеал*, Т. Сергейцев указывает на

материальную составляющую «западных ценностей»: ценности «у них» – это то, «что имеет цену». Негативная оценочность суждения иллюстрируется следующим предикативным рядом: *не является, не существует, не пользуемся, не соединишь*. В цитируемом примере концептуализируются смысловое приращение «продажность западноевропейской модели поведения». Предложенная политиком интерпретация цитаты из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» эксплицирует негативный признак *«принципиальная несовместимость нравственных позиций»* [6]. В приведенной иллюстрации определены следующие пары оппозиций: эксплицитно: *ценность – цена; идеал – цена; идеалы – ценности; наши ценности – ценности у них; конь – трепетная лань*; имплицитно: *высшая модель поведения – западноевропейская модель поведения; Россия – Запад*.

На приземленность, первоначальную ориентированность на роскошь, изобилие, потребление как составляющие западного образа ценностей указывает автор следующей цитаты: *«Это продажа первородства за чечевичную похлебку в чистом виде. Вот за эти самые элементарные возможности, льготы, которые не являются жизненно необходимыми, за комфорт. Они привыкли настолько комфортно жить, что они думают, что они этим нас уязвят. Они никогда не могли понять и не поймут ни подвиг Александра Матросова, ни Николая Гастелло. Эти категории, как и Россия в целом, они для них не познаваемы»* (А. Гришин, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»). Высокая степень пейоративной эмоционально-экспрессивной тональности высказывания иллюстрируется использованием автором варианта устойчивого словосочетания «продать за чечевичную похлебку», транслирующего негативный смысл *«измена, предательство, отступничество совершенные из мелких, корыстных побуждений»* [9, с. 535]. Номинированные в высказывании персоналии (А. Матросов, Н. Гастелло) отражают в когнитивном сознании русского человека концептуальные признаки: *историческая память, священная война, героический поступок, служение отечеству, гражданский долг*. Полярная несовместимость «витальных», «духовных», первостепенно значимых экзи-

стенциальных принципов позиционирования личности, доминирующих в русском и западноевропейском социумах, иллюстрируется следующими оппозициями: эксплицитно: *подвиг – продажа*; *Россия – они*; имплицитно: *мы – они*; *ценности – западные ценности*.

В цитируемом тексте ведущим ток-шоу изобличаются стандарты западноевропейского образа жизни, основанные на материальном благополучии: «Если подразумевать, что ценности – это то, что не имеет цены, <...> фундаментально, вечно, определяет твоё поведение, твою сущность. <...> Как же тогда за них нужно платить, если они не имеют цены? <...> Это был грандиозный обман. Держали их на обществе потребления, на европейском социализме, на том, что все у вас будет и вам ничего за это не будет. Кредиты берите большие, <...> потребляйте, за две щеки жуйте <...>. Если мало, <...>, давайте у вас будут любые сексуальные развлечения <...>, все будет прекрасно. Но это же не было ценностями <...>. Макрон, Джонсон – они все про цену. <...> Вот то, что Россия приобретает, не имеет цены, оно бесценно. <...> У меня другое предположение: нет <...> у них никаких ценностей. Вообще. <...> Именно поэтому встал вопрос цены». (Д. Куликов, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»). Пейоративная оценочность суждения, отмеченная эмоционально-экспрессивной окрашенностью, иллюстрируется следующими лексическими единицами: *грандиозный обман*; *общество потребления*; *сексуальные развлечения*. Модифицированный вариант устойчивого словосочетания «за две щеки» («за обе щеки») демонстрирует полярную трансформацию смысла: положительную – есть «за обе щёки», то есть с большим аппетитом, с удовольствием [9, с. 763]; отрицательную: *потребляйте (жувайте) за две щёки*. Экспрессивная тональность высказывания усиливается использованием императивов: *потребляйте, жувайте*. Включение имен собственных (Макрон, Джонсон), используемых автором в контексте с лексемой *цена*, способствует появлению приращенного смысла *коммерциализация европейских идеалов*. Противопоставление на понятийном уровне реализуется следующими единицами: *не имеет цены – вопрос цены*; *бесценно – никаких ценностей*. Приве-

денный фрагмент высказывания отмечен актуализацией негативных концептуальных признаков: дискредитация и *упадок нравов*; *крушение устоев*; *разрушение традиций*; *безграничная алчность*; *преступная безнаказанность*; *грехопадение*. В указанной иллюстрации выявлены следующие оппозиции: эксплицитно: *ценности – общество потребления*; *ценности – европейский социализм*; *ценности – сексуальные развлечения*; *Россия – у них*; *ценности – цена*; *ценности – Макрон, Джонсон*; *ценности – они все*; имплицитно: *Россия – Франция*; *Россия – Великобритания*; *духовная Россия – растленная Европа*; *мы – они*.

В приведенном иллюстративном примере Д. Куликовым, цитирующим участника обороны Донбасса, передана высшая «витальная значимость» миссии России: *«У нас есть потери <...>. Мы скорбим за каждым. Для нас это горе. Но когда мы думаем, что в результате нашей борьбы в России появятся миллионы новых граждан, то мы идем на это совершенно спокойно и с пониманием, абсолютным пониманием, зачем и почему мы это делаем»*; *«Так что к вопросу об идеалах и ценностях – комбат может так ясно и точно все сформулировать»* (А. Авидзба, Д. Куликов, «Кто против?», 25.08.22, канал «Россия-1»).

Поступательный характер динамики действия передан глаголами: *скорбим* → *думаем* → *действуем* → *идем* → *делаем*. Представленные единицы демонстрируют логическую последовательность событий, реализуемую по схеме *борьба (потери, горе)* → *конечный результат (миллионы новых граждан)*. В тексте актуализируются концептуальные признаки, отмеченные полярной коннотацией: отрицательной: *утрата, жертвы, смерть, страдания, трагедия*; положительной: *возрождение России, новая жизнь, возвращение к истокам*. В представленных примерах определена следующая оппозиция: эксплицитно: *комбат – ВСУ*; *мы – они*; имплицитно: *Россия – Украина*.

Анализ репрезентативных контекстов концепта ЦЕННОСТИ позволяет обозначить в качестве оппозиций противопоставления, выявленные на эксплицитном (языковом) и имплицитном (когни-

тивном) уровнях. Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта ЦЕННОСТИ репрезентирует реализацию базовой дихотомии «СВОИ – ЧУЖИЕ» в русской языковой картине мира. «СВОИ» и «ЧУЖИЕ» – это субъекты оппозиции, противопоставленные по следующим признаковым характеристикам: 1) аксиологический; 2) антропоцентрический; 3) геополитический; 4) исторические личности / публичные (должностные) лица; 5) действие, поступок; 6) зоометафорический. Согласно указанной классификации, в качестве репрезентантов «СВОИХ» могут быть указаны следующие единицы: эксплицитно: 1) аксиологический: *ценность, собственная идентичность, идеал (идеалы), наши ценности*; 2) антропоцентрический: *свое «я»; мы*; 3) геополитический: *сотрудничество России и Китая; Россия*; 4) исторические личности / публичные (должностные) лица: *Александр Матросов, Николай Гастелло; комбат*; 5) действие, поступок: *подвиг*; 6) зоометафорический: *медведь, белые медведи, конь*. имплицитно: 1) *высшая модель поведения человека*; 2) *мы*; 3) *Россия; Русский мир*.

К концептуальным признакам субъекта «СВОИХ», отмеченных полярной коннотацией, мы относим следующие: положительная: *историческая память; священная война; героический поступок; служение отечеству; гражданский долг; новая жизнь; возвращение к истокам*; отрицательная: *утрата, жертвы, смерть, страдания, трагедия*. Аксиологический компонент концепта ЦЕННОСТИ для субъекта «Свои» составляют мелиоративно окрашенные лексические единицы: *сотрудничество, подвиг, высшая модель поведения человека; духовная Россия*. Образный уровень исследуемого концепта для субъекта «Свои» оформлен перцептивными признаками, выраженными глаголами дифференцированной семантической закреплённости: глаголы, выражающие социально-правовые отношения: *договориться, отказаться, приобретает*; глаголы качественно-количественной характеристики: *затмевают*; глаголы умственно-аналитической характеристики: *думаем, подразумеваем*; глаголы перемещения / изменения физического состояния: *(не) вылезал, идем, появятся*; глаголы психоэмоционального состояния:

скорбим; универсально-созидательные глаголы: *делаем*; глаголы обладания: *(не) имеет*.

Метафорический признак образного компонента концепта для субъекта «Свои» закрепляется использованием зооморфизмов: *медведь, белых медведей, коня*. Лингвокогнитивный анализ репрезентантов исследуемого концепта для субъекта «Свои» выявил концептуализацию приращенных смыслов: *принципиальная несовместимость нравственных позиций; возрождение России*.

Репрезентантами концепта ЦЕННОСТИ для субъекта «ЧУЖИЕ» выступают лексические единицы: эксплицитно: 1) аксиологический: *цена, интерес, отказ от ценностей, их ценности; ценности у них; общество потребления*; 2) антропоцентрический: *они; у них; они все*; 3) геополитический: *европейские ценности, натовские ценности, ценности и интересы НАТО; европейский социализм; западные ценности; ценности великой демократии*; 4) исторические личности / публичные (должностные) лица: *Макрон, Джонсон*; 5) действие, поступок: *продажа*; 6) зоометафорический: *трепетная лань*; имплицитно: 1) *западноевропейская модель поведения*; 2) *они*; 3) *Украина, англосаксы; Франция, Великобритания*; 4) *ВСУ*.

К концептуальным признакам субъекта «ЧУЖИХ», отмеченным негативной коннотацией, мы относим следующие: *дискредитация и упадок нравов; крушение устоев; разрушение традиций; безграничная алчность; преступная безнаказанность; грехопадение*. Аксиологический компонент концепта ЦЕННОСТИ для субъекта «Чужие» составляют пейоративно окрашенные лексические единицы: *грабежи, изнасилования и воровство; сексуальные развлечения; растленная Европа*. Образный уровень исследуемого концепта для субъекта «Чужие» оформлен перцептивными признаками: соматическим: *за обе щеки*; глаголами дифференцированной семантической закреплённости: глаголы, выражающие социально-правовые отношения: *платить, потребляйте*; глаголы умственно-аналитической характеристики: *думают, (не) поймут*; глаголы перемещения/ изменения физического состояния: *встал*; глаголы психологического воздействия: *уязвят; держали*; глаголы обладания:

(не) будет; глаголы качественно-количественной характеристики: *затмевают*; глаголы экзистенциальной характеристики: *привыкли жить* (составное глагольное сказуемое); глаголы, выражающие физиологический процесс: *жуйте*. Метафорический признак образного компонента концепта для субъекта «Чужие» закрепляется использованием зооморфизма: *трепетную лань*. Лингвокогнитивный анализ репрезентантов исследуемого концепта для субъекта «Свои» выявил концептуализацию приращенных смыслов: *нарушение преемственности поколений; разрушение традиций, измена Родине; новое содержание западноевропейских приоритетов; продажность западноевропейской модели поведения; коммерциализация европейских идеалов*.

Перейдем к комментарию текстовых фрагментов, иллюстрирующих реализацию оппозитивности концепта HUMAN SHIELD, в английской языковой картине мира.

В цитируемом фрагменте автор акцентирует внимание читательской аудитории на «гибких» стандартах западных идеалов: “*The West <...> informs diagnoses about the present state of global affairs and proposals for how the values that it represents are to be preserved and promoted*” [14]. («Запад» <...> ставит диагнозы о нынешнем состоянии мировых дел и предлагает способы сохранения и продвижения ценностей, которые он представляет»). Включение предикативов *informs, represents, to be preserved, to be promoted* концептуализирует приращенный смысл “*predictive model of Western values*” («прогностичная модель западных ценностей»). В высказывании реализуется оппозиция: *explicitly: the West – the present state of global affairs; the values that it represents – the present state of global affairs; implicitly: the West – the rest of the world*.

В указанной иллюстрации автор предупреждает о неотвратимости столкновения полярных интересов: “*<...> Western civilization is imperilled by civilizations with different values, either because of the external security threats they pose, or because the liberal West too readily welcomes immigration from populations that bring with them inimical values*” [14]. («<...> Западная цивилизация подвергается

опасности со стороны цивилизаций с другими ценностями либо из-за внешних угроз безопасности, которые они представляют, либо из-за того, что либеральный Запад слишком охотно приветствует иммиграцию населения, которое приносит с собой враждебные ценности»). Негативная коннотация цитаты передана включением пейоративно окрашенных адъективов: *different*, *external*, *inimical*. Цитируемое высказывание эксплицирует негативные концептуальные признаки: *alien culture* (чуждая культура); *other traditions* (другие традиции); *potential hazards* (потенциальный источник опасности); *irreconcilable contradictions* (непримиримые противоречия); *tense atmosphere* (напряженная обстановка); *aggressive intentions* (агрессивные намерения); *hostile rhetoric* (враждебная риторика). В примере выявлены оппозиции: explicitly: *Western civilization – civilizations with different values*; *Western civilization – the external security threats*; *the liberal West – inimical values*; implicitly: *their (western) values – other people's values*.

Указанный фрагмент иллюстрирует экспликацию отрицательного признака “*shifting axiological guidelines of the European community*” («смещение аксиологических ориентиров европейского сообщества»): “*For much of its history, Europe was focused on virtues rather than values, and was characterized by an openness to past cultures that were essentially non-European*” [Там же]. («На протяжении большей части своей истории Европа была сосредоточена на добродетелях, а не на ценностях, и характеризовалась открытостью культурам прошлого, которые по сути были неевропейскими»). Включение словосочетания *an openness to past cultures* актуализируют приращенный смысл, маркируемый положительной оценкой: “*interpenetration of civilizations*” (взаимопроникновение цивилизаций). Мелиоративно окрашенная лексема *virtues*, контекстуально противопоставленная единице *values*, демонстрирует семантическое сходство с ключевой лексемой, закрепленное следующим значением: 1. *Behavior or attitudes that show high moral standards* [15, p. 1705]. (Поведение или отношение, демонстрирующие высокие моральные стандарты). В цитируемом тексте реали-

зованы следующие оппозиции: explicitly: *virtues – values*; implicitly: *European culture – non-European culture*.

Цитируемый пример концептуализирует мелиоративно окрашенный смысл “*perspective use of historical cultural heritage adapted to modern conditions of geopolitical development*” («перспективное использование исторического культурного наследия, адаптированного к современным условиям геополитического развития»): “*It is here that the great potential of a “Western tradition” project lies – not in the fetishizing of some imagined canon of fixed values, but in the preservation of a rich and varied past that can continue to serve as an ongoing challenge to the priorities and “values” of the present*” [14]. (Именно здесь кроется большой потенциал проекта «Западная традиция» – не в фетишизации некоего воображаемого канона фиксированных ценностей, а в сохранении богатого и разнообразного прошлого, которое может и дальше служить постоянным вызовом приоритетам и «ценностям» настоящего»). Словосочетание а “*Western tradition*” project актуализирует негативную коннотацию “*the commercialization of Western European identity*” («коммерциализация западноевропейской идентичности»). Пейоративно окрашенная лексема *fetishizing* усиливает экспрессивность высказывания, отражая в сознании ассоциативный ряд: *idealization, blind deference, idolism*. Включение лексической единицы *imagined canon* концептуализируют приращенный смысл “*nonentitive cultural code*” («несуществующий культурный код»). В цитате выявлены следующие оппозиции: explicitly: *Western tradition – fixed values; a rich and varied past – the priorities and the “values” of the present*; implicitly: *values – values of a democratic society*.

Подчеркивая значимость западных традиций, автор цитаты подвергает сомнению подлинность их исторического происхождения: “*While there is certainly something to be said for taking pride in our values and institutions, a fundamental paradox lies at the heart of this advocacy. The phrase “Western values” calls to mind a long moral tradition dating back to classical antiquity <...>. But the idea that there are such things as “Western values” cannot be found in any*

of these traditions themselves.” [Там же]. («Хотя, безусловно, есть что сказать в пользу гордости за наши ценности и институты, в основе этой защиты лежит фундаментальный парадокс. Выражение «Западные ценности» вызывает в памяти давнюю нравственную традицию, восходящую к классической античности <...>. Но мысль о том, что существует такое понятие, как «Западные ценности», не может быть найдена ни в одной из этих традиций»). Лексическая единица *a fundamental paradox* эксплицирует негативную коннотацию “*deep contradictions*” («глубокие противоречия»), усиливая оппозитивность высказывания. Словосочетание *dating back to classical antiquity* эксплицирует концептуальные признаки, отмеченные положительной коннотацией: *Ancient Greek philosophy; Greek religion; Roman law; the New Testament*. В указанном фрагменте реализуются следующие оппозиции: explicitly: *our values and institutions – a long moral tradition; Western values – a long moral tradition; Western values – classical antiquity; Western values – any of these traditions*; implicitly: *specific values – core values; modern values – ancient culture*.

В цитируемых далее фрагментах иллюстрируется возрастающая актуальность популяризации западноевропейских ценностных принципов: “<...> *former Australian Prime Minister Tony Abbott is a fan of Western values. On more than one occasion he has lamented what he calls “the great Australian silence” – the neglect of the “Western canon, the literature, the poetry, the music, the history and above all the faith without which our culture and our civilization is unimaginable”* [Там же]. («<...> бывший премьер-министр Австралии Тони Эбботт является поклонником Западных ценностей. Не раз он сетовал на то, что он называет «великим Австралийским молчанием» – пренебрежение «Западным каноном, литературой, поэзией, музыкой, историей и, прежде всего, верой, без которой наша культура и наша цивилизация невообразимы»»); “< ...> *John Howard, is also known as a stout defender of the Western tradition and its values, and he too worries that we are losing our connection to it < ...>”* [Там же]. («<...> Джон Ховард также известен как стойкий защитник За-

падной традиции и ее ценностей, и он тоже обеспокоен, что мы теряем связь с ней <...>»); “<...> former UK Prime Minister David Cameron has preached the importance of Christian values for Britain” [Там же]. («<...> бывший премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон проповедовал важность Христианских ценностей для Британии».); “<...> Trump delivered a speech <...>, urging the defense of “our values” and “our civilization” [Там же]. («<...> Трамп произнес речь <...>, призывая защищать «наши ценности» и «нашу цивилизацию»).

Словосочетание “the great Australian silence” эксплицирует негативные концептуальные признаки: *disregard, oblivion, indifference* (игнорирование, забвение, безразличие). Лексемы *Australian, Britain* акцентируют внимание на значимости этнокультурного приоритета, обусловленного спецификой ценностной ориентации коллективно-го Запада. Посессив *our* в составе единиц *our culture, our civilization, our values* выступает маркером разграничения пространства, соотносимого с миром “US”. Вербальный ряд, представленный сказуемыми *has lamented, worries, are losing*, вбирает негативный смысл “lack of confidence in the preservation of age-old traditions” («неуверенность в сохранении вековых традиций»). Экспрессивность высказываний усиливается включением единиц *a fan, a stout defender*. Включение имен собственных *Tony Abbott, John Howard, David Cameron, Trump* актуализирует приращенный смысл “strategic mission” («стратегическая задача»). В цитатах представлены следующие оппозиции: explicitly: *the neglect – Western values; the silence – Western values; the neglect – the Western canon*; implicitly: *Australian values – Western values; Tony Abbott – non-Western values; John Howard – non-Western tradition; David Cameron – non-Christian values; Trump – other values; its values – values*.

Анализ репрезентативных контекстов концепта VALUES позволяет обозначить в качестве оппозиций противопоставления, выявленные на эксплицитном (языковом) и имплицитном (когнитивном) уровнях. Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта VALUES репрезентирует реализацию базовой дихотомии “US –

THEM” в английской языковой картине мира. “US – THEM” – это субъекты оппозиции, противопоставленные по следующим признаковым характеристикам: 1) axiological; 2) geopolitical; 3) top-level officials; 4) national attitude.

Согласно указанной классификации, в качестве репрезентантов “US” могут быть указаны следующие единицы: 1) axiological: *Western civilization; the values that it represents; the liberal West; their (western) values; virtues; European culture; a rich and varied past; values; our values and institutions; specific values; modern values*; 2) geopolitical: *Western values; Australian values; the Western canon*; 3) top-level officials: *Tony Abbott; John Howard; David Cameron; Trump*; 4) national attitude: *the neglect, the silence*.

К концептуальным признакам субъекта “US”, отмеченным популярной коннотацией, мы относим следующие: *perspective use of historical cultural heritage adapted to modern conditions of geopolitical development* (positive); *the commercialization of Western European identity; deep contradictions* (negative). Аксиологический компонент концепта VALUES для субъекта “US” составляют лексические единицы дифференцированной оценочности. Положительная (мелиоративная) оценка транслируется: 1) именами существительными: *virtues, the literature, the poetry, the music, the history, the faith*; 2) глаголами: *represents, to be preserved, to be promoted*; 2) словосочетаниями: *an openness to past cultures; the great potential; the preservation of a rich and varied past; for taking pride in our values and institutions; a long moral tradition; Christian values*. Отрицательная (пейоративная) оценка передана: 1) именами существительными: *silence, neglect*; 2) глаголами: *worries, are losing, has lamented*, адъективами: *different, external, inimical*; 3) словосочетаниями: *informs diagnoses; the external security threats; inimical values; a “Western tradition” project; Western values; the fetishizing of some imagined canon of fixed values; fundamental paradox*. Образный уровень исследуемого концепта для субъекта “US” оформлен перцептивными признаками, выраженными глаголами дифференцированной семантической закреплённости: глаголы речи: *to be said*;

delivered (a speech); неречевой коммуникации: *represents, calls, has preached*; прагматической характеристики: *informs, to be promoted, was focused, lies; was characterized*; социально-правовых отношений: *to serve*; глаголы созидания: *to be preserved*; психоэмоционального состояния: *has lamented; worries, welcomes, is unimaginable*; темпоральной характеристики (составное глагольное сказуемое): *can continue*; интеллектуальной оценки: *is known*; качественной оценки: *are losing*. Метафорический признак образного компонента концепта для субъекта “US”, закрепляется использованием лексических единиц: *diagnoses, an openness, fetishizing, “great Australian silence”*. Лингвокогнитивный анализ репрезентантов исследуемого концепта для субъекта US выявил концептуализацию приращенных смыслов: *“predictive model of Western values”*; *“interpenetration of civilizations”*; *“nonentitive cultural code”*; *“lack of confidence in the preservation of age-old traditions”*, *“strategic mission”*.

Репрезентантами концепта ЦЕННОСТИ для субъекта “THEM” выступают лексические единицы: 1) axiological: *civilizations with different values; inimical values; other people's values; values; non-European culture; fixed values; the priorities and the “values” of the present; values of a democratic society; a long moral tradition; classical antiquity; core values; ancient culture*; 2) geopolitical: *the present state of global affairs; the rest of the world; the West; the external security threats; non-Western values; non-Western tradition; non-Christian values; its values*.

К концептуальным признакам субъекта “THEM”, отмеченным полярной коннотацией, мы относим следующие: positive: *Ancient Greek philosophy, Greek religion, Roman law, the New Testament*; negative: *“shifting axiological guidelines of the European community”*; *disregard, oblivion, indifference; alien culture; other traditions; potential hazards; irreconcilable contradictions; tense atmosphere; aggressive intentions; hostile rhetoric*. Аксиологический компонент концепта VALUES для субъекта “THEM”, составляют лексические единицы дифференцированной оценочности. Мелиоративная оценка иллюстрируется адъективами *moral, classical*. Доминирующая пейоративная оценка реализуется лексемами следующей

частеречной принадлежности: имена существительные: *threats*, *immigration*; глагол: *is imperilled*; имена прилагательные: *inimical*, *different*, *external*; причастие: *imagined*; герундий: *fetishizing*. Образный уровень исследуемого концепта для субъекта “THEM”, оформлен *группами* глаголов следующей семантической закреплённости: социально-правовых отношений: *pose*; морально-психологического воздействия: *is imperilled*; преобразования: *bring*. Концептуальный анализ репрезентантов субъекта “THEM” в составе оппозиции не выявил закрепление метафорического признака образного компонента концепта VALUES.

Таким образом, исследование концептуальной оппозитивности концепта ЦЕННОСТИ / VALUES позволило установить уровневую (эксплицитно-имплицитную) репрезентацию оппозитивности. Выявленные признаки субъектов оппозиции «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM” демонстрируют категориальную закреплённость.

Заключение

На основании произведенного исследования репрезентантов оппозитивного концепта ЦЕННОСТИ / VALUES, исследованных в русской и английской языковых картинах мира, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Концепт ЦЕННОСТИ / VALUES, определяемый нами как оппозитивный компонент-концепт, демонстрирует дифференцированную языковую объективацию в лексикографических источниках русского и английского языков с акцентированной доминантой аксиологической составляющей в русской языковой картине мира.

2. Структура оппозитивности лингвокогнитивного концепта ЦЕННОСТИ / VALUES включает понятийный, ценностный и образный компоненты. Анализ понятийной составляющей позволил обозначить в качестве оппозиций противопоставления, выявленные на эксплицитном (языковом) и имплицитном (когнитивном) уровнях. Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта ЦЕННОСТИ реализуется на основе базовой дихотомии «СВОИ» – «ЧУЖИЕ», субъекты которой противопоставлены по следующим

признакам: 1) аксиологический; 2) антропоцентрический; 3) геополитический; 4) исторические личности / публичные (должностные) лица; 5) действие, поступок; 6) зоометафорический. Аксиологический компонент концепта ЦЕННОСТИ для субъекта «Свои» / “US” составляют лексические единицы с положительной и отрицательной оценочностью. Образный уровень исследуемого концепта для субъекта «Свои» / “US” оформлен перцептивными и метафорическим признаками.

3. Выявленные концептуальные признаки концепта ЦЕННОСТИ / VALUES для субъекта «СВОИ» / “US” демонстрируют полярную коннотацию: *positive: историческая память, священная война, героический поступок, служение отечеству, гражданский долг, новая жизнь, возвращение к истокам; interpenetration of civilizations; perspective use of historical cultural heritage adapted to modern conditions of geopolitical development; negative: утрата, жертвы, смерть, страдания, трагедия; predictive model of Western values; the commercialization of Western European identity; deep contradictions.* Аксиологический компонент концепта для субъекта «СВОИ» / “US” сформирован лексическими единицами, отмеченными мелиоративной и пейоративной оценкой. Образный компонент исследуемого концепта для субъекта «СВОИ» / “US” оформлен перцептивными и метафорическим признаками.

4. Эксплицитно-имплицитная оппозитивность концепта VALUES объективируется по принципу классического противопоставления “US” – “THEM”. Субъекты оппозиции которой классифицируются по следующим признакам: 1) axiological; 2) geopolitical; 3) top-level officials; 4) national attitude.

5. Выявленные концептуальные признаки концепта ЦЕННОСТИ / VALUES для субъекта «ЧУЖИЕ» / “THEM” закрепляют полярную коннотацию: *negative: разрушение, упадок, дискредитация, упадок нравов, крушение устоев, разрушение устоев, безграничная алчность, преступная безнаказанность, грехопадение; shifting axiological guidelines of the European community; disregard, oblivion, indifference; alien culture; other traditions; potential hazards;*

irreconcilable contradictions; tense atmosphere; aggressive intentions; hostile rhetoric); positive: *Ancient Greek philosophy, Greek religion, Roman law, the New Testament*. Аксиологический компонент концепта VALUES для субъекта “THEM” составляют лексические единицы мелиоративной и пейоративной оценочности. Образный уровень, демонстрируя отсутствие метафорического признака, оформлен перцептивными признаками, реализованными в глаголах фиксированной семантической закреплённости.

6. Подвергнутые сравнительно-сопоставительному анализу субъекты дихотомии «СВОЙ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”, представленной в оппозитивном концепте ЦЕННОСТИ / VALUES, демонстрируют специфику реализации дифференцированной оценочности на основе базовой модели «Свое – хорошо», «Чужое – плохо».

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет о фактическом отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Настоящее исследование проводилось без опоры на дополнительные источники финансирования.

Список литературы

1. Алиева Т.В. Концептуальная оппозиция «Свой-Чужой» в современном британском политическом дискурсе: лингвистический аспект: Монография / Т.В. Алиева. М.: Русайнс, 2022. 188 с.
2. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2007. 960 с.
3. Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Астрахань, 2013. 536 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
6. Пушкин А. С. Полтава. URL: <https://ilibrary.ru/text/447/p.1/index.html> (дата обращения: 23.09.2022).

7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом славянской книги», 2008. 960 с.
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
11. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // *Discourse and Society*. 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283.
12. Dijk T.A. van. Ideology and discourse analysis // *Journal of Political Ideologies*. 2006, vol.11, no. 2, pp. 115-140.
13. Fowler R. *Language in the News: discourse and ideology in the press*. London; New York: Routledge, 1991, X, 254 p.
14. Harrison P. An Eccentric Tradition: The Paradox of of “Western Values”. URL: <https://www.abc.net.au/religion/an-eccentric-tradition-the-paradox-of-western-values/10095044> (дата обращения: 15.09.2022).
15. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. *The Advanced Learner’s Dictionary*. Oxford, 2005, 1780 p.

References

1. Alijeva T.V. *Konceptual’naya oppozitsiya «Svoj-Chuzhoj» v sovremennom britanskom politicheskom diskurse: lingvisticheskij aspekt: monografiya* [Conceptual opposition “Us-Them” in modern British political discourse: linguistic aspect: monograph]. Moscow: Rusayns Publ., 2022, 188 p.
2. Kuznecov S.A. *Sovremennyy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: «Norint», 2007, 960 p.
3. Lapteva, M.L. *«Svoe» i «Chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostanstve russkoj frazemiki* [“Us” and “Them” in the cognitive-discursive space of Russian phrasemics]. PhD dissertation: 10.02.01. Astrahan’, 2013, 536 p.
4. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: ucheb. posobie* [Introduction to cognitive linguistics: study guide]. 4 ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2008, 296 p.

5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language], 4 ed. Moscow: ООО «ITI Tekhnologii» Publ., 2007, 944 p.
6. Pushkin A.S. *Poltava* [Poltava]. URL: <https://ilibrary.ru/text/447/p.1/index.html> (accessed September 23, 2022).
7. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture], 3 ed. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2004, 992 p.
8. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya* [The unabridged dictionary of the Russian language. Modern edition]. Moscow: Dom slavyanskoj knigi Publ., 2008, 960 p.
9. Fyodorov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [The phraseological dictionary of the Russian literary language], 3 ed. Moscow: Astrel': AST Publ., 2008, 878, [2] p.
10. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis Publ., 2004, 326 p.
11. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283.
12. Dijk T.A. van. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, 2006, vol. 11, no. 2, pp. 115-140.
13. Fowler R. Language in the News: discourse and ideology in the press. London; New York: Routledge, 1991, X, 254 p.
14. Harrison P. An Eccentric Tradition: The Paradox of of "Western Values". URL: <https://www.abc.net.au/religion/an-eccentric-tradition-the-paradox-of-western-values/10095044> (accessed September 15, 2022).
15. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2005, 1060 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков
*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»*

*ул. Калинина 13, г. Краснодар, 350044, Краснодарский край,
Российская Федерация
zdanovskaya2903@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lidia B. Zdanovskaya, associate professor of the chair of foreign languages

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

13 Kalinina Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350044, Russian Federation

zdanovskaya2903@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2488-2506>

Поступила 26.09.2022

После рецензирования 10.10.2022

Принята 12.10.2022

Received 26.09.2022

Revised 10.10.2022

Accepted 12.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-327-345

УДК 378.016:37.01:803.0:659.123.1:802.0

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»)

Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина

Обоснование. В статье рассмотрены и проанализированы основные современные требования к профессиональной подготовке студентов-международников на уровне ФГОС 3++ и требования рынка труда по профессиям, соответствующим направлению подготовки «Международные отношения» в контексте современных условий развития общества.

Цель. Цель исследования – моделирование процесса формирования переводческой компетенции студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения». Научная новизна исследования заключается в уточнении компонентного состава иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции (ИПКК).

Материалы и методы. Основными методами исследования являются методы научного описания (изучение специальной литературы, систематизация и интерпретация) и экспериментальные способы изучения (выделение этапов модели формирования компетенции и ее внедрение).

Результаты. В работе рассмотрено понятие «переводческая компетенция» и составляющие переводческой компетенции. Языковая подготовка специалистов-международников на этапе бакалавриата без обстоятельного формирования переводческой компетенции и обучения навыкам письменного перевода мало продуктивна. Пути решения задачи видятся в выделении этапов в модели

формирования переводческой компетенции студентов направления подготовки «Международные отношения». Это предполагает вычленение двух уровней: 1) базовый уровень – обучение студентов переводу учебных текстов по основным образовательным программам; 2) профессиональный уровень – курс обучения переводу профессионально ориентированных текстов в рамках реализации программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Область применения. Результатом исследования является применение модели формирования переводческой компетенции с учетом двух уровней в курс подготовки по иностранному языку студентов направления «Международные отношения».

Ключевые слова: этапы формирования; профессиональные знания; международные отношения; базовый уровень переводческой компетенции; профессиональный уровень переводческой компетенции

TRANSLATION COMPETENCE AS COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS IN INTERNATIONAL RELATIONS

E. Yu. Ladonina, N.A. Sytina

Background. The article considers and analyzes the main modern requirements for the professional training of these students at the level of FSES 3++ and needs of the labor market for the occupations corresponding to International Relations under the modern social conditions.

Purpose. The purpose of the research is to model the process dealing with the translation competence formation of the bachelor students in International Relations. The scientific novelty of the study is to clarify the foreign language professional communicative competence (IPCC) components.

Materials and methods. The main research methods used are the methods of scientific description (the study of specialized literature, its systematization and interpretation) and experimental methods of study

(the identification of the competence formation model stages and its implementation).

Results. *The paper reveals the concept of translation competence and its components. The language training of the bachelor students in International Relations at the undergraduate stage without thorough translation competence formation and training in written translation skills is not very productive. The ways to solve the problem are seen in the highlighting of stages in the model of the translation competence formation of the students in International Relations. This implies the underlining of two levels: 1) basic level – teaching students to translate educational texts on the main educational programs; 2) professional level – a training course in the translation of professionally oriented texts as part of implementation of the additional education program “Translator in the field of professional communication”.*

Practical implications. *The result of the study is to practice the translation competence formation model in the course of foreign language training for students in International Relations taking into account these two levels.*

Keywords: *stages of development; professional knowledge; international relations; basic level of translation competence; professional level of translation competence*

Введение

Цель. Иностранные языки всегда считались ключевым компонентом профессиональной подготовки специалистов международного профиля. Как известно, высококвалифицированному работнику в области международных отношений приходится решать широкий спектр профессиональных задач в целом и с иностранным языком в частности. Вместе с тем практика показывает, что выпускники направления подготовки «Международные отношения» порой демонстрируют недостаточную степень профессиональной компетентности, что обуславливает необходимость уделить повышенное внимание к формированию переводческой компетентности как составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, что, в свою очередь, является главным аспектом обучения иностранному языку.

Актуальность этой задачи подтверждается требованиями ФГОС, а также современной геополитической ситуацией. Всестороннее изучение иностранного языка повысит уровень иноязычной коммуникативной компетенции, которая определяет успешное освоение языка для решения задач профессиональной деятельности.

Основным средством формирования коммуникативной компетенции специалиста в области международных отношений является дисциплина «Иностранный язык». Изучение иностранного языка в вузе способствует реализации междисциплинарных связей, что позволяет реализовать принцип профессионально ориентированного обучения. Материал современных исследований этого обучения [2; 4; 15] свидетельствуют о том, что формирование иноязычной коммуникативной компетенции является необходимым элементом обучения иностранному языку. При этом изучение английского как языка международного общения предполагает освоение не только лингвистических, но и профессиональных знаний.

Для достижения поставленной цели исследования были сформулированы следующие задачи:

- проанализировать особенности формирования переводческой компетенции как элемент иноязычной профессиональной компетенции студентов на примере направления «Международные отношения»;
- изучить современные требования, которые предъявляются к осуществлению профессиональной подготовки бакалавров в области международных отношений;
- выделить и охарактеризовать этапы в модели формирования переводческой компетенции студентов-международников с учетом реализации программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Материалы и методы

Для решения поставленных задач применялись теоретические (анализ методической литературы по заданной теме) и эмпирические методы исследования (выделение этапов в модели формирова-

ния переводческой компетенции студентов направления подготовки «Международные отношения»).

Теоретической основой проведенного исследования послужили труды, в которых раскрывается сущность понятий «компетенция» и «инаязычная профессиональная коммуникативная компетенция» (И.А. Зимняя [7], А.В. Хуторской [18], М.Н. Вятютнев [6], В.Ф. Аитов [1], Е.В. Красильникова [8]); «переводческая компетенция» (В.Н. Комиссаров [10]; Л.К. Латышев [13]; М.В. Вербицкая, М.Ю. Соловов [5]; R.T. Bell [20]; S.P. Campbell [21]; В.Б. Кириллов, Е.В. Воевода [9], Д.Н. Шлепнев [29], A.T. Beeby, D.M. Ensinger [22]); а также работы, посвященные вопросу формирования переводческой компетенции (Ю.П. Котлярова [12], М.Е. Коровкина, А.Л. Семенов, В.И. Ершов [11], О.В. Максютин [15]).

Практическая значимость исследования заключается в актуализации применения модели формирования переводческой компетенции с учетом двух уровней в курс подготовки по иностранному языку студентов направления «Международные отношения».

Результаты и обсуждения

Проблема определения основных компонентов профессиональной инаязычной компетенции стала предметом многих фундаментальных исследований. Проведенный нами анализ методической литературы по данной теме показывает, что в целом компетенция понимается как компонент инаязычных знаний и умений, обеспечивающий комплексное развитие соответствующих навыков (И.А. Зимняя [7]; А.В. Хуторской [18]; М.Н. Вятютнев [6]).

В свою очередь в работах различных исследователей мы наблюдаем неоднозначный подход к трактовке самого понятия “инаязычная профессиональная коммуникативная компетенция”. Так, например, Т.М. Балыхина рассматривает ее как готовность специалиста на основе полученных знаний, умений, навыков и опыта к эффективному осуществлению обмена информацией в профессиональной деятельности [3], а Е.В. Красильникова – как способность выпускника вуза действовать в режиме вторичной языковой личности в профессионально направленной ситуации общения [8].

В нашем понимании иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция представляет собой комплексное понятие, которое включает в себя набор определенных языковых знаний, умений и навыков, необходимый специалисту для осуществления иноязычной профессиональной коммуникации.

Особенности формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения», отражены в поэтапном формировании следующих знаний, умений и навыков: знания общей деловой лексики иностранного языка в объеме, необходимом для общения, чтения и перевода иноязычных текстов; умения выполнять перевод академических текстов с иностранного языка на государственный язык и навыки составления текстов на государственном и иностранном языках [16].

Следует отметить, что для обеспечения успешной профессиональной иноязычной коммуникации необходимо, чтобы студенты изучали не только лексические и грамматические аспекты языка, но и знакомились с социокультурными особенностями [6, с. 122].

Принимая к сведению основные требования к осуществлению профессиональной подготовки бакалавров в сфере международных отношений, которые содержатся в ФГОС 3++ в виде универсальных и общепрофессиональных компетенций, а также современные экономические потребности в специалисте, способном осуществлять различные виды деятельности, необходимо переосмыслить некоторые представления о содержании обучения.

Так, в результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы следующие универсальные и общепрофессиональные компетенции: «Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» (УК-4); «Способен осуществлять эффективную коммуникацию в мультикультурной профессиональной среде на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) язы-

ке(ах) на основе применения понятийного аппарата по профилю деятельности» (ОПК-1) [17].

Кроме того, в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего образования формой итогового контроля знаний, полученных студентами-международниками в процессе изучения английского языка на протяжении всего профессионального обучения, является государственный экзамен по английскому языку, который проводится по окончании четвертого года обучения.

На этом экзамене студентам предлагаются следующие задания: письменный перевод текста с английского на русский язык со словарем (объем 2500-3000 знаков), комментирование ошибок и переводческих трансформаций и реферированный устный перевод текста с русского на английский язык.

Итоговая аттестация дает возможность оценить не только качество перевода учебного текста, но и уровень развития переводческой компетенции (в данном случае умение осуществлять письменный перевод с иностранного языка на родной язык). Шкала оценки знаний, умений и навыков позволяет оценить качество перевода относительно цели и уровня обучения, что в совокупности и определяет уровень переводческой компетенции.

Поскольку письменный перевод считается особо значимым заданием государственного экзамена для квалификации студентов-международников, нами были проанализированы результаты выполнения данного задания с целью выявления трудностей, возникающих у студентов в процессе учебного перевода:

1. Студент сдал государственный экзамен с оценкой «отлично»

Вопросы	Общая характеристика ответа
1. Письменный перевод текста (объем 2500-3000 знаков) с иностранного на русский язык	Грамотный перевод, смысловые ошибки отсутствуют
2. Комментирование ошибок и переводческих трансформаций	Грамотное и уместное использование переводческих трансформаций
3. Реферированный устный перевод текста с русского на иностранный язык	Полная и адекватная передача смысла

2. Студент сдал государственный экзамен с оценкой «хорошо»

Вопросы	Общая характеристика ответа
1. Письменный перевод текста (объем 2500-3000 знаков) с иностранного на русский язык	В основном эквивалентный перевод, смысловые ошибки отсутствуют
2. Комментирование ошибок и переводческих трансформаций	Большинство ошибок исправлено
3. Реферированный устный перевод текста с русского на иностранный язык	Не совсем полная и адекватная передача смысла

3. Студент сдал государственный экзамен с оценкой «удовлетворительно»

Вопросы	Общая характеристика ответа
1. Письменный перевод текста (объем 2500-3000 знаков) с иностранного на русский язык	Эквивалентный перевод, смысловые ошибки
2. Комментирование ошибок и переводческих трансформаций	Большинство ошибок не исправлено
3. Реферированный устный перевод текста с русского на иностранный язык	Неполная передача смысла

Как показывает опыт работы со студентами, письменный перевод представляет собой достаточно трудное задание, о чем свидетельствует большое количество ошибок (в частности, лексические, грамматические и стилистические). Вместе с тем следует отметить и тот факт, что при оценивании перевода студентов обращается внимание не только на качество письменного учебного перевода, но и учитываются уровень и результаты практического обучения иностранному языку. Здесь мы рассматриваем студентов-бакалавров, которые завершили изучение иностранного языка на втором курсе. На данном этапе обучения речь идет в большей степени о базовом уровне процесса формирования переводческой компетенции.

Так как переводческая компетенция является неотъемлемой частью иноязычной профессиональной компетенции, то для дальнейшего рассмотрения вопроса необходимо дать определение понятию переводческая компетенция. Обзор соответствующей научной литературы продемонстрировал многообразие подходов к этому вопросу. Так, в современных зарубежных и отечественных иссле-

дованиях переводческую компетенцию часто характеризуют с точки зрения составляющих компетенций (В.Н. Комиссаров [10]), как совокупность знаний, умений и навыков (Л.К. Латышев [13]), или как модель с набором компонентов, которые формируют общие и предметные компетенции для решения профессиональных задач переводчика (М.В. Вербицкая, М.Ю. Соловов [5]; R.T. Bell [20]; S.P. Campbell [21]; В.Б. Кириллов [9]; Е.В. Воевода [9]; А.Т. Beeby [22]; D.M. Ensinger [22]). О необходимости многокомпонентного подхода говорит и Д.Н. Шлепнев, уделяя особое внимание требованиям к переводчику, которые, тем не менее, у автора превращаются в традиционные знания: «знания стандартных требований, стандартных решений, традиций переводческих норм» и умения: «умение производить переводческий анализ», «умение эффективно искать информацию» [19]. Учитывая тот факт, что перевод – это когнитивный процесс, многие ученые связывают модель переводческих компетенций «со структурой вторичной языковой личности». Если рассматривать переводческую компетенцию с этой позиции, то можно обратиться к работе М.Е. Коровкиной, А.Л. Семенова, В.И. Ершова [11]. По мнению авторов, модель переводческих компетенций представляет собой корреляцию «вербально-семантического, языкового и концептуального тезаурусов, с определенным набором компетенций» [Там же]. Таким образом, вслед за Ю.П. Котляровой, мы в данной работе исходим из того, что переводческая компетенция – это совокупность знаний, навыков и умений и способность применять их в переводческой деятельности [12].

Следовательно, формирование переводческой компетенции требует дополнительные средства, а также способы контроля качества в процессе профессиональной подготовки студентов-международников. Для этого мы и используем дополнительный курс «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», составляющий профессиональный уровень формирования переводческой компетенции. В процессе обучения письменному переводу в рамках этой программы студенты выполняют задания, которые ориентированы на достижение наилучших результатов в освоении переводческого процесса.

Таким образом, в связи с переходом на новые федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения в высшем профессиональном образовании требуются навыки перевода не только в программах по иностранному языку по основным образовательным программам, но и в программах, используемых в системе дополнительного образования. В системе дополнительного образования все больше усиливается мотивационная составляющая, поскольку помимо основной профессии студент имеет возможность параллельно получить профессию переводчика как дополнительную квалификацию.

Следует отметить, что в последние годы у студентов во многих вузах отмечается повышенный интерес к получению дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». В частности, эта программа успешно реализуется в Институте филологии и межкультурной коммуникации в Волгоградском государственном университете. Студенты и выпускники нашего университета (90%) составляют основной контингент обучающихся по этой программе. Принимая во внимание реализацию данной программы, нами была предложена поэтапная модель формирования переводческой компетенции у студентов направления подготовки «Международные отношения», которая включает в себя два уровня:

1) базовый уровень обучения переводу учебных текстов по основным образовательным программам;

2) профессиональный уровень – обучение переводу профессионально ориентированных текстов в рамках реализации программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Педагогический опыт обучения студентов-международников иностранному языку позволяет описать особенности обучения переводу по представленной модели. Мы полагаем, что базис формирования переводческой компетенции закладывается на первом уровне обучения. На данном этапе обучения переводу студентам предлагаются типовые задания по переводу учебных текстов, направленных на расширение лексического запаса студентов, раз-

витие умений пользоваться различными видами словарей и справочной литературой. Примером таких упражнений могут быть следующие задания: заполнить пропуски в тексте, выбрать подходящее слово из предложенных вариантов, образовать необходимую форму слова. Кроме того, большое количество заданий рассчитаны на выполнение самостоятельной работы с целью закрепления полученных знаний и навыков.

Как показывает опыт, при регулярной отработке первичных навыков и умений перевода учебных текстов студент будет лучше подготовлен для профессионального уровня обучения по дополнительной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», о чем говорят результаты вступительного теста.

На профессиональном уровне обучения переводу для формирования умений решать более сложные задачи студенты учатся подбирать переводческие соответствия и эквиваленты с использованием различных информационных технологий (например, различные сайты, словари, машинные переводчики).

Таким образом, программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» помогает студентам (в частности, студентам направления подготовки «Международные отношения») расширить свою профессиональную компетенцию и получить дополнительную квалификацию, позволяющую сочетать специальные знания и переводческие навыки в профессиональной сфере.

Итак, представленная нами модель формирования переводческой компетенции включает в себя два основных уровня, базовый и профессиональный (Таблица 1):

Таблица 1.

Уровни формирования переводческой компетенции

1. Базовый уровень	Знания: общей деловой лексики иностранного языка в объеме, необходимом для общения, чтения и перевода иноязычных текстов Умения: выполнять различные преобразования на уровне лексики, грамматики и синтаксиса Навыки: выполнять письменный перевод учебных академических текстов с иностранного языка на родной язык; прогнозировать результаты перевода
--------------------	---

2. Профессиональный уровень	Знания: обнаруживать максимально глубокое знание иностранных профессиональных терминов, понятий, категорий и концепций; знание основных способов и приёмов перевода, необходимых для перевода письменных текстов с иностранного языка на родной язык Умения: выполнять письменный перевод текста профессиональной направленности; применять переводческие трансформации в письменной речи; устанавливать содержательные межпредметные связи; пользоваться двуязычными словарями и справочниками Навыки: редактировать и исправлять переведенный текст с иностранного языка на родной язык
-----------------------------	--

Заключение

Таким образом, во-первых, были рассмотрены особенности формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения», на уровне знаний, умений и навыков, определяемых как готовность к профессиональной коммуникации как на родном, так и на иностранном языке.

Во-вторых, были проанализированы основные современные требования к подготовке будущих специалистов в области международных отношений на уровне ФГОС, которые нашли отражение в виде универсальных (УК-4) и общепрофессиональных (ОПК-1) компетенций. Кроме того, были рассмотрены требования современного рынка труда, определяющие основные функции для выполнения различных видов профессиональной деятельности.

В-третьих, была проведена оценка переводческой компетенции студентов-бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения», которая позволяет говорить о необходимости применения двухуровневой модели формирования переводческой компетенции в процессе обучения их иностранному языку.

Представленная нами модель обучения переводу на базовом уровне по основной программе и профессиональном уровне по дополнительной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» дает возможность осуществлять последовательное и взаимосвязанное обучение и позволяет повысить степень сформированности у студентов речевых и профессиональных умений и

навыков и профессионально значимых компетенций, необходимых для работы в международной среде.

Следовательно, данная модель является весьма актуальной на современном этапе экономического развития и может получить широкое применение в образовательном процессе.

Список литературы

1. Аитов В.Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов: на примере неязыковых факультетов педагогических вузов: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2007. 48 с.
2. Алмазова Н.И., Мушенко Е.В. Междисциплинарная интеграция как основа формирования готовности аспирантов медицинских вузов к коммуникации в профессиональной среде // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. Т. 9, № 34. С. 8-23.
3. Балыхина Т.М. Содержание и структура профессиональной компетенции филолога: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000. 474 с.
4. Божко Ю.И. Модель формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции обучающихся на судоводительских факультетах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. № 28 (240). С. 130-137.
5. Вербицкая М.В., Соловов М.Ю. Компоненты и уровни переводческой компетенции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 9-18.
6. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1977. № 6. С. 35-42.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании: авторская версия. URL: https://do-portal.ksla.kg/wp-content/uploads/2018/09/Kluchevye_kompetent.pdf (дата обращения: 02.06.2022).
8. Красильникова Е.В. Иноязычная коммуникативная компетенция в исследованиях отечественных и зарубежных ученых. URL:

- http://vestnik.yspu.org/releases/2009_1g/41.pdf (дата обращения: 02.06.2022).
9. Кириллов В.Б., Воевода Е.В. Профессиональная подготовка студентов-международников // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 116-121.
 10. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. 424 с.
 11. Коровкина М.Е., Семенов А.Л., Ершов В.И. Компетентностный подход к переводу специальных текстов // Филологические науки в МГИМО. 2020. №22(2). С. 69-75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-69-75>
 12. Котлярова Ю.П. Переводческая компетенция как многоаспектное теоретическое понятие // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13. № 3. С. 55-59.
 13. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М., 2001. 159 с.
 14. Липатова Е.Г. Формирование профессиональной коммуникативной культуры будущего врача в рамках компетентностного подхода // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. Т. 9. № 32. С. 47-58.
 15. Максютина О.В. Педагогическая оценка переводческой компетенции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. №. 10(88). С. 45-48.
 16. Основная образовательная программа высшего образования по направлению подготовки (специальности) 41.03.05 Международные отношения. URL: https://www.spbstu.ru/edu/plans/41.03.05_03/oor_41.03.05_03.pdf?t=1622740091 (дата обращения: 04.06.2022).
 17. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.05 Международные отношения 3+-. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS_VO3++/Bak/410305_B_3_06012018.pdf (дата обращения: 04.06.2022).
 18. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 56-62.

19. Шлепнев Д.Н. Переводческие компетенции и как о них с пользою говорить со студентами // Перспективы науки и образования. Электронный научный журнал. 2017. № 3(27). URL: https://pnojournal.files.wordpress.com/2017/04/pdf_170305.pdf (дата обращения: 05.06.2022).
20. Bell R.T. Translation and Translating. L., 1991, 162 p. URL: <https://www.academia.edu/26704379/> (дата обращения: 05.06.2022).
21. Campbell S.P. Translation into the Second Language. L.; N.Y., 1998, 208 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327810379> (дата обращения: 05.06.2022).
22. Beeby A.T., Ensinger D.M. PACTE Acquiring Translation Competence: Hypotheses and Methodological Problems in a Research Project // Investigating translation. Amsterdam: John Benjamins, 2000, pp. 99-106. URL: <https://www.academia.edu/79049636/> (дата обращения: 05.06.2022).

References

1. Aitov V.F. *Problemno-proektnyy podkhod k formirovaniyu inoyazychnoy professional'noy kompetentnosti studentov: na primere neyazykovykh fakul'tetov pedagogicheskikh vuzov* [Problem and project approach to forming professional competence of students: in case of non-language faculties of Teachers' Training Institutes]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2007, 48 p.
2. Almazova N.I., Mushenko E.V. Mezhdistsiplinarnaya integratsiya kak osnova formirovaniya gotovnosti aspirantov meditsinskikh vuzov k kommunikatsii v professional'noy srede [Interdisciplinary integration as a basis for forming readiness of postgraduate medical students for professional communication]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* [Issues of Teaching Methods in Higher Educational Institutions]. 2020, vol. 9, no. 34, pp. 8-23.
3. Balykhina T.M. *Soderzhanie i struktura professional'noy kompetentsii filologa* [Content and structure of philologist professional competence]. PhD dissertation. Moscow, 2000, 474 p.
4. Bozhko Yu.I. Model' formirovaniya inoyazychnoy professional'no-kommunikativnoy kompetentsii obuchayushchikhsya na sudovoditel'skikh

- fakul'tetakh [Model of forming professional-communicative competence of students in ship navigation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the Belgorod State University. Humanities], 2016, no. 28 (240), pp. 130-137.
5. Verbitskaya M.V., Solovov M.Yu. Komponenty i urovni perevodcheskoy kompetentsii [Competences and levels of translation competence]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow State University. Linguistics and Intercultural Communication], 2010, no. 4, pp. 9-18.
 6. Vyatutnev M.N. Kommunikativnaya napravlennost' obucheniya russkomu yazyku v zarubezhnykh shkolakh [Communicative program of teaching Russian]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 1977, no. 6, pp. 35-42.
 7. Zimnyaya I.A. *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii: avtorskaya versiya* [Core competences as a result-oriented basis for competitive approach in education: the author's version]. URL: https://do-portal.ksla.kg/wp-content/uploads/2018/09/Klyuchevye_kompetent.pdf (accessed June 02, 2022).
 8. Krasil'nikova E.V. *Inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya v issledovaniyakh otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Foreign language communicative competence in the studies of domestic and foreign scientists]. URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_1g/41.pdf (accessed June 02, 2022).
 9. Kirillov V.B.; Voevoda E.V. Professional'naya podgotovka studentov-mezhdunarodnikov [Professional training of students in International Relations]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2016, no. 4, pp. 116-121.
 10. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation theory]. Moscow, 2001, 424 p.
 11. Korovkina M.E., Semenov A.L., Ershov V.I. Kompetentnostnyy podkhod k perevodu spetsial'nykh tekстов [Competence approach to translating special texts]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences

- in MGIMO], 2020, no. 22(2), pp. 69-75. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-2-22-69-75>
12. Kotlyarova Yu.P. Perevodcheskaya kompetentsiya kak mnogoaspektonoe teoreticheskoe ponyatie [Pedagogical competence as a multifaceted theoretical concept]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of KGU named after N.A. Nekrasov. Pedagogy. Psychology. Social work. Youth Studies. Sociokinetics], 2007, vol. 13, no 3, pp. 55-59.
13. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda: Ucheb. posobie po podgotovke perevodchikov (s nem. yaz.)* [Translation techniques. Manual for teaching translators (German language)]. Moscow, 2001, 159 p.
14. Lipatova E.G. Formirovanie professional'noy kommunikativnoy kul'tury budushchego vracha v ramkakh kompetentnostnogo podkhoda [Developing professional communicative culture of a future doctor within competence approach]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* [Issues of Teaching in Higher Educational Institutions]. 2020, vol. 9, no. 32, pp. 47-58.
15. Maksyutina O.V. Pedagogicheskaya otsenka perevodcheskoy kompetentsii [Pedagogical evolution of translation competence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2009, no. 10 (88), pp. 45-48.
16. *Osnovnaya obrazovatel'naya programma vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki (spetsial'nosti) 41.03.05 Mezhdunarodnye otnosheniya [Elektronnyy resurs]* [Educational program of higher education in 41.03.05 International relations training]. URL: https://www.spbstu.ru/edu/plans/41.03.05_03/oop_41.03.05_03.pdf?t=1622740091 (accessed June 04, 2022).
17. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 41.03.05 Mezhdunarodnye otnosheniya 3++* [The state educational standard of higher education – bachelor in 41.03.05 International relations training]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOSVO3++/Bak/410305_B_3_06012018.pdf (accessed June 04, 2022).
18. Khutorskoy A.V. Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannoy paradigmy obrazovaniya [Core competences as

- component of student-centered approach to education]. *Narodnoe obrazovanie* [Popular Education], 2003, no. 2, pp. 56-62.
19. Shlepnev D.N. Perevodcheskie kompetentsii i kak o nikh s pol'zoyu govorit' so studentami [Translation competences and how to talk to students about them]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Perspectives of Science and Education. Electronic Scientific Journal], 2017, no. 3(27). URL: https://pnojurnal.files.wordpress.com/2017/04/pdf_170305.pdf (accessed June 05, 2022).
20. Bell R.T. Translation and Translating. L., 1991. 162 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327810379> (accessed June 05, 2022).
21. Campbell S.P. Translation into the Second Language. L.; N.Y., 1998. 208 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/327810379> (accessed June 05, 2022).
22. Beeby A.T., Ensinger D.M. PACTE Acquiring Translation Competence: Hypotheses and Methodological Problems in a Research Project. *Investigating translation*. Amsterdam: John Benjamins, 2000, pp. 99-106. URL: <https://www.academia.edu/79049636/> (accessed June 05, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ладонина Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
e.ladonina@volsu.ru

Сытина Надежда Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
n.sytina@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Ladonina, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation
e.ladonina@volsu.ru
SPIN-code: 7927-8926
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3369-3806>
Researcher ID: Y-2896-2018

Nadezhda A. Sytina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation
n.sytina@volsu.ru
SPIN-code: 8945-2414
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>
Researcher ID: Y-2887-2018

Поступила 03.10.2022
После рецензирования 27.10.2022
Принята 02.11.2022

Received 03.10.2022
Revised 27.10.2022
Accepted 02.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-346-356

УДК 811.411.21' 243

ПОВЫШЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Л.И. Озтюрк, Э.Ф. Файзуллина

Обоснование – поиск ответа на волнующий сегодня многих вопрос, возможно ли языковыми средствами в насыщенном угрозами различного характера коммуникативном пространстве современности обеспечить безопасность отдельного человека и государства в целом.

Цель исследования – доказать, что повышение уровня культуры речи как чрезвычайно актуальной области знаний и сферы практических компетенций в условиях новых вызовов современности должно стать предметом более пристального внимания не только специалистов, но и самих носителей русского языка, поскольку речь конкретного человека сегодня является одной из составляющих общенационального благополучия.

Материалы и методы. Материалом послужили труды по культуре речи, ортологии и коммуникативистике, законодательные акты, а также различные языковые факты, присущие современному дискурсу. Анализ осуществлялся посредством описательного, стилистического, статистического и контекстуального методов, при исследовании фактического материала применялись методы наблюдения и опроса.

Результаты. Результаты исследования показали, что повышение культуры речи носителей современного русского языка не может быть самоцелью, а подход к решению этой задачи формализованным и не симметричным новой реальности. В сложившихся условиях, когда коммуникативная деятельность все труднее подчиняется регламентации, особым жизнеспасающим средством

является речевая культура человека, зачастую в прямом смысле слова обеспечивающая его физическое выживание.

Область применения результатов. Результаты могут найти применение при составлении программ по курсу «Русский язык и культура речи», а также стать полезными для преподавателей, осуществляющих в высших учебных заведениях обучение по данному циклу дисциплин.

Ключевые слова: современный русский язык; культура речи; коммуникативная компетентность; речевое поведение; эффективность коммуникации

NATIVE RUSSIAN SPEAKERS' SPEECH CULTURE DEVELOPMENT AS A RESPONSE TO MODERN CHALLENGES

L.I. Oztyurk, E.F. Fayzullina

Rationale is the search for an answer to the question that concerns many today, whether it is possible to ensure the security of the individual and the state as a whole by means of language in a communicative space filled with threats of a different nature.

The aim of the study is to prove that raising of speech culture level as an extremely relevant field of knowledge and a sphere of practical competences in the face of new challenges of modernity should become the subject of closer comprehension not only of specialists but also of the native speakers of the Russian language, since the contemporary speech is one of the components of national well-being.

Materials and methods. The data used are works on the culture of speech, orthology, and communicativism, legislative acts, as well as various linguistic factual materials inherent in modern discourse. The analysis was carried out by means of descriptive, stylistic, statistical, and contextual methods; the study of the factual material was carried out by means of observation and questioning.

Results. The results of the study showed that improving the speech culture of modern Russian speakers cannot an aim, and the approach to

solving this problem is formalized and not aligned with the new reality. In the current conditions, when communicative activity becomes difficult to regulate, a special life-saving means is the speech culture of a person, often in the literal sense of the word, ensuring his or her physical survival.

Results application. *The results might be applied in the course “Russian Language and Speech Culture” as well as might be useful for the teachers who teach this cycle of disciplines in institutions of higher education.*

Keywords: *modern Russian; speech culture; communicative competence; speech behavior; communication efficiency*

Введение

Цель, которую ставили перед собой авторы предлагаемой статьи, заключается в попытке доказать, что, несмотря на сложившуюся в настоящее время довольно устойчивую систему воззрений относительно необходимости повышения речевой культуры и языковой компетентности, разработанность основных нормативных требований к коммуникативному поведению в профессиональной сфере, наличие конкретных рекомендаций к тому, как достичь успеха в межличностном общении, речь, являющаяся главным инструментом удовлетворения одной из базовых потребностей личности – коммуникации, должна стать предметом более пристального внимания не только специалистов, но и самих носителей языка, осознавших необходимость ее совершенствования.

Актуальность исследования в данном направлении обосновывается тем, что в свете происходящих сегодня в мире событий, обуславливающих восприятие русского языка в качестве не только элемента национальной идентичности, но и русскости в целом, влияние на современный дискурс именно внеязыковых тенденций оказывается чрезвычайно активным.

Материалы и методы

Теоретическим материалом к проведенному исследованию послужили труды по культуре речи и стилистике современного русского языка, статьи, посвященные ортологии и коммуникативистике,

словари и официальные документы, в том числе законодательные акты, а практическим – различные языковые факты, присущие современному дискурсу. При подготовке статьи применялись описательный, стилистический, статистический и контекстуальный методы, позволившие сформулировать основные выводы, сбор фактического материала осуществлялся методом наблюдения и опроса.

Результаты и обсуждение

Как известно, речевое пространство имеет сложную внутреннюю организацию, формируемую взаимодействием и влиянием различных по характеру факторов, которые на основании природы их происхождения принято делить на собственно языковые и выходящие в экстралингвистическую плоскость.

К числу подтверждающих вышесказанное примеров можно отнести ставшую поводом для дискуссий ситуацию относительно попыток унификации орфографического облика конкурирующих вариантов *крымско-татарский* и *крымскотатарский*: несмотря на утверждаемую русистами-ортологами необходимость следовать дефисному написанию подобных единиц, основанному на формально-грамматическом принципе, в речевой практике распространен политически мотивированный слитный вариант, по мнению самих крымских татар, наиболее убедительно подтверждающий их национальную идентичность [2].

Безусловно, расхождения с традицией отмечались на всех этапах развития русского языка, однако в настоящее время вербальная свобода, под усиленным влиянием СМИ зачастую достигающая масштабов вседозволенности, обнаруживается в том, что те или иные факты, признанные литературными стандартами, в узусе стали приобретать новые качества, порой трактуемые пуристически настроенными специалистами как тревожные сигналы его порчи. И эти опасения небезосновательны. Действительно, если прежде взаимоотношения книжной речи и разговорной цензурой устанавливались как оппозиционные, то сейчас это противопоставление не так категорично. Кроме того, «угасание» книжности и нарочитая

разговорность в некоторых коммуникативных ситуациях (например, в рекламе, в сетевом общении) является непременным условием их эффективности.

Так, общение в интернете, рассчитанное на мгновенное взаимопонимание между коммуникантами, часто анонимными, и их быструю ответную реакцию, обусловливается стремлением реализовать коммуникативную интенцию «понятнее, проще», с минимальным вложением интеллектуально-речевых усилий, а «высокой действенностью, возможностью быстро и “эффективно” донести нужную информацию на “понятном всем языке”» [6, с. 131] объясняется использование прежде табуированной в публичном дискурсе ненормативной лексики. Следствием этого является отсутствие вербальной самодисциплины носителей языка, их коммуникативная безответственность, неумение или нежелание корректировать свое речевое поведение, адекватно воспринимать и интерпретировать речевое поведение окружающих. А между тем сегодня, когда в речи наших современников, особенно молодых, нападки на русский литературный язык (тиражирование сквернословия, чрезмерная жаргонизация, стирание границ между инвективной и нормативной лексикой и пр.) стали настолько частыми, что его исчезновение с лингвистической карты мира видится вполне реальным, наоборот, необходимо находить средства для лучшего взаимопонимания с носителями любых «риторических культур» [3, с. 2] и высоким уровнем речевой культуры дать адекватный, основанный на уважении к человеку и заботе о нем ответ на новые вызовы современности.

В сложившейся ситуации не только филологов, но и представителей широкой общественности не может не обнадеживать факт того, что формирование прочной языковой основы образованности каждого гражданина России – одно из приоритетных направлений государственной политики. В частности, законодательными документами, регламентирующими сферу отечественного образования, устанавливается нацеленность на воспитание «не только грамотно-го, но и культурного члена социума, который бережно относится к историческому наследию, природным богатствам и общественным

ценностям» [8], а в федеральных стандартах способность «осуществлять межкультурное и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах» [7] позиционируется как одна из существенно значимых компетенций.

Первый и базовый показатель речевой культуры – это владение нормами русского литературного языка. В обучающих им пособиях сегодня дефицита не наблюдается, а по своему характеру и набору тематических направлений они так многообразны, что, казалось бы, вопрос методического обеспечения для этого сегмента знаний можно считать решенным. Однако недостаточно лишь иметь представление о языковых нормах и владеть ими, необходимо, с одной стороны, осознавать их динамическую природу и адаптивность к изменяющимся реалиям, с другой – не допускать неоправданной вольности при трактовании нормы. Требуется понимать и специфику того или иного языкового социума, учитывать особенности общего контекста и частного коммуникативного акта, знать механизмы порождения и восприятия речи, владеть различными приемами и инструментами, применение которых обеспечивает эффективность общения. Следует отметить, что уровень речевой культуры и сформированности коммуникативных компетенций обучающихся не застывшая величина, и его повышение в немалой мере зависит от профессиональной речевой подготовки преподавателя. К сожалению, анализ показывает, что последние не всегда могут быть ориентиром и образчиком, поскольку допускаемые ими нарушения норм русского литературного языка не редки, содержатся они как в устных, так и в письменных текстах. К числу наиболее частых можно отнести следующие ошибки: в произношении и ударении: *т[э]рмин, облЕгчить*; связанные с использованием разговорного варианта: *договорА, «чо», «нету», «щас»*, слов-сорняков: *так сказать, как бы, думаю то, что*, а также стилистически сниженной или ограниченной в употреблении лексики: *коннектиться* (вместо «общаться»), *цимес* (в значении «самая суть»), *рандомно* (спонтанно); грамматические: *согласно приказа*, орфографические: *необходимо иметь ввиду* и т.д. Безусловно, подобная языковая распушенность

имеет скорее эпизодический характер и во многих случаях наблюдается в устной неподготовленной речи, однако сам факт обнаруживает наличие серьезной проблемы, нерешенность которой может привести к довольно печальным последствиям.

В аспекте обозначенной нами проблемы считаем необходимым указать на еще одно требующее внимания обстоятельство – сложность и многомерность самой коммуникации. Дело в том, что модель «эталонного» речевого поведения исторически изменчива и социально обусловлена, и единой, не поддающейся истиранию временем формулы, не существует. Более того, использование тех или иных речевых средств во многом определяется видом и методом общения, с которыми приходится иметь дело в каждом конкретном случае. При этом на фоне участвовавших утверждений об угасании духовности настороженность вызывают ситуации, когда мы слышим, что культура общения – это анахронизм, что мир ждет другая реальность, неведомая, многомерная, где нынешние стандарты эффективной коммуникации перестанут работать, а сфера человеческих взаимоотношений будет строиться по совершенно иному сценарию, в котором начнет превалировать жесткость, умение постоять за себя, способность дать отпор. В этой связи может показаться, что цикл дисциплин, объектом которых является культура речи как условие эффективного общения, становится умозрительным, абстрактным, не готовящим к будущей непростой действительности.

Но при всей изменчивости мира, его конфликтности и уязвимости перед внешними угрозами незыблемыми регуляторами человеческих взаимоотношений по-прежнему считаются нормы общежития, в которых выражены наши представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, правильности или неправильности совершаемых людьми поступков. В этой связи очевидна необходимость сделать акцент на изучение фундаментальных категорий, прежде всего связанных с фактом совместного сосуществования людей. Действительно, природа человека социальна, следовательно, лингвистически насыщена, поскольку любой социум – это необъятное пространство, где языковыми средствами решаются самые разные задачи, а

благополучие каждого человека зависит от сформированности у него навыков коммуникации. Еще Аристотель в своих научных изысканиях пришел к выводу о прямой корреляции между состоянием счастья и благополучия человека и наличием у него целого ряда качеств (добродетелей), демонстрирующих его отношение к другим людям, среди которых доброта, любезность, вежливость и т.д. [4, с. 4-8]. И хотя в действительности полным комплектом всех добродетелей могут обладать только идеальные люди, каковых на самом деле или очень мало, или нет вообще, стать счастливым хочет каждый, следовательно, каждый должен совершать правильные поступки и быть добродетельным. Именно это утверждение, по нашему мнению, может стать ключевой идеей в изучении цикла дисциплин, связанных с коммуникациями вообще и культурой речи в частности. В зависимости от того, как человек понимает нормы общественного бытия и относится к ним, какое содержание в них вкладывает, какие «добродетельные» поступки совершает, он может или облегчить себе коммуникацию и, в целом, достичь состояния счастья, или, наоборот, сделать свою жизнь затруднительной, в которой плодотворная профессиональная деятельность и успехи в личной сфере фактически невозможны. Сказанное логично подводит к выводу о том, что культура речи на всех этапах цивилизационного развития является фундаментом коммуникативного благополучия как отдельного человека, так и общества в целом. Потому кажущаяся оторванной от реальной жизни теория должна стать ценным практическим руководством к выживанию в непростых условиях современного мира.

Заключение

Разумеется, говорить о том, что единственным адекватным ответом на вызовы современности могут быть меры исключительно гуманитарного содержания, пока преждевременно. При этом изменения в языке и в самой фактуре речи очевидны. Так, книжность уступает место разговорности, по мнению некоторых, порой не выдерживая с ней конкуренции в этом насыщенном коммуникационными потоками мире, а нормы языка, традиционно извлекавшиеся из художествен-

ной литературы, словарей и справочников, теперь диктуются иными авторитетами, в частности интернетом. Общение между людьми все интенсивнее порождает новые способы воплощения, с точки зрения ортодоксов зачастую сомнительные и даже пугающие. И хотя речевая практика – одна из трудно поддающихся регуляции областей жизнедеятельности общества, оптимизм вселяет то, что внешние вызовы всегда определяли и определяют потребность общества в разработке новых или трансформации прежних ресурсов языка, позволяющих справляться с актуальными на текущий момент проблемами, а человеку с высоким уровнем культуры речи и сформированной речевой компетенцией, как нам видится, они не несут особой опасности.

Список литературы

1. Гойхман О.Я. Коммуникативистика как новая область знания: (по вузам России, в которых решают проблемы коммуникативистики) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7. № 5. С. 5-8.
2. Иванова О.Е. Об основаниях орфографической кодификации прилагательного крымско-татарский // Социолингвистика. 2020. № 2(2), С. 138-149. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-138-149>
3. Носкова Л.Г. Формирование системы профессиональной речевой подготовки сотрудников органов внутренних дел: Автореферат дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2016. 54 с.
4. Озтюрк Л.И. Этика и культура делового общения. Казань: Познание, 2010. 168 с.
5. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
6. Файзуллина Э.Ф. Речевая компетентность как основа коммуникативной культуры сотрудников ОВД. // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика. Сборник статей. Под общей редакцией Л.А. Мардиевой, Т.Ю. Щуклиной. Казань, 2019. С. 130-134.
7. ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата языкознание и литературоведение. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/95> (дата обращения: 19.10.2022).

8. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 19.10.2022).

References

1. Gojhman O.Ya. Kommunikativistika kak novaya oblast' znaniya: (po vuzam Rossii, v kotoryh reshayut problemy kommunikativistiki) [Communication studies as a new area of knowledge: (according to the data on the universities of Russia, in which the problems of communication studies are solved)]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2018, vol. 7(5), pp. 5-8.
2. Ivanova O.E. Ob osnovaniyah orfograficheskoy kodifikatsii prilagatel'nogo krymsko-tatarskij [On the bases of orthographic codification of the adjective Crimean Tatar]. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics], 2020, no. 2(2), pp. 138-149. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-138-149>
3. Noskova L.G. *Formirovanie sistemy professional'noj rechevoj podgotovki sotrudnikov organov vnutrennih del*. Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2016, 54 p.
4. Ozyurk L.I. *Etika i kul'tura delovogo obshcheniya* [Ethics and culture of business communication]. Kazan': Poznanie Publ., 2010, 168 p.
5. *Sovremennyy russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX-XXI centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, 712 p.
6. Fajzullina E.F. Rehevaya kompetentnost' kak osnova kommunikativnoj kul'tu-ry sotrudnikov OVD [Speech competence as the basis of the communicative culture of police officers]. *Yazyk v nacional'no-kul'turnom rakurse: teoriya i praktika* [Language in the National and Cultural Perspective: Theory and Practice]. Kazan', 2019, pp. 130-134.
7. *FGOS VO (3++) po napravleniyam bakalavriata yazykoznanie i literaturovedenie* [FSES HE (3++) in linguistics and literary criticism as part of bachelor's degree program]. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/95> (accessed October 19, 2022).

8. *Federal'nyj zakon ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii* [Federal Law on Education in the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed October 19, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Озтюрк Ли́ра Ильгизаровна, доцент кафедры русского языка и языкознания, кандидат филологических наук
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
ул. Московская, 42, г. Казань, 420111, Российская Федерация.
liraoz@mail.ru

Файзуллина Эльмира Фоатовна, доцент кафедры языковедения и иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент
Казанский юридический институт МВД России
ул.Магистральная, 35, г. Казань, 420108, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lira I. Ozturk, Associate Professor of Department of Russian Language and Linguistics, Candidate of Philology (Research doctorate)
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
42, Moskovskaya Str., Kazan, 420111, Russian Federation
liraoz@mail.ru
SPIN-code: 7229-4365
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-4099>

Elmira F. Fayzullina, Associate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph.D.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
35, Magistralnaya Str., Kazan, 420108, Russian Federation
efkf@mail.ru
SPIN-code: 9130-8950
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8208-0977>

Поступила 27.10.2022

После рецензирования 08.11.2022

Принята 14.11.2022

Received 27.10.2022

Revised 08.11.2022

Accepted 14.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-357-371

УДК 811.111.373

**ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИТИВНОСТИ
(АСПЕКТ: СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ /
CREATION – DESTRUCTION)**

Л.Б. Здановская

Цель. Статья посвящена интегрированной характеристике концептуальной оппозитивности в аспекте рассмотрения парадигмы противопоставления Созидание – Разрушение / Creation – Destruction в медийно-политическом дискурсе.

Цель исследования – обосновать специфику реализации концептуальной оппозитивности в рамках представленной дихотомии в русском и англо-американском языковых пространствах.

Научная новизна исследования заключается в предложенной автором дихотомической модели Созидание – Разрушение / Creation – Destruction, сопоставленной с классической диадой Свои – Чужие / “Us – Them”.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили фрагменты выступлений высшего руководства Российской Федерации, аналитические комментарии и публикации представителей российского и зарубежного медийного интернет-пространства, высказывания экспертов политических программ на телевизионных каналах «Первый канал», «Россия-1» в 2022 г. При написании статьи применялись следующие методы: концептуальный анализ, предпринятый на основе сравнительно-сопоставительной характеристики номинантов исследуемых концептов, контекстуальный анализ, включающий лексико-семантический анализ определений, закреплённых в русских и английских лексикографических источниках.

Результаты. В ходе исследования была выявлена структурированная организация концептуальной оппозитивности, представлены

уровни реализации оппозитивности, составлена признаковая классификация субъектов оппозиции Созидание – Разрушение / Creation – Destruction. Анализ концептуальной оппозитивности концептов, исследуемых на основе дихотомии Созидание – Разрушение / Creation – Destruction, по мнению автора, позволяет заключить о ее семантическом сходстве с дихотомией Свои – Чужие / Us – Them.

Ключевые слова: история философии; оппозитивность; оппозитивный концепт; дихотомия; уровни оппозитивности; субъект оппозиции; эксплицитность; имплицитность

GENERAL REGULARITIES OF LINGUO-COGNITIVE REPRESENTATION OF CONCEPTUAL OPPOSITION (ASPECT: CREATION- DESTRUCTION)

L.B. Zdanovskaya

The article is devoted to the integrated characteristic of the conceptual opposition presented on the basis of the analysis of oppositional concepts in the consideration aspect of the opposition paradigm Creation – Destruction in the political and media discourse. The purpose of the study is to substantiate the implementation specifics of conceptual opposition within the framework of the presented dichotomy in the Russian and Anglo-American language spaces. The scientific novelty of the study lies in the author's proposed dichotomous model Creation – Destruction compared with the classical dyad “Us – Them”.

Materials and methods. *The materials of the study were fragments of speeches by the top leadership of the Russian Federation, analytical comments and publications by representatives of the Russian and foreign media Internet space, statements by experts of the political programs on Channel One and Russia-1 TV channels in 2022. When writing the article, the following methods were used: conceptual analysis, undertaken on the basis of comparative characteristics of the nominees of the concepts under study, contextual analysis, including lexico-semantic analysis of definitions fixed in Russian and English lexicographic sources.*

Results. *A structured organization of conceptual opposition was revealed, the levels of realization of opposition were presented, as well as the distinctive-feature classification of opposition subjects Creation – Destruction on the example of the model Us – Them. According to the author the analysis of the conceptual opposition of the concepts studied on the basis of the dichotomy Creation – Destruction makes it possible to conclude its semantic similarity with the dichotomy Us – Them.*

Keywords: *history of philosophy; opposition; oppositive concept; dichotomy; opposition levels; subject of opposition; explicitness; implicitness*

Введение

Возникновение, становление и усиление тенденций оппозитивно развивающихся процессов в мировом политическом, политико-экономическом пространстве обусловлены стремлением преодоления взаимного сопротивления противоборствующими сторонами, борющимися за закрепление исключительных, доминирующих позиций, гарантирующих конечный позитивный результат – реализацию витально-сущностного инстинкта самосохранения.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили труды руководителей российского государства, мнения участников политических ток-шоу центральных федеральных каналов, отечественные и зарубежные интернет-публикации, дефиниции русских и английских академических словарей. Выявленные в ходе исследования признаковые характеристики субъектов дихотомии Созидание – Разрушение / Creation – Destruction подвергнуты лексико-семантическому, структурному и лингвокогнитивному анализу.

Особая роль в изучении факторов зарождения противоречий и их влияния на закономерность поступательного развития человеческого общества в целом по праву принадлежит истории философии, открывшей большинству наук понимание и функционирование диалектических противоречий. Оппозитивная природа термина в

лингвистическом представлении раскрывается в греческом определении лексемы *dialektiké* – *искусство вести беседу, искусство спора* [7, с. 336]. Для понимания сущностных причин возникновения и определения природы оппозитивности следует обратиться к содержанию первого закона диалектики, подтверждающего объективный, исключаящий и взаимодополняющий характер противоречий, обуславливающих непрерывность развития. Рассматривая концептуальную оппозитивность с позиции близкой нам когнитивной лингвистики, следует отметить, с одной стороны, сходство с философским диалектическим обоснованием неизменной поступательности указанного процесса, обозначаемого как континуальность, и, с другой стороны, указать на специфичность объективации противопоставлений, соотносимых в каждом отдельном случае с категорией дискретности.

Результаты исследования

Данные, полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа словарных дефиниций репрезентантов оппозитивных концептов, подвергнутых анализу на основе модели противопоставления Созидание – Разрушение / Creation – Destruction, позволили заключить о ее семантическом сходстве с дихотомией Свои – Чужие / Us – Them.

Обсуждение

Наиболее ярко, с нашей точки зрения, явление оппозитивности, предусматривающее контрастное противопоставление позиций конкурирующих сторон, представлено в политическом и интересующем нас медийно-политическом дискурсе. Рассматриваемое направление занимает обособленное место среди всех категорий дискурса, выделяясь, с одной стороны, особой идеологизированностью области объективации оппозитивно представленных суждений, с другой стороны, обозначая действующую противопоставленность реальности политической и реальности фактуальной. Указанная полярная реализация оппозитивности ограничивается в концепту-

альном плане рамками текстуальной представленности, раскрывая вербальную, «означиваемую» референтно-ситуативную область дискурса и продуцирование скрытых множественных смыслов, соотносимых, в свою очередь, с противопоставленными друг другу и взаимообусловленными категориями эксплицитности, имплицитности. Эксплицитно представленные и отображенные в форме медиатекстов реальные или прогнозируемые политические события, обращенные к конкретному адресату, активизируют вариативность имплицитно присутствующих интерпретационных характеристик высказываний. В случае с эксплицитной реализацией сообщения, которое фиксирует целостность, каноничность, узуальность изложения, сопряженных со знаковой лимитированностью вербального коммуникативного пространства, овнешнение имплицитных смыслов подтверждает их вариативную разрозненность, демонстрирует множественность их проявления, обусловленную в том числе ситуативным характером индивидуально-личностных комментариев. Таким образом, эксплицитно оформленные высказывания предполагают особую акцентированность на обязательном языковом воплощении смысла, передаваемого в процессе коммуникации. Неоформленное, знаково определяемое и модифицируемое в зависимости от контекста имплицитное содержание высказываний иллюстрирует факультативность означивания, актуализирует процесс концептуализации приращенных смыслов, расширяющих область интерпретационного пространства, в том числе обусловленных так называемыми экстралингвистическими факторами. Последние целесообразно учитывать при анализе ассоциативных признаков, транслируемых на имплицитном уровне.

Реализация концептуальной оппозитивности на эксплицитном или имплицитном уровнях сопряжена с обязательным присутствием актантов действия, инициирующих процесс, сводимый в конечном итоге к продуцированию полярно сопрягаемых контрастных смыслов. Адресная направленность реализуемой процессуальности предполагает векторный характер совершаемого действия от субъекта (актант действия) к объекту/ объектам противопоставле-

ния (фактические адресаты). Исторически обусловленная природа производимого субъектом действия в аспекте рассмотрения концептуальной оппозитивности позволяет предположить о закономерном конечном результате, включающем обязательную представленность антропоцентричности и прогнозируемой эмпиричности действия. Эмпирическая составляющая действия как следствие его завершенности отмечена актуализацией дихотомии Созидание – Разрушение / Creation – Destruction. Субъект оппозиции Creation демонстрирует двойственность реализации, позволяющей, с одной стороны, актуализировать независимый от сознания материальный характер действия, с другой стороны, выявить аксиологическую составляющую, отправляющую к ценностной сущности производимого действия.

В наших ранних публикациях, посвященных данному аспекту исследования, мы акцентируем внимание на особой природе совершаемых действий, реализованных в концептах созидания [2]. Вариативность и разноплановость изучения и описания концепта позволяют составить объективно полное научное представление о нем как о ключевой категории когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что значительно усложняет концептологические исследования. Признавая в качестве ведущей лингвокогнитивную природу концепта, мы не отрицаем значимости его языковой реализации, позволяющей исследовать содержание концепта, выявленные в нем на основе признаковых характеристик уровни концептуальной оппозитивности.

Относимые нами к концептам созидания единицы имплицитно подразумевают процесс, основанный на деятельностном подходе, который ориентирован на формирование принципиально нового смысла как результата завершенного целеполагания. Его актуализация возможна при условии применения человеком фактических умений или при наличии соответствующих представлений о достижении конечной цели совершаемого созидательного действия.

Пользуясь классификацией Ю.С. Степанова, мы выделяем 3 класса действий, отправляющих к их ценностной, созидательной сущности: 1) упорядочивающие действия; 2) обрабатывающие действия;

3) добывающие действия [10, с. 341]. Класс упорядочивающих действий объединяет анималистические по происхождению действия, совершаемые человеком (агенса), инициирующим и исполняющим действие. К классу обрабатывающих действий, формирующих своеобразную модель для остальных классов, относятся действия, составляющие «расчлененную» группу исполнителя действия – агенса. В класс добывающих, сформированный группой обрабатывающих действий, интегрированы действия, реализуемые на основе синтетической разновидности материала и действия-открытия.

Согласно данным русских и английских лексикографических источников, глаголы *созидать*, *create*, закрепляют значения, релевантные обозначению ценностного компонента реализуемых действий – *созидать*: *создавать, производить, творить* [8, с. 744; 5, с. 770]; *create*: *1 to make sth happen or exist (заставить что-л. произойти или возникнуть; 2 to produce a particular feeling or impression (производить определенное чувство или впечатление)* [17, р. 360]. Ключевые лексемы представленной дихотомии *Созидание / Creation*, являющиеся дериватами от указанных инфинитивов, отмечены в толковых словарях следующими дефинициями – *созидание*: *действие по глаголу созидать, творчество* [11, с. 760]; *creation*: *1. The act or process of making sth. That is new, or of causing sth. to exist that did not exist before (Действие или процесс создания чего-л. Это новое или служащее причиной возникновения того, что ранее не существовало). 2. A thing that sb. has made, especially sth. that shows ability or imagination (Вещь, которую кто-л. произвел, в особенности что-л. показывающее способность или воображение* [17, р. 360]. Глаголы *разрушить*, *destroy* представлены следующими значениями: *разрушить (разрушать)*: *1. Ломая уничтожить, превратить в развалины. 2. Нарушить, расстроить, уничтожить* [8, с. 654]; *destroy*: *1 to damage sth so badly that it no longer exists, works, etc. (Повредить что-л. настолько сильно, что оно больше не существует, не работает и т. д.)* [17, р. 415].

Лексико-семантический анализ номинантов оппозиции *Созидание – Разрушение / Creation – Destruction* выявил следующие

особенности закрепления данных единиц в русских и английских академических изданиях: субъекты оппозиции *Созидание / Creation* показывают неравнозначную представленность значений, демонстрируя суммарное превосходство английской лексемы (1/4). Оппозитивы *Разрушение / Destruction* демонстрируют дифференцированность языковой реализации, фиксируемой толковыми словарями. Существительное *разрушение*, указываемое как действие по глаголу *разрушить (разрушать)*, не имеет соответствующей словарной дефиниции. Лексема *destruction* представлена в словаре *Oxford* единственным значением: *The act of destroying sth (акт уничтожения чего-л.); the process of being destroyed (процесс уничтожения)* [Там же]. Существительное *destruction*, не являясь дериватом глагола *destroy*, демонстрирует специфику реализации в английском языковом пространстве, контрастно выделяющую ее при сравнении с русскими единицами: *разрушить (разрушать)* – *разрушение*.

В группу Созидания нами включены следующие концепты: «Строительство (стройка)» // “Construction”; «Стена / “Wall”»; «Архитектура безопасности» / “Security Architecture”; «Политический Олимп» / “Political Olympus”; «Русский мир»; «Язык»; «Ценности»; «Живой щит» / “Human shield”;

К группе Разрушения мы относим следующие концепты: «Западный мир»; «Анти-Россия / “Anti-Russia”»; “Cancel Culture”; “Pantheon of Power”; “Values”.

Специфика реализации оппозитивности в составе дихотомии Созидание – Разрушение / Creation – Destruction определяется следующими факторами: семантическая сопряженность с базовой оппозицией Свои-Чужие; актуализация в качестве семиотической оппозиции. Вариативность научных выводов, свидетельствующих о разноаспектности и дифференцированности подходов к освещению оппозиции Свои-Чужие, представлена в многочисленных исследованиях отечественных [1; 6] и зарубежных авторов [14; 15; 16]. С нашей точки зрения, актуализация диады Свои – Чужие / “Us – Them” отмечена смещением коннотативной окрашенности субъектов оппозиции, обусловленной, в свою очередь, поли-

тико-идеологическими приоритетами противоположных сторон. Нормативно-нравственные стандарты оппонентов выстраиваются по заданной модели: «Свои (наши)» / “Us” – «Созидание», Чужие (другие) / “Them” – «Разрушение».

Произведенный анализ оппозитивных концептов позволил нам сформировать группы субъектов оппозиции Созидание / Creation – Разрушение / Destruction. В составе субъекта оппозиции Созидание представлены концепты: «Строительство (стройка)»; «Стена»; «Русский мир»; «Архитектура безопасности»; «Политический Олимп»; «Язык»; «Ценности»; «Живой щит»; Creation: “Construction”. В Субъект оппозиции Разрушение включены концепты: «Западный мир»; «Анти-Россия»; Destruction: “Anti-Russia“, “Cancel Culture”; “Pantheon of Power”; “Values”.

Субъекты дихотомии, выделенные в составе оппозитивных концептов, анализировались нами с учетом признаковой классификации субъектов оппозиции на эксплицитном и имплицитном уровнях, объединенных по следующим признакам: 1) геополитический / geopolitical; 2) национальность / nationality; 3) социальный статус / social status; 4) госаппарат / state apparatus; 5) военная тактика / military tactics.

В качестве примеров репрезентации оппозитивности концептов «Анти-Россия» / “Anti-Russia“ в русской и англо-американской лингвокультурах укажем следующие контексты: *«Неизбежно пришло время, когда концепция «Украина – не Россия» уже не устраивала. Потребовалась «анти-Россия» <...>»* [9]; *“<...> this anti-Russian sentiment is resulting in some dangerous workplace conflict.”* (<...> это антироссийское настроение приводит к опасным конфликтам на рабочем месте» [12]; *“Anti-Russian hate in Europe is making chefs and school children out to be enemies.”* [13]. В представленных цитатах фиксируются субъекты оппозиции: *Россия – Украина; Россия – суверенная Украина; жители Украины – проект «анти-Россия»; Россия – «анти-Украина»; chief – subordinate employee; management – staff; corporate employee – Russian employee; chefs – (Russian) enemies; schoolchildren – (Russian) schoolchildren.*

Обособленно в ряду концептуальных противопоставлений, по нашему мнению, представлена внутрисемантическая оппозитивность, реализованная номинантами одного концепта в качестве субъектов оппозиции. К данной группе оппозитивности мы относим концепты «Язык», «Русский мир» [3; 4]. Приведенные далее высказывания иллюстрируют актуализацию оппозитивности концепта «Русский мир» на внутрисемантическом уровне: *«Национальная идентификация потеряна. Огромный глубинный пласт культуры уничтожен <...>. Псевдоинтеллигенция выстроила себе мир <...>»*. Субъектами оппозиции концепта «Русский мир» выступают следующие единицы: *национальное культурно-идентификационное пространство – мир эрзац-элиты; выбор, продиктованный обстоятельствами (временем) – изжившая себя система ценностных приоритетов; гражданское общество – государственное решение; новый смысл – стереотипный подход* [4]. Следует предположить, что наличие внутрисемантической оппозиции реализуется посредством полярной экспликации смысла 1) положительная коннотация: динамично развивающаяся, культурно значимая система, служащая необходимым и обязательным средством общения народов, объединенных территориальным и культурно-историческим пространством, универсальный знаковый код, транслирующий жизненно важные, аксиологические ценности; 2) негативная коннотация: язык как инструмент управления, способ оказания давления государственным аппаратом власти.

Заключение

Предпринятое исследование объектно-субъектных факторов, указывающих на возникновение, усиление тенденции развития и фактического закрепления в русском и англо-американском языковом пространстве понятия «концептуальная оппозитивность» позволили нам заключить о следующем:

1. Сущностная природа концептуальной оппозитивности, обоснованная философской теорией о возникновении противоречий как необходимого условия непрерывного и поступательного развития общества, отмечена спецификой объективации, реализующейся в континуальности и дискретности процесса противопоставления.

2. Произведенный анализ контекстов в рамках медийно-политического дискурса выявил полярный характер оппозитивности: политическая реальность ↔ фактуальная реальность.

3. Референтно-ситуативная область медийно-политического дискурса, представленная в процессе реализации оппозитивности, характеризуется множественностью скрытых смыслов, взаимно противопоставленных на эксплицитно-имплицитном уровне. При этом обязательности знаковой оформленности эксплицитного содержания противопоставлена факультативность множественных, вариативно интерпретируемых имплицитных смыслов.

4. Субъекты дихотомий Созидание – Разрушение / Creation – Destruction, подвергнуты анализу в составе следующих групп оппозиции: «Строительство (стройка)» // “Construction”; «Стена / “Wall”; «Архитектура безопасности» / “Security Architecture”; «Политический Олимп» / “Political Olympus”; «Русский мир»; «Язык»; «Ценности»; «Живой щит» / “Human shield” (концепты Созидания); «Западный мир»; «Анти-Россия / “Anti-Russia”; “Cancel Culture”; “Pantheon of Power”; “Values” (концепты Разрушения).

5. Эксплицитно-имплицитная реализация субъектов оппозиций Созидание – Разрушение / Creation – Destruction представлена при знаковой классификацией.

6. Анализ репрезентантов оппозитивных концептов «Язык», «Русский мир» выявил оппозитивность, реализованную субъектами оппозиций в отдельно представленном концептуальном пространстве на внутрисемантическом уровне.

7. Сравнительно-сопоставительный анализ репрезентации концептуальной оппозитивности концептов, исследуемых на основе противопоставления Созидание – Разрушение / Creation – Destruction, позволил заключить о ее семантическом сходстве с дихотомией Свои – Чужие / Us – Them, позволяющем указать выявленные пары противопоставлений: универсальный знаковый код – инструмент давления; «означенное» средство коммуникации – способ подчинения общественного сознания; механизм «аксиологической» трансляции – орудие политической борьбы.

Список литературы

1. Алиева Т.В. Концептуальная оппозиция «Свой-Чужой» в современном британском политическом дискурсе: лингвистический аспект: Монография. М.: Русайнс, 2022. 188 с.
2. Здановская Л.Б. Особенности репрезентации концептов созидания в русской, немецкой и английской лингвокультурах // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 4. С. 66-75.
3. Здановская Л.Б. Оппозитивность концептуализаций понятия «Язык»: Аспект созидание/разрушение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 2(297). С. 43-50.
4. Здановская Л.Б. Лингвокогнитивная экспликация внутрисемантической оппозиции концепта «Русский мир» // Казанская наука. 2022. № 6. С. 143-145.
5. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2007. 960 с.
6. Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Астрахань, 2013. 536 с.
7. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
9. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 14. 06. 2022).
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
11. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом славянской книги», 2008. 960 с.
12. Anti-Russia Sentiment Is Fueling Harassment, Bias and Workplace Conflict. URL: <https://www.entrepreneur.com/article/423529> (дата обращения: 14.06.2022).

13. Anti-Russian hate is rising in Europe – The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/07/antirussian-hate-putin-europe/> (дата обращения: 14.06.2022).
14. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283.
15. Dijk T.A. van. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, 2006, vol. 11, no. 2, pp. 115-140.
16. Fowler R. Language in the News: discourse and ideology in the press. London; New York: Routledge, 1991, X, 254 p.
17. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2005, 1780 p.

References

1. Alijeva T.V. *Konceptual'naya oppozitsiya «Svoj-CHuzhoj» v sovremennom britanskom politicheskom diskurse: lingvisticheskij aspekt: monografiya* [Conceptual opposition “Us-Them” in modern British political discourse: linguistic aspect: monograph]. Moscow: Rusayns Publ., 2022, 188 p.
2. Zdanovskaya L.B. Osobennosti reprezentacii konceptov sozidaniya v russkoj, nemeckoj i anglijskoj lingvokul'turah [Peculiarities of the representation of the concepts of the creation in the Russian, German and English linguistic cultures]. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern Studies of Social Issues], vol. 12, no. 4, 2020, pp. 66-75.
3. Zdanovskaya L.B. Oppozitivnost' konceptualizacij ponyatiya «Yazyk»: Aspekt sozidanie/razrushenie [Oppositeness of conceptualizations of the notion “Language”: aspect “creation / destruction”]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Adyghe State University], 2022, no. 2(297), pp. 43-50.
4. Zdanovskaya L.B. Lingvokognitivnaya eksplikaciya vnutrisemanticheskoi oppozitsii koncepta «Russkij mir» [Linguo-cognitive explication of the intra-semantic opposition of the concept “Russian World”]. *Kazanskaja nauka* [Kazan Science], 2022, no. 6, pp. 143-145.
5. Kuznecov S.A. *Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: «Norint» Publ., 2007, 960 p.

6. Lapteva M.L. «*Svoe*» i «*Chuzhoe*» v kognitivno-diskursivnom prost-
ranstve russkoj frazemiki [“Us” and “Them” in the cognitive-discur-
sive space of Russian phrasemics]. PhD dissertation. Astrahan’, 2013,
536 p.
7. *Novyj enciklopedicheskij slovar’* [New encyclopedic dictionary]. Mos-
cow: Bol’shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.: RIPOL classic Publ.,
2007, 1456 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka* [The
explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: OOO «ITI
Tekhnologii» Publ., 2007, 944 p.
9. Putin V.V. *Ob istoricheskom edinstve russkih i ukraincev. 12 iyulya
2021g.* [On the historical unity of the Russians and Ukrainians. July 12,
2021]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (accessed
June 14, 2022).
10. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar’ russkoj kul’tury* [Constants: The
dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ.,
2004, 992 p.
11. Ushakov D.N. *Bol’shoj tolkovyj slovar’ russkogo yazyka. Sovremennaya
redakciya* [The unabridged dictionary of the Russian language. Modern
edition]. Moscow: Dom slavyanskoj knigi Publ., 2008, 960 p.
12. Anti-Russia Sentiment Is Fueling Harassment, Bias and Workplace Con-
flict. URL: <https://www.entrepreneur.com/article/423529> (accessed June
14, 2022)
13. Anti-Russian hate is rising in Europe – The Washington Post URL: [https://
www.washingtonpost.com/world/2022/03/07/antirussian-hate-putin-eu-
rope/](https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/07/antirussian-hate-putin-eu-
rope/) (accessed June 14, 2022)
14. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and
Society*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 249-283.
15. Dijk T.A. van. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ide-
ologies*, 2006, vol. 11, no. 2, pp. 115-140.
16. Fowler R. *Language in the News: discourse and ideology in the press*.
London; New York: Routledge, 1991, X, 254 p.
17. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. *The Advanced Learner’s Dic-
tionary*. Oxford, 2005, 1780 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

ул. Калинина 13, г. Краснодар, 350044, Краснодарский край, Российская Федерация

zdanovskaya2903@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lidia B. Zdanovskaya, associate professor of the chair of foreign languages

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

13, Kalinina Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350044, Russian Federation

zdanovskaya2903@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2488-2506>

Поступила 29.11.2022

После рецензирования 23.12.2022

Принята 29.12.2022

Received 29.11.2022

Revised 23.12.2022

Accepted 29.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-372-387

УДК 1751

ЛИНГВО-МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПРЕСС-СЛУЖБ И НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ)

А.Е. Воробьева, И.Э. Федюнина, Е.А. Виноградова

***Состояние вопроса.** Процесс перевода рассматривается не только как межъязыковое, но и межкультурное взаимодействие, поскольку при этом оперируют две языковые системы и две культуры. Миссия переводчика состоит в адекватной передаче исходного кода информации в язык перевода и адаптации национально-культурных особенностей текста оригинала. Это предполагает ментальную обработку заложенных в основе сообщения импликаций и пресуппозиций. Стратегии и способы перевода официальных документов определяются не только их лингвистическими характеристиками, но и национально-специфической маркированностью. Вышеобозначенные аспекты обуславливают актуальность настоящего исследования.*

***Цель.** В статье анализируются лексические и синтаксические особенности перевода официально-деловых текстов с учетом национально-культурного кода, а также исследуется влияние ментальных особенностей различных лингвокультурных общностей на лингвистические, структурные и стилеобразующие характеристики деловых текстов.*

***Материалы и методы.** Эмпирическую базу для исследования составили порядка 70 официальных документов международных организаций на английском языке (UNESCO, The Minsk Declaration, U.S. Mission Russia и др.) и их соответствующие переводы на русский язык. Документы опубликованы в открытом доступе в сети Интернет на официальных сайтах пресс-служб и новостных пор-*

талов. В ходе анализа источников фактического материала применялись общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивного анализа, контент-анализа.

Результаты исследования. Результаты исследования показали, что национально-культурная специфика оказывает непосредственное влияние на лингвистические, структурные и стилеобразующие характеристики официально-деловых текстов. Для достижения адекватности перевода в принимающем языке требуется когнитивная переработка исходного текста сквозь призму смыслового пространства культуры переводчика. Рекуррентными способами перевода официальных документов являются приемы генерализации, конкретизации, добавления, нулевого перевода и интеграции.

Выводы. Официально-деловые тексты маркированы определенными функциональными характеристиками, которые необходимо учитывать в процессе перевода для достижения его адекватности и коммуникативного эффекта.

Ключевые слова: официально-деловые тексты; стратегии перевода; культурологические особенности; ментальность

LINGUISTIC AND MENTAL ASPECTS OF THE TRANSLATION OF OFFICIAL TEXTS (BASED ON THE OFFICIAL DOCUMENTS OF PRESS SERVICES AND NEWS PORTALS)

A.E. Vorobyova, I.E. Fedyunina, E.A. Vinogradova

Background. The translation process is to be considered not merely as a cross- language, but as a cross-cultural interaction as well, since two language systems and two cultures operate simultaneously. The translator's mission is to adequately transfer the source code of information into the translation language and adapt the national and cultural features of the original text. This involves mental processing of the underlying message implications and presuppositions. Strategies and methods of translation of official documents are determined not only by their

linguistic characteristics, but also by their national-specific features. The above-mentioned aspects contribute to the background of the study.

Purpose. *The article deals with the analysis of the lexical and syntactic features of the translation of official business texts through the prism of the national cultural code, as well as reveals the influence of mental features of various linguistic and cultural communities on the linguistic, structural and style-forming characteristics of business texts.*

Materials and methods. *The empiric material for the study is represented by 70 official documents of international organizations in English (UNESCO, The Minsk Declaration, U.S. Mission Russia, etc.) and their corresponding Russian translations. The documents are published in an open access on the Internet on the official websites of press services and news portals. In the course of analyzing the sources of actual material, general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, and content analysis were used.*

Results. *The results of the study proved that the national-cultural specificity has a direct impact on the linguistic, structural and style-forming characteristics of official business texts. To ensure the adequacy of a translation in the recipient language, cognitive processing of the source code through the prism of the semantic space of the translator's culture is required. Recurrent methods of translating of official documents are the techniques of generalization, specification, addition, zero translation and integration.*

Conclusion. *Official business texts are marked by certain functional characteristics that must be taken into consideration in the process of translation to ensure its adequacy and communicative effect.*

Keywords: *official business texts; translation techniques; cultural features; mentality*

Введение

Апеллируя к тезису чешских лингвистов В. Матезиуса и В. Прохазки о том, что «перевод – это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры» [6], мы полагаем, что процесс перевода стоит рассматривать не просто как трансформацию

текста в контексте исходного и принимающего языков, но как когнитивный процесс, ментальную операцию, в ходе которой происходит декодирование когнитивных единиц и вербальных значений с точки зрения смыслового пространства культур автора исходного текста и переводчика. Именно культурологический аспект перевода официально-деловых текстов и его глубокое изучение представляется нам основополагающим. С одной стороны, перевод официальной документации требует исчерпывающей передачи информации, сообщаемой тем или иным официальным документом, и безоговорочного соответствия речевой норме, принятой в языке перевода для официальных текстов. Но, с другой стороны, перевод деловых текстов обусловлен пересечением ментальных пространств продуцента ИТ и переводчика и предполагает взаимодействие культурных концептов. Этим определяется актуальность исследования функциональных особенностей перевода текстов официально-делового стиля в контексте культур принимающего и исходного языков.

При всем разнообразии научных подходов к изучению текста с позиций теории и практики перевода остается актуальной необходимость выделения и описания лингвистических и экстралингвистических параметров текста, функционирующего в сфере официально-деловых отношений именно с учетом национально-культурной детерминанты, что определяет дальнейшую модификацию текста и подбор соответствующих техник для адекватного перевода. Стоит отметить, что в эмпирических исследованиях лингво-ментальных аспектов перевода деловых текстов регистрируется относительная лакурность. Существующие исследования посвящены в основном изучению типологических характеристик исходного текста и методам их репрезентации в процессе перевода (Bassnett, 2000; Hunt, 2000; Алексеева, 2002; Казакова, 2006); определению главных свойств оригинала, которые подлежат передаче при переводе (Шутёмова, 2015); проблемам перевода специальной терминологии, функционирующей в текстах официально-делового стиля (Клюшина, Здор, 2016; Петрова, 2017).

Цель данного исследования состоит в выявлении и анализе лексических и синтаксических особенностей перевода официаль-

но-деловых текстов с точки зрения смыслового пространства культур автора исходного текста и переводчика. Предметом изучения являются специфически маркированные лингвистические и экстралингвистические характеристики официально-деловых текстов.

Задачи исследования:

- описать лексические и синтаксические особенности перевода текстов деловых документов с английского языка на русский язык;
- исследовать влияние национально-культурной специфики на лингвистические, структурные и стилеобразующие характеристики деловых текстов;
- обосновать целесообразность использования тех или иных стратегий и техник перевода официально-деловых текстов.

Материалы и методы

Методы исследования определяются его задачами и включают общенаучные методы анализа и синтеза, когнитивного анализа, контент-анализа, а также метод сплошной выборки. Материал исследования представлен корпусом примеров из числа официальных документов международных организаций и их переводов (UNESCO, The Minsk Declaration, U.S. Mission Russia и пр.), опубликованных в открытом доступе в сети Интернет на официальных сайтах пресслужб и новостных порталов.

Результаты

Оптимальное решение переводческих задач обуславливается не только когницией переводчика, но и его ассоциативной компетенцией, детерминирующей этнокультурную выраженность концептуальных структур и их вербальных кодов, презентующих этноментальные модели определенного лингвокультурного мира [4]. Мы полагаем, что 1) официально-деловые тексты маркированы национально-культурными особенностями; 2) когнитивная переработка официально-делового текста имеет решающее значение для адекватного перевода соответствующего типа текста.

Рассмотрим примеры из корпуса фактического материала.

Пример 1.

*“Secretary of State Antony J. Blinken spoke today with **G7** Foreign Ministers of Canada, France, Germany, Italy, Japan, and the United Kingdom and the High Representative of the European Union to discuss the situation in Afghanistan” [13].*

*«Сегодня Государственный секретарь Энтони Блинкен провёл беседу с Министрами иностранных дел **стран “Большой семерки”** – Канады, Франции, Германии, Италии, Японии и Великобритании, – а также с Верховным представителем Европейского Союза для обсуждения ситуации в Афганистане» [2].*

В приведенном примере при переводе аббревиатуры **G7** используется такой прием логического преобразования исходного выражения, как модуляция. Поскольку данная реалия не передается соответствующей аббревиацией в языке перевода, переводчик, исходя из своей языковой картины мира, производит смысловое развитие лексемы (*страны “Большой семерки”*), чтобы передать значение реалии в максимально адекватном для понимания читателя или слушателя виде.

Пример 2.

“Public research budgets: a converging, yet contrasting picture” [14, p. 8].

«Государственные бюджеты на научные исследования: сходящиеся тенденции на фоне контрастной общей картины» [7, с. 14].

Анализируя способ перевода в приведенном примере, стоит отметить, что переводчик произвел замену словосочетания более широкой семантики *Public research budgets* на более конкретный (суженный в рамках контекста) эквивалент в переводе *Государственные бюджеты на научные исследования*. Прием конкретизации в данном случае, несомненно, является верным решением, поскольку пояснение информации помогает читателю адекватно интерпретировать контекст, что вряд ли было бы возможно в случае описательного или дословного перевода. Кроме того, подобные изменения в формулировках делают основные пункты доклада бо-

лее дискретными и выразительными, актуализируют их прагматический потенциал [9].

Как известно, в процессе перевода преобразованиям подвергаются не только лексемы, но и сама синтаксическая структура фраз и предложений. Это обусловлено, в первую очередь, разными структурами исходного и принимающего языков. В этой связи отметим такие понятия, как аналитические и флективные языки, грамматические и синтаксические системы которых различны. Именно этот лингвистический фактор детерминирует культурно-обусловленные явления в языке.

Пример 3.

“Sociopolitical, economic, gender and environmental factors drive women, men, and different social and ethnic groups to live inequitable lives. These factors differ within and between countries” [12, p. 4].

«Мужчины и женщины, принадлежащие к различным социальным и этническим группам, в силу социально-экономических, политических, гендерных и экологических факторов (различающихся как между странами, так и внутри стран), могут оказываться в неравных жизненных условиях» [3, с. 4].

В данном примере в тексте перевода на русский язык регистрируется тема-рематическая перестановка, а также объединение вставной конструкции-пояснения в общую структуру предложения. Это призвано создать семантически и стилистически однородный текст с позиции синтаксических норм принимающего языка, а также акцентировать ключевое положение декларации в контексте всего документа.

Пример 4.

“Adolescence, the transition from child to adult, marks the pivotal change to greater personal autonomy. It could signify a new beginning for those who were disadvantaged in their start in life” [3, с. 6].

«Архетипом переходного периода считается подростковый возраст, стоящий между детством и взрослой жизнью, когда человек приобретает больше личной независимости, и тот, кто в детстве оказался в неблагоприятной ситуации, получает шанс исправить ее, начав все сначала» [12, p. 6].

В приведенном примере переводчик использует технику нулевого перевода грамматической структуры с модальным глаголом *It could signify*, которая не несет смысловой нагрузки в языке перевода и восполняется контекстуально на уровне общего восприятия предложения. Отметим, что в процессе перевода происходит реорганизация грамматических конструкций, комбинирование частей предложения с заменой на сложноподчиненные структуры в принимающем языке. Подобная синтаксическая модуляция позволяет переводчику сохранить логику и последовательность изложения материала.

Пример 5.

“Promote the health gains of a healthy diet throughout the life-course, especially for the most vulnerable by:

- *investing in ...;*
- *improving ...;*
- *encouraging ...;*
- *developing ...”* [15, p. 3].

«Содействовать улучшению показателей здоровья за счет сбалансированного рациона питания на всех этапах жизни, особенно в наиболее уязвимых группах населения, и с этой целью:

- *вкладывать ...;*
- *укреплять ...;*
- *поощрять ...;*
- *вырабатывать ...»* [1, с. 3].

Как видно из примера, герундиальные обороты исходного языка передаются в языке перевода глаголами начальной формы, что семантически призвано подчеркнуть долженствование. Это особенно отчетливо проявляется в таких типах деловых текстов, как приказы и постановления. Сравнительный анализ деловой документации из корпуса примеров фактического материала свидетельствует о том, что в российской лингвокультуре императивность мысли вербализуется с помощью инфинитивов. В то время как в английских текстах приказов и постановлений возможна вариантность: герундиальные и инфинитивные обороты функционируют равно-

значно. Соответственно, в приведенном примере переводчик учел национально-культурную специфику реципиентов (в тексте постановлений и приказов на русском языке инфинитив имеет больший воздействующий потенциал) и эффективно передал предписание, заложенное в ИТ.

Пример 6.

“Leapfrogging does not imply single-policy solutions. Comprehensive concerted action is needed to align specific policies with interlinked and enabling health system function.” [10, p. 8].

«Совершение «рывка» не предполагает внедрения одной политики для решения всех проблем. Необходимы комплексные согласованные действия для гармонизации конкретной политики с функциями систем здравоохранения, которые взаимосвязаны между собой и создают необходимые условия для преобразований...» [4, с. 11].

Словарь Макмиллан трактует лексему *“leapfrog”* как «перейти с должности, которая была ниже по статусу, чем у кого-либо, на ту, которая выше, чем у них» («to go straight from a job or position that was lower in status than someone’s to one that is higher than theirs») [9]. Однако, принимая во внимание этимологический аспект (данное слово имеет отсылку к игре под названием «чехарда», в которой участники с разбега должны перепрыгивать друг через друга со спины), переводчик использует такой переводной эквивалент как *«совершение «рывка»»*, что семантически коррелирует с контекстом высказывания. Таким образом, реализуется принцип «double-bind situation», согласно которому переводчик должен связать исходный текст в его культурном контексте с целевым коммуникативно-культурным условием [8].

Обсуждение результатов

Согласно представленной нами модели (рис. 1), стратегия перевода текстов официально-делового функционального стиля определяется, в первую очередь, взаимодействием ментальных пространств продуцента сообщения и переводчика, в результате

которого происходит декодирование когнитивных единиц и вербальных значений с точки зрения смыслового пространства культур автора исходного текста и переводчика с последующим применением соответствующей переводческой техники для достижения адекватности в языке перевода, вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков.

Рис. 1. Модель процесса перевода делового текста

Заключение

Наиболее значимыми результатами исследования представляются выводы о том, что:

1) несмотря на типологическую доминанту официально-делового текста, проявляющуюся в шаблонности, стандартизованности, точности, безэмоциональности, императивности, деловые тексты маркированы определенными лингвистическими, структурными и стилеобразующими характеристиками;

2) стратегия официально-делового перевода направлена на когнитивную переработку объективированной модели в ИТ и её вербализацию в ПТ;

3) рекуррентными способами перевода официальных документов являются приемы генерализации, конкретизации, добавления, нулевого перевода и интеграции;

4) переводчику необходимо учитывать общие для официально-деловых текстов в ИЯ и ПЯ характеристики, а также их дифференциальные функциональные особенности, предопределенные национально-культурной спецификой.

Список литературы

1. Венская декларация о питании и неинфекционных заболеваниях в контексте политики Здоровье-2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350442/WHO-EURO-2013-4439-44202-62420-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 29.10.2021).
2. Видеоконференция Государственного секретаря Блинкена с Министрами иностранных дел G7 и Верховным представителем Европейского Союза по Афганистану, 2021. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/secretary-blinkens-videoconference-with-g7-foreign-ministers-and-the-high-representative-of-the-european-union-on-afghanistan-ru/> (дата обращения: 25.08.2022).
3. Минская декларация: Охват всех этапов жизни в контексте положений политики Здоровье-2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/349098/WHO-EURO-2015-4177-43936-61921-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.11.2021).
4. Системы здравоохранения в борьбе с НИЗ: опыт Европейского региона. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345580/WHO-EURO-2018-3031-42789-59708-rus.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (дата обращения: 22.11.2021).
5. Фесенко Т.А. К вопросу о лингво-ментальном аспекте переводческой деятельности. URL: <https://study-english.info/article121.php> (дата обращения: 07.08.2022).
6. Щепотина Е.В., Рыжкова Е.А. Национально-культурные аспекты перевода юридического текста // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). Москва: Буки-Веди, 2016. С. 132-135. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/10662/> (дата обращения: 11.08.2022).
7. ЮНЕСКО: Доклад по науке: на пути к 2030 году – резюме. Париж, 2015. 44 с. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus (дата обращения: 03.02.2022).
8. Davaninezhad F.K. Cross-Cultural Communication and Translation // Translation Journal, 2009. URL: <https://translationjournal.net/journal/50culture.htm> (дата обращения: 29.09.2022).

9. Geller D., Vinokurov A., Martin T.L. Cross-Cultural Issues in Survey Translation: Translation of Meaning and Meaning of Translation // Federal Committee on Statistical Methodology conference. Alexandria, Virginia, 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/253548664_Cross-Cultural_Issues_in_Survey_Translation_Translation_of_Meaning_and_Meaning_of_Translation (дата обращения: 03.09.2022).
10. High-level regional meeting // Health systems respond to NCDs: experience of the European Region. Sitges, Spain, 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345579/WHO-EURO-2018-3031-42789-59707-eng.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (дата обращения: 22.11.2021).
11. Leapfrog // Macmillan Dictionary. URL: https://www.macmillan-dictionary.com/dictionary/american/leapfrog_2/ (дата обращения: 28.08.2022).
12. The Minsk Declaration: the life-course approach in the context of Health, 2015. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/349095/WHO-EURO-2015-4177-43936-61918-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.11.2021).
13. Secretary Blinken's Videoconference with G7 Foreign Ministers and the High Representative of the European Union on Afghanistan, 2021. URL: <https://ru.usembassy.gov/secretary-blinkens-videoconference-with-g7-foreign-ministers-and-the-high-representative-of-the-european-union-on-afghanistan/> (дата обращения: 25.08.2022).
14. UNESCO Science Report: Towards 2030, 2015. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406>. (дата обращения: 03.02.2022).
15. Vienna Declaration on Nutrition and Noncommunicable Diseases in the Context of Health, 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350439/WHO-EURO-2013-4439-44202-62417-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y/> (дата обращения: 29.10.2021).

References

1. *Venskaya deklaratsiya o pitanii i neinfektsionnykh zabolevaniyakh v kontekste politiki Zdorov'e-2020* [Vienna Declaration on Nutrition and Noncommunicable Diseases in the Context of Health, 2020]. URL:

- <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350442/WHO-EURO-2013-4439-44202-62420-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed October 29, 2021).
2. *Videokonferentsiya Gosudarstvennogo sekretarya Blinkena s ministrami inostrannykh del G7 i Verkhovnym predstavitelem Evropeyskogo Soyuza po Afganistanu, 2021* [Secretary Blinken's Videoconference with G7 Foreign Ministers and the High Representative of the European Union on Afghanistan, 2021]. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/secretary-blinkens-videoconference-with-g7-foreign-ministers-and-the-high-representative-of-the-european-union-on-afghanistan-ru/> (accessed August 25, 2022).
 3. *Minskaya deklaratsiya: Okhvat vseh etapov zhizni v kontekste polozheniy politiki Zdorov'ye-2020* [The Minsk declaration: the Life-Course Approach in the Context of Health, 2020]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/349098/WHO-EURO-2015-4177-43936-61921-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed November 20, 2021).
 4. *Sistemy zdravookhraneniya v bor'be s NIZ: opyt Evropeyskogo regiona* [Health Systems Respond to NCDs: Experience of the European Region]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345580/WHO-EURO-2018-3031-42789-59708-rus.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (accessed November 22, 2021).
 5. Fesenko T.A. *K voprosu o lingvo-mental'nom aspekte perevodcheskoy deyatel'nosti* [To the Question of the Linguo-Mental Aspect of Translation Activity]. URL: <https://study-english.info/article121.php/> (accessed August 07, 2022).
 6. Shchepotina E.V., Ryzhkova E.A. Natsional'no-kul'turnye aspekty perevoda yuridicheskogo teksta [National and cultural aspects of the translation of a legal text]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve* [Philology and Linguistics in Modern Society]. Moscow: Buki-Vedi Publ., 2016, pp. 132-135. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/10662/> (accessed August 11, 2022).
 7. *YuNESKO: Doklad po nauke: na puti k 2030 godu – rezюме* [UNESCO science report: towards 2030]. Paris, 2015, 44 p. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406_rus (accessed February 03, 2022).

8. Davaninezhad F.K. Cross-Cultural Communication and Translation. *Translation Journal*, 2009. URL: <https://translationjournal.net/journal/50culture.htm> (accessed September 29, 2022).
9. Geller D., Vinokurov A., Tamara L. Martin T.A. Cross-Cultural Issues in Survey Translation: Translation of Meaning and Meaning of Translation. *Federal Committee on Statistical Methodology conference*. Alexandria, Virginia, 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/253548664_Cross-Cultural_Issues_in_Survey_Translation_Translation_of_Meaning_and_Meaning_of_Translation (accessed September 03, 2022).
10. High-level regional meeting. *Health systems respond to NCDs: experience of the European Region*. Sitges, Spain, 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/345579/WHO-EURO-2018-3031-42789-59707-eng.pdf?sequence=3&isAllowed=y> (accessed November 22, 2021).
11. Leapfrog. *Macmillan Dictionary*. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/leapfrog_2/ (accessed August 28, 2022).
12. The Minsk Declaration: the Life-Course Approach in the Context of Health, 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/349095/WHO-EURO-2015-4177-43936-61918-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed November 20, 2021).
13. Secretary Blinken's Videoconference with G7 Foreign Ministers and the High Representative of the European Union on Afghanistan, 2021. URL: <https://ru.usembassy.gov/secretary-blinkens-videoconference-with-g7-foreign-ministers-and-the-high-representative-of-the-european-union-on-afghanistan/> (accessed August 25, 2022).
14. UNESCO Science Report: Towards 2030, 2015. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406>. (accessed February 03, 2022).
15. Vienna Declaration on Nutrition and Noncommunicable Diseases in the Context of Health, 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/350439/WHO-EURO-2013-4439-44202-62417-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y/> (accessed October 29, 2021).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Анна Евгеньевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент

*Белгородский национальный исследовательский университет
л. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vorobyova@bsu.edu.ru*

Федюнина Инна Эдуардовна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент

*Белгородский национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
fedyunina@bsu.edu.ru*

Виноградова Екатерина Анатольевна, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент

*Белгородский национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
vinogradova@bsu.edu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna E. Vorobyova, Assistant Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor

*Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian
Federation
vorobyova@bsu.edu.ru
SPIN-code: 3951-1224
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0578>*

Researcher ID: 0000-0002-0348-0578

Scopus Author ID: 56921937100

Inna E. Fedyunina, Assistant Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor

Belgorod State University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation

fedyunina@bsu.edu.ru

SPIN-code: 9289-7672

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6163-3088>

Ekaterina A. Vinogradova, Assistant Professor, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor

Belgorod State University

85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation

vinogradova_e@bsu.edu.ru

SPIN-code: 7148-6425

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4335-7731>

Поступила 10.10.2022

После рецензирования 16.10.2022

Принята 31.10.2022

Received 10.10.2022

Revised 16.10.2022

Accepted 31.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-388-398

УДК 811-1

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Т.С. Шмелева

Статья посвящена изучению пространственной картины мира в различных языках и культурах. Рассматриваются культурно обусловленные различия в категоризации пространства и пространственных отношений в различных языках, анализируются пути вербализации пространственных отношений в различных культурах.

Метод или методология проведения работы. *В работе использовались методы лингвистического описания и концептуального анализа.*

В результате проведенного исследования *было выявлено, что, несмотря на признанную универсальность пространственной категории различные языки характеризуются наличием принципиальных различий не только в вербальных инструментах, используемых для описания пространства и пространственных отношений, но и в методах когнитивной обработки таковых, что является естественным следствием разнообразия экстралингвистических условий существования и развития культур.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию и теоретической грамматике, лингвокультурологии.*

Ключевые слова: *пространственная картина мира; пространство; пространственные отношения, язык; культура; вербализация*

SPATIAL PICTURE OF THE WORLD IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES

T.S. Shmeleva

The article is devoted to the study of the spatial picture of the world in various languages and cultures. The culturally determined differenc-

es in the categorization of space and spatial relations in different languages are considered, the ways of verbalization of spatial relations in different cultures are analyzed.

The method or methodology of the work performed. *The methods of linguistic description and conceptual analysis were used in the work.*

As a result of the study, it was revealed that, despite the recognized universality of the spatial category, different languages are characterized by the presence of fundamental differences not only in the verbal tools used to describe space and spatial relations, but also in the methods of cognitive processing of such, which is a natural consequence of the diversity of extralinguistic conditions existence and development of cultures.

Practical implications. *The results of the study can be used in courses on linguistics, theoretical grammar and linguoculturology.*

Keywords: *spatial picture of the world; space; spatial relations; language; culture; verbalization*

Все естественные языки проявляют индивидуальность в выборе способа членения мира, что обуславливает специфичность языковой концептуализации и наличие особенных и уникальных пространственно-временных измерений, существующих в коллективном сознании определенного языкового сообщества. Человечество начало размышлять о фундаментальных аспектах своего бытия еще в глубокой древности, и с тех пор выработало множество концепций пространства и времени.

Пространство и время – категории относительные и культурно обусловленные – являются одними из основных понятий, участвующих в формировании языковой картины мира в любой культуре и отражающих менталитет национальной языковой личности этих культур. В любой культуре существуют свои традиции, ритуалы, архетипы поведения, которые и обуславливают этикетно-символические формы коммуникативного поведения. Именно стереотипный характер речевого поведения максимально наглядно отображает своеобразие культуры этноса [3, с. 25].

Значимость ориентации человека в пространстве определялась условиями его выживания и существования. Мир, в котором жил

древний человек и к которому он относился как к божественному творению, воспринимался им как дом, как некое закрытое трехмерное пространство. Подобное восприятие окружающей действительности нашло свое отражение и в языке. Например, в большинстве европейских языков лес, населенный пункт, будь то город или деревня, помещение, улица, вода воспринимаются как пространство замкнутое, закрытое [Там же, с. 24].

Однако в современных условиях пространственные концепты как структурные элементы картины мира не ограничиваются утилитарно-прагматическими функциями, но, по мнению В.Б. Касевича, трактуются в рамках мировоззренческих оппозиций, наделенных оценочными характеристиками в отдельно взятом культурно-историческом сообществе. Таким образом, индивидуальные свойства того или иного пространства определяются не объективными отношениями между предметами, а оценочным отношением субъекта к данному пространству, причем, как правило, это оценочное отношение носит коллективный характер [2, с. 62].

Еще во второй половине XX в. среди исследователей когнитивистов широким признанием пользовалась идея о том, что различные культуры концептуализируют пространство с минимальными расхождениями во взглядах, поскольку когнитивные способности людей одинаковы и обусловлены биологически. Так, предполагалось, что членение пространства с помощью плоскостей, условно разделяющих тело человека на «перед» и «зад», «левое» и «правое», «верх» и «низ», для всех людей является биологически обоснованной концептуальной универсалией. В качестве подтверждения этой мысли некоторые исследователи ссылались на то, что метафорическое мышление, использующее пространственные категории, не проявляет существенных различий при сопоставлении лингвокультур, поскольку пространственная концептуализация универсальна [11, р. 115]. Однако дальнейшие исследования, как известно, поставили подобные утверждения под вопрос и доказали их несостоятельность на основе лингвистических и нелингвистических экспериментов.

По мнению Ю.Д. Апресяна, складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная психология и тому подобное, отражает материальный и духовный опыт народа-носителя данного языка и может быть специфичной для него. При этом наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых разных языках [1, с. 94].

Так, А. Клиппел соглашается с тем, что многие характеристики пространственного окружения человека (например, гравитация) универсальны для всего земного шара и считаются центральными для познавательной деятельности человека, например, для понимания таких концептов, как «верх» и «низ». Однако другие концепты оказываются лингвистически и/или культурно зависимыми, например, концепт, заключенный в английском предлоге «on». В английском языке (как и в русском) этот предлог используется для описания положения предмета и по отношению к горизонтальной плоскости, и к вертикальной («*The book is on the table.*», «*The picture hangs on the wall.*»). Но другие языки для описания тех же пространственных схем используют разные средства: в немецком и голландском для указания на горизонтальную опору используются предлоги *auf/or*, а для указания на связь с вертикальной плоскостью – предлоги *an/aan* [12, р. 1-2].

Говоря о выражении пространственных отношений по вертикальной оси в английском языке, необходимо подчеркнуть, что для него характерно сочетание не только физического, культурно-социального, но и эмоционального опыта. Взаимосвязь когнитивного процесса освоения пространства с эмоциями и их проявлениями в языке можно выявить на примере нескольких английских метафор, в которых счастье связывается с движением вверх по вертикали от нейтрального вектора (шкалы), а несчастье – с движением вниз по вертикали: *happy is up – sad is down* [1, с. 97].

В то же время во вьетнамском языке не противопоставляются горизонтальная и вертикальная концептуализация так, что даже

положения тела в горизонтальном и вертикальном положении описываются одними глаголами и модификаторами направления движения [4, с. 13]. Однако при характеристике частей человеческого тела, напротив, может меняться взгляд наблюдателя, который может описывать их то в вертикальной, то в горизонтальной плоскостях-ориентирах: «Различия между словосочетаниями типа «высокий лоб», «высокая шея» и «высокий нос», «высокие скулы» свидетельствует об использовании различных плоскостей-ориентиров и пространственной ориентации частей тела человека» [Там же, с. 16]. Кроме того, во вьетнамском языке наблюдается феномен различных «смотровых площадок»: одно и то же явление может описываться носителями разных языков по-разному: «точка зрения говорящего как бы перемещается <...> он как бы смотрит на одно и то же явление по-разному» [Там же, с. 20]. В этом наблюдении автора, хотя и сохраняется антропоцентричность как онтологическое свойство языка, опровергается антропоцентричность как базовый методологический принцип, ценность которого определяется фиксированностью взгляда наблюдателя [9, с. 75].

В качестве еще одного примера фундаментальных различий в концептуализации пространства рассматривается фиксированность частей света как ориентиров, которая обусловлена их расположением на карте (*верх – север, низ – юг, право – восток, лево – запад*). Однако для древних монголов, как и для современных – халхов, бурятов, калмыков – юг оказывается «передней стороной», соответственно север – задней и т.д. По свидетельству В.И. Рассадина, в двух говорах современного бурятского языка – эхиритском и нижнеудинском – бытует иная система называния сторон света, в которой передней стороной является восток [8, с. 131-132]. В древнем Китае направление на юг или север имело статусный характер: император восседал на троне лицом к югу, а его поданные – к северу; восток символизировал жизнь, запад – смерть [Там же, с. 128-129].

Одним из базовых категориальных признаков пространства является динамичность/статичность. Различные модели концептуализации пространства обусловлены асимметрией конечной и началь-

ной точек движения (источника и цели, в терминах образных схем). В современных когнитивных исследованиях обосновывается «goal-over-source principle» – принцип преобладания конечной точки над начальной, поскольку конечная точка «находит непосредственное отражение в языковой структуре». Выявленная закономерность принимается в качестве «почти что универсальной» [6, с. 320]. Однако во вьетнамском языке наблюдается иная картина: «Самой важной в пространственной ориентации должна быть точка отсчета», а «наблюдатель может находиться где угодно» [4, с. 29]. Так, мяч, улетевший на крышу дома из разных точек, описывается различным образом в зависимости от источника движения [9, с. 76].

Итак, с когнитивной точки зрения наш вид не однороден – наши различия в познавательной деятельности являются таким же фактом, как различия в языке, манере одеваться, предпочтениях в прическе, отношениях с родственниками, стиле жизни, ритуалах и религии [13, р. 22].

Языки используют фундаментально разные семантические параметры при категоризации пространственных отношений – различные координатные системы, различные принципы построения этих координатных систем, в следствие чего появляются различия между категоризацией «одинакового» и «разного» в рамках пространственных сцен [Там же, р. 19].

Л. Талми в рамках исследования реализации топографических схем в лингвистических выражениях предлагает следующую типологию языков. Он выделяет две группы языков: языки, в которых траектории движения или путь описывается с помощью служебных слов, например, предлогов или частиц, что характерно для английского и финского языков (*satellite-framed languages*); и языки, в которых путь движения описывается самим глаголом, как в испанском или французском языках (*verb-framed languages*) [15, р. 61]. Д. Слобин пересматривает эту типологию и добавляет еще одну группу языков, в которых выражены оба способа вербализации пространственных отношений и к которой он отнес мандаринское наречие китайского языка [7, с. 23].

Типология Л. Талми основана на вариативности способа морфосинтактического кодирования пути и характера движения в языках. Дальнейшие исследования продемонстрировали и другие различия среди языков не только в морфосинтактическом, но и в семантическом плане. Например, результаты исследований С. Левинсона и Д. Уилкинса, посвященные относительно мало изученным языкам, среди которых аранта, киригина, эве, цельтальский, юкатекский, тамильский, японский и голландский языки, продемонстрировали, что значительные различия заключаются в способах кодирования угловых (справа-слева, спереди-сзади) и топологических (в, на, около) отношений между предметами, а также в способах описания движения и используемых для этих целей грамматических структурах [14, р. 11]. В частности, носители некоторых языков австралийских аборигенов, австронезийских языков, языков американских индейцев в выражениях, описывающих местоположение объектов, используют ориентирование по сторонам света [10, с. 3]. С лингвистической точки зрения такие выражения варьируются от языка к языку, но отмечается частота использования слов с корнем наименований сторон света при описании предметов и событий в качестве указателей или векторов в рамках соответствующего деления горизонтальной плоскости [14, р. 18].

Эксперименты, проведенные С. Левинсоном и его коллегами, доказали, что языки различаются между собой в области выражения пространственных отношений тем, какой стратегии из всех возможных они отдают предпочтение. Выбор этой стратегии выходит за пределы процесса лексикализации/грамматикализации, как предполагал Л. Талми или Д. Слобин. Однако С. Левинсон и его коллеги также проанализировали результаты нелингвистических экспериментов, сделав выводы о том, что если язык использует специфическую стратегию вербализации пространственных отношений, то и сознание носителей этого языка формируется соответствующим образом [10, р. 19].

Стратегия, к которой может прибегать язык для решения задачи, заключающейся в определении ориентации движения, в глав-

ном не отличается от общей стратегии ориентации любых других объектов: соответствующий участок пространства помещается в определенную систему координат, т.е. соотносится с известным говорящему ориентиром и указывается, как он расположен относительно этого ориентира [5, с. 207].

Таким образом, культурно обусловленные различия в категоризации пространства и пространственных отношений в различных языках являются естественным следствием разнообразия экстралингвистических условий существования и развития этих культур. Несмотря на наличие когнитивных универсалий в плане познания и вербализации пространственных отношений каждое языковое сообщество может проявлять уникальные пути отражения онтологического пространства в языковых средствах.

Список литературы

1. Астафурова Т.Н. Вербализация пространственных отношений в языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. №2(8). С. 93-98.
2. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. С. 19-42
3. Кульгачева А.В. Семантика пространственно-временных предлогов в когнитивном аспекте изучения (на примере французского и итальянского языков) // Вестник МГЛУ, 2009. Вып. 566. С. 22-30
4. Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков): Автореф. дисс. ... доктора. филол. наук. Москва, 1993. 66 с.
5. Плунгян В.А. К типологии глагольной ориентации // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 205-223.
6. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
7. Слобин Д. Психолингвистика. Хомский и психология. М.: КомКнига, 2006. 336 с.

8. Трофимова С.М. О лексике монгольских языков, отражающей ориентацию в пространстве // Проблемы исторического развития монгольских языков: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 127-134.
9. Трофимова У.М. Пространственная концептуализация соматизмов: типологический взгляд // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. №10(4). С. 74-78.
10. Arik E. A Crosslinguistic Study of the Language of Space: Sign and Spoken Languages. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 151 p.
11. Gattis M. Spatial Schemas and Abstract Thought. London: The MIT Press, 2001, 362 p.
12. Haviland J.B. Pointing, gesture spaces, and mental maps. Language and gesture. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 64 p.
13. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 415 p.
14. Levinson S.C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 621 p.
15. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. Language Typology and Syntactic Description (vol. III). Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 57-149.

References

1. Astafurova T.N. Verbalizatsiya prostranstvennykh otnosheniy v yazyke [Verbalization of spatial relations in language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 2: Yazykoznaniye, 2008, no. 2(8), pp. 93-98.
2. Kasevich V.B. O kognitivnoy lingvistike [On cognitive linguistics]. *Obshcheye yazykoznaniye i teoriya grammatiki. Materialy chteniy, posvyashchennykh 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.D. Katsnel'sona* [General Linguistics and Theory of Grammar. Readings Materials Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of S.D. Katznelson]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998, pp. 19-42.
3. Kul'gacheva A.V. Semantika prostranstvenno-vremennykh predlogov v kognitivnom aspekte izucheniya (na primere frantsuzskogo i ital'yansk-

- ogo yazykov) [Semantics of spatio-temporal prepositions in the cognitive aspect of study (on the example of French and Italian languages)]. *Vestnik MGLU* [MGLU Bulletin], 2009, no. 566, pp. 22-30.
4. Li Toan Tkhang. *Prostranstvennaya model' mira: kognitsiya, kul'tura, etnopsikhologiya (na materiale v'yetnamskogo i russkogo yazykov)* [Spatial model of the world: cognition, culture, ethnopsychology (on the material of the Vietnamese and Russian languages). Abstract of the dissertation ... of Doctor of Philology. Moscow, 1993, 66 p.
 5. Plungyan V.A. K tipologii glagol'noy oriyentatsii [On the typology of verbal orientation]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [Logical Analysis of Language. Languages of the Dynamic World]. Dubna: Mezhdunarodnyy universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna», 1999, pp. 205-223.
 6. Rakhilina Ye.V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russkiye slovari Publ., 2008, 416 p.
 7. Slobin D. *Psicholingvistika. Khomskiy i psikhologiya* [Psycholinguistics. Chomsky and psychology]. Moscow: KomKniga Publ., 2006, 336 p.
 8. Trofimova S.M. O leksike mongol'skikh yazykov, otrazhayushchey oriyentatsiyu v prostranstve [On the vocabulary of the Mongolian languages, reflecting the orientation in space]. *Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov* [Problems of the Historical Development of the Mongolian Languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 127-134.
 9. Trofimova U.M. Prostranstvennaya kontseptualizatsiya somatizmov: tipologicheskii vzglyad [Spatial conceptualization of somatisms: a typological view]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2014, no. 10(4), pp. 74-78.
 10. Arik E. *A Crosslinguistic Study of the Language of Space: Sign and Spoken Languages*. Cambridge Scholars Publishing, 2010, 151 p.
 11. Gattis M. *Spatial Schemas and Abstract Thought*. London: The MIT Press, 2001, 362 p.
 12. Haviland J.B. *Pointing, gesture spaces, and mental maps. Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 64 p.

13. Levinson S.C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge university press, 2003, 415 p.
14. Levinson S.C. Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 621 p.
15. Talmy L. Lexicalization Patterns: Semantic Structure in Lexical Forms. Language Typology and Syntactic Description (vol. III). Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 57-149.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Татьяна Сергеевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук
Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
426034, Российская Федерация
shmelevat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Shmeleva, Associate Professor, Department of Stylistics and Applied Linguistics, PhD of Philology
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation
shmelevat@mail.ru

Поступила 01.09.2022

После рецензирования 01.10.2022

Принята 10.10.2022

Received 01.09.2022

Revised 01.10.2022

Accepted 10.10.2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-399-415

УДК 172.1

**ТЕХНОСФЕРА: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ**

И.А. Асеева, В.А. Белкина

Глобальная технологическая среда, которая опосредует взаимодействие человечества с биосферой, несет в себе техногенные и экологические опасности и серьезные антропологические и социальные риски. Сегодня наблюдается тенденция, при которой каждое усовершенствование техногенной системы в конечном итоге по принципу отрицательной обратной связи увеличивает ее негативное воздействие на природу. В такой ситуации необходима объективная оценка характеристик техносферы для своевременной гармонизации в отношениях «Человек – Природная среда».

Целью статьи является концептуализация представлений о техногенном пути развития человечества и введение понятия «экологической техносферы» как нового этапа коэволюционных отношений природы и техногенной цивилизации.

Исследование проводится в рамках концепции постнеклассической науки, с использованием структурно-функционального подхода, постфеноменологии и акторно-сетевой теории.

В статье, опираясь на понятия «техника», «технология», «техноценоз», «технологическая среда», предложен онтологический анализ концепта «техносфера», выделены ее сущностные характеристики и рискогенные сценарии развития.

Статья выполнена в рамках реализации проекта «Социально-экологический мониторинг технической среды региона: социокультурный подход» (Грант РФФИ 20-311-90060 Аспиранты)

Ключевые слова: философия науки и техники; технонаука; техника; технология; техническая среда; техносфера; экологическая техносфера; технологическое развитие; социо-антропологические риски

TECHNOSPHERE: PHILOSOPHICAL CONCEPTS, DEVELOPMENT TRENDS AND PRACTICAL CHALLENGES

I.A. Aseeva, V.A. Belkina

The global technological environment, which mediates the interaction of mankind with the biosphere, carries technogenic and environmental hazards and serious anthropological and social risks. Today there is a tendency in which every improvement of the technogenic system ultimately increases its negative impact on nature on the principle of negative feedback. In such a situation, an objective assessment of the technosphere's characteristics is necessary for timely harmonization in the relationship "Human – Natural Environment".

The purpose of the article is to conceptualize ideas about the technogenic path of human development and to introduce the concept of "ecological technosphere" as a new stage of coevolutionary relations between nature and technogenic civilization.

The research is carried out within the framework of the concept of post-classical science, a structural and functional approach, postphenomenology, actor-network theory.

In the article, based on the concepts of "technique", "technology", "technocenosis", "technological environment", an ontological analysis of the concept of "technosphere" is proposed, its essential characteristics and risky scenarios of development are highlighted.

The article was carried out within the framework of the project "Socio-ecological monitoring of the technical environment of the region: a socio-cultural approach" (RFBR Grant 20-311-90060 Graduate students)

Keywords: philosophy of science and technology; technoscience; engineering; technology; technical environment; technosphere; ecological technosphere; technological development; socio-anthropological risks

Введение

Несмотря на давнее происхождение понятий «техника», «технология», «техническая среда», «техносфера» их осмысление и сущностное уточнение продолжается до сих пор в отечественной и западной философии науки и техники. И дело не только в том, что с течением времени эти понятия дополняются новыми смысловыми аспектами, но и в том, что взаимодействие человечества, естественной природы и искусственной технической среды – это эволюционный процесс, имеющий свою логику, конкурирующие тенденции развития и разнообразные риски природных, антропологических и социальных трансформаций. Описание и осмысление следующего, перспективного этапа развития современной техногенной цивилизации – актуальная научная проблема. Ее философско-теоретическая проработка позволит выявить скрытые угрозы и риски тотальной технологизации, предложить возможный сценарий коэволюции техносферы, биосферы и социосферы.

Цель и методологическая база исследования

Целью статьи является концептуализация представлений о техногенном пути развития человечества и введение понятия «экологической техносферы» как нового этапа коэволюционных отношений природы и техногенной цивилизации. Идея коэволюции, состоящая в неразделимости процесса совместного развития биосферы и социума (Н.В. Тимофеев-Ресовский) [22], на основе которой может быть найден оптимальный путь решения накопившихся глобальных проблем (Н.Н. Моисеев) [12], но и, вместе с тем, «признающая самоценность всех её бытийных форм, в соответствии с их сущностной природой» [10, с.148]. С методологической точки зрения, концепция коэволюции оказывается чрезвычайно плодотворной для обоснования понятия «экологической техносферы», как нам представляется, адекватно отражающего запросы и перспективы нашей динамично развивающейся цивилизации.

Исследование проводится в рамках концепции постнеклассической науки, предполагающей глубокое изучение социокультурных осно-

ваний развития технауки; структурно-функционального подхода, позволяющего акцентировать внимание на связанности и неразрывности состояния окружающей природной среды и технической среды; постфеноменологии, определяющей техносферу как активную технологическую среду, обладающую чертами субъектности; акторно-сетевой теории Б. Латура, размышлявшего о взаимодействии человека и нечеловеческих сущностях в новой техногенной реальности.

Результаты исследования и их обсуждение

Опираясь на категориально-аналитические обзоры по данной проблеме [9; 13; 17], можно выстроить следующую генетическую ретроспективу этих взаимосвязанных понятий. Онтологически первичным понятием стала «техника», которую древние греки понимали двояко, и как произведенный человеком инструмент, и как мастерство, искусность в каком-либо ремесле. Например, Аристотель выделяет предметы, «существующие по природе», и «образованные искусственно» [1, с. 82], намечая, таким образом, тенденцию, направление развития, по которому пошло человечество уже со времен Античности. Понятие «техника» с тех времен обросло множеством дополнительных содержательных коннотаций, которые, пожалуй, в упрощенном виде можно свести к двум основным: техника как искусственные средства, произведенные и используемые человеком для покорения природы (как понимали, например, Ф. Бэкон и П. Энгельмейер) [25], и как «совокупность рационально выработанных методов, обладающих безусловной эффективностью (для данной ступени развития) в любой области человеческой деятельности» [23, с. 30] (как считал, например, Ж.Эллюль) [24]. Здесь техника понимается уже как цивилизационный феномен, как совокупность технических артефактов, специальных технических знаний, разветвленной технической деятельности и особой «второй природы» – среды, созданной посредством техники. Думается именно этот расширенный смысл вкладывает В.М. Розин в понятие «техносфера» – «не просто автономная техническая система, но материальная основа нашего социума» [19, с. 139].

Первоначальная неразличимость понятий «техника» и «технология», думается, возникла из-за сложности переложения смыслов с одного языка на другой. Так, известный доклад М. Хайдеггера “Die Frage nach der *Technik*” (“Вопрос о технике”) переводится на английский язык как “The question concerning *techology*” (“Вопрос о технологии”), соответственно, техника и технология воспринимаются синонимично. «Об этом писал философ Альфред Эспинас, который подчеркивал, что технология – это результат зрелости ремесла и возникает на основе ремесла, то есть производственной, трудовой деятельности человека, является ее продолжением. Этой же позиции придерживались инженеры Мориц Поппе, Иоганн Бекман, стоящие у истоков философии техники» [13, с. 375]. Однако в современной философии науки и техники эти понятия приобретают различные смыслы.

По мысли В.М. Розина, *технология* – это результат осознания опыта взаимодействия с природными объектами, направленный на оптимизацию и совершенствование капиталистического производства. Технология «описывает индустриальную деятельность в языке операций, их условий, разделения труда, управления. Одновременно, технологию начинают характеризовать установки на качество, экономию, стандартизацию, рациональное описание производственных процессов, их оптимизацию, на подготовку новых специалистов – технологов» [17, с. 120].

За 250 лет (конец XVIII – начало XXI веков) человечество с гигантской скоростью совершило скачок от первых станков до нанороботов, прочно утвердившись на техническом пути развития цивилизации [2]. Через технонаучные открытия, воплощенные в развитой инфраструктуре, современных коммуникациях, мощных технологиях, человечество организовало вокруг себя уникальную техническую, точнее, *техногенную среду*, поскольку выбранный путь уже не предполагает существования вне этого искусственного мира и побуждает к его технологическому расширению и углублению, даже чреватому многочисленными рисками для природы, да и самого человека. Причем, сегодня технико-технологические

изобретения, используемые для освоения практически всех уровней реальности, сосуществуют и взаимодействуют по принципу конвергенции, создавая новые эффекты и результаты на стыках разных технологий, взаимодополняя и развивая друг друга, создавая своеобразные техноценозы. «*Техноценоз* понимается ограниченная в пространстве и времени взаимосвязанная совокупность далее неделимых технических изделий-особей, объединенных слабыми связями. Связи в техноценозе носят особый характер, определяемый конструктивной, а зачастую и технологической независимостью отдельных технических изделий и многообразием решаемых задач. Взаимосвязанность техноценоза определяется единством конечной цели, достигаемой с помощью общих систем управления, обеспечения и др.» [7].

Совокупность техноценозов постепенно становится «технической суперсистемой (*техносферой*), которая определяет развитие и формирование всех прочих технических систем» [18, с. 19]. Посредством конвергентных технологий окружающий нас природный мир замещается техническим, предлагая фантастические возможности, но, в то же время, ввергая человечество в глубинный конфликт не только с внешней природой, но и со своей внутренней природной сущностью [20]. Современные технологии не так заметны, как в I-III технологических укладах. В работе «Технологии и жизненный мир» Дон Ид называет их «фоновыми», подчеркивая, что именно в силу своей незаметности, прозрачности, способности как бы «отсутствующе присутствовать» фоновые технологии «могут оказывать более тонкое косвенное влияние на восприятие мира» [31, р. 112].

В предыдущих работах мы обсуждали проблему трансформации взаимодействия людей с физической и виртуальной реальностью, изменение когнитивных настроек человека и способа обработки информации под влиянием возрастания скорости обработки большого объема данных, снижения критичности, огромного количества информационных фейков и откровенного мошенничества [3].

Вместе с тем, современный человек фактически обитает одновременно в двух мирах. По данным отчёта о состоянии цифровой

сферы Global Digital 2022 в январе во всём мире насчитывалось 4,62 млрд пользователей социальных сетей. Это 58,4% от общей численности населения мира [18]. За свою жизнь он оставляет множество электронных следов: пользовательские запросы, личные фото и видео, данные с банковских карт о покупках в магазинах и аптеках, оплата билетов и бронирование гостиниц. Amazon, например, использует данные о покупках 152 млн клиентов объемом около 1 экзабайта для построения прогнозов торговых потребностей [21].

С другой стороны, информационные и когнитивные технологии становятся все «умнее», чувствительнее к потребностям и вкусам конкретного человека, они воспринимаются как незаменимые помощники, которые знают о нас больше и точнее, чем наши самые близкие люди. А. Кларк предупреждает, что новые технологии «в конечном итоге стирают границу между пользователем и его богатой знаниями, отзывчивой, неосознанно работающей электронной средой» [27, р. 34.] Почему эти новые технологии так плавно и незаметно сливаются с нашей биологической сущностью, претендуя уже не только на усиление физических возможностей (в духе органопроекций Э. Каппа), но и на реконfigurирование мыслительных, познавательных, рефлексивных практик человека? Еще в 1998 году А. Кларк и Д. Чалмерс, обдумывая ответ на этот вопрос, выделили условия (характеристики), которым эти технологии должны соответствовать, чтобы дополнить и даже заменить «родовые» человеческие способности, а именно: постоянство, удобство, доверие и предварительное одобрение [28]. Удовлетворяя этим условиям, новые технологии становятся все более клиентоориентированными, подстроенными под человеческие желания, возможности и даже недостатки. Развивая эту тему, осознавая и анализируя последствия постоянного и быстрого совершенствования технологий, Р. Клавс предлагает четыре ключевых свойства новых технологий: совокупность, объединяемость, автономность и сложность [29]. Технологии в силу этих свойств становятся способными создавать независимые техносреды, все более непроницаемые для человека, который и сам уже с трудом и неохотой осваивает большие тексты, устный счет

и критический отбор информации. Р. Хирсминк обращает внимание, что взаимодействие с новыми когнитивными технологиями не только трансформирует репрезентативные свойства мозга, но и изменяет наши интерактивные навыки, фактически интегрируя агента-человека и артефакты в «новые системные целостности» [30].

Современная техносфера, таким образом, представляет собой конвергентное единство физической и виртуальной реальности, в котором наука сращивается с техникой в стремлении уже не только познавать, но и существенно трансформировать жизненные миры человека, а технологии становятся фактически посредниками в наших отношениях с миром. Однако «такие технологические посредники никогда не бывают нейтральными, поскольку они раскрывают мир, в частности, так как они организуют нашу повседневность и воплощенные привычки, направляют и форматируют наши социальные отношения и формируют новые способы осмысления, а также то, что мы считаем способными делать» [26, р. 326]. Эта мысль близка, на наш взгляд, акторно-сетевой теории Б. Латура, который считал, что акторами новой реальности могут быть не только люди, но и другие нечеловеческие сущности [11].

Характеризуя современное состояние техносферы, С. Айдин, М.Г. Вог, П.-П. Вербек вводят понятие «*активной технологической среды*», которую можно познать с помощью постфеноменологического подхода. Имеется в виду, что не только субъект-человек целенаправленно изучает мир, но современные технологии через Интернет вещей и разветвленные электронные сети «обнаруживают людей, анализируют их и воздействуют на них» [26, р. 328], технологии приобретают своеобразную «субъектность», они уже не являются посредниками между людьми и миром, они, с точки зрения постфеноменологии, становятся частью нашего мира, нашей «техногенной цивилизации» (по В.С. Степину), а по факту они и есть наш мир. Проникновение техники и технологий практически во все сферы человеческой жизни знаменуют начало технотронной эры, о которой много писали в конце XX века. И сценариев развития нашей цивилизации может быть несколько – от самых пессимисти-

ческих и трагических для человечества, вытесненного роботами и не пережившего технологическую сингулярность, до технократической идиллии, в которой умные машины сотрудничают с обновленным творческим человеком [6].

В данной работе разберем еще один сценарий, позволяющий учесть опасности и риски тотальной технологизации и раскрыть возможные перспективы в контексте коэволюции техносферы, биосферы и социосферы. Системный кризис цивилизации, проявившийся в экономике, политике, производстве, разбалансированной экологии, явился следствием воплощения парадигмы «общества потребления» [4]. Разрушительные техногенные процессы катастрофически влияют на биосферу, если пользоваться экологической терминологией, речь идет о процессе конкурентного вытеснения биосферы техносферой, о количественной экспансии человеческой цивилизации. Да и сама социосфера – человеческий жизненный мир – испытывает все усиливающееся влияние технонауки на все сферы жизнедеятельности людей, о чем мы писали выше. Поскольку техносфера, социосфера и биосфера находятся в едином пространстве, а их элементы – в постоянном взаимодействии, то мы имеем дело с реальной, сложной целостной макросистемой. Необходимость осмысления и противодействия пагубному влиянию современной техники на природу, разумного и осторожного внедрения технологий в когнитивные, биологические процессы организма человека, использование общества как объекта социальных экспериментов подводят нас к введению концепта «экологическая техносфера». *Экологическая техносфера (экотехносфера)* – возможный будущий этап коэволюции техносферы, биосферы и социосферы, при котором будет достигнута гармония и сбалансированность между ними. Понимание сути экологической техносферы является амбивалентным, с одной стороны, она выступает и как средство и как результат постиндустриального, информационного общества, с другой, и как поле для функционирования конвергентных технологий и как отдельный целостный организм, в конечном счете, поглощающий и укореняющий в себе самого человека, суще-

ствующего в разных жизненных мирах: природном, техническом, виртуальном, социальном [5].

Заключение

Таким образом, экологическая техносфера становится как бы ориентиром в достижении гармонизации социоприродных отношений, определяющим условием для уверенного движения к новой социально-культурной модели образа жизни человеческой цивилизации, формирования нового взгляда на мир, эколого-технической картины миропонимания. Процесс становления и совершенствования экологической техносферы предполагает эволюцию ценностей техносферной цивилизации, а также снятие социоприродных противоречий и развитие духовного мира человека. Совершенствование эколого-технической деятельности и образа жизни цивилизации, основанных на принципах реального гармонического единства с природой в условиях развития экологической техносферы, обуславливает поиск универсального выхода из катастрофического сценария развития человечества сегодня.

Список литературы

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1978.
2. Асеева И.А. Аксиологические приоритеты VI технологического уклада // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 124-137.
3. Асеева И.А., Буданов В.Г., Маякова А.В. От цифровых технологий к обществу тотального контроля? // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 51-59.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Жан Бодрийяр; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской]. Москва: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.
5. Буданов В.Г., Асеева И.А. Умвельт-анализ и дорожные карты Большого антропологического перехода // Материалы междунар. науч. конгресса «Глобалистика-2017». М.: ФГП глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. <https://lomonosov-msu.ru/>

- archive/Globalistics_2017/data/section_6_10143.htm (дата обращения 10.09.2022).
6. Буданов В.Г. Синергетическая методология форсайта и моделирования сложного // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 1. С. 13-24.
 7. Буданов В.Г., Асеева И.А. Дорожные карты антропотехносферы XXI века // Экономические стратегии. 2017. Т. 19. № 5 (147). С. 120-127.
 8. Гнатюк В.И. Закон оптимального построения техноценозов. <http://www.gnatukvi.ru/index.files/zakon.pdf> (дата обращения: 12.08.2022).
 9. Ефременко Д.В. Техника в политическом измерении: От мегамашины до нанороботов et vice versa // Политическая экспертиза: политекс. 2012. N 4. С. 46-63.
 10. Кутырев В.А., Слюсарев В.В. Универсальный эволюционизм и конвергенция или полионтизм и коэволюция // В сборнике: Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2019. С. 147-149.
 11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
 12. Моисеев Н.Н., Александров В.В., Тарко А.М. Человек и биосфера: Опыт системного анализа и эксперименты с моделями. М.: Наука, 1985. 271 с.
 13. Петрова М.В. Онтологическая концепция техники: категориальный анализ // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 372-380.
 14. Попкова Н. Философия техносферы. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 344 с.
 15. Попытки расчета количества информации на планете Земля. <https://nag.ru/articles/article/101906/popyitki-rascheta-kolichestva-informatsii-na-planete-zemlya.html> (дата обращения: 5.07.2022).
 16. Розин В.М. К различению и уточнению понятий «техника», «технология», «техническая среда» // Философская мысль. 2022. № 4. С. 21-33. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.4.37832>

17. Розин В.М. Техника и технология. От каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. 279 с.
18. Розин В.М. Философия техники и культурно-исторические реконструкции развития техники // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 19-28.
19. Розин В.М. Технология как вызов времени (изучение, понятие и типы технологий) // Philosophy and Cosmology. Volume 19, 2017. С. 133-142.
20. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски: Коллективная монография / Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Майнцер К., Маякова А.В., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Сушин М.А., Чеклецов В.В., Черникова И.В. / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. 263 с.
21. Статистика Интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>
22. Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В. Краткий очерк теории эволюции. М.: Наука, 1969. 408 с.
23. Философия техники в ФРГ / Составл. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна и В. Г. Горохова. М.: Прогресс, 1989. 527 с.
24. Эллюль Ж. Другая революция. Перевод на русский язык: В. В. Библихин. Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М.: Прогресс, 1986. 450 с. <https://knigogid.ru/books/96865-novaya-tehnokraticeskaya-volna-na-zapade/toread/page-3> (дата обращения: 10.09.2022).
25. Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 2. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1912. 96 с.
26. Aydin C., Woge M.G., Verbeek P.-P. Technological Environmentality: Conceptualizing Technology as a Mediating Milieu // Philosophy and Technology, 2019, no. 32, pp. 321-338. <https://doi.org/10.1007/s13347-018-0309-3>

27. Clark A. Natural born cyborgs: minds technologies and the future of human intelligence. New York: Oxford University Press, 2003.
28. Clark A., Chalmers D. The extended mind // *Analysis*, 1998, no. 58, pp. 10-23.
29. Clowes R.W. Thinking in the cloud: the cognitive incorporation of cloud-based technology // *Philosophy and Technology*, 2015, no. 28, pp. 261-296.
30. Heersmink R. Dimensions of integration in embedded and extended cognitive systems // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2015, no. 14(3), pp. 577-598.
31. Ihde D. Technology and the lifeworld: From garden to earth. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, Cop., 1990. XIV. 226 p.

References

1. Aristotel'. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: v 4-h t, V. 3, M.: Mysl', 1978.
2. Aseeva I.A. Aksiologicheskie priority VI tekhnologicheskogo uklada [Axiological priorities of the VI technological way]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 124-137.
3. Aseeva I.A., Budanov V.G., Mayakova A.V. Ot cifrovyyh tekhnologij k obshchestvu total'nogo kontrolya? [From digital technologies to a society of total control?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofoiya. Sociologiya. Politologiya*. 2021, no. 59, pp. 51-59.
4. Bodriyyar ZH. *Obshchestvo potrebleniya : ego mify i struktury* [Consumer Society : its myths and structures] / Zhan Bodriyyar ; [per. s fr., poslesl. i primech. E.A. Samarskoj]. Moscow, 2006, 268 p.
5. Budanov V. G., Aseeva I. A. Umvel't-analiz i dorozhnye karty Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [Umvelt-analysis and road maps of the Great anthropological transition]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika-2017»* [Proceedings of the Intern. scientific Congress "Globalistics-2017"]. M.: FGP global'nyh processov MGU im. M. V. Lomonosova, 2017. https://lomonosov-msu.ru/archive/Globalistics_2017/data/section_6_10143.htm (accessed 10.09.2022)
6. Budanov V.G. Sinergeticheskaya metodologiya forsajta i modelirovaniya slozhnogo [Synergetic methodology of foresight and modeling of the complex]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*, 2013, no. 1, pp. 13-24.

7. Budanov V.G., Aseeva I.A. Dorozhnye karty antropotekhnosfery XXI veka [Road maps of the anthro techno sphere of the XXI century]. *Ekonomicheskie strategii*, 2017, vol. 19, no. 5 (147), pp. 120-127.
8. Gnatyuk V.I. Zakon optimal'nogo postroeniya tekhnocenozov [The law of optimal construction of technocenoses]. <http://www.gnatukvi.ru/index.files/zakon.pdf> (accessed 12.08.2022).
9. Efremenko D.V. Tekhnika v politicheskom izmerenii: Ot megamashiny do nanorobotov et vice versa [Technology in the political dimension: From mega-machines to nanorobots et vice versa]. *Politicheskaya ekspertiza: politeks*, 2012, no. 4, pp. 46-63.
10. Kutyrev V.A., Slyusarev V.V. Universal'nyj evolyucionizm i konvergenciya ili poliontizm i koevolyciya [Universal evolutionism and convergence or polyontism and coevolution]. *Revolyciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve. trudy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society. Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference]. Nizhnij Novgorod, 2019, pp. 147-149.
11. Latur B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko. M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2014, 384 p.
12. Moiseev N.N., Aleksandrov V.V., Tarko A.M. *Chelovek i biosfera: Opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami* [Man and the Biosphere: Experience of system analysis and experiments with models]. M.: Nauka, 1985, 271 p.
13. Petrova M.V. Ontologicheskaya koncepciya tekhniki: kategorial'nyj analiz [Ontological concept of technology: categorical analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 2021, T. 31, vol. 4, pp. 372-380.
14. Popkova N. *Filosofiya tekhnosfery* [Philosophy of the technosphere]. M.: URSS; LKI, 2008, 344 p.
15. *Popytki rascheta kolichestva informacii na planete Zemlya* [Attempts to calculate the amount of information on planet Earth]. <https://nag.ru/ar->

- articles/article/101906/popyitki-rascheta-kolichestva-informatsii-na-planete-zemlya.html (accessed 5.07.2022).
16. Rozin V.M. Filosofiya tekhniki i kul'turno-istoricheskie rekonstrukcii razvitiya tekhniki [Philosophy of technology and cultural and historical reconstructions of technology development]. *Voprosy filosofii*, 1996, no. 3, pp. 19–28.
 17. Rozin V.M. K razlicheniyu i utochneniyu ponyatij «tekhnika», «tehnologiya», «tehnicheskaya sreda» [To distinguish and clarify the concepts of “technique”, “technology”, “technical environment”]. *Filosofskaya mysl'*, 2022, no. 4, pp. 21–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.4.37832>
 18. Rozin V.M. *Tekhnika i tekhnologiya. Ot kamennyh orudij do Interneta i robotov* [Technique and technology. From stone tools to the Internet and robots]. Joshkar-Ola: Povolzhskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, 2016, 279 p.
 19. Rozin V.M. Tekhnologiya kak vyzov vremeni (izuchenie, ponyatie i tipy tekhnologij) [Technology as a challenge of time (study, concept and types of technologies)]. *Philosophy and Cosmology*, 2017, no. 19, pp. 133–142.
 20. *Socio-antropologicheskie izmereniya konvergentnyh tekhnologij. Modeli, prognozy, riski* [Socio-anthropological dimensions of convergent technologies. Models, forecasts, risks]: Kollektivnaya monografiya / Arshinov V.I., Aseeva I.A., Budanov V.G., Grebenshchikova E.G., Grimov O.A., Kamenskij E.G., Majncer K., Mayakova A.V., Moskaev I.E., Pirozhkova S.V., Sushchin M.A., Cheklevov V.V., Chernikova I.V. / Otv. red. I.A. Aseeva, V.G. Budanov. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2017, 263 p.
 21. *Statistika Interneta i socsetej na 2022 god – cifry i trendy v mire i v Rossii* [Internet and social media statistics for 2022 – figures and trends in the world and in Russia]. <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>
 22. Timofeev-Resovskij N.V., Voroncov N.N., Yablokov A.V. *Kratkij ocherk teorii evolyucii* [A brief outline of the theory of evolution]. M.: Nauka, 1969, 408 p.

23. *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany] / Sostavl. i predisl. C. G. Arzakanyana i V. G. Gorohova. M. : Progress, 1989, 527 p.
24. Ellyul' Zh. *Drugaya revolyuciya* [Another revolution]. Perevod na russkij yazyk: V. V. Bibihin. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. Sbornik statej. M.: Progress, 1986, 450 p. <https://knigogid.ru/books/96865-novaya-tehnokraticeskaya-volna-na-zapade/toread/page-3> (accessed 10.09.2022).
25. Engel'mejer P.K. *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of technology]. Issue 2. M.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1912, 96 p.
26. Aydin C., Woge M.G., Verbeek P.-P. Technological Environmentality: Conceptualizing Technology as a Mediating Milieu. *Philosophy and Technology*, 2019, no. 32, pp. 321–338 <https://doi.org/10.1007/s13347-018-0309-3> (accessed 10.09.2022).
27. Clark A. Natural born cyborgs: minds technologies and the future of human intelligence. New York: Oxford University Press, 2003.
28. Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*, 1998, no 58, pp. 10–23.
29. Clowes R.W. Thinking in the cloud: the cognitive incorporation of cloud-based technology. *Philosophy and Technology*, 2015, no. 28, pp. 261–296.
30. Heersmink R. Dimensions of integration in embedded and extended cognitive systems. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2015, no. 14(3), pp. 577–598.
31. Ihde D. Technology and the lifeworld : From garden to earth. Bloomington; Indianapolis : Indiana univ. press, Cop., 1990. XIV, 226 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Асеева Ирина Александровна, д.ф.н., проф., проф. кафедры философии и социологии
Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
irinaaseeva2011@yandex.ru

Белкина Виктория Александровна, преподаватель кафедры философии и социологии
Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
viktoria2206.1995@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Aseeva, Dr.S. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology
Southwest State University
50 let Oktyabrya, 94, Kursk, 305040, Russian Federation
irinaaseeva2011@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4172-7762>

Victoria A. Belkina, Lecturer of the Department of Philosophy and Sociology
Southwest State University
50 let Oktyabrya, 94, Kursk, 305040, Russian Federation
viktoria2206.1995@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-6706>

Поступила 10.10.2022
После рецензирования 27.10.2022
Принята 11.11.2022

Received 10.10.2022
Revised 27.10.2022
Accepted 11.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-416-430

УДК 796.01

СОРЕВНОВАТЕЛЬНОСТЬ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И АГОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ

И.Л. Левина, Р.И. Каграмова

***Аннотация.** Актуальность исследования связана с негативными тенденциями в современном спорте: отступлением от этических принципов фэйр-плэй, коммерциализацией спорта и превращением его в инструмент политического влияния. Статья посвящена анализу интуитивно близких, но различных по содержанию понятий, связанных со спортивной деятельностью и лежащих в основе этических принципов. Целью статьи является семантический анализ понятий «соревновательность», «состязательность» «агональность». Материалом для исследования послужили научные и методические публикации по теме исследования, имеющиеся в открытом доступе. При анализе материала использован лексико-семантический метод. Результаты исследования показали, что содержательно эти понятия весьма отличаются друг от друга. Так, соревновательность определяет сущность спорта как, прежде всего, соревновательной деятельности, и обеспечивает достижение максимально возможных спортивных результатов. Состязательность можно рассматривать как принцип организации соревновательной деятельности, предусматривающий обеспечение равенства стартовых возможностей соревнующихся. Под агональностью понимают организованное согласно определенным правилам состязание, основанное на собственном мировоззрении, реализующее состязательное стремление в человеке и имеющее неигровой характер. Именно последнее делает данное понятие не применимым для характеристики современного спорта, одной из характеристик которого является развлекательный характер. Область применения результатов: понимание сущности рассмотренных по-*

нятий позволяет лучше понять принципы, механизмы и содержание спортивной деятельности.

Ключевые слова: спорт; соревновательная деятельность; фэйр-плэй; соревновательность; состязательность; агональность

COMPETITIVENESS AND AGONALITY IN MODERN SPORTS

I.L. Levina, R.I. Kagramova

The relevance of the research is associated with negative trends in modern sports: a departure from the ethical principles of fair play, the commercialization of sports and its transformation into an instrument of political influence. The article is devoted to the analysis of intuitively similar, but different in content concepts related to sports activities and underlying ethical principles. The purpose of the article is a semantic analysis of the concepts of “competitiveness” and “agonality”. The material for the study was scientific and methodological publications on the topic of the study, available in the public domain. The lexico-semantic method was used in the analysis of the material. The results of the study showed that these concepts differ significantly from each other. Thus, competitiveness defines the essence of sport as, first of all, competitive activity, and ensures the achievement of the maximum possible sports results. Competitiveness can be considered as a principle of organization of competitive activity, providing for equality of starting opportunities of competitors. Agonality is understood as a competition organized according to certain rules, based on one’s own worldview, realizing a competitive desire in a person and having a non-gaming character. It is the latter that makes this concept not applicable to the characteristics of modern sports, one of the characteristics of which is entertainment. Scope of application of the results: understanding the essence of the concepts considered makes it possible to better understand the principles, mechanisms and content of sports activity.

Keywords: sport; competitive activity; fair play; competitiveness; agonality

Актуальность

Спорт – особый вид человеческой деятельности, в значительной мере отличающийся от всех ее других видов. Эта деятельность, официально организованная и регулярно повторяющаяся, должна реализовываться в соответствии с принципом «честного соперничества» и быть «...задана предельно концентрированно и определено, что крайне остро ставит перед субъектом проблему полномасштабного деятельно-практического самоутверждения» [6, с. 66].

Самой главной, специфической, чертой спортивной деятельности является ее соревновательный характер, соревновательность. Без соревновательной борьбы спорт не мыслим, не существует. Спорт можно трактовать как собственно соревновательную деятельность, специфической формой которой является система состязаний как специальная сфера выявления и унифицированного сравнения человеческих возможностей [12].

Спортивные соревнования, по сравнению с другими соревновательными ситуациями в других видах человеческой деятельности, создаются искусственным образом, носят условный характер [20] и должны обеспечивать равные условия и равные возможности, нравственные и эстетические ценности и т.д.

Спортивные соревнования в идеальном виде характеризуются равенством возможностей для соревнующихся сторон, возможностью прослеживания состязательного процесса, когнитивной доступностью правил спортивного соревнования [18] и основываются на системе этических принципов фэйр-плэй (fair play в пер. с англ. – честная борьба).

Однако ситуация в спорте в настоящий момент весьма далека от идеальной. Заложенные Пьером де Кубертенем идеи мира, взаимопонимания между народами, честной спортивной игры вытесняются системой ценностей, основанной на превосходстве материального над идеальным, на идеологии потребления, на коммерциализации духовных ценностей [3, 5, 9 и др.]. «Спортивные успехи становятся товаром, но они не достигаются с помощью денег, а привнесение коммерческих (и политических!) интересов в

сферу спорта разрушает саму идею равных возможностей, которая лежит в основе всех спортивных состязаний» [3, с. 117].

Особенно сильно от искажений принципов *fair play* пострадал российский спорт. В связи с допинговыми скандалами на нескольких последних Олимпиадах российские спортсмены выходили под нейтральным флагом, а Россия была лишена права на проведение целого ряда крупных спортивных соревнований и участие граждан нашей страны в качестве зрителей [2, с. 97]. С февраля текущего года почти все международные спортивные организации ввели санкции на участие российских спортсменов в крупных турнирах. Россияне исключены из состава участников чемпионатов мира по футболу, хоккею, фигурному катанию; нет доступа для наших спортсменов в еврокубки по футболу и баскетболу, Кубок Дэвиса, Кубки мира по биатлону, фристайлу, прыжкам с трамплина, лыжным гонкам и т.д. Не состоится Молодежный чемпионат мира по хоккею 2023 года в Новосибирске и Омске, к открытию которого построены прекрасные ледовые дворцы. Россия стала изгоем на мировой спортивной арене.

Россия лишена также телевизионных прав на трансляции международных соревнований. Из-за этого пострадали российские телезрители спортивных соревнований, для которых современный спорт является не только средством развлечения, времяпрепровождения, досуга, но и способом переключения с привычных жизненных трудностей и проблем на эмоциональные переживания более высокого уровня, способом снятия психологического напряжения.

Таким образом, этические принципы спорта в современном спорте находятся в кризисе [11], а сам спорт превращается в коммерциализированную структуру и инструмент политического влияния. Поэтому необходимо вернуться к содержанию некоторых понятий, связанных со спортивной деятельностью и ее организацией, для восстановления принципов *fair play* в практике современного спорта.

Как уже было сказано, специфической особенностью спортивной деятельности является ее соревновательный характер. Именно с соревновательным характером и связаны такие понятия, как соб-

ственно соревновательность, состязательность и агональность. Эти понятия часто рассматриваются как синонимы, хотя таковыми они не являются. Более того, содержание этих понятий определяет совершенно разные принципы fair play. Сказанное делает весьма актуальным разведение этих синонимичных понятий и определение роли каждого из них как этической ценности в современном спорте.

Целью статьи является анализ понятий, связанных со спортивной деятельностью, как «соревновательность», «состязательность» «агональность».

Материалом для исследования послужили научные и методические публикации по теме исследования, имеющиеся в открытом доступе. При анализе материала использован лексико-семантический метод.

Результаты и их обсуждение

Анализ основных понятий, связанных со спортивной деятельностью, позволил выяснить содержание этих понятий. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Соревновательность представляет собой идеальную сущность спортивной деятельности, основу которой составляет бескорыстное, чисто соревновательное, начало, способствующее развитию спортсмена и человека. Соревновательность определяет стремление к успеху и выступает как вариант мирной борьбы за преимущество в определенной виде деятельности, не предполагая агрессии или борьбы за обладание жизненно значимыми ресурсами [4]. Соревновательность – это соперничество, которое можно рассматривать и как противостояние, и как преодоление, и даже как своего рода сотрудничество с противостоящей стороной. Именно соревновательный характер спортивной борьбы позволяет достичь максимальных спортивных результатов на пределе возможностей человека. Поэтому спорт предполагает развитие у человека стремления и способности к сопряжению противоположностей [7], выступает средством волевого воспитания и личностного развития атлета.

Принцип соревновательности определяет такие специфические особенности спортивной деятельности, как:

а) стремление максимально совершенствоваться в избранном виде спорта для достижения наивысших результатов; это совершенствование касается как физической, технической и тактической подготовленности, так и развития моральных и волевых качеств;

б) большие физические и психические нагрузки во время систематической подготовки к соревнованиям и на самих соревнованиях;

в) большую силу, глубину и динамичность эмоциональных переживаний, связанных со спортивной деятельностью, которые захватывают спортсменов и оказывают огромное влияние на его деятельность; характерным для спортивной деятельности является быстрый переход от одних переживаний к другим, иногда противоположным по характеру;

г) возникновение нравственных чувств, связанных с глубоким сознанием общественного значения своей спортивной деятельности (ответственность за честь коллектива, города или страны, чувство гордости и т. п.) [1].

Соревновательность проявляется не только на спортивной арене, но и влияет на широкий круг мыслей, поведения и ощущений человека, включая выбор деятельности, прилагаемые усилия и их интенсивность для достижения спортивных целей [17], настойчивость, целеустремленность, выносливость при неудачах, срывах и поражениях.

Состязательность как важнейший атрибут спорта часто рассматривают в качестве синонима соревновательности, а также агональности. Суть состязательности – быть первым среди равных. Цель спортивной состязательности – показать максимум своих возможностей и достигнуть наивысшего результата среди равных по подготовленности соперников в равных условиях спортивной борьбы. Поэтому состязательность нужно рассматривать как принцип организации спортивной, вернее, соревновательной деятельности.

Принцип состязательности был заложен основателем Олимпийского движения современности Пьером де Кубертенем в виде этических норм, предусматривающих «благородное поведение в соперничестве в духе честного соревнования» [14]. Именно этот принцип, по мнению Кубертена, обеспечивал реализацию воспитательной функции спорта.

Принцип состязательности используется не только в спорте, спортивной деятельности, но и в рамках современного судопроизводства. Согласно этого принципа, сторонам обвинения и защиты даются равные процессуальные возможности, а сам суд не зависит от этих сторон и обладает исключительным правом осуществления правосудия. Принцип состязательности заключается в обеспечении законом возможности каждому лицу, участвующему в деле, отстаивать свои права и охраняемые законом интересы, свою позицию в деле [21]. Этот принцип является основополагающим, а его соблюдение – гарантом справедливого, законного правосудия.

Соблюдение принципа состязательности в спорте, основанное на равенстве соревнующихся и независимости спортивного судейства, обеспечивает достижение конечной цели в спорте – достижение наилучшего результата. Поэтому важнейшей задачей организации спортивных соревнований любого уровня является обеспечение равенства стартовых возможностей соревнующихся.

Состязательность рассматривают и в виде определенного психологического состояния, например, мотива деятельности [18]. Мотив деятельности как предмет, побуждающий к ней и определяющий выбор ее направленности, включает в себя три функциональных элемента: элемент достижения инвариантной цели, элемент самоутверждения и состязательный элемент. Так, если человек стремится к наивысшим спортивным достижениям, то делает он это, чтобы установить рекорд (1-й элемент), реализовать в полной мере свои способности (2-й элемент), опередить других (3-й элемент) [18]. В мотиве деятельности людей могут быть представлены и не все его элементы, и их роль в мотивации может оказаться различной. Лучший вариант – когда все они присутствуют и дополняют друг друга. Возможен и такой вариант, когда содержание мотива сводится целиком к состязательному элементу. В этом случае человек совершает какие-то действия исключительно ради того, чтобы опередить других, не отстать от других и т.п., хотя предмет состязательного отношения сам по себе для него совершенно безразличен [10].

Принцип *агональности* (агон с др.-гр. – борьба) был заложен еще в древнегреческом мире, имел там более широкое значение и

понимался тогда, как форма богопочитания, общения человека с богами и предками. «Священнодействие игровой состязательности в древнегреческом олимпизме имело значение космического масштаба, так как утверждало гармонию и порядок бытия...» [16].

Агональность была частью культуры древнегреческого общества и подразумевала не только спортивную состязательность, но и борьбу за первенство в духовных сферах – поэзии, ораторском искусстве и др. [8, 13-14]. Поэтому под агональностью сейчас понимают культуральную форму состязаний, имеющую целью доказать свое превосходство над соперником, организованную согласно определенным правилам, имеющую собственное мировоззрение, манифестирующее и легитимирующее состязательное стремление в человеке и имеющую «серьезный» (не развлекательный) характер [15, с. 120].

В связи с вышесказанным, агональность современному спорту не присуща, а сам современный спорт представляет собой лишь «самостоятельное выражение агональных инстинктов, над которым довлеют идеалы рекордомании» [16, с. 77].

Однако интересно мнение П. Снежицкого с соавт. [19], считающих, что соревнования можно рассматривать как вид агональной деятельности, т.к. они специфически влияют на нейрогуморальное состояние организма спортсменов, повышают конкурентные способности и личностные качества соревнующихся. По мнению авторов, двигательный опыт, полученный на более высоком эмоциональном уровне, который связан с сильным выбросом адреналина для решения соревновательной ситуации спортсменом, является более устойчивым, качественным и продолжительным, нежели подобный опыт, полученный в процессе тренировки или обыденной жизнедеятельности. С последним высказыванием трудно не согласиться.

Заключение

Мы рассмотрели некоторые аспекты современного спорта, связанные с отступлением от этических принципов *fair play*, что лишает спорт его изначального смысла – стремления к достижению совершенства. В основе этических принципов лежит несколько по-

ятий, близких по содержанию и связанных со спортивной деятельностью – соревновательность, состязательность и агональность. Соревновательность как соперничество определяет идеальную сущность спорта как, прежде всего, соревновательной деятельности и обеспечивает достижение максимально возможных спортивных результатов. Состязательность можно рассматривать как принцип организации соревновательной деятельности, предусматривающий обеспечение равенства стартовых возможностей соревнующихся. Под агональностью понимают организованное согласно определенным правилам состязание, основанное на собственном мировоззрении, реализующее состязательное стремление в человеке и имеющее неигровой характер. Именно последнее делает данное понятие не применимым для характеристики современного спорта, одной из характеристик которого является развлекательный характер. Понимание сущности рассмотренных понятий позволяет лучше понять принципы, механизмы и содержание спортивной деятельности.

Список литературы

1. Алешков И.А. Опыт психологического анализа спортивной деятельности // Психология спортивной деятельности. М.: ВНИИФК, 1978. 168 с.
2. Амиров И.М. Актуальные вопросы обеспечения прав человека в современном обществе // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения свобод человека и гражданина, 2018. №3. С. 94-98
3. Бабанов И.В., Гришина Е.А. Современный спорт – проблемы и противоречия // Социологические исследования, 2018. №6 (410). С. 116-124. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060107>
4. Баранов В.В., Белоновская И.Д. Принцип состязательности (агональности) в формировании конкурентного ресурса студента // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12371> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Берсенева Т.П. Современный спорт: феномен культурного псевдоморфоза // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства, 2021. № 55. С. 62-69

6. Визитей Н., Дорган В. Основные тенденции влияния спорта на личность // Наука и спорт: современные тенденции, 2016. Т. 12. № 3(12). С. 3-12.
7. Визитей Н.Н., Манолаки В.Г. Спорт и идея олимпизма (философско-культурологический анализ проблемы) // Наука и спорт: современные тенденции, 2013. Т. 1. № 1(1). С. 57-68.
8. Данилов Р.С. Состязательность как форма социального бытия человека : автореф. дисс. канд. филос. наук. Саратов, 2007. 18 с.
9. Демьянова Л.М., Кажин В.В., Чернышева Д.И. Развитие современного спорта // Аллея науки, 2019. Т. 3. №12 (39). С. 91-94
10. Зиборова Е.И. К характеристике структуры состязательных отношений // Теоретическая и прикладная социальная технология: сб. науч. статей. – Белгород: изд. центр «Логия», 2003. Вып. 4, С. 79-81
11. Казанцева Н.В., Казанцев В.С. Кризис этических принципов фэйр-плей в современном спорте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта, 2022. № 2 (204). С.188-192
12. Матвеев Л.П. Обобщающая теория физической культуры на текущем этапе своего становления // Теория и практика физической культуры. 2009. № 9. С. 16-17
13. Мягкова С.Н., Истягина-Елисеева Е.А. Эволюция принципа состязательности в античности и Западной Европе средневековье // Юбилейн. сб. тр. учен. РГАФК, посвящ. 80-летию акад. М., 1998. Т. 5. С. 96-104. URL: <http://lib.sportedu.ru/Texts.idc?DocID=102015> (дата обращения: 02.11.2022)
14. Олимпийское движение и его правила. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/olimpizm/3025486.html> (дата обращения: 01.11.2022)
15. Плетников В.В. Агональность как тип состязательности: характеристика и сущностные черты. // Социум и власть. 2017. №4 (66). С. 114-121
16. Серегин Б.В. Феномен состязательности в спорте: религиозно-этические и культурно-исторические основания. // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2020. № 2 (34). С. 74-80.
17. Сигал Н.С., Гант Е.Е., Шаталова О.В., Писаренко О.Ю. Роль мотивации достижения в спортивной деятельности. // Слобожанский научно-спортивный вестник. 2011. № 2(26). С. 229-234.

18. Славко А.Л. Социокультурные особенности физкультурно-спортивной деятельности // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». Выпуск 3 (21), 2021. URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/782-5.htm> (дата доступа 11.10.2022)
19. Снежицкий П., Грузд Н. Агональность как средство формирования двигательной культуры школьников. // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2022. № 2(26). С.40-52.
20. Столяров В.И. От гуманистической теории спорта – к теории гуманизации соперничества // Теория и практика физической культуры. 2003. № 5. С. 13-15
21. Томина А.П. Состязательность в системе принципов: некоторые аспекты взаимодействия // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2010. №11. С. 219-227

References

1. Aleshkov I.A. Opyt psikhologicheskogo analiza sportivnoy deyatel'nosti [Experience of psychological analysis of sports activity]. *Psikhologiya sportivnoy deyatel'nosti* [In the collection: Psychology of sports activity]. Moscow: VNIIFK, 1978, 168 p.
2. Amirov I.M. Aktual'nye voprosy obespecheniya prav cheloveka v sovremennom obshchestve [Actual issues of ensuring human rights in modern society]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya svobod cheloveka i grazhdanina* [Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil freedoms], 2018, no. 3, pp. 94-98
3. Babanov I.V., Grishina E.A. Sovremennyy sport – problemy i protivorechiya [Modern sport – problems and contradictions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2018. No.6 (410). pp. 116-124. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060107>
4. Baranov V.V., Belonovskaya I.D. Printsip sostyazatel'nosti (agonal'nosti) v formirovanii konkurentnogo resursa studenta [The principle of competitiveness (agonality) in the formation of a student's competitive resource]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern prob-

- lems of science and education]. 2014. No. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12371>
5. Berseneva T.P. Sovremennyy sport: fenomen kul'turnogo psevdomorfoza [Modern sport: the phenomenon of cultural pseudomorphosis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Art], 2021, no. 55, pp. 62-69
 6. Vizitey N., Dorgan V. Osnovnye tendentsii vliyaniya sporta na lichnost' [The main trends of the influence of sports on personality]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii* [Science and sport: modern trends], 2016, vol. 12, no. 3(12), pp. 3-12.
 7. Vizitey N.N., Manolaki V.G. Sport i ideya olimpizma (filosofsko-kul'turologicheskii analiz problemy) [Sport and the idea of Olympism (philosophical and cultural analysis of the problem)]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii* [Science and sport: modern trends], 2013, vol. 1, no. 1(1), pp. 57-68.
 8. Danilov R.S. *Sostyazatel'nost' kak forma sotsial'nogo bytiya cheloveka: avtoref. diss. kand. filos. nauk* [Competitiveness as a form of human social existence : abstract. diss. cand. philos. sciences']. Saratov, 2007, 18 p.
 9. Dem'yanova L.M., Kozhin V.V., Chernysheva D.I. Razvitie sovremennogo sporta [Development of modern sports]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 2019, vol. 3, no. 12 (39), pp. 91-94
 10. Ziborova E.I. K kharakteristike struktury sostyazatel'nykh otnosheniy [On the characterization of the structure of adversarial relations]. *Teoreticheskaya i prikladnaya sotsial'naya tekhnologiya: sb. nauch. statey* [Theoretical and applied social technology: collection of scientific. Articles]. Belgorod: publishing center "Logia", 2003, issue 4, pp. 79-81
 11. Kazantseva N.V., Kazantsev V.S. Krizis eticheskikh printsipov feyr-pley v sovremennom sporte [The crisis of ethical principles of fair play in modern sports]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific notes of the P.F. Lesgaft University], 2022, no. 2 (204), pp.188-192
 12. Matveev L.P. Obobshchayushchaya teoriya fizicheskoy kul'tury na tekushchem etape svoego stanovleniya [Generalizing theory of physical culture at the current stage of its formation]. *Teoriya i praktika fizich-*

- eskoj kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 2009, no. 9, pp. 16-17
13. Myagkova S.N., Istyagina-Eliseeva E.A. Evolyutsiya printsipa sostyazatel'nosti v antichnosti i Zapadnoevropeyskom srednevekov'e [The evolution of the principle of competition in antiquity and the Western European Middle Ages]. *Yubileynyj sbornik trudov uchenykh RGAFK, posvyashchennyj 80-letiyu akademii* [Anniversary collection of works of RGAFK scientists dedicated to the 80th anniversary of the Academy]. M., 1998. Vol. 5. Pp. 96-104. URL: <http://lib.sportedu.ru/Texts.idc?DocID=102015> (accessed: 02.11.2022)
 14. *Olimpiyskoe dvizhenie i ego pravila* [Olympic Movement and its rules]. <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/olimpizm/3025486.html> (accessed: 01.11.2022)
 15. Pletnikov V.V. Agonal'nost' kak tip sostyazatel'nosti: kharakteristika i sushchnostnye cherty [Agonality as a type of competition: characteristics and essential features]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2017, no. 4 (66), pp. 114-121
 16. Seregin B.V. Fenomen sostyazatel'nosti v sporte: religiozno-eticheskie i kul'turno-istoricheskie osnovaniya [The phenomenon of competitiveness in sports: religious-ethical and cultural-historical grounds]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of the L. N. Tolstoy TSPU], 2020, no. 2 (34), pp. 74-80.
 17. Sigal N.S., Gant E.E., Shatalova O.V., Pisarenko O.Yu. Rol' motivatsii dostizheniya v sportivnoy deyatel'nosti [The role of achievement motivation in sports activity]. *Slobozhanskiy nauchno-sportivnyy vestnik* [Slobozhansky scientific and Sports Bulletin], 2011, no. 2(26), pp. 229-234.
 18. Slavko A.L. Sotsiokul'turnye osobennosti fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti [Socio-cultural features of physical culture and sports activity]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie «Analitika kul'turologii»* [Electronic scientific publication "Analytics of cultural studies"], 2021, issue 3 (21). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/782-5.htm> (accessed 11.10.2022)
 19. Snezhitskiy P., Gruzd N. Agonal'nost' kak sredstvo formirovaniya dvi-gatel'noy kul'tury shkol'nikov [Agonality as a means of forming the motor culture of schoolchildren]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika*

- fizicheskoy kul'tury i sporta* [Human health, theory and methodology of physical culture and sports], 2022, no. 2(26), pp.40-52.
20. Stolyarov V.I. Ot gumanisticheskoy teorii sporta – k teorii gumanizatsii sopernichestva [From the humanistic theory of sports to the theory of humanization of rivalry]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 2003, no. 5, pp. 13-15.
21. Tomina A.P. Sostyazatel'nost' v sisteme printsipov: nekotorye aspekty vzaimodeystviya [Competitiveness in the system of principles: some aspects of interaction]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy], 2010, no. 11, pp. 219-227.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Левина Ирина Леонидовна, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики *Федеральное казенное образовательное учреждение Кузбасский институт ФСИИ России* *проспект Октябрьский, 49, г. Новокузнецк, Кемеровская область – Кузбасс, 654066, Российская Федерация*
levina_i@mail.ru

Каграмова Рейхан Ибрагимовна, аспирант кафедры мобильных энергетических средств и сельскохозяйственных машин им. профессора А. И. Лещанкина *Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева* *ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Российская Федерация*
mega.reyhan97@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina L. Levina, Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

*Federal State Educational Institution Kuzbass Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia
49, Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, Kemerovo Region - Kuzbass,
654066, Russian Federation
levina_i@mail.ru
SPIN-code: 8853-0937
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3703-1826>*

Reyhan I. Kagramova, post-graduate student of the Department of Mobile Power Equipment and Agricultural Machinery named after Professor A. I. Leshchankin
*N. P. Ogarev Mordovian State University
68, Bolshevikskaya Str., Saransk, Republic of Mordovia, 430005,
Russian Federation
mega.reyhan97@mail.ru*

Поступила 23.11.2022
После рецензирования 30.11.2022
Принята 06.12.2022

Received 23.11.2022
Revised 30.11.2022
Accepted 06.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-431-449

УДК 316.334.55

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ЭВОЛЮЦИЮ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

В.С. Шмаков

Определяющим фактором социокультурной трансформации является производственно-экономическая модернизация меняющая структуру мировой экономики в целом. Ведущей тенденцией развития цивилизации становится стремление к единообразию, что приводит к необходимости анализа сочетания, соотношения, взаимодействия «модернизированных» и «традиционных» форм развития локальных сообществ.

***Целью исследования** является анализ влияния процессов производственно-экономической модернизации на модификацию социокультурного развития, определения взаимосвязей и взаимозависимостей экономики, культуры и социальности, выявлении причинно-следственных связей и тенденций эволюции социокультурной сферы.*

***Материалы и методы.** Изучение процессов производственно-экономической и социокультурной трансформации в рамках полипарадигмального подхода, позволяет использовать набор научно-исследовательских парадигм, в рамках которых рассматриваются различные аспекты модернизации. Цивилизационный подход дает возможность объяснить проблему соотношения, взаимодействия общецивилизационных универсалий и локальной специфики.*

***Результаты.** В статье показано, что основные тенденции производственно-экономического и социокультурного развития локальных сообществ формируются под воздействием внутренних и внешних факторов. Модификация производственно-экономи-*

ческой сферы способствует эволюции культуры и социальности, определяет структуру жизнедеятельности локальных сообществ, формирует новую систему разноплановых процессов деятельности. Прослеживаются деструктивные тенденции, приводящие к дезинтеграции целостности социокультурного пространства, снижению стабилизирующего потенциала традиционного уклада локальных сообществ, с последующей пауперизацией и маргинализацией значительной части населения.

Диверсификация производственно-экономической деятельности способствует модификации социокультурного образа жизни, переходу от парадигмы сохранения устойчивости традиций к парадигме инновационных изменений.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы для дальнейших исследований процессов социокультурного развития и в процессе преподавания общественных дисциплин.

Ключевые слова: глобализация; производственно-экономическая модернизация; социокультурная трансформация; локальные сообщества; устойчивое развитие

THE IMPACT OF INDUSTRIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT ON THE SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF LOCAL COMMUNITIES

V.S. Shmakov

The determining factor of socio-cultural transformation is industrial and economic modernization, which changes the structure of the world economy as a whole. The leading trend in the development of civilization is the desire for uniformity, which leads to the need to analyze the combination, correlation, interaction of “modernized” and “traditional” forms of development of local communities.

The aim of the study is to analyze the impact of the processes of production and economic modernization on the modification of sociocultural development, to determine the relationships and interdependencies of the

economy, culture and sociality, to identify cause-and-effect relationships and trends in the evolution of the sociocultural sphere.

Materials and methods. *The study of the processes of production, economic and socio-cultural transformation within the framework of a polyparadigm approach allows using a set of research paradigms, within which various aspects of modernization are considered. The civilizational approach makes it possible to explain the problem of correlation, interaction of general civilizational universals and local specifics.*

Results. *The article shows that the main trends in the production, economic and socio-cultural development of local communities are formed under the influence of internal and external factors. Modification of the production and economic sphere contributes to the evolution of culture and sociality, determines the structure of the life of local communities, forms a new system of diverse processes of activity. There are destructive tendencies leading to the disintegration of the integrity of the socio-cultural space, a decrease in the stabilizing potential of the traditional way of local communities, followed by pauperization and marginalization of a significant part of the population. The diversification of production and economic activities contributes to the modification of the socio-cultural way of life, the transition from the paradigm of maintaining the stability of traditions to the paradigm of innovative changes.*

Practical implications. *The results can be used for further research into the processes of sociocultural development and in the process of teaching social disciplines.*

Keywords: *globalization; industrial and economic modernization; socio-cultural transformation; local communities; sustainable development*

Введение

Трансформация геополитической картины мира углубляет производственно-экономические и социокультурные противоречия и способствует накоплению конфликтного потенциала, связанного с конкуренцией за ресурсы и рынки сбыта.

Гипотезой, определяющей цель исследования, является представление о том, что наиболее значимые механизмы, регламенти-

рующие устойчивое развитие локальных сообществ детерминируются производственно-экономическими и социокультурными связями и отношениями, обуславливающими системную трансформацию: развивается многоукладная экономика, трансформируются и разрушаются традиционные формы организации производства. Диверсификация производственно-экономической деятельности способствует модификации социокультурного образа жизни локальных сообществ, переходу от парадигмы сохранения устойчивости традиций к парадигме инновационных изменений. В этом смысле глобализация меняет вектора и механизмы социокультурного развития локальных сообществ, всех сфер жизнедеятельности. Имея в виду, что социокультурный фактор служит своеобразным фундаментом, основой сохранения традиционной культуры и социальности, активизируются тенденции противостояния глобальности и локальности. Процесс эволюции социокультурного пространства осуществляется под воздействием совокупности экзогенных и эндогенных факторов, включая геоэкономические, геополитические и геокультурные детерминанты. Внутренние и внешние воздействия на социокультурную жизнь локальных сообществ определяют инновации, порождаемые в ходе трансформации, которые можно интерпретировать как «локальные ответы», продуцируемые в процессе жизнедеятельности в целях сохранения устойчивого развития. А.И. Неклесса подчеркивает, что в условиях меняющегося мира «Перспектива устойчивого (высокоадаптивного) развития и обустройства связана со способностью человека усваивать и осваивать кризисные коллизии, преодолевать их, используя многообразие опыта как ресурс, а, усложняясь, удерживать обретенный комплексный гештальт – образ полифоничного бытия, избегая при этом как усечения дискурса, так и собственной стагнации, стандартизации, самоотчуждения. Таким образом, знание из утилитарного и схоластичного становится динамичным и экзистенциальным, а понимание – неотделимым от применения. Иначе говоря, в социальном знании произошел переворот аналогичный технологизации естественных наук» [9, с.41].

В процессе трансформации культуры и социальности прослеживается диалектическое противоречие. Глобализация, способствуя формированию мироцелостности, предопределяет тенденции к объединению в «мир-систему», обуславливает эволюцию культуры и социальности, в то же время концептуализируется идея разграничения, дифференциации социокультурного пространства, разделения регионов и стран на богатых и бедных. Отмечается стремление этнических и религиозно различных стран к сохранению государственности, культуры и социальности, консервации социокультурных традиций и ценностей. В результате, глобализация, оказывая давление на социокультурное пространство, способствует столкновению локальностей, форматируя процессы не только объединения социокультур, но и их дифференциацию, разграничение.

Целью исследования является анализ проблемы влияния производственно-экономической модернизации на эволюцию социокультурного развития локальных сообществ. В процессе трансформации меняется структура производства, модифицируются формы собственности, кардинально видоизменилось идеологическое содержание социокультурной жизни, что приводит к резким преобразованиям системы социокультурных и институциональных отношений. Происходящие процессы в производственно-экономической, социокультурной и институциональной сфере породили внутреннюю нестабильность, неустойчивость и неравномерность онтогенеза локальных сообществ, раскрыли неспособность усвоить новую логику жизни.

Постановка проблемы определения формирующейся парадигмы социокультурного развития локальных сообществ, основывающаяся на трансформации производственно-экономических практик, базирующихся на концепции многоукладной экономики и многофункциональности, актуализируется в условиях давления глобализации на эволюцию локальностей. Приоритетом развития локальных сообществ фиксируется необходимость сохранения и поддержания социокультурных традиций, обычаев, ценностных установок. Растущая социальная уязвимость сообществ создает

определенные условия для утраты самобытности, способности к самоидентификации, ведет к деструкции социокультурной идентичности. Подчеркнем, что при исследовании социально-экономических процессов за чертой объяснительных конструкций зачастую остаются обстоятельства, не сводимые непосредственно к политике и экономике. Необходимость включения в исследовательскую парадигму факторов социокультурного развития: социокультурных традиций, психологический склад нации, национальный характер и т. д., служит необходимым условием фундаментального анализа влияния этих акторов на производственно-экономическое развитие.

Материалы и методы

Мы рассматриваем объект исследования как сложную конструкцию обладающую целостностью, структурностью, иерархичностью, включенную в более общую структуру. Локальное сообщество представляет «открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся между собой членов сообщества, коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями. Сообщество выступает как субъект управления, определяющий и защищающий общие интересы. Деятельность сообщества направлена на сохранение, развитие, самосовершенствование в целях улучшения уровня и качества жизни людей» [14, с. 141–142]. Это в идеале. Но давление глобализации меняет ракурсы традиционного социокультурного развития. Разрушение традиционного производственно-экономического потенциала, развитие многоукладной экономики, изменение отношений собственности меняет ценностные ориентации жителей локальных сообществ. Процессы дезинтеграции детерминируют социокультурные и институциональные преобразования, обуславливают радикальные изменения традиционного образа жизни, вносят вклад в формирование деструкции сообществ, форматируют разрывы в социально-экономическом развитии стран и регионов,

предопределяют процессы дифференциации, фрагментации, локализации.

Локальные сообщества можно определить как своеобразные гео-социо-культурные общности – устойчивую совокупность людей, объединенных целостностью условий, принципов, правил жизнедеятельности, проявляющихся в специфике культуры и социальности, в географических и историко-временных рамках.

Использование системного анализа дает возможность отразить процессы производственно-экономической и социокультурной трансформации в комплексе, с учетом традиций и новаций, привносимых в социокультурное пространство. Исследование процессов социально-экономических преобразований осуществляется в рамках полипарадигмального подхода, дающего совокупность научно-исследовательских парадигм, изучающих различные аспекты модернизации, поскольку сложность и неоднозначность социально-экономического развития делает невозможным применение какой-либо одной теории в качестве объяснительной стратегии. Социокультурный подход позволяет раскрыть тенденции трансформации социокультурного пространства, результаты изменения социокультурной среды.

Результаты и обсуждение

Происходящие трансформации осуществляются не в виртуальном пространстве, а основываются на глубинных устойчивых производственно-экономических, социокультурных и институциональных конструкциях, традициях и ценностных установках, сформировавшихся в процессе исторического развития, порождая культуру и социальность, обладающих своеобразием и индивидуальностью. Исторически Российская Федерация представляет собой массу локальностей, отличающихся спецификой: национальной, религиозной, имеющих не тождественные, зачастую, разнорядковые, уровни социально-экономического развития.

Мы полагаем, что анализ концептуальных и методологических подходов к исследованию влияния производственно-экономической

модернизации на эволюцию культуры и социальности локальных сообществ позволяет дать непротиворечивое и логичное описание социокультурных аспектов преобразований, выявить ключевые тенденции социокультурных изменений.

Важно определить особенности и специфику, представить, в основных контурах, перспективы реформирования системы социокультурных отношений. Литература обширна и объемна. Мы остановимся на двух проблемах: трансформация производственно-экономических отношений и их воздействие на эволюцию социокультурной сферы жизнедеятельности локальных сообществ.

При анализе влияния производственно-экономических факторов на социокультурное развитие, определения перспектив эволюции социокультурного пространства локальных сообществ, кристаллизуется социологическая проблема жизнедеятельности сообществ выпадающих из рамок глобализационных процессов [16; 8, с. 131–136; 5, с. 25–33; 2, с. 16–24; 13, с. 55–65; 6, с. 162–175; 15, с. 1–44; 11, с. 25–45]. Производственно-экономическая модернизация оказывает влияние на сложившуюся традиционную структуру социокультурных связей, отношений и взаимодействий создающих условия для воспроизводства человеческого капитала в процессе трансформации [3, с. 3–17; 4, с. 155–172].

Очевидно, что социогуманитарная отрасль научного знания формирует свои взгляды и принципы понимания феномена, создает собственную методику и методологию анализа. В весьма полезной работе П.А. Амбаровой «Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории» анализируется проблема социальной фрагментации в современном российском обществе. Автор особо отмечает, что для социологической теории, обращенной к феномену социальной фрагментации, в целом характерна апелляция к общностному (групповому) уровню социальной реальности: «фрагментирование/интегрирование «ткани» социальных отношений и взаимодействий представляют основные процессы в ядре социума – социальных группах и общностях» [1, с. 47]. В этом смысле проблема социокультурного развития акцен-

тирует необходимость оценки, восприятия и объяснения соотношения понятий «традиция» и «современность», «локальность» и «глобальность» в условиях проявления производственно-экономических аспектов глобализации, оказывающих давление на социокультурное развитие локальных сообществ, воспроизводя кризис идентичности. М.С. Стычинский, рассматривая проблему кризиса идентичности, подчеркивает «что в результате разворачивания интеграционных процессов произошел так называемый кризис идентичности, когда существовавшая ранее конструкция идентификационного позиционирования фактически была разрушена, а новая пока еще не оформилась. Процессы локализации, выступающие в качестве реакции национальных сообществ на влияние глобализации, способствуют выстраиванию новых идентификационных конструктов» [12, с. 35]. В.Т. Михайлов и Й. Рунге, анализируя механизмы и результаты процесса идентификации с определенной территорией, обращают внимание на то, что «территориальная/пространственная идентичность возникает при наличии привязанности человека к данным фрагментам географического пространства». И далее, акцентируется «необходимость разграничивать внутреннюю и внешнюю идентичность, а также на значение, которое пространственные (геополитические, цивилизационные и социально-экономические) коды имеют в процессах их формирования и динамики» [7, с. 52]. Модернизация, имея системный характер, осуществляет давление на сложившуюся национальную конструкцию социокультурных связей и взаимодействий, сохраняющих и обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала. Как подчеркивает П.Б. Салин «Ключевая задача в условиях «новой нормальности» – не дать противоречивым тенденциям разорвать пока ещё единую ткань национального пространства и проекции национальных интересов во внешнюю среду» [10, с. 143].

Выделим ряд производственно-экономических проблем, в той или иной степени влияющих на эволюцию социокультурного пространства локальных сообществ. Производственно-экономическая модернизация детерминирована закономерностями трансформации

мировой экономики в условиях глобализации и осуществляет тотальное воздействие, во-первых, на модификацию локальных, традиционных производственно-экономических отношений в условиях прогрессирующего давления глобализованной индустриальной культуры, углубляющей, расширяющей контакты, активизирующей взаимодействия производственно-экономических структур локальных сообществ и мировой экономики. Во-вторых, формирующиеся производственно-экономические отношения оказывают воздействие на трансформацию традиционных жизненных укладов локальных сообществ. В условиях глобальной и локальной модернизации производственно-экономической деятельности перестраивается система и структура производства и формы собственности.

1. Диверсификация производства предопределяет поляризацию и сегментацию производственно-экономического и социокультурного пространства и разделение на кластеры инновационных преобразований и возникновение депрессивных территорий, углубляет процессы дезинтеграции локальных сообществ.
2. Разрушение локальных производственно-экономических отношений детерминирует структурную деформацию локальных экономик, обуславливает утрату приобретенного традиционного технико-технологического потенциала, упадок традиционных форм организации экономики.
3. Невозможность составить конкуренцию с технологически более оснащенными производствами, приводит к деградации и исчезновению традиционных хозяйственных укладов, что программирует нарушение единства, целостности локальных сообществ, модифицирует социальную структуру сообщества, определяет возникновение разнонаправленных полюсов жизни, служит источником локальных, национальных и глобальных миграций.
4. Формирование территорий с высокотехнологичным производственно-экономическим развитием и возникновение деградирующих зон порождает разделение производствен-

но-экономического и социокультурного пространства, активизирует процесс специализации регионов.

5. Фундаментальные производственно-экономические сдвиги в развитии локальных сообществ детерминируют социокультурные и институциональные преобразования, обуславливают радикальные изменения традиционного образа жизни.
6. Локальные сообщества в процессе адаптации претерпевают дезорганизацию социокультурных институтов, что привело к неоднозначности и неустойчивости условий жизнедеятельности, способствующих деструкции сообществ.

В целом, можно подчеркнуть, что производственно-экономические процессы, проходящие в локальных сообществах, предопределяют эволюцию социокультурного развития, обуславливают необходимость поиска наиболее жизнестойких приспособительных реакций дающих возможность адаптироваться к новым условиям существования, нивелировать негативное давление со стороны глобализованного социума. Трансформация производственно-экономических отношений локальных сообществ, преобразовав организационно-экономические механизмы, обеспечивающие функционирование производства, изменила структуру социокультурного пространства, разрушая взаимодействие и взаимосвязи основных элементов: личность, общество, культура. Глобализационные процессы, реализуя посылы к унификации социокультурного пространства, блокируют развитие традиционной культуры и социальности локальных сообществ, повышают социальное напряжение. Выработываемые ответы на вызовы модернизации можно выразить в определенной системе, учитывая не только непосредственные изменения в производственно-экономической сфере, но и социокультурные последствия перемен. Оценка влияния производственно-экономических реформ на модификацию социокультурного пространства, обуславливающих перспективы развития локальных сообществ, позволяет выделить факторы, оказывающие влияние на формирование моделей развития культуры и социальности, определить «цену за услуги».

1. Формирующиеся производственно-экономические отношения, обуславливают радикальное преобразование устоявшегося образа жизни населения. Глобализация форсирует, углубляет коммуникации и взаимосвязи социально-экономических структур локальных сообществ с «большим» миром. В процессе трансформации осуществляется своеобразный переход от сложившейся закрытой структуры традиционного общества в глобализованную либеральную конструкцию.
2. Модификация производственно-экономических отношений проходящая в локальных сообществах, видоизменяет традиционное состояние социокультурного развития, определяет необходимость вырабатывать адаптационные реакции, направленные на нивелирование негативного влияния со стороны глобализованного социума. Вся деятельность локального сообщества обращена на сохранение, развитие, самосовершенствование в целях улучшения уровня и качества жизни людей в новых социально-экономических условиях.
3. Жизнь локальных сообществ определяется процессами взаимовлияния и взаимодействия с внешней средой обитания. Глобализованные производственно-экономические и социокультурные детерминанты, вступая во взаимодействия с локальными, генерируют новые социокультурные идентичности, разрушая традиционные. В ходе коммуницирования складываются модели социокультурного развития, демонстрирующие содержание процессов трансформации.
4. Производственно-экономическая модернизация в условиях давления «мирекономики» трансформирует традиционные производственно-экономические отношения. В локальных сообществах, имеющих условия для индустриального развития в рамках геоэкономики, ресурсы, кадры развиваются процессы формирования инновационных производственно-экономических отношений, углубляются, расширяются экономические контакты, активизирующие взаимодействия производственно-экономических структур локальных сообществ и мировой экономики. Диверсификация производства предопределяет поляризацию и

сегментацию производственно-экономического и социокультурного пространства. Регионы разделяются на кластеры инновационных преобразований и депрессивных территорий, углубляются процессы дезинтеграции локальных сообществ. Жители локальных сообществ ощущают на себе воздействие глобальных тенденций: рост социального расслоения, безработица, миграция, депопуляция, глобальная трансформация социальных институтов и т. д. Изменяются ролевые функции локальных сообществ в социально-экономической системе, что приводит к появлению «проигрывающих сообществ». Растет уровень бедности, формируется негативная социальная и демографическая динамика, возникает тенденция к маргинализации населения. Проблема сохранения устойчивого развития усложняется. При отсутствии перспективы миграции, условия жизнедеятельности локальных сообществ оказываются, по сути, безысходными, складываются отрицательные производственно-экономические, социокультурные и институциональные последствия.

5. Социокультурные процессы явление не однозначное, обладает сложной структурой, что обуславливает казуальность объяснения эволюции. Анализ динамики социокультурного развития показывают, что имеет место два одновременных процесса: упорядочения и хаотизации. 1. Распад традиционной культуры и социальности предопределяет дезориентацию, потерю идентичности, ведет к разрушению традиционных связей и отношений в сообществе, что программирует необходимость поиска моделей адаптации. 2. Попытка сохранить традиционную культуру и социальность приводит к росту социальной уязвимости, замкнутости локального сообщества. Локальные сообщества впадают в состоянии аномии и распада.

Заключение

Анализ воздействия производственно-экономических реформ обуславливающих социокультурное развитие локальных сообществ, дает возможность выделить факторы, определяющие перспективы развития культуры и социальности.

1. Глобализация, формируя единое экономическое и социокультурное пространство, приводит к столкновению локальностей, прослеживаются тенденции не только объединения культур, но и их противопоставление, разъединение. Оформляется парадигма нелинейности, зависимости мирового сообщества от взаимодействия, столкновения глобализационных и локальных процессов.
2. Механизмы глобализации, реализуя стремление к унификации социокультурного пространства, блокирует развитие культуры и социальности локальных сообществ, создают социальное напряжение. Разрушается единство локальных сообществ, происходит снижение роли традиционных межличностных связей, отношений солидарности, взаимной поддержки и защиты и т. д. Повышается уровень беззащитности сообществ, снижаются демографические показатели, падает уровень образования и культуры. Особенно опасным последствием разрушения локальных социокультурных связей оказывается потеря чувства самоидентификации, деструкция социокультурной идентичности.
3. Разрушение традиционного образа жизни влечет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и на локальном уровне, определяет стремление к сохранению социокультурных традиций, обычаев, ценностных установок. При этом необходимо отметить, что этническая принадлежность остается одним из важных факторов сохранения традиционных социокультурных отношений как и религия, продолжающая играть существенную роль в локальных сообществах.
4. Процесс смены ценностных стереотипов формирует способность к социальной мимикрии, проявляются маргинальные качества. Прослеживаются попытки адаптироваться к социокультурному кризису, перестроиться в рамках новых социально-экономических условиях, обрести облик, который является наиболее эффективным в данной ситуации.

Влияние глобализации достаточно многомерно и имеет некоторую диалектическую двойственность. С одной стороны, трансформируются производственно-экономические отношения, формируется единое мировое экономическое пространство. С другой стороны, разрывы в социально-экономическом развитии стран и регионов предопределяют процессы дифференциации, фрагментации, локализации.

Направление социокультурного развития российского общества не определено. Формирующийся синтез, взаимодействие глобальных и локальных факторов, определяющих эволюцию социокультурного развития локальных сообществ, порождает два вектора движения. 1. Производственно-экономические, социокультурные и институциональные отношения внутри локальных сообществ, в определенной степени, зависят от общих закономерностей модернизации в условиях глобальной и региональной реструктуризации и вынуждены подчиняться давлению глобализации. 2. Идет процесс формирования моделей социокультурного поведения в зависимости от доступных сообществу ресурсов и технологий, выражающийся в попытке сохранить традиционный образ жизни. Эти модели социокультурного поведения объединяют население в специфическую социально-территориальную локацию. Концентрированное выражение этих процессов отражается в социальной структуре, характере и образе жизни. 3. Исчезновение традиционных хозяйственных укладов программирует нарушение единства, целостности локальных сообществ, модифицирует социальную структуру сообщества, предопределяет возникновение разнонаправленных полюсов жизни, служит источником локальных, национальных и глобальных миграций.

Процессы дезинтеграции детерминируют социокультурные и институциональные преобразования, предопределяют процессы дифференциации, фрагментации, локализации. Складывающиеся модели социокультурного развития обладают высокой степенью динамичности, сохраняя определенный уровень локальности в сфере социокультурной жизни.

Список литературы

1. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С.41–51. <https://doi.org/10.31857/S013216250017229-4>
2. Гаджиев Р.С. О содержании социокультурных систем // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 16–24.
3. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования, 2019. № 11. С. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>
4. Калинин А.М., Самохвалов В.А. Стратегические дисбалансы экономической политики // ЭКО. 2022. № 8 (578). С. 155–172. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-155-172>
5. Лапин Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // Власть. 2017. № 3. С. 25–33.
6. Межуев Б.В. «Остров Россия» и российская политика идентичности // Россия в глобальной политике. 2019. № 6. С.162–175.
7. Михайлов В. Т., Рунге Й. Идентичность человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. №1. С. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
8. Морина Л. П. Социокультурные трансформации в современном мире: аналитические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 131–136.
9. Неклесса А.И. Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04>
10. Салин П.Б. Эпоха на разрыв // Россия в глобальной политике. 2020. № 6 (106). С. 134–143.
11. Семеренко И.С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверье этического поворота // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 25–45. DOI 10.17976/jpps/2021.02.03.

12. Стычинский М.С. Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализация в условиях глобализации // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 35–39.
13. Шакирова Е.Ю., Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: антропологические метаморфозы // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 55–65.
14. Шмаков В.С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145.
15. Flew T. Populism and Globalization: Towards a Post-Global Era? [Электронный ресурс]. January 22. 2019. P. 1–44. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3321448>
16. Mendis Patrick. Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. Lulu.com, 2007-01-01. 442 с.

References

1. Ambarova P.A. Social'naya fragmentaciya soobshchestv v sovremennoj Rossii: v poiskah sociologicheskoy teorii [Social Fragmentation of Communities in Modern Russia: in Search of a Sociological Theory]. *Sociological research*, 2022, no. 1, pp. 41–51. <https://doi.org/10.31857/S013216250017229-4>
2. Gorshkov M.K. O social'nyh rezul'tatah postsovetskih transformacij [About the social results of post-Soviet transformations]. *Sociological research*, 2019, no. 11, pp. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2>
3. Gadzhiev R.S. O sodержanii sociokul'turnyh sistem [About the content of socio-cultural systems]. *Questions of philosophy*, 2018, no. 11, pp. 16–24.
4. Kalinin A.M., Samohvalov V.A. Strategicheskie disbalansi ekonomicheskoi politiki [Strategic imbalances of economic policy]. *ECO*, 2022, no. 8 (578), pp. 155–172. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-8-155-172>
5. Lapin N. I. Spontannost' modernizacii v regionah Rossii i konstitucionnye principy ee regulirovaniya [The spontaneity of moderniza-

- tion in the regions of Russia and the constitutional principles of its regulation]. *Power*, 2017, no. 3, pp. 25–33.
6. Mezhuiev B.V. «Ostrov Rossiya» i rossijskaya politika identichnosti [The “Island of Russia” and the Russian Identity Policy]. *Russia in global politics*, 2019, no. 6, pp. 162–175.
 7. Mihajlov V. T., Runge J. Identichnost’ cheloveka. Territorial’nye obshchnosti i social’noe prostranstvo: opyt konkretizatsii [The identity of a person. Territorial communities and social space: the experience of conceptualization]. *Sociological research*. 2019, no. 1, pp. 52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
 8. Morina L. P. Sociokul’turnye transformatsii v sovremennom mire: analiticheskie aspekty [Sociocultural transformations in the modern world: analytical aspects] *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 2012, vol. 24 (65), no.1–2, pp. 131–136.
 9. Neklessa A.I. Civilizatsiya kak process: mul’tiplicirovannye sub’ekty Postmoderna. [Civilization as a process: the multiplied subjects of Postmodernity] *Policy. Political studies*, 2021, no. 5, pp. 39–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.04 N>
 10. Stychinskij M.S. Krizis identichnosti: mekhanizmy zabveniya i memorializatsiya v usloviyah globalizatsii [Identity crisis: mechanisms of oblivion and memorialization in the context of globalization]. *Questions of philosophy*, 2020, no. 7, pp. 25–39.
 11. Salin P.B. Epoha na razryv [The Era of the Gap]. *Russia in global politics*, 2020, no. 6 (106), pp. 134–143.
 12. Semerenko I.S. Diskursy razvitiya v social’nyh naukah: v preddver’e eticheskogo povorota [Discourses of Development in the Social Sciences: on the threshold of an ethical Turn]. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 2, pp. 25–45. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>
 13. Shakirova E.Yu., Listvina E.V. Sovremennaya sociokul’turnaya situatsiya: antropologicheskie metamorfozy [Modern socio-cultural situation: anthropological metamorphoses]. *Questions of philosophy*, 2018, no. 1, pp. 55–65.
 14. Shmakov V. S. Selskie lokalnie soobshchestva: k metodologii issledovaniya [Rural local communities: to the methodology of research]. *Siberian Philosophical Journal*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 135–145.

15. Flew T. Populism and Globalization: Towards a Post-Global Era? January 22. 2019, pp. 1–44. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3321448>
16. Mendis Patrick. Glocalization: The Human Side of Globalization as If the Washington Consensus Mattered. Lulu.com, 2007-01-01. 442 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмаков Владимир Сергеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация
vsshmakov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy), leading researcher
Institute of Philosophy and Law SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
vsshmakov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2965-1758>

Поступила 27.10.2022

После рецензирования 14.11.2022

Принята 19.11.2022

Received 27.10.2022

Revised 14.11.2022

Accepted 19.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-450-464

УДК 130:2

ЛОГИКА РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА: ПАФОС ВЕРЫ ИЛИ ТРИУМФ МАГИЗМА

Ю.В. Соболев

В статье рассматривается феномен ритуала, понимаемый как самостоятельный феномен, выходящий за рамки религиозной культуры. Обращаясь к трудам в области религиоведения, антропологии и психологии, выявляются основные черты ритуала, позволяющие говорить о ритуале как о своеобразной форме архетипического сознания. Особое внимание сосредоточено на религиозном дискурсе, так как именно здесь обнаруживается наиболее ярко природа ритуала в его самых разнообразных формах. Установлено, что ритуальные практики в религиозной и психологической сфере имеют общую причину – символическую функцию защиты от внешнего мира и надежда на помощь внешних сил путём определённых действий, вербальных формул, церемониалов. Постулируется идея о противопоставлении ритуала как магического действия сознательной вере; ритуальной зависимости – религиозной свободе. Подчёркивается, что «внутри» развитых религиозных систем понятие ритуал используется чаще в негативном значении. Теоретическая база, главным образом, представлена работами Э. Тёрнера, К. Юнга, Б. Малиновского, М. Элиаде. Методология работы включает в себя феноменологический, текстологический, концептуальный и сравнительный анализ. Данные исследования могут быть использованы при философском и теологическом анализе феномена ритуала. Практическая ценность исследования заключается в возможности включения результатов исследования в занятия по философии, религиоведению, психологии и теологии.

Ключевые слова: ритуал; религия; В. Тёрнер; К. Юнг; ритуальная практика; магия; свобода; архетип; вера

THE LOGIC OF RELIGIOUS RITUAL: THE PATHOS OF FAITH OR THE TRIUMPH OF MAGISM

Y.V. Sobolev

The article examines the phenomenon of ritual, understood as an independent phenomenon that goes beyond the scope of religious culture. Referring to the works of religious studies, anthropology and psychology, the main features of ritual are identified, allowing to talk about ritual as a peculiar form of archetypal consciousness. Particular attention is focused on religious discourse, for it is here that the nature of ritual in its most varied forms emerges most clearly. It is established that ritual practices in the religious and psychological spheres have a common cause – the symbolic function of protection from the outside world by means of certain actions, verbal formulas, and ceremonials. The idea is postulated that ritual as a magical action is opposed to conscious faith; ritual dependence is opposed to religious freedom. It is emphasized that “inside” the developed religious systems the concept of ritual is used more often in a negative sense. The theoretical basis is mainly represented by the works of V. Turner, K. Jung, B. Malinowski, and M. Eliade. The methodology of the work includes phenomenological, textual, conceptual and comparative analysis. The data of the study can be used in philosophical and theological analysis of the phenomenon of ritual. The practical value of the study lies in the possibility of including the results of the study in the classes of philosophy, religious studies, psychology and theology.

Keywords: ritual; religion; V. Turner; K. Jung; ritual practice; magism; freedom; archetype; faith

Введение

К настоящему времени сложилось несколько авторитетных теорий ритуала: от работ Э. Тёрнера, появившихся в прошлом столетии до современных исследований К. Белл и Р. Граймса. К первой четверти XXI века ритуалистика, по мнению немецкого антрополога

К. Вульфа, развивается в направлении четырёх основных векторов: религиозный ритуал, светский ритуал, психологический ритуал, теория «чистого» ритуала [3, с. 24]. Но, несмотря на это, с не меньшей актуальностью перед учёными встают все те же вопросы: какова логика ритуала? является ли ритуальная основа общей для известных нам религий? как соотносится ритуал с духовными установками и практиками? религиозный ритуал, будучи неотъемлемой частью религиозной культуры, является ли следствием религиозной логики?

Тесная взаимосвязь религии и ритуала выступает как наиболее распространённая позиция, с неё, собственно, и началось исследование ритуала. Поэтому первичная ассоциация, которая связана со словом ритуал, отсылает нас к миру религиозной культуры. Этимологический анализ подтверждает корреляцию с религиозным лексиконом: «Само это слово пришло к нам из санскрита, в котором есть корень «ар» – «приводить в движение, двигаться». /.../ Однокоренным с санскритским понятием рита являются такие индоевропейские слова, как английское слово right «право», art «искусство», rite «обычай, обряд», русское слово «ряд», «обряд», «порядок». Современный научный термин «ритуал» происходит из латинского языка, в котором есть существительное ritus «обряд, служба» и образованное от него прилагательное ritualis «обрядовый» [4, с.14]. Отечественный религиовед Е. Торчинов даёт следующее определение ритуала: «Под ритуалом мы будем понимать совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию» [9, с.67]. В широком смысле, ритуал – это *приведение в порядок, упорядочивание* (однокоренное слово «ритм» имеет то же значение).

Состояние проблемы

Отождествление ритуала с религиозной культурой начинается благодаря классическим штудиям Э. Дюркгейма, Э. Ланга и Р. Отто. Именно этим авторам мы обязаны прочной связью ритуала с религиозностью в пространстве гуманитарного знания. Однако уже

здесь встроенность ритуала в религиозные практики объясняется не спецификой самой религиозной культуры, но общими социальными причинами. Этой позиции придерживается и автор символической теории В. Тёрнер. В своей известной программной работе «Символ и ритуал» он исходит из утверждения ритуала в качестве универсальной формы человеческой общности, видя в его основе некую метарелигиозную природу. Антрополог даёт следующее определение и пояснение: «Ритуал – это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей. Ритуалы могут быть сезонными, посвященными культурно отмеченному моменту перемен климатического цикла или началу такого рода деятельности, как посев, жатва или передвижение с зимних пастбищ на летние; ритуалы могут быть также зависящими от обстоятельств, вызванных критическими периодами в жизни отдельного человека или коллектива» [10, с.32].

Истоки ритуала вне собственно религиозной сферы видели и представители психоаналитической теории. Отцы психоаналитической школы З. Фрейд и К. Юнг убедительно показали первичность психического фактора в объяснении ритуала в различных его проявлениях. Так, Фрейд пишет: «... бросается в глаза сходство между так называемыми навязчивыми действиями нервных больных и обрядами, в которых верующий проявляет свою религиозность. За это говорит название «церемонии», которыми обозначают известные навязчивые действия. /.../ Невроз навязчивости дает здесь полукوميческую, полутрагическую карикатуру частной религии. Между тем, именно эта существеннейшая разница между невротической и религиозной церемонией устраняется, когда с помощью психоаналитической техники исследования проникаешь в понимание сущности навязчивых действий. При этом исследовании кажущаяся бессмысленность и нелепость навязчивых действий совершенно рассеивается, и находишь обоснование этого поведения. Узнаешь, что навязчивые действия все без изъятия и во всех своих

деталей полны смысла, отвечают важнейшим интересам личности и выражают как постоянные переживания, так и сопровождаемые аффектами мысли, относящиеся к этим переживаниям. Они делают это двояко: или непосредственно, или символически, и поэтому их можно объяснить или исторически, или символически» [11, с. 14].

Юнгианское объяснение ритуала зиждется на теории архетипов. Соглашаясь в целом со своим учителем, что ритуал и церемония тождественны, Юнг, тем не менее, указывает на более глубинное, фундаментальное значение ритуала в качестве метода проникновения во внутренний мир, который человечество создало на заре своей истории. В архетипическом увязывании и отождествлении ритуала, мифа и сновидения, Юнг видит возможность установления связи между осознающим разумом и бессознательным: «Все стремления человечества направлялись на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы «representations collectives», догматы; они были плотинами и стенами, воздвигнутыми против опасностей бессознательного, этих *perils of the soul*. Первобытный ритуал не зря включал в себя изгнание духов, освобождение от чар, предотвращение недобрых предзнаменований, искупление, очищение и аналогичные им, то есть магические действия. /.../ Первобытное или нет, человечество всегда стоит на пограничье с теми вещами, которые действуют самостоятельно и нами не управляемы» [13].

Действительно, вне зависимости от сферы – сакральной или профанной, календаря – доисторического или современного, – на требования и вызовы окружающего мира вынужден отвечать человек, затрачивая на это множество ментальных ресурсов, так как потребность в стабильности и безопасности неизменно остается для человека основной. И в этом, пожалуй, заключено то самое – базовое, – обнаружение места ритуала в панораме исторической ойкумены. Взаимодействие с окружающим миром для человека всегда сопряжено с потенциальной опасностью, и отсюда его попытка защититься от мира, сконструировать систему защиты, способную если не взять мир под свой контроль, то, по крайней мере, минимизировать возможные риски, так как потребность в стабиль-

ности остается одной из базовых. Нестабильность реальности, её постоянная изменчивость, вынуждает человека прибегать к так называемому «магическому мышлению», суть которого заключается в том, что человек начинает непроизвольно конструировать эту самую «систему защиты», полагая, что его мысли, действия и слова оказывают определенное воздействие на окружающий мир (подробнее эти аспекты были рассмотрены в нашей статье «Лиминальные формы ритуала» [8, с.198]). В этом смысле, ритуальная деятельность, несмотря на магическую «потусторонность», весьма сближена с вещной повседневностью, порой в буквальном значении «приземлена».

Авторитетный антрополог Б. Малиновский обращает внимание на то, что «существует четкое разделение: с одной стороны, имеется набор хорошо известных условий, естественный процесс роста урожая, а также обычные вредители и опасности, с которыми необходимо бороться, строя ограждения и занимаясь прополкой. С другой стороны, имеется сфера действия необъяснимых и непредсказуемых неблагоприятных влияний, равно как и великих и ничем не заслуженных благотворных обстоятельств, которые порой непонятно почему счастливо стекаются вместе. И если с проблемами первого порядка пытаются справиться при помощи знаний и труда, то с проблемами второго – посредством магии. Эту линию разделения можно обнаружить и в социальном контексте труда и ритуала. Хотя, как правило, знахарь, владеющий земледельческой магией, руководит также и практической деятельностью земледельцев, эти две функции строго разделяются. Каждый магический ритуал имеет свое название, свое время и место, соответствующие плану работ, и четко выделяется на фоне повседневной деятельности» [5, с.33]. Следует заметить, что исследованием этого явления занимался еще отечественный физиолог И. Павлов, который изучал склонность человека к попытке «запрограммировать окружающую действительность» [6, с.176].

Таким образом, нельзя не согласиться с тем, что в основе ритуала, в первую очередь, лежит психологическое, а точнее, невротиче-

ческое основание, выступающее своеобразным механизмом защиты. Однако же, каким образом ритуал вошёл и прочно закрепился в пространстве религиозной культуры, если сама религия, начиная с мнения Демокрита, рассматривается, главным образом, в качестве защитного комплекса?

Возможный ответ кроется в теологическом подходе к настоящему вопросу. Такой «взгляд изнутри» переворачивает проблему на 180 градусов, потому что ответ здесь следующий – термин *ритуал* отсутствует в лексиконе христиан, мусульман, буддистов, иудеев применительно к определению той или иной деятельности внутри собственного культа! Так, в частности, в православной традиции богослужбная деятельность выражается в таких категориях как *Таинство, обряд, чинопоследование*. В понятии «ритуал» христианин услышит скорее негативную семантику, связывая его значение с языческими магическими культами. «Классическим примером магического действия является камлание у шаманов. В чем его смысл? В том, что шаман во время этого ритуала, соединяясь с духами, с демонами, уходит в состояние транса, экстаза, пограничное между сознательным и бессознательным, и вот в этом состоянии он начинает путешествовать между разными мирами: нижними, средними и высшими. Его задача — найти духов, от которых зависит решение той или иной проблемы. Соответственно, он с ними там договаривается, устраивается некий торг, предлагается какой-то выкуп, и в итоге он возвращается в нормальное состояние и объясняет собравшимся, что именно необходимо сделать для того, чтобы решить данную проблему. /.../ Магическое мышление построено на страхе: надо все время оглядываться, бояться и совершать кучу оградительных действий», – такое православное понимание ритуала даёт богослов, протоиерей Павел Великанов [2].

Точка зрения

Трудно не согласиться с основной мыслью вышеприведённой цитаты: *ритуальное мышление суть мышление магическое*. Но, пожалуй, главное отличие практик сознательной религиозности

от ритуальных заключено в отсутствии у последних необходимого уровня *свободы* человека от системы формальных условностей. Обязательное соблюдение определённого порядка жертвенных формул, действий, поступков, по мысли *homo ritualis*, гарантирует исполнение желаемого, которое, так или иначе, есть воплощение защитной функции психики. Подтверждение этой мысли мы находим у современного отечественного исследователя Ю. Подоприго-ры, который пишет, что «основополагающие принципы ритуальной магии всегда были и остаются одними и теми же: производишь определенный фиксированный набор действий и получаешь ожидаемый результат. /.../ Если рецепт хорош, то чем точнее выполнишь его предписания, тем лучше получается искомый результат, и наоборот, перепутав или не выполнив что-то, можно закончить полной неудачей. Церковные же обряды, с другой стороны, чаще всего не преследуют никаких конкретных утилитарных целей. /.../ Но даже в них гарантированное достижение результата отнюдь не предполагается. То есть обращаясь к Богу даже с самыми жизненно важными просьбами мы четко осознаем, что НИЧЕМ не можем мотивировать или задобрить Господа, у нас нет никаких «рычагов давления» на Него» [7].

В этой связи нельзя не обратить внимание на отсутствие ритуальных моделей в учении духовных лидеров. Напротив, учение Будды, Махавиры, Христа наполнено *антиритуальным и антитрадиционным* характером проповеди. Их заповеди лишены рецептуры значимости регулярной повторяемости тех или иных *действий*. Так, например, Буддой неоднократно выражается мысль об освобождении от зависимостей, которые могут трансформироваться в ритуал. Так, в одной из притч, Гаутама, рассуждая о назначении плота, поясняет, что тот необходим для того, чтобы перебраться с одного берега на другой и не более того: «Дхамма похожа на плот, служа для цели пересечения, а не для удерживания /.../ Когда он переберется на дальний берег, он может подумать так: «Как мне пригодился этот плот! Ведь с его помощью я, прилагая усилия руками и ногами, безопасно перебрался на дальний берег. Что, если я подниму

его себе на голову или нагужу на спину, и тогда пойду туда, куда хочу». Монахи, как вы думаете? Сделав так, сделает ли этот человек то, что нужно сделать с этим плотом? – Нет, господин. – А как ему поступить, чтобы сделать то, что нужно, с этим плотом? При этом, монахи, человек, перебравшись на дальний берег, может подумать так: «Как мне пригодился этот плот! Ведь с его помощью я, прилагая усилия руками и ногами, безопасно перебрался на дальний берег. Что, если я вытяну его на сушу или отпущу его плавать по воде, а затем пойду туда, куда хочу». И поступив так, этот человек сделает то, что нужно сделать с плотом. Этим самым, монахи, я показал вам, в чем Дхамма похожа на плот, служа для цели пересечения, а не для удерживания. Монахи, зная, что Дхамма похожа на плот, оставляйте даже (умелые) качества (дхаммы), не говоря уже об остальных» (Типитака, Алагаддупама сутта (Мадджхима Никая 22).

Иисус Христос со страниц священного Писания говорит: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин.5:17), – согласно святоотеческим толкованиям речь идёт о постоянном творческом, – а значит свободном, – всякий раз новом, акте. И в другом месте Евангелия: «Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин.4:21-23), – это ответ самарянке, для магически-ритуального мышления которой было важно *место поклонения*, а не Дух свободы, который есть Бог (Ин.4:24). Как точно говорит писатель Д. Браун, устами одного из своих героев, увлечёвшегося мистическими оккультными ритуалами: «священные слова – правильно произнесённые – действуют как ключ, отмыкающий врата в иные миры» [1, с.401].

В этом обнаруживает себя сама природа ритуала: человек, отвергая свободный (каждый раз!) выбор в условиях *бесконечности* веры, выбирает ритуальную практику – *веру* в магизм «рецептурной» (а значит ограниченной!) последовательности действий. Здесь, в

видимом знаменателе «единстве» веры, обнаруживается важный нюанс, позволяющий увидеть и различие религиозного действия и ритуала. Вера, определяющая религиозную деятельность, всегда сознательна: *я верой осознаю необходимость в том или ином действии* (пример: молитва). Вера, определяющая магический ритуал, неосознанная (имплицитная): *я повторяю этот ритуал, потому что однажды его исполнение мне неким образом помогло, и я верю, что поможет снова* (пример: заклинание). При этом и в том, и в другом случае для субъекта остаётся недоступной сакральность «механики» религиозного действия и ритуала: сверхприродная сила остаётся нераскрытой. Однако если для религиозно-верующего сознания эта сила опознаваема (*личностна* – в теистических культурах), для магического представления – *без-лика*, неотрефлексирована. О последнем, как нуждающимся в «демистификации», писал историк религии М. Элиаде: «Речь теперь идет не о regressus, достигающемся с помощью ритуала, а о таком «возвращении», которое достигается усилием мысли. В этом смысле мы имеем право сказать, что первые философские построения произошли из мифологии: систематизированная человеческая мысль стремилась, понять то «абсолютное начало», о котором говорилось в космогонии, обнаружить тайну сотворения мира, тайну возникновения бытия» [12, с. 116].

В качестве иллюстрации помогающей увидеть различие религиозного действия и ритуала, обратимся к культуре современного футбола. FIFA отмечает распространяемую с каждым годом подобную практику среди футболистов. Так, к наиболее известным ритуалам относятся касание спортсменами рукой игрового газона перед выходом на поле, и поднятие к небу головы с указанием на небо указательными пальцами в знак благодарности после забитого гола. Есть и индивидуальные ритуалы, говорящее о суеверии их носителей: чтение определённой литературы перед матчем, выход с правой ноги на поле, надевание определённого цвета нижнего белья и так далее. На этом фоне резко отличаются действия религиозных футболистов: католики однократно осеняют себя ладонью крестным знаменем (один из первых это стал делать Д. Марадона),

православные футболисты осеняют себя крестным знамением троеперстно троекратно (например, игрок сборной России Д. Черышев), футболисты-мусульмане опускаются на колени и, обратив ладони кверху, читают молитву (игрок «Баварии» С. Мане). Помимо этого, религиозных футболистов отличает соблюдение постовых дней, насколько это возможно в условиях спортивной подготовки.

Вопрос об укоренении ритуала в развитых религиозных культурах заслуживает отдельного и обстоятельного исследования. Здесь же лишь отметим, что снижение градуса религиозной веры и замещение её ритуальными практиками свидетельствует о кризисе веры. Это подтверждено неоднократными историческими свидетельствами, зафиксированных современным религиоведением: появление магических практик в «теле» развитых религиозных культов свидетельствует о кризисе этой самой сознательной религиозности. Настоящее правило справедливо в своём применении к социуму в целом. Так, например, для политических систем с тоталитарным режимом управления (а значит с минимальными свободами граждан) наиболее характерно изобилие и обязательность общественно-политических ритуалов (фашизм, коммунизм). Достаточно подробно это рассмотрено в трудах философов Х. Арендт («истoki тоталитаризма»), М. Фуко («нормализация»), М. Рыклина («террорология»).

По мнению профессора Д. Оуэна, магизм устойчиво внедрен в коллективное бессознательное и проявляется наиболее ярко в кризисные периоды истории [15, с.7]. В период социально-экономической и политической нестабильности люди особенно активно обращаются к всевозможным магам, гадалкам и экстрасенсам. Так, в России с 90-х годов вырос огромный спрос на подобного рода «продукцию»: передачи гипнотизёров, шоу с экстрасенсами, «магами» и знахарям, «разрешающим» дистанционно любые проблемы – от семейных неурядиц до серьёзных заболеваний.

Бывший фарисей – Апостол Павел – ясно осознававший магическую привычку «ветхого человека» (Кол.3:9), в изумлении вопрошал своих братьев по вере, бывших язычников, а ныне христиан Коринфа: «Разве вы не знаете, что ваше тело — это храм Святого Духа, Кото-

рый живет в вас и Которого вы получили от Бога?» (1-е Кор. 6:19). Ритуал, по большому счёту, не требует того максимума ресурсов, который необходим религиозной осознанности. За него всегда можно «спрятаться», особенно если он благочестив по форме. По сути, в этой его компенсаторной, сублимационной функции обнаруживается общий знаменатель ритуала как для религиозной практики, так и проявлении невротических состояний. С той лишь разницей, что для религиозного ритуала характерна *структурность и коллективность*, а для невротического – *стихийность и индивидуальность*. При этом для первого, путём символического или исторического анализа, можно вычленить первичное индивидуальное, а для второго – глубинное и общее, которое позволяет понимать и расшифровывать индивидуальные невротические ритуалы: «Поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его личностным бессознательным. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым коллективным бессознательным. /.../ Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» [14, с. 79].

Резюме

Подводя итоги, фиксируем следующие положения:

- ритуал есть самостоятельное явление, выходящее за рамки религиозного, психологического, социального дискурсов;
- перспективный подход, способный при дальнейшем исследовании настоящей темы объяснить *собственную природу ритуала*, видится, на наш взгляд, в работах юнгианской школы о коллективном бессознательном (архетипах);
- в пространстве культуры ритуал выступает выражением магического сознания;
- преобладание ритуальных практик в развитых религиозных системах свидетельствует о кризисе сознательной веры.

Список литературы

1. Браун Д. Утраченный символ. М.: Аст-Москва, 2010. 576 с.
2. Великанов П. Сглаз долой: почему Церковь не принимает механизмы магии // Фома. 2010. <https://foma.ru/sglaz-doloy-pochemu-tserkov-ne-prinimaet-mehanizmyi-magii.html>
3. Вульф К. Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8, № 3. С. 2350.
4. Емельянов В.В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. 320 с.
5. Малиновский Б. Магия, наука, религия. М.: «Рефл-бук», 1998. 304 с.
6. Павлов И.П. Рефлекс свободы. М.: Директ-Медиа, 2014. 412 с.
7. Подопригора Ю. Ритуал и православие. <https://www.pravmir.ru/ritual-i-pravoslavie/>
8. Соболев Ю.В. Лиминальные формы ритуала: от религиозного сознания к религиозному опыту // Современные исследования социальных проблем. 2019, Том 11, № 2. С. 192-211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-192-211>
9. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. М.: Азбука, 2007. 544 с.
10. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: «Наука», 1983. 277 с.
11. Фрейд З. Психологические этюды. М.: 1912. 60 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: «Академия», 1994. 251 с.
13. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4232>
14. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
15. Davies O. Magic: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2012. 152 p.

References

1. Brown D. *Utrachennyj simvol* [The Lost Symbol]. Moscow: Ast-Moscow, 2010, 576 p.
2. Velikanov P. Sglaz doloy: pochemu Cerkov' ne prinimaet mekhanizmy magii [The evil eye: why the Church does not accept the mechanisms

- of magic]. *Journal Thomas*, 2010. <https://foma.ru/sglaz-doloy-pochemu-tserkov-ne-prinimaet-mehanizmyi-magii.html>
3. Wolf K. Proizvodstvo social'nogo: ritual, emocii, vospominaniya [Production of the Social: Ritual, Emotions, and Memories]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2010, vol. 8, no. 3, pp. 2350.
 4. Emelyanov V.V. *Ritual v Drevnej Mesopotamii* [Ritual in Ancient Mesopotamia]. SPb, 2003, 320 p.
 5. Malinovskij B. *Magiya, nauka, religiya* [Magic, science, religion]. Moscow: Refl-book, 1998, 304 p.
 6. Pavlov I.P. *Refleks svobody* [Reflex of Freedom]. Moscow: Direkt-Media, 2014, 412 p.
 7. Podoprigora Y. *Ritual i pravoslavie* [Ritual and Orthodoxy]. <https://www.pravmir.ru/ritual-i-pravoslavie/>
 8. Sobolev Y.V. Liminal'nye formy rituala: ot religioznogo soznaniya k religioznomu opytu [Liminal forms of ritual: from religious consciousness to religious experience]. *Modern Studies of Social Problems*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 192-211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-2-192-211>
 9. Torchinov E.A. *Religii mira. Opyt zapredel'nogo* [Religions of the World. Experience of the Forbidden]. M.: Azbuka, 2007, 544 p.
 10. Turner V. *Simvol i ritual* [Simvol i ritual]. M.: «Nauka», 1983, 277 p.
 11. Freyd Z. *Psichologicheskie etyudy* [Psychological Etudes]. Moscow, 1912. 60 p.
 12. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. M.: Academia, 1994, 251 p.
 13. Yung K.G. *Arhetip i simvol* [The Archetype and the Symbol]. M., 1991. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4232>
 14. Jung K.G. *Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo* [On the archetypes of the collective unconscious]. Moscow: Renaissance, 1991, 304 p.
 15. Davies O. *Magic: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 152 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Соболев Юрий Викторович, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент

*Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва
Просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660025, Российская Федерация
ysob@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Sobolev, Associate Professor of Philosophy and social sciences,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
31, Krasnoyarskiy Rabochiy, Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation
ysob@mail.ru*

Поступила 22.09.2022

После рецензирования 25.09.2022

Принята 03.10.2022

Received 22.09.2022

Revised 25.09.2022

Accepted 03.10.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-465-477

УДК 316.74

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.В. Помазкова

Обоснование. В данной статье рассматриваются процессы и факторы влияния, определяющие направление совершенствования предпринимательской культуры в России.

Цель статьи. Изучить состав факторов, влияющих на процесс совершенствования предпринимательской культуры.

Материалы и методы. В статье проводится сравнительный анализ внешних и внутренних факторов, влияющих на составляющие института предпринимательской культуры; применены методы изучения, обобщения и сравнительного анализа полученной информации.

Результаты исследования. Автором рассмотрена и проанализирована культура ведения предпринимательской деятельности и объективные и субъективные факторы, влияющие на ее совершенствование.

Выводы. Успех бизнеса определяется имиджем организации, доверием потребителей и степенью влияния внутри бизнес сообщества. Традиционный образ руководителя как авторитарного управленца не жизнеспособен в современном мире. Взаимодействие между работодателем и сотрудником влияет на культуру предпринимательства внутри организации, а процессы глобализации оказывают общемировое воздействие. Сегодня большое количество параметров определяют успешность предпринимателя. Это не только финансовые критерии, а также организационно-технические, социальные, что в совокупности и создает культуру предпринимательства. Субъекты предпринимательства при взаимодействии с партнерами разных стран вырабатывают новую единую культуру ведения бизнеса.

Ключевые слова: *предпринимательская культура; бизнес; предприниматели; деловая этика; организационная культура*

PROBLEMS OF IMPROVING ENTREPRENEURIAL CULTURE

E.V. Pomazkova

Justification. *This article discusses the processes and factors of influence that determine the direction of improving the entrepreneurial culture in Russia.*

The purpose of the article. *To study the composition of factors influencing the process of improving entrepreneurial culture.*

Materials and methods. *The article provides a comparative analysis of external and internal factors influencing the components of the institution of entrepreneurial culture. The article uses methods for studying, generalizing and comparative analysis of the information received.*

The results of the study. *The author considered and analyzed the culture of doing business and the objective and subjective factors influencing its improvement.*

Conclusions. *The success of a business is determined by the image of the organization, the trust of consumers and the degree of influence within the business community. The traditional image of a leader as an authoritarian manager is not viable in the modern world. The interaction between the employer and the employee affects the culture of entrepreneurship within the organization, and the processes of globalization have a worldwide impact. Today, a large number of parameters that determine the success of an entrepreneur. These are not only financial criteria, but also organizational, technical, social, which together create a culture of entrepreneurship. Business entities, when interacting with partners from different countries, develop a new unified business culture.*

Keywords: *entrepreneurial culture; business; entrepreneurs; business ethics; organizational culture*

С 70-80-х годов XX века Россия находится в процессе периодической трансформации всех хозяйственных процессов, которая влечет за собой упразднение действующих и создание новых институтов. Предпринимательство является одним из таких институтов, который служит для выполнения определенных задач и функций:

- усиление самодостаточности субъектов хозяйствования при формировании доходов;
 - реализация предпринимательского потенциала и инициатив;
 - обеспечение занятости;
 - повышение эффективности национальной экономики;
- усиление толерантности социальных слоев и групп.

В современных работах предпринимательская культура воспринимается как специфический актив или ресурс, который является инструментом управления и используется для влияния на ключевые параметры функционирования предприятия, а также стратегическим ресурсом, от эффективности которого зависит успешность бизнеса. Культура предпринимательства – это только часть экономической культуры, которая ограничивает рамки исследований исключительно предпринимательством [2, стр. 24]. Проблема культуры предпринимательства изучаются как отечественными, так и зарубежными авторами. Томилов В.В. [8], Багиев Г.Л., Асаул А.Н. [1], Левкин Н.В. [3] по-разному определяют назначение предпринимательской культуры. Одни авторы приравнивают культуру предпринимательства к культуре организации, считая эти понятия идентичными, другие считают, что культура предпринимательства ограничивается профессиональной и деловой этикой.

Институт предпринимательской культуры определяет характеристики поведения субъектов хозяйствования во всех социально-экономических процессах. Отличительные черты предпринимательства обеспечивают формирование его культуры в виде управленческого фактора, который влияет на последующее развитие, и базовой характеристики.

П.Н. Шихирев в книге «Введение в российскую деловую культуру» формулирует десять наиболее важных качеств преуспевающего

предпринимателя. Это инициативность и поиск возможностей, готовность к риску, настойчивость и упорство в достижении целей, ориентация на эффективность и качество, готовность принимать на себя ответственность и идти на личные жертвы для достижения результата, способность убеждать и устанавливать связи, целеустремленность, стремление к получению информации, независимости и уверенность в собственных силах, систематическое планирование [9, с. 48].

Предпринимательская культура способна выполнять как экономические, так и социальные функции. Экономические функции ориентированы на усиление и укрепление конкуренции, обеспечение роста экономической эффективности производства, разработку и реализацию экономических новаций, построение эффективного управления капиталом, стабилизацию экономических процессов и способность принятия экономических рисков. Социальные функции предпринимательской культуры заключаются в создании благоприятных условий для стабильного роста общественного благосостояния; обеспечении занятости работоспособных слоев населения и в повышении социальной мобильности. Успешная реализация этих функций обеспечивает воспроизводство предпринимательской культуры.

В соответствии с таким определением предпринимательской культуры, можно выделить несколько ее составляющих:

- честность и законность;
- строгое выполнение обязательств;
- внутрифирменный кодекс, соответствующий общественным нормам и традициям.

На строение и формирование этих составляющих оказывает влияние следующие ценности бизнесмена:

- общечеловеческие, такие как мобильность, адаптивность и нравственность;
- традиционные - семья, привычки, традиции, свобода выбора;
- личностные ценности, которые не всегда совпадают у руководителя и самой организации, потому что они формируются в самом процессе предпринимательской деятельности и могут передаваться по поколениям.

Законность обеспечивает Конституция РФ, которая запрещает любую коммерческую деятельность, предполагающую использование недобросовестной конкуренции или монополизацию. Также в рамках законности предпринимателям вменяется обязанность своевременно и в полном объеме отдавать государству часть дохода в виде налогов и взносов.

Государство должно на всех уровнях уделять внимание созданию и совершенствованию законодательной базы в части регуляции отношений в бизнес сфере. На данный момент эта база слаба и крайне противоречива, потому что она разрабатывалась и утверждалась крайне хаотично. Различные системы взаимодействия между государством и бизнесом наслаивались друг на друга, а в законодательство и правоприменительную практику вносились нормы и правила из различных ведомств, несогласованные между собой и поэтому зачастую противоречащие друг другу. Например, термин «лицензиат» в разных нормативных актах трактуется по-разному. В законе «О средствах массовой информации» и законе «О связи», лицензиатом называют лицо, получившее разрешение на определенный вид деятельности от государства. В части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицензиат – это владелец ограниченного права на использование результата интеллектуальной деятельности. Несмотря на вроде бы одинаковый смысл, учитывая, что закон «О средствах массовой информации», закон «О связи» и ч. 4 ГК РФ регулируют связанные между собой области предпринимательства в сфере телекоммуникаций, на практике возникают сложности с использованием терминов. Одно из лицензионных условий деятельности в области связи для целей кабельного вещания требует наличие лицензии на осуществление телевизионного вещания или договора с лицензиатом-вещателем на основании п. 9 раздела XVII Постановления Правительства РФ от 18.02.2005 г. № 87. Не соблюдение данного требования влечет риск приостановления действия лицензии на основании подп. 1 п. 1 ст. 37 ФЗ «О связи»). Фактически это один и тот же лицензиат.

Необходимо понимать, что нормативно-правовая база должна быть справедливой, способствовать развитию бизнеса в стране и

не носить коррупционного и/или лоббистского характера. Как, например, ратификация Конвенции против злоупотреблений соглашениями об избежании двойного налогообложения (MLI), которая ограничивает использование налоговых льгот иностранными компаниями, не приносящими денежные средства в федеральный и/или региональные бюджеты Российской Федерации.

Так же государство в целях обеспечения законного предпринимательства должно сформировать благоприятный инвестиционный климат и защитить бизнес от криминальных структур и коррупции чиновников. В 2021 году Генеральная прокуратура РФ выявила 24,5 тысячи коррупционных преступлений. Из них половина в сфере бизнеса. Объем причиненного ущерба оценивается в 40 миллиардов рублей [11]. По данным Международного антикоррупционного движения Transparency International, Россия в 2021 году заняла 136 место из 180 по индексу восприятия коррупции, измеряющему уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. На этом же уровне расположены Ангола, Либерия и Мали. По сравнению с 2020 годом мы потеряли 7 пунктов (129 место). Индекс лидеров рейтинга составляет 88 против наших 29. Коррупция, бюрократизм, произвол и безнаказанность чиновников и административных органов свидетельствуют о трансформации ценностей и деформации предпринимательской и политической культуры в целом по России. По данным исследования «Малый бизнес и коррупция: перспективы преодоления», проведенного общественной организацией Опора России», в котором приняли участие предприниматели из 16 российских регионов из всех федеральных округов, ведущие бизнес в различных сферах большинство не только поддавались на вымогательства со стороны госслужб, но и не редко сами инициировали такой способ успешного решения бизнес-задач [15].

Формирование имиджа предпринимателя, общественного мнения и отношения к нему социума, обусловлено честностью и умением выполнять взятые обязательства. Поэтому для предпринимателя особо важным является факт соблюдения правил, общих этических норм и обычаев делового оборота. В бизнесе определяющая роль

отводится превосходству над остальными. И желание его достичь подталкивает многих к нечестным правилам поведения. Сергей Галицкий, основатель сети «Магнит» считает: «Если ты нарушаешь правила игры, то нет смысла заниматься бизнесом.

Это уже не бизнес, этого делать нельзя. Когда ты в бизнесе не можешь выиграть честно, то рано или поздно проиграешь. Нужно больше работать, быть опытнее, умнее, талантливее. Из этих нюансов складывается победа» [12].

По данным исследования сервиса по поиску работы SuperJob, проводимого в 2021 году каждый пятый россиянин основным качеством предпринимателя считает честность (19% опрошенных). Далее – ответственность (18% опрошенных) и целеустремленность (15% опрошенных) [6]. Опрос, проводимый Модульбанком в апреле 2021 года, показал, что только 15% предпринимателей считают невозможным построить бизнес исключительно честными способами. 85% убеждены, что руководствоваться нужно только собственной совестью. Они указывают, что честность дает уверенность в себе и позволяет спать спокойно. Это подтверждает выводы о том, что честность – основной элемент предпринимательской культуры, который определяет отношение к нему социума.

Умение выполнять свои обязательства и обязанности формирует уровень социальной ответственности предпринимателя. Недостаточная подготовленность к социальной и общественной ответственности приводит к деструктивным действиям предпринимателей [4]. Сложившиеся под влиянием исторических процессов негативные тенденции в бизнесе определяют современный социальный облик предпринимателя как в экономических связях внутри делового сообщества, так и в обществе в целом. В рамках честности и исполнения обязательств необходимо отдельно выделить понятие «национальная культура предпринимательства». В каждой отдельной стране складываются свои традиции и способы ведения бизнеса, обусловленные, в том числе, и национальной принадлежностью. Каждая отдельно взятая национальная культура многогранна и уникальна, имеет свои тонкости и особенности, связанные с условиями

и временем формирования. В России, рост банковской задолженности свидетельствует о том, что большая часть российских предпринимателей ведет свой бизнес в кредит и не создает дохода.

Источник: Banki.ru [14]

Одной из причин такого поведения является проявление иждивенческой культуры, имеющей место в российском бизнесе, когда такие основные ценности бизнеса, как ответственность, чувство долга, корректность и пунктуальность трансформируются в видимость бизнеса и создание образа, не соответствующего реальному положению вещей. На первый план выходит потребность казаться успешным, состоятельным и талантливым при полной экономической несостоятельности и финансовой несамостоятельности.

В эпоху всеобщей глобализации изменяется и национальная культура предпринимательства. Предприниматели, взаимодействуя с покупателями и поставщиками в разных частях мира, постепенно создают единую культуру предпринимательства, и это вытесняет национальные особенности культуры бизнеса в России.

Наиболее сильное влияние на развитие предпринимательской культуры внутри организации оказывает владелец бизнеса, который

предъявляет определенные требования к своим работникам, к их поведению, навыкам и знаниям. Раньше образ руководителя предприятия складывался как властный и влиятельный человек, нетерпящий ошибок. Сегодня руководитель представляется чаще в образе лидера, который не только сам работает, но и отвечает за результаты деятельности, к которому можно обратиться за помощью или советом в работе без опасения. Основная задача лидера выстроить деятельность наиболее эффективно и сформировать благоприятный внутрифирменный климат для повышения производительности труда рабочих.

Предпринимательская культура зависит от результатов деловых встреч и переговоров, привлекательности для инвесторов и уровня надежности в глазах сотрудников. Руководители высшего звена задают тон всему, что должна делать организация и какими должны быть ценности и действия людей [5].

Формирование культуры предпринимательской деятельности внутри конкретной организации, как и все наиболее важные процессы, происходит под управлением лидера. Стил поведения сотрудников, их решения, ценности и предпочтения являются основой формирования культуры и складываются под влиянием их отношения к руководителю-предпринимателю. Принимая решения, люди смотрят на поведение своего лидера, перенимают его ценности, его предпочтения становятся их предпочтениями. То есть культура предпринимателя становится культурой всей организации и определяет ее ценности. Для успешного функционирования предпринимателю необходимо достигнуть идеального баланса, когда работники формируют внутрифирменную культуру, опираясь на ценности и предпочтения предпринимателя, а предприниматель старается развивать культуру предпринимательства путем привлечения наиболее инициативных и опытных сотрудников, тем самым повышая эффективности всей предпринимательской деятельности.

Предпринимательская культура, помимо отношений внутри организации, затрагивает отношения с конкурентами, правовыми службами оказывает значительное влияние на отношение органи-

зации с законом и государством. Культура предпринимательства регулируется не только государственными законами, но и нормами морали и этики, а также нормами поведения и обычаями ведения бизнеса. Введение коммерческой составляющей в сферу духовного производства и мотивация предпринимателей идеалами «золотого тельца» и успеха «любой ценой», привели к началу негативных изменений в личной идентификации предпринимателя, в его ориентации в бизнесе, в формировании организационной культуры, в осознании общественной значимости своей деятельности и ее пользе.

Нужно возвращать культуру предпринимательства с детства и знакомить всех с предпринимательством, потому что все, так или иначе, в своей жизни с ним сталкиваются. Нужно изучать культуру предпринимательства, начиная со школы, чтобы культура предпринимательства имела всеобщее назначение.

Список литературы

1. Багиев Г.Л., Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности. Учебное пособие / Под общей ред. проф. Г.Л.Багиева. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. 231 с.
2. Банкет А.Н. Проблема культуры предпринимательства в экономической науке // Проблемы экономики и менеджмента; ФГБОУ ВПО «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ). 2013. № 7 (23). С. 24.
3. Левкин Н.В. Современные тенденции управления культурой в системе предпринимательства / Н.В. Левкин ; под. ред. А.И. Добрынина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 342 с.
4. Неретин О. Федеральная политика в сфере культуры // Российское предпринимательство. 2012. № 4. С. 4–9.
5. Паршуков А.Е. Организационная культура отечественных промышленных предприятий – фактор формирования контроллинга // Управленец. 2013. № 4(44). С. 74-78.
6. Социологический опрос. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112744/zhenschiny-chasche-vidyat-nastoyaschego->

- predprinimatelya-otvetstvennym-i-kommunikabelnym (дата обращения 10.09.2022)
7. Социологический опрос. Перестройка: загубленная мечта. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/perestrojka-zagublennaya-mechta> (дата обращения 20.10.2022)
 8. Томилов В.В. Культура предпринимательства. СПб: Питер, 2000. 368 с.
 9. Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М.: ОАО «Типография «НОВОСТИ», 2000. 203 с.
 10. Diego Lopes Da Silva, Nan Tian et al. Trends in world military expenditure, 2021. Stockholm: SIPRI, 2022. <https://doi.org/10.55163/DZJD8826>
 11. Всероссийская интерактивная акция, приуроченная к Международному дню борьбы с коррупцией. <https://anticor.tpprf.ru/>
 12. Бизнес-правила Галицкого, которые будут полезны всем предпринимателям. <https://invlab.ru/biznes/biznes-pravila-galickogo> (дата обращения 26.09.2022)
 13. Калашников Е. Каждый третий бизнесмен готов использовать «черный пиар» против конкурентов. <https://sntat.ru/news/oproslish-15-predprinimateley-schitayut-vozmozhnym-postroit-chestnyy-biznes-5821964> (дата обращения 20.09.2022)
 14. Какой была и чем определялась динамика кредитования в 2021-м? И чего можно ожидать в текущем году? <https://www.banki.ru/news/research/?id=10962645> (дата обращения 10.09.2022)
 15. Результаты исследования «Опоры России» «Малый бизнес и коррупция: перспективы преодоления». <https://opora.ru/news/rezultaty-issledovaniya-opory-rossii-malyj-biznes-i-korrupsiya-perspektivy-preodoleniya.html>

References

1. Bagiev G.L., Asaul A.N. *Organizatsiya predprinimatel'skoy deyatel'nosti. Uchebnoe posobie* [Organization of entrepreneurial activity] / ed. G.L.Bagiev. St. Petersburg: SPbGUEF Publ., 2001, 231 p.
2. Banket A.N. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*, 2013, no. 7 (23), pp. 24.

3. Levkin N.V. *Sovremennyye tendentsii upravleniya kul'turoy v sisteme predprinimatel'stva* [Modern tendencies of culture management in the system of entrepreneurship] / ed. A.I. Dobrynin. Petrozavodsk: PetrGU Publishing House, 2009, 342 p.
4. Neretin O. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*, 2012, no. 4, pp. 4–9.
5. Parshukov A.E. *Upravlenets*, 2013, no. 4(44), pp. 74–78.
6. Sociological survey. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112744/zhenschiny-chasche-vidyat-nastoyaschego-predprinimatelya-otvetstvennym-i-kommunikabelnym>
7. Sociological survey. Perestroika: a ruined dream. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/perestrojka-zagublennaya-mechta>
8. Tomilov V.V. *Kul'tura predprinimatel'stva* [Entrepreneurial culture]. SPb: Piter, 2000, 368 p.
9. Shikhirev P.N. *Vvedenie v rossiyskuyu delovuyu kul'turu* [Introduction to Russian business culture]. M.: Printing House 'News', 2000, 203 p.
10. Diego Lopes Da Silva, Nan Tian et al. Trends in world military expenditure, 2021. Stockholm: SIPRI, 2022. <https://doi.org/10.55163/DZJD8826>
11. All-Russian interactive action dedicated to the International Anti-Corruption Day. <https://anticor.tpprf.ru/>
12. Galitsky's business rules that will be useful to all entrepreneurs. <https://invlab.ru/biznes/biznes-pravila-galickogo>
13. Kalashnikov E. *Kazhdyi tretiy biznesmen gotov ispol'zovat «chernyy piar» protiv konkurentov* [Every third businessman is ready to use “black PR” against competitors]. <https://sntat.ru/news/opros-lish-15-predprinimateley-schitayut-vozmozhnym-postroit-chestnyy-biznes-5821964>
14. What was and what determined the dynamics of lending in 2021? And what can we expect this year? <https://www.banki.ru/news/research/?id=10962645>
15. Results of the study “Supports of Russia” “Small business and corruption: prospects for overcoming”. <https://opora.ru/news/rezultaty-issledovaniya-opory-rossii-malyj-biznes-i-korrupciya-perspektivy-preodoleniya.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Помазкова Елена Владиславна, аспирант

*Донской государственный аграрный университет
ул. Кривошлыкова, 24, п. Персиановский, Ростовская об-
ласть, 346493, Российская Федерация
pomazkovael@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Pomazkova, post-graduate student

*Don State Agrarian University
24, Krivoshlykov Str., Persianovskiyy village, Rostov region,
346493, Russian Federation
pomazkovael@rambler.ru*

Поступила 13.10.2022

После рецензирования 27.10.2022, 18.11.2022

Принята 25.11.2022

Received 13.10.2022

Revised 27.10.2022, 18.11.2022

Accepted 25.11.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-478-492

УДК 316.772.5

Г.М. МАКЛЮЭН: КОММУНИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ

О.А. Ивенкова, Н.Б. Итунина

Обоснование. Проблемы специфики и трансформаций социальной коммуникации актуализированы в современных условиях противоречивого развития мультимедийной коммуникационной системы, активно влияющей на процессы социализации. В современной реальности инструменты Интернета нередко играют более значимую роль в социализации, чем традиционные социальные агенты. Интернет расширяет возможности для раскрытия личности, но вместе с тем порождает и социализационные риски для молодежи. Авторы статьи обращаются к критическому осмыслению концепции Г.М. Маклюэна (1911-1980), канадского теоретика коммуникационных технологий. Основные работы Г.М. Маклюэна вышли в 60-е гг. XX в., однако идеи, высказанные в них, до сих пор, так или иначе, являются востребованными в мировой науке.

Цель. Авторы критически анализируют теорию коммуникаций М. Маклюэна, что дает основания для выводов о ее современных исследовательских возможностях и вместе с тем о лакунах, оставляемых ею, в понимании процессов социализации человека, находящегося в непрерывных и разнообразных потоках коммуникации.

Методы. В исследовании авторы опираются на философско-культурологический подход, включающий в себя приемы и методы социологического анализа коммуникации, а также междисциплинарный подход.

Результаты. Как справедливо полагал Г.М. Маклюэн, коммуникационные процессы являются необходимой основой формирования, поддержания и трансформаций культурных феноменов и самого человека. Теория коммуникации Г.М. Маклюэна демонстрирует вли-

ание техники на изменение мышления человека, его сознания, способности к восприятию, менталитета, стиля жизни. Технические средства коммуникации, создающие новые языки общения, выполняют революционную роль в социокультурной динамике в целом и в процессах социализации в частности, создавая универсальную среду формирования личности. Вместе с тем, на основе анализа работ Г.М. Маклюэна показывается ограниченность медиа-ориентированного подхода. Авторы статьи демонстрируют преимущество философско-культурологического и междисциплинарного подходов в отечественной коммуникативистике, базирующихся не на технократической, а гуманистической доминанте.

Область применения результатов. *Полученные результаты могут быть применимы при изучении социокультурных трансформаций и коммуникации в условиях глобальных вызовов современности, в формировании исследовательских подходов к пониманию специфики и функций современных социализационных и коммуникационных процессов.*

Ключевые слова: *Г.М. Маклюэн; коммуникация; социализация; медиасреда; семиосфера; Ю.М. Лотман; «культура зрения»; «культура слуха»; «глобальная деревня»; технологический детерминизм; культурологический подход*

G.M. MCLUHAN: COMMUNICATION AS A MEANS SOCIALIZATION

O.A. Ivenkova, N.B. Itunina

Background. *The problems of specifics and transformations of social communication are updated in the modern conditions of the contradictory development of the multimedia communication system, which actively affects the processes of socialization. In modern reality, Internet tools often play a more significant role in socialization processes than traditional social agents. The Internet expands the possibilities for revealing the personality, but at the same time gives rise to the risks of socialization of young people. The authors of the article turn to a critical*

understanding of the concept of GM. McLuhan (1911-1980), Canadian communication technology theorist. The main works of G.M. McLuhan came out in the 60s. XX century, however, the ideas expressed in them are still in demand in world science.

Purpose. *The authors critically analyze the theory of communications by M. McLuhan, which gives grounds for conclusions about its modern research capabilities and, at the same time, about the gaps left by it, in understanding the processes of socialization of a person in continuous and diverse flows of communication.*

Methods. *In the study, the authors rely on a philosophical and cultural approach, including techniques and methods of sociological analysis of communication, as well as an interdisciplinary approach.*

Results. *As G.M. McLuhan rightly believed, communication processes are the necessary basis for the formation, maintenance and transformation of cultural phenomena and the person himself. The communication theory of G.M. McLuhan demonstrates the influence of technology on changing a person's thinking, his consciousness, ability to perceive, mentality, lifestyle. Technical means of communication creating new languages of communication fulfill a revolutionary role in sociocultural dynamics in general and in the processes of socialization in particular, creating a universal environment for the formation of personality. At the same time, based on the analysis of the works of G.M. McLuhan, the limitations of a media-oriented approach are shown. The authors of the article demonstrate the advantage of philosophical, cultural and interdisciplinary approaches in domestic communicativism, based not on a technocratic, but on a humanistic dominant.*

Scope of results. *The results obtained can be applied in the study of socio-cultural transformations and communication in the context of global challenges of our time, in the formation of research approaches to understanding the specifics and functions of modern socialization and communication processes.*

Keywords: *G.M. McLuhan; communication; socialization; media environment; semiosphere; J.M. Lotman; "vision culture"; "hearing culture"; "global village"; technological determinism; cultural approach*

Введение

Для современного этапа развития общества характерны качественные изменения в сфере коммуникаций, обусловленные экономическими, социальными и культурными факторами. Как результат, информация приобрела новый ценностный статус, превратилась в один из основных ресурсов и влияет на изменения, затрагивающие основы социальной структуры, институтов и процессов в обществе. В современном социуме идет борьба за обладание информацией и распоряжение коммуникационными каналами, за владение технологическими средствами коммуникации, позволяющими оказывать влияние на массовую аудиторию, на личность и процесс социализации, изменять знания, установки и поведение людей.

С появлением новых информационно-технических средств формируется коммуникология как наука о коммуникациях. Процесс её становления осуществляется в контексте общетеоретических подходов в рамках философии, психологии, культурологии, лингвистики, социальной (культурной) антропологии и др. Ныне кафедры по различным отраслям коммуникологии имеются во всех крупных университетах мира. В последние десятилетия в российских вузах появились кафедры социологии коммуникаций, межкультурных коммуникаций и др., развиваются прикладные коммуникативные специальности (связи с общественностью, реклама, маркетинговая коммуникация и т.д.).

Несмотря на несомненные успехи в развитии теории коммуникации, исследователи отмечают эклектизм её базовых оснований, несогласованность в понимании и употреблении многих терминов, неоднозначные решения проблемы динамики социальной коммуникации и её трансформаций, места и роли коммуникации в развитии человека и общества [1, с.23,31]. Острые дискуссии идут по многим проблемам, в частности, об электронной демократии, киборгах, онлайн-овых сообществах и т.д., что обусловлено различием методов и подходов, используемых в научном сообществе.

В связи с выше перечисленным, представляется обоснованным обращение к теоретическому наследию Герберта Маршала Маклюэ-

на (1911-1980), канадского философа, литературоведа, социолога и культуролога, признанного теоретика коммуникационных технологий, писавшего работы также по педагогике и психофизиологии. В коммуникативистике сейчас наблюдается ренессанс «маклюэнизма». Востребована разработанная им методология исследования эволюции социальной коммуникации; широко используется предложенная им терминология: «галактика Гуттенберга», «медиа», «глобальная деревня» и др. Вышеобозначенное стало основанием анализа теории Г.М. Маклюэна с целью выявления её эвристического потенциала в осмыслении современных проблем взаимодействия человека с техникой, с одной стороны, и ограниченностью её методологии, с другой.

Методы

Работа подготовлена с опорой на базовые принципы философско-культурологического подхода к изучению феноменов коммуникации и социализации, с применением методов социологического анализа и междисциплинарного подхода.

Результаты и обсуждение

В сочинениях канадского «пророка из Торонто» [17], как стали называть М. Маклюэна, разработана концептуальная модель исторической динамики общества. Не принимая марксистского экономического детерминизма, М. Маклюэн отстаивает собственное видение исторического процесса, не приводя доказательств, но ориентируясь на образно-метафорическое восприятие читателей. Его кредо: духовный и материальный прогресс человечества определяется не орудиями труда, не уровнем овладения силами природы, а технологией социальной коммуникации, теми коммуникационными каналами, которыми располагают люди.

К средствам коммуникации М. Маклюэн относит язык, печать, телевидение, а также дороги, транспорт, деньги, науку и пр., то есть все культурные артефакты, которые не только передают информацию, но «расширяют» органы чувств человека, выступая их «технологическим продолжением».

Как отмечают исследователи творчества М. Маклюэна, для него особо значимы два момента. Во-первых, технические возможности канала передачи, которые выражают уровень технологического развития общества. Во-вторых, тот факт, что событие приобретает общественную и личную значимость не само по себе, а в связи с переданным о нем сообщением [15]. В концепции М. Маклюэна зачастую важна не смысловая наполненность сообщения, а то, что оно «расширяет» сознание и вообще человеческие возможности. Так, первым расширением человеческого тела была одежда. И если вначале она защищала тело, то со временем стала социальным индикатором, неся информацию о социальном статусе, роли индивида. Неопределенный и неоднозначно толкуемый термин «расширение» указывает, по нашему мнению, на социализационные возможности средств коммуникации, появляющиеся новые средства информации качественно меняют стиль жизни, ценности людей, их менталитет и общественную организацию.

Средства коммуникации разделены М. Маклюэном на «холодные» и «горячие» [9, с. 27]. «Горячие» расширяют одно чувство до высокой (предельной) определенности (фотография дает исчерпывающую визуальную информацию), отличаются низкой степенью участия аудитории (отдельного человека). «Холодные» требуют довершать информацию (телефон), стимулируют активность человека, его вовлеченность в процесс коммуникации, которая понимается как социальная интеракция через сообщение, то есть, по сути, как процесс социализации. Тем более что роль медиа, по М. Маклюэну, не сводится к инструментальному воспроизведению личностью культурных норм, ценностей и стереотипов. Медиа как сложный феномен может вести к трансформации представлений, конструируемых в той или иной культурной среде. При передаче сообщения техническое средство не нейтрально, подчеркивал М. Маклюэн, оно передает сообщению свои свойства, что влияет на процесс и результат социализации [6, с.81-85].

Совокупность существующих одновременно медиа образует медиасреду. Те характеристики, которыми наделяет её М. Маклюэн,

позволили отечественным исследователям его теоретического наследия сблизить понятие медиасреды с понятием семиосферы Ю.М. Лотмана [7]. Напомним, что семиосфера понималась Ю.М. Лотманом, бывшим в свое время вице-президентом Всемирной ассоциации семиотики, как семиотическое пространство, внутри которого реализуются коммуникационные процессы и вырабатывается новая информация, образуются культурные «тексты», в которых она запечатлевается и хранится. Культура для Лотмана – это созданный человечеством «механизм, имеющий целью выработку и хранение информации» [7, с. 395]. Культура – это сложно устроенный текст, который исследователь должен раскодировать. Аналогично для М. Маклюэна (он не был знаком с Ю.М. Лотманом) любое медиа обладает вербальной структурой; форма медиа задает структуру сообщения.

Медиасреда постоянно трансформируется и состоит из клише, которые отсылают к архетипическим образам, вырванным из их контекста и образующим новые сочетания. Концепция социокультурной динамики канадского философа относится к «циклической парадигме», её модель представляет собой спираль, в ходе движения по которой общество и человек как бы возвращаются на новом качественном уровне на уже пройденные ранее этапы [15].

Трактуя коммуникацию как экстерииоризацию чувственной способности человека к восприятию, М. Маклюэн на основе этого критерия выделяет аудио (речевую) и видео (зрительную) виды коммуникационных систем, рассматривая их в качестве основы «культуры слуха» и «культуры зрения» соответственно. Он констатирует, что исторически первой в истории человечества была эпоха устной речи (аудиокультура), что определяло протекающую в ней социализацию человека. В эту дописьменную эпоху «племенного человека» имело место единство человека и общества, поскольку индивид был растворен в родовом коллективе; существовала общая зависимость от авторитета; «человек слушающий» эпохи дописьменного варварства использовал естественные каналы коммуникации (социализации).

Переход ко второй эпохе связан, по М. Маклюэну, с новым средством коммуникации – письмом. В эпоху «письменной кодификации» к слуху добавляется зрение, и какое-то время они находились в балансе. Однако, письменность разрушила целостность первобытного социума, формируя постепенно дискретное сознание персонифицированной личности.

Третья эпоха в классификации М. Маклюэна – «типографского и индустриального человека» или «галактика Гуттенберга». Основным условием возникновения новой ментальности и индустриального общественного устройства, как убежден канадский философ, стало изобретение печатного прессы. Благодаря книгопечатанию утвердился новый тип культуры – видеокультура, так как массовое распространение печатного слова сделало господствующим визуальное восприятие. Господство визуального восприятия М. Маклюэн связывает с формированием нового типа индивидуальности и соответствующих общественных отношений. Это эпоха дидактизма, индивидуализма и национализма, политических и религиозных движений, кровавых революций. В итоге реализуется вектор истории, названный М. Маклюэном «эмплзией» - направленностью на механистические технологии и механистическое псевдоединство видеокультуры, сменившее органическое единство социокультуры. Как подчеркивает М. Маклюэн, различие между человеком печатной и человеком рукописной культуры столь же велико, как и различие между человеком бесписьменным и письменным [8, с. 31].

Четвертая эпоха – «галактика Маркони», связывается М. Маклюэном с изобретением в 1884 году телеграфа как нового средства коммуникации. В дальнейшем она стала эпохой электронных коммуникаций, обусловивших синтез человека слушающего и смотрящего, то есть эпохой «нового племенного человека». Преувеличив социализационный потенциал телевидения, которое во второй половине XX века стало полноценным средством массовой коммуникации, Маклюэн полагал, что телевидение кардинально меняет человеческое восприятие и познавательные процессы, возвращая человека к естественному способу восприятия мира – фрагментар-

ному, образному, нелинейному. Исследователь надеялся, что благодаря телевидению завершится цикл в развитии органов чувств человека, поскольку человечество приобрело всеслышащее ухо и всевидящий глаз [9].

Если средства коммуникации в прошедшие эпохи были неким технологическим продолжением человеческих органов, то в новую эпоху они оказывают влияние на всю нервную систему человека. На основе электронных средств коммуникации с их возможностью мгновенной передачи информации и мгновенного на нее реагирования возникает эффект «имплозии» как взрывного сжатия информационного и пространственно-временного континуумов [11, с. 595]. Вектор истории от «эксплозии» к «имплозии» реализуется как новый синтез на основе компьютерной техники. Это позволит человеку, убежден канадский философ, прочувствовать свое единство с человечеством.

По прогнозу М. Маклюэна, электронная эпоха превратит земной шар в интегрированное человечество в едином коммуникационном пространстве, т.е. планета превратится в «глобальную деревню» [10]. Отметим, что М. Маклюэн достаточно точно определил тенденцию и ввел новое понимание коммуникации. Появление в дальнейшем компьютерных сетей воплотило идею об информационном пространстве в реальность, которая в настоящее время изучается инструментально. Современные реалии актуализируют учение М. Маклюэна не столько из-за распространения цифровых коммуникаций, сколько потому, что он писал на пороге постмодернистского поворота в культурном анализе. Поэтому, непреднамеренно, его труды охватывают напряженность постмодернистской истории. Это убеждает нас в необходимости прояснять сложную взаимосвязь между языком и средствами массовой информации, между технологией и историческими изменениями [18].

Резюмируя, отметим, что по М. Маклюэну, во-первых, развитие техники – это одновременно изменение у человека мышления, сознания, способности к восприятию, менталитета. Во-вторых, технические средства коммуникации, создающие языки общения, выпол-

няют революционную роль в социокультурной динамике в целом и в процессах социализации в частности. Эти тезисы, являющиеся базовыми основаниями концепции М. Маклюэна, со всей очевидностью демонстрируют приверженность канадского исследователя к методологии технологического детерминизма, несмотря на то, что ряд идей М. Маклюэна выходит за рамки философии техники. В трудах философа явно прослеживается медиа-ориентированный подход: человек подчинен действию средств коммуникации.

В отечественной коммуникативистике предлагается иная, нежели у М. Маклюэна, классификация исторических этапов динамики социальной коммуникации и её трансформаций. Наиболее признанной и распространенной является классификация коммуникационных систем А.В. Соколова, в которой выделены пять коммуникационных систем [5, с.58]. Согласно методологии философско-культурологического подхода, которую разделяют авторы вслед за многими отечественными исследователями проблем коммуникативистики, коммуникационные процессы действительно являются необходимой основой формирования, поддержания и трансформаций культурных феноменов и самого человека. Современного человека называют «человек информационный» [12,13,14,16]. И это неслучайно. Социальные сети и иные факторы электронной коммуникации во многом выполняют более значимую роль в процессах социализации и инкультурации, чем традиционные агенты, поскольку создают универсальную среду формирования личности. Однако, и это важно подчеркнуть, культура в широком, гуманистическом смысле определяет со своей стороны границы коммуникативных технологий, что обусловлено многими объективными факторами, а также социальными потребностями, включая военные. Как писал современник М. Маклюэна известный отечественный философ Э.В. Ильенков, критикуя технократическую идеологию, культ техники, машины, как и любой другой культ, коварен и страшен. Он снимает с живого человека моральную ответственность за свои действия и принижает его возможности стать всесторонне развитой личностью [3, с. 310]. Это предупреждение ЭВ Ильенкова как никогда актуально.

Заключение

Проблемы специфики и трансформаций социальной коммуникации актуализируются в современных условиях противоречивого развития мультимедийной коммуникационной системы, которая создает невиданные в прошлом возможности получателя и потребителя информации активно участвовать в смыслотворчестве, конструировании знания, в принятии политических решений и обеспечении средств защиты частной жизни. Это с одной стороны. А с другой – порождает серьезные угрозы и риски, меняя способы социализации, модели восприятия мира, идентичность и формы взаимодействия [2; 4]. Все эти проблемы ждут своего заинтересованного, вдумчивого исследователя, каким в свое время был М. Маклюэн. Вместе с тем, в отличие от меклюэнского медиа-ориентированного подхода, философско-культурологический и междисциплинарный подходы отечественной коммуникативистики сохраняют гуманистическую доминанту, идеал человека умного, активного, универсально-развитого, позволяют понимать сложность взаимосвязи между технологией и человеком, а также историческими изменениями. И это, как представляется авторам, не проявление луддизма прошлого, а императив современности.

Список литературы

1. Богомолова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2022. 253 с.
2. Данилов С.А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. №2. С. 42-46.
3. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат. 1968. 319 с.
4. Интернет и дети: возможности и угрозы, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-ozmozhnosti-i-ugrozy?ysclid=lap65h2ddu394469029> (дата обращения: 11.11.2022)
5. Кожемакин Е.А. Основы теории коммуникации. М.: Инфа-М. 2014. 188 с.

-
6. Корнеева О.Т. Эволюция информационного неравенства в условиях информационной революции и медиатизации средств массовой коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 81-85
 7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство. 2001. 395 с.
 8. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Пресс. 2003. 432 с.
 9. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Пер. с англ.]. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
 10. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне [Пер. с англ.]. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
 11. Можейко М.А. Мак-Люэн Херберт Маршалл // Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 594-595
 12. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Информационные технологии. 2010. № 1. С. 65-77.
 13. Некрасов А.С., Некрасова Н.А., Некрасов С.И. Воздействие информационных технологий на человека и его сознание // ЭСГИ. 2021. №2 (30). URL: <https://esgi-miet.ru/images/Stati20212/130-135.pdf> (дата обращения: 11.11.2022).
 14. Соловьева Л. Н. Модусы цифрового бытия человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2022. №4 (96). С. 51-55. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.7>
 15. Чумакова В.П. Концепция Герберта Маршалла Маклюэна: медиа в социокультурной динамике: Автореф. дис. ... кандидата культурологии. Москва, 2015. 29 с.
 16. Levinson P. Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium. N. Y., 2001. P. 50-54.
 17. Theall D.F. The Virtual McLuhan. Toronto, 2003. P. 162.
 18. Wasser F. Current Views of McLuhan // Journal of Communication, 1998. 48(3), pp. 146–152. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1998.tb02>

References

1. Bogomolova N.M., Nikolaeva Ju.V. *Mezhkul'turnaja komunikacija. Ch. I* [Intercultural communication, Vol 1]. Moscow: Jurajt, 2022, 253 p.
2. Danilov S.A. Risks and Potential of Internet Socialization of Youth. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [News of the Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2012, no. 2, pp. 42-46.
3. Il'enkov Je.V. *Ob idolah i idealah* [On idols and ideals]. Moscow, Politizdat, 1968, 319 p.
4. *Internet i deti: vozmozhnosti i ugrozy* [Internet and children: opportunities and threats]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-i-deti-vozmozhnosti-i-ugrozy?ysclid=lap65h2d-du394469029> (accessed November 11, 2022).
5. Kozhemjakin E.A. *Osnovy teorii kommunikacii* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow, Infa-M, 2014, 188 p.
6. Korneeva O.T. Evolution of information inequality in the conditions of information revolution and a mediatization of mass media. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences]. 2016, no. 10, pp. 81-85.
7. Lotman Ju.M. *Semiosfera* [Semiosfera]. SPb: Iskustvo, 2001, 395 p.
8. Makl'ujen G.M. *Galaktika Gutenberga. Sotvorenje cheloveka pečatnoj kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kiev, Nika-Press, 2003, 432 p.
9. Makl'ujen G. M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskij: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2003, 464 p.
10. Makl'ujen M., Fiore K. *Vojna i mir v global'noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow, ACT: Astrel', 2012, 219 p.
11. Mozhejko M.A. McLuhan Herbert Marshall. *Vsemirnaja jenciklopedija. Filosofija* [World Encyclopedia. Philosophy.]. Moscow: AST, Minsk: Harvest, Sovremennij literator, 2001, pp. 594-595.
12. Narin'jani A.S. Between evolution and ultra-high tech: the new man of the near future. *Informacionnye tehnologii* [Information technologies]. 2010. no. 1, pp. 65-77.

13. Nekrasov A.S., Nekrasova N.A., Nekrasov S.I. Impact of information technology on a person and his consciousness. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and socio-humanitarian research]. 2021, no. 2 (30). <https://esgi-miet.ru/images/Stat20212/130-135.pdf> (accessed November 11, 2022).
14. Solov'eva L. N. The modes of digital human existence of the information age. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. 2022, no. 4 (96), pp. 51-55. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.7>
15. Chumakova V.P. Herbert Marshall McLuhan Concept: Media in Sociocultural Dynamics. *Extended abstract of candidate's thesis*. M., 2015. 29 p.
16. Levinson, P. *Digital McLuhan: A Guide to the Information Millennium*. N. Y., 2001. P. 50-54.
17. Theall, D.F. *The Virtual McLuhan*. Toronto, 2003. P. 162.
18. Wasser, F. (1998). Current Views of McLuhan. *Journal of Communication*, 48(3), 146–152. doi:10.1111/j.1460-2466.1998.tb02

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ивенкова Ольга Александровна, кандидат философских наук,
и.о. заведующего кафедры социологии и философии
Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, г. Смоленск, Смоленская обл., 214000,
Российская Федерация
Ivenskova@yandex.ru

Итунина Нина Борисовна, кандидат философских наук, профессор
кафедры социологии и философии
Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, г. Смоленск, Смоленская обл., 214000,
Российская Федерация
nina.itunina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Ivenkova, Candidate of Philosophical Sciences, Acting Head of
the Department of Sociology and Philosophy

Smolensk State University

4, Przhevalsky Str., Smolensk, Smolensk Region, 214000, Russian Federation

Ivenckova@yandex.ru

SPIN-code: 5658-9800

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7534-1238>

Nina B. Itunina, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Department of Sociology and Philosophy

Smolensk State University

4, Przhevalsky Str., Smolensk, Smolensk Region, 214000, Russian Federation

nina.itunina@mail.ru

SPIN-code: 6459-3089

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7534-1238>

Поступила 23.11.2022

После рецензирования 28.11.2022

Принята 05.12.2022

Received 23.11.2022

Revised 28.11.2022

Accepted 05.12.2022

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-493-507

УДК 93/99+342

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРИАМУРСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Е.В. Черная

Обоснование. *Изменения, происходящие в России, возродили интерес к функционированию земских органов самоуправления в непростых социально-экономических, политических и военных условиях. Сложная обстановка усугубила противоречия на местном уровне, что оказало огромное воздействие на проводимую земствами работу.*

Цель. *Рассмотреть противоречия, которые оказали влияние на деятельность земств в период существования Временного Приамурского правительства.*

Материалы и методы. *Материалом для исследования послужила периодическая печать, представленная газетами, а также документы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Приморского края. При анализе материала использовались такие методы, как проблемно-хронологический, историко-генетический.*

Результаты. *Деятельность земских органов самоуправления при Временном Приамурском правительстве осуществлялась в условиях социально-экономического и военно-политического кризиса. Кризисное состояние региона усугубило уже существовавшие противоречия: потеря доверия со стороны населения и конфликт с государственной властью, оказав сильное влияние на проводи-*

мую земствами работу. Во-первых, земствам катастрофически не хватало финансов для реализации социально-экономической и культурно-образовательной деятельности, так как от населения перестали поступать налоги и земские сборы. Во-вторых, не последовательная политика правительства С.Д. Меркулова в отношении земств привела к торможению их деятельности, потере ряда исконных функций, а то и к ликвидации. В такой ситуации земства осуществляли в основном общественно-хозяйственную работу, пытаясь продемонстрировать населению свою значимость, в то время как культурно-образовательная деятельность практически не реализовывалась.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе, как материал для лекций и учебных пособий. Также в исторической науке, как основа для расширения исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: земство; экономический кризис; Временное Приамурское правительство; Гражданская война; Приморье

ACTIVITIES OF ZEMSKY SELF-GOVERNMENT BODIES UNDER THE VREMENNOGO PRIAMURSKOGO GOVERNMENT

E.V. Chernaya

Background. The changes taking place in Russia have revived interest in the functioning of zemstvo self-government bodies in difficult socio-economic, political and military conditions. The difficult situation aggravated the contradictions at the local level, which had a huge impact on the work carried out by the zemstvos.

Purpose. To consider the contradictions that influenced the activities of the zemstvos during the existence of the Vremennogo Priamurskogo government.

Materials and methods. The material for the study was the periodical press presented by newspapers. As well as documents from the Rus-

sian State Historical Archive of the Far East and the State Archive of Primorsky Krai. In the analysis of the material, such methods as problem-chronological, historical-genetic were used.

Results. *The activities of the zemstvo self-government bodies under the Vremennogo Priamurskogo government were carried out in conditions of socio-economic and military-political crisis. The crisis state of the region has aggravated the already existing contradictions: the loss of confidence on the part of the population and the conflict with the state power, having a strong impact on the work carried out by the zemstvos. Firstly, the zemstvos sorely lacked finances for the implementation of socio-economic and cultural and educational activities, since taxes and zemstvo fees stopped coming from the population. Secondly, the inconsistent policy of the government of S.D. Merkulova in relation to the zemstvos led to the inhibition of their activities, the loss of a number of ancestral functions, and even to liquidation. In such a situation, the zemstvos carried out mainly social and economic work, trying to demonstrate their importance to the population. At that time, cultural and educational activities were practically not implemented.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the educational process as material for lectures and teaching aids. Also in historical science, as a basis for expanding research on this problem.*

Keywords: *zemstvo; economic crisis; Vremennogo Priamurskogo government; Civil War; Primorye*

Введение

Цель. Исследовать деятельность земских органов самоуправления с мая 1921 по июль 1922 г., как часть системы управления Приморьем.

Актуальность. Изменения, происходящие в политической системе России на современном этапе, возродили интерес к похожему историческому опыту, в том числе касающемуся деятельности земских органов самоуправления в условиях социально-экономического и военно-политического кризиса.

Проблемой исследования выступают сложности в деятельности

земств в процессе взаимоотношений с Временным Приамурским правительством. Эти противоречия появились задолго до Гражданской войны и были вызваны законодательной базой, на основе которой формировались земские органы самоуправления. До событий 1917 года земства получили широкий круг хозяйственных, социальных и культурно-просветительских обязанностей. После революции к ним добавилась часть государственных функций. На Дальнем Востоке в ходе продолжительного военного и политического противостояния органы земского самоуправления получили возможность участвовать в формировании региональных органов власти. Более того, в январе-декабре 1920 года Приморская областная земская управа провозгласила себя Временным правительством Дальнего Востока. Однако реализация этих обязательств зависела от финансового положения земств. В условиях войны, экономического кризиса, отказа населения платить налоги доходы земств падали, и они стали сильно зависеть от государственных субсидий. Поэтому закономерно, что государственная власть стремилась установить контроль над земскими органами самоуправления, в первую очередь – над их политической деятельностью. Земства воспринимали это как посягательство на их самостоятельность, что привело к противостоянию с Временным Приамурским правительством. Земства, стремясь доказать правительству свою независимость и пополнить пустые кассы, пытались изыскать средства в сельской местности, городах, переложить часть полномочий на низовые уровни органов самоуправления. Добиться своих целей земства не смогли, только усугубили сложности при осуществлении своих обязанностей.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужила периодическая печать, представленная газетами, а также документы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Приморского края. При анализе материала использовались такие методы, как проблемно-хронологический,

историко-генетический. Они позволили систематизировать выбранную информацию, определить причинно-следственные связи в деятельности земств, выявить основные противоречия, оказавшие влияние на осуществляемую земствами работу.

Результаты и обсуждение

В условиях Гражданской войны, социально-экономического и политического кризиса земские органы самоуправления столкнулись с противоречиями, которые оказали сильное влияние на осуществляемую ими деятельность. К таким противоречиям можно отнести: противостояние с государственной властью, между разными уровнями земского самоуправления, расхождение интересов между земскими и городскими организациями, и, наконец, разрыв в отношениях между земским самоуправлением и обществом [28, с. 151-154].

Противостояние земских органов самоуправления и Временного Приамурского правительства заключалось в том, что с одной стороны, земства стремились полностью сохранить свои хозяйственные и ряд государственных функций, оппонируя правительству, но при этом рассчитывая на его финансовую помощь. Приморская областная земская управа открыто заявляла, что «главный доход земство получает с правительственных предприятий, но у правительства тоже нет денег» [18, с. 95].

Поэтому земские органы самоуправления рассчитывали на финансовую поддержку со стороны правительства С.Д. Меркулова при решении хозяйственных вопросов. Например, земство закупило посевную пшеницу в Маньчжурии. Для того чтобы ввести ее на территорию Приморского края необходимо было заплатить пошлину. Приморская областная земская управа обратилась с ходатайством перед Управлением внутренними делами «о сложении пошлины», но его отклонили. Получалось, что правительство не хотело помогать земству, но при этом понимало, что его отказ нанесет ущерб населению. Вследствие этого правительство могло потерять ту незначительную поддержку, которую имело. Поэтому было принято решение: «признавая необходимость оказания помощи земству

в этом вопросе, постановлено открыть ему беспроцентную правительственную ссуду в размере 60000 рублей» [20, с. 60б.] «для оплаты таможенной пошлины с 200000 пудов пшеницы» [2, с. 60б.].

Или, например, в целях оказания финансовой поддержки земских учреждений области Временное Приамурское правительство предоставило следующие кредиты: «1) 13351 р. 50 к. на содержание в течение 1-го полугодия 1922 года Иманской земской больницы и 2) 5777 р. 44 к. на содержание Ольгинской земской управы» [27, с. 101].

С другой стороны, правительство, стремясь контролировать земское самоуправление, лишило его не только политических, но, в условиях финансового кризиса, и ряда хозяйственных функций. Однако Временное Приамурское правительство за время своего существования не смогло разграничить сферы деятельности. Например, из-за того, что не были четко разделены «функции в сфере санитарно-медицинского дела, врачебный надзор и отдел народного здоровья находились в неопределенном положении» в регионе и не могли в полной мере выполнять свои обязательства [13, с. 88]. В целом, политика правительства С.Д. Меркулова в отношении земств не отличалась единообразием [31, с. 111-112].

Для начала правительство попыталось ограничить земствам доступ к финансовым средствам. В июне 1921 года оно предложило Никольск-Уссурийскому казначейству без его распоряжения, «не производить никаких уплат по ассигновкам Никольск-Уссурийской уездной земской управы» [26, л. 156].

Затем постановлением от 4 июля 1921 г. на основе ст. 73 Временного Положения о земских учреждениях в Сибири от 17 июня 1917 г. начало ревизию областного и уездных земств. В.И. Бунин возглавил ревизию и обозрение деятельности Приморского областного земства, Н.Г. Антонов Никольск-Уссурийской уездной земской управы [6, с. 34-34об.], Н.И. Будном проводил ревизию Ольгинской уездной земской управы. На каждую ревизионную комиссию правительство выделило по 3000 рублей. Ревизоры получили по 50 рублей золотом из расчета по 5 рублей за день [7, с. 57]. В их

обязанности входило собрать и проанализировать бухгалтерские и денежные отчеты по всем отделам управы за 1919 год полностью, произвести обзор деятельности земства за 1920 год с представлением баланса на 1 января 1921 года по сметным расходам и специальным капиталам [16, с. 42об.]. Ревизии продолжились и в 1922 году. Только теперь предполагалось провести анализ деятельности всех земств, находящихся под контролем Временного Приамурского правительства [21, с. 15.]. Несмотря на затраченные суммы, данное мероприятие ощутимых финансовых результатов не принесло, так как у земств не было средств. В психологическом плане земства восприняли данное вмешательство, как посягательство на свою независимость и самостоятельность.

Не получив существенных результатов, правительство С.Д. Меркулова приступило к ограничению деятельности земских органов самоуправления. В культурно-просветительской сфере было принято решение взять под контроль народное образование. 3-го марта 1922 года был опубликован закон «Общее положение о народном образовании на территории Временного Приамурского правительства». По новому закону права самоуправлений были урезаны в такой степени, что они совершенно устранялись от влияния на дело народного образования [3, с. 56].

В попытке ограничить политическую активность начались аресты членов земских управ. 27 октября 1921 года был арестован помощник юрисконсульта Никольск-Уссурийской уездной земской управы И.С. Тимошин, который занимался организацией выборов волостных земских гласных [26, л. 976, 985].

Гражданская война привела к разрыву территориальных и экономических связей в регионе, в том числе между разными уровнями земского самоуправления, что усилило их противостояние. Волостные, уездные, областные органы земского самоуправления стремились сосредоточить в своих руках максимальное количество ресурсов и самостоятельно принимать решения. Например, показательна в этом вопросе деятельность Ольгинской уездной земской управы. После прихода к власти правительства С.Д. Меркулова Ольгинская

уездная управа, мотивируя тем, что у нее нет связей с центром, взяла на себя ряд функций государственной власти. Так, управой «выдавались годовые паспорта иностранцам и взималась по своему усмотрению плата, взималась арендная плата за сдаваемые казенные земли и прочие государственного характера сборы» [14, л.30].

В условиях недостатка финансовых средств, Ольгинская управа решила получить их за счет снабжения населения семенами. В июле 1921 года «Областная земская управа, получив пшеницу от правительства, передала ее, для распределения между населением, уездным управам, в т.ч. и Ольгинской. И вот Ольгинская управа, раздав часть пшеницы крестьянам, решила остальную продать. Во исполнение этого решения ею продано 3 вагона японским коммерсантам» [19, с. 41об.]. Подобное решение привело не только к тому, что Областная земская управа выразила недовольство такой деятельностью Ольгинской. Но главное, еще больше усилилось недовольство населения по отношению к земским органам самоуправления.

В ответ, «Ольгинская уездная земская управа, вследствие безвыходного финансового положения решила на следующие меры: 1) Передать с 1-го июля 1921 года содержание всех приютов, больниц, медицинских и ветеринарных пунктов волостным земствам; 2) приостановить работу отделов Народного здоровья, общественного призрения, продовольствия, снабжения и земельного. Всем служащим выдаются обязательства на получение заштатного вознаграждения» [17, с. 24-24об.]. По сути Ольгинская управа заявила о своей самоликвидации, чего не имела права делать. Поэтому «Областная земская управа отменила постановление Ольгинской уездной земской управы о своем прекращении деятельности. Заявив, что вопрос этот будет обсуждаться при участии представителей как областного земства, так и уездного» [15, с. 36об.].

Все это затрудняло осуществление прямой деятельности земств. К сентябрю 1921 года положение школ в Ольгинском уезде было удручающим. При фактическом отсутствии органов уездного самоуправления не было и «надшкольного органа для руководства школой, школьное дело в названном районе находится в состоянии

дезорганизации» [29, с. 2].

На фоне экономического кризиса происходит расхождение интересов между земскими и городскими органами самоуправления, так как в городах была сосредоточена банковская система, промышленность и торговля, то они обладали более высоким уровнем финансового обеспечения, чем сельская местность [28, с. 152]. Поэтому на законных основаниях, за счет сборов и налогов, земства старались переложить как можно больше расходов на торгово-промышленные заведения и городское имущество, стремясь ослабить переобложение сельского населения [28, с. 140-141] и получить финансовые средства для выполнения своих обязанностей.

С одной стороны, земства стремились собрать свои сборы. В августе 1921 года «Приморская областная земская управа назначила сборщиком по взиманию земских сборов М.Е. Рывкина по городу Владивостоку. В получении сборов и недоимок М.Е. Рывкин имеет право выдавать плательщикам установленные квитанции. Областная управа, доводя о вышеизложенном до сведения плательщиков, просит их поспешить с внесением в кассу Управы причитающихся платежей во избежание нежелательных последствий (описи и продажи имущества)» [5, с. 25об.]. В ноябре 1921 года «сборщиком для взыскания областного земского сбора и недоимок с недвижимых имуществ, находящихся в городе Никольск-Уссурийске был назначен гражданин В.Д. Сачков» [9, с. 74]. В мае 1922 года «Областное земство запросило города о количестве городских земель и лесов, а также о валовой доходности, полученных городами доходов от земель и лесов, для обложения таковых земским налогом [22, с. 26об.].

При этом земства сталкивались с прямыми отказами в уплате сборов и налогов. В октябре 1921 года «домовладельцы города Никольска отказались от уплаты земских сборов за 1919 год, на основании состоявшегося постановления союза домовладельцев». Ввиду тяжелого финансового положения земства постановило: «поручить земскому сборщику Плачковскому принять законные меры понуждения – опись и продажу имущества – по взысканию земских сборов за 1919 год с лиц, уклоняющихся от добровольной уплаты

этих сборов» [30, с. 2].

Поступали прошения и об отсрочки взимания земских сборов. В феврале 1922 года «Торгово-промышленная палата, учитывая переживаемый краем кризис вызывающий часто ликвидацию торгово-промышленных форм и предприятий, пришла к заключению о необходимости возбудить ходатайство к земской управе об отсрочки на 6 месяцев по уплате земского сбора за 1920 и 1921 гг. Каковой сбор по его высоким ставкам особенно тяжело отзывается именно на торгово-промышленном населении» [1, с. 3об.].

С другой стороны, пытаясь экономить, земства отказывали, получая просьбы от промышленных предприятий. При этом, не предоставляя никаких льгот и рассрочек. Так, Областная земская управа, отказалась удовлетворить ходатайство уссурийского стекольного завода о приеме на излечение в областную земскую больницу рабочих завода на условиях платы за лечения стекольными изделиями завода, указав, что рабочие могут приниматься за денежную плату на общих основаниях [10, с. 8]. Вследствие подобной политики, когда ни одна из сторон не хотела идти на компромисс, противоречие между земствами и городами увеличивалось. Города переставали платить сборы, что усугубляло финансовое состояние земских самоуправлений.

Но главное противоречие, на наш взгляд, проявилось в разрыве отношений между земским самоуправлением и обществом. Основным показателем стал отказ населения содержать земства, прекратив платить налоги и сборы, «ибо с обывателя сняли последние штаны» [4, с. 63]. Однако земские органы самоуправления отказались считаться с этим обстоятельством, решая в основном проблемы собственного выживания, поскольку из-за «политических неурядиц и экономической разрухи, положение земского дела на местах угрожает полным развалом земским учреждениям и гибелью земской идеи» [23, с. 34об.]. Например, Покровская управа рапортовала, что съезд гласных не состоялся, так как «задолженность служащим 400 рублей», а «жалование не получают 4 месяца» [26, л. 221].

В итоге, в июле 1921 года свою деятельность и существование прекратили Покровская и Осиновская волостные земские управы. «Денег нет, а налогов и земских сборов никто не хочет вносить.

Если так дело будет обстоять дальше, то очевидно, вслед за управой закроется фельдшерский пункт, школа; придется закрывать почтово-телеграфное отделение. Замирающая общественная жизнь остановиться совершенно» [16, с. 42об.].

В таких условиях деятельность земских органов самоуправления на прямую стала зависеть от выплаты земских сборов на местах. Например, «Никольская уездная земская управа, дабы поддержать земские учреждения на местах, в мае 1922 года обратилась к сельским обществам с просьбой немедленно произвести раскладки земских сборов и внести их в кассы волостных земств, которым в своей деятельности руководствоваться «Временным положением о порядке содержания земских учреждений». Согласно Временному положению с 1 января 1922 года содержание всех земских учреждений в уезде переносится непосредственно на само население. Все средства, поступающие в кассы волостных земств должны расходоваться на содержание служащих, культурно-просветительные надобности населения, школы, больницы и т.д. В тех селениях, где население откажется уплачивать земские сборы, не представится возможности взыскать таковые принудительным порядком, то обслуживание таких селений земскими учреждениями прекратить» [23, с. 34об.].

При всех противоречиях и в непростых условиях, земства по-прежнему стремились выполнять обширный круг функций. Тем самым, даже в такой непростой ситуации пытались доказать свою эффективность и значимость для населения.

Никольск-Уссурийская земская управа, пытаясь поддерживать рабочих, занималась различными видами несчастных случаев на промышленных предприятиях. Для этого в июне 1921 года «члену управы Г.И. Кочетову совместно с юрисконсультским отделом было поручено подобрать и представить управе материалы по вопросу о страховании рабочих» [25, с. 35]. В марте 1922 года управа озабочилась поиском посевного материала для сельского населения. Уездная управа обратилась «с предложением в харбинскую контору «Закупсбыт» о принятии операций по снабжению населения посевными семенами». И предложила населению самому «покупать семена через земскую управу по пониженным против рынка ценам» [11,

с. 18]. По мимо этого, юридический подотдел Никольск-Уссурийской уездной управы давал «бесплатные юридические советы сельскому населению уезда» [24, с. 4].

Приморская областная земская управа, даже при отсутствии средств, оказывала финансовую поддержку уездным земствам. Выделила «2960 рублей на содержания Никольск-Уссурийской психиатрической лечебницы» [8, с. 77], «из своих складов управлению Российского Общества Красного Креста 150 простынь для предполагаемого к открытию нового госпиталя» [10, с. 8], перечислила «5000 рублей Никольской уездной земской управе на содержание земских учреждений, состоящих в уезде», предоставила «ветеринарному врачу Филадельфову средства по ремонту и приспособлению бактериологической лаборатории» [12, с. 2].

Заключение

Земские органы самоуправления столкнулись с двумя основными противоречиями, осуществляя свою деятельность в период правления Временного Приамурского правительства. С одной стороны, земства полностью утратили доверие населения, но при этом продолжали позиционировать себя как главные представители народа. С другой, земства стремились расширить свои функции, но в условиях финансового кризиса, стали очень зависеть от субсидий правительства С.Д. Меркулова. Это проявилось в противостоянии с государственной властью и с разными уровнями земских самоуправлений. Данные противоречия, порожденные нестабильной военно-политической и социально-экономической обстановкой, в период Временного Приамурского правительства только усугубились. Поэтому деятельность земских органов самоуправления не была в полной мере результативной. Земства скорее решали сиюминутные проблемы, пытаясь сохранить «лицо», чем системно занимались социально-экономической и культурно-образовательной деятельностью. При этом, культурно-образовательное дело практически не реализовывалось.

Список литературы

1. Владивосток Дейли-Ньюс. 19 февраля 1922. № 1.

2. Владивосток Дейли-Ньюс. 11 марта 1922. № 4.
3. Владиво-Ниппо. 11 марта 1922. № 501.
4. Владивосток, 1922 год. Жизнь города на страницах газеты «Голос Родины». Владивосток: Рос. гос. истор. архив Дальнего Востока, 2012. 138 с.
5. Вестник Временного Приамурского правительства. 3 августа 1921. № 7.
6. Вестник Временного Приамурского правительства. 17 августа 1921. № 10.
7. Вестник Временного Приамурского правительства. 13 октября 1921. № 30.
8. Вечерняя почта. 22 апреля 1922. № 277.
9. Вечерняя газета. 8 ноября 1921. № 135.
10. Восточный курьер. 1 марта 1922. № 4.
11. Восточный курьер. 9 марта 1922. № 10.
12. Газета для всех. 8 февраля 1922. № 6.
13. Голос Родины. 12 апреля 1922. № 806.
14. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 530. Оп. 1. Д. 71.
15. Дальневосточная жизнь. 8 июля 1921. № 20.
16. Дальневосточная жизнь. 12 июля 1921. № 23.
17. Дальневосточная жизнь. 30 июня 1921. № 13.
18. Дальний Восток. 11 июня 1921. № 1.
19. Крестьянская газета. 24 июля 1921. № 16.
20. Наша речь. 28 апреля 1922. № 3.
21. Наша речь. 30 апреля 1922. № 5.
22. Наша речь. 6 мая. 1922. № 10.
23. Наша речь. 8 мая. 1922. № 12.
24. Приморская мысль. 3 июня 1921. № 3.
25. Приморская мысль. 23 июня 1921. № 18.
26. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-940. Оп. 1. Д. 6.
27. Русский край. 17 марта 1922. № 259.
28. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) //

- Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сборник научных статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 125–158.
29. Сумерки. 30 сентября 1921. № 10.
30. Сумерки. 3 октября 1921. № 12.
31. Черная Е.В. Политика Временного Приамурского правительства в отношении земских органов самоуправления // Современные исследования социальных проблем. 2021. Том 13, № 4. С. 100–116. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-100-116>

References

1. *Vladivostok Deyli-N'yus*, February 19, 1922, no. 1.
2. *Vladivostok Deyli-N'yus*, March 11, 1922, no. 4.
3. *Vladivo-Nippo*, March 11, 1922, no. 501.
4. *Vladivostok, 1922 god. Zhizn' goroda na stranitsakh gazety «Golos Rodiny»* [Vladivostok, 1922. City life on the pages of the newspaper Voice of the Motherland]. Vladivostok: Russian State Historian. archive of the Far East, 2012, 138 p.
5. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, August 3, 1921, no. 7.
6. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, August 17, 1921, no. 10.
7. *Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva*, October 13, 1921, no. 30.
8. *Vechernyaya pochta*, April 22, 1922, no. 277.
9. *Vechernyaya pochta*, November 8, 1921, no. 135.
10. *Vostochnyy kur'er*, March 1, 1922, no. 4.
11. *Vostochnyy kur'er*, March 9, 1922, no. 10.
12. *Gazeta dlya vsekh*, February 8, 1922, no. 6.
13. *Golos Rodiny*, April 12, 1922, no. 806.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya (GAPK)*. F. 530. Op. 1. D. 71.
15. *Dal'nevostochnaya zhizn'*, July 8, 1921, no. 20.
16. *Dal'nevostochnaya zhizn'*, July 12, 1921, no. 23.
17. *Dal'nevostochnaya zhizn'*, June 30, 1921, no. 13.
18. *Dal'niy Vostok*, June 11, 1921, no. 1.
19. *Krest'yanskaya gazeta*, July 24, 1921, no. 16.
20. *Nasha rech'*, April 28, 1922, no. 3.
21. *Nasha rech'*, April 30, 1922, no. 5.

22. *Nasha rech'*, May 6, 1922, no. 10.
23. *Nasha rech'*, May 8, 1922, no. 12.
24. *Primorskaya mysl'*, June 3, 1921, no. 3.
25. *Primorskaya mysl'*, June 23, 1921, no. 18.
26. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV). F. R-940. Op. 1. D. 6.
27. *Russkiy kray*, March 17, 1922, no. 259.
28. Rynkov V.M. *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoy voyny: Sbornik nauchnykh statey* [Political systems and regimes in the East of Russia during the revolution and civil war: collection of scientific articles], 2012, pp. 125-158.
29. *Sumerki*, September 30, 1921, no. 10.
30. *Sumerki*, October 3, 1921, no. 12.
31. Chernaya E.V. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues], 2021, vol. 13, no. 4, pp. 100-116. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-100-116>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Черная Екатерина Васильевна, доцент, кандидат исторических наук
Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет
ул. Луговая, 52Б, г. Владивосток, 690087, Российская Федерация
chernaya0402@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Chernaya, Associate Professor, Ph. D. in History
Far East State Technical Fishery University
52B, Lugovaya Str., Vladivostok, 690087, Russian Federation
chernaya0402@mail.ru
SPIN-code: 6506-8294
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9917-2720>

Поступила 14.11.2022

После рецензирования 28.11.2022

Принята 08.12.2022

Received 14.11.2022

Revised 28.11.2022

Accepted 08.12.2022

DOI: 10.12731/2077-1770-2022-14-4-508-522

УДК 930.1

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1945–1955 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.Ю. Алази

Обоснование. *Послевоенный период – это период восстановления народного хозяйства СССР, разрушенного войной. Большинство отраслей промышленности в годы войны были переведены на выпуск военной продукции. После Великой Отечественной войны промышленность была переведена на производство гражданской продукции. Особой популярностью стали пользоваться товары широкого потребления, в особенности изделия из текстиля, которые не выпускались в военные годы. Для быстрого послевоенного восстановления текстильной промышленности необходимо было наладить эффективную кадровую политику. В статье анализируется кадровый, численный, половозрастной состав в текстильной промышленности Ульяновской области в 1945–1955 год. Выявлены основные кадровые проблемы в промышленности и способы их решения.*

Цель исследования – изучение кадрового состава в текстильной промышленности Поволжья в послевоенный период.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили архивные источники, периодическая печать Поволжья, работы региональных историков. При анализе источников были использованы историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Результаты работы. К 1955 году выявлены основные кадровые проблемы в текстильной промышленности Поволжья, намечены пути их решения. В статье выявлена эффективность проведенных мероприятий по решению кадровых проблем. Проводимая

кадровая политика в Ульяновской текстильной промышленности привела к увеличению численного состава на текстильных предприятиях, эффективному прохождению обучения и повышению квалификации текстильщиков. Полученные данные позволяют делать выводы о кадровой ситуации в Ульяновской текстильной промышленности в рассматриваемый период. Приводятся характеристики кадрового потенциала Ульяновской области, позволяющие оценить уровень развития текстильной отрасли промышленности в 1945–1955 годы.

Область применения результатов. Материалы, полученные в процессе исследования могут быть использованы историками, изучающими легкую промышленность Поволжья, кадровую политику на промышленных предприятия Поволжья, а также в образовательном процессе (в виде учебных пособий, лекций) по истории Поволжья.

Ключевые слова: кадровый состав; кадровая политика; текстильная промышленность; эвакуация; трудовые резервы; Поволжье

PERSONNEL OF THE TEXTILE INDUSTRY OF THE VOLGA REGION IN THE POST-WAR PERIOD OF 1945–1955. (BASED ON THE MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION)

I.Y. Alazi

Justification. The post-war period is the period of restoration of the national economy of the USSR, destroyed by the war. Most industries during the war were transferred to the production of military products. After the Great Patriotic War, the industry was transferred to the production of civilian products. Consumer goods, especially textile products that were not produced during the war years, have become particularly popular. For the rapid post-war recovery of the textile industry, it was necessary to establish an effective personnel

policy. The article analyzes the personnel, numerical, gender and age composition in the textile industry of the Ulyanovsk region in 1945-1955. The main personnel problems in the industry and ways to solve them are identified.

The purpose of the study is to study the personnel in the textile industry of the Volga region in the post-war period.

Materials and methods. The materials for the study were archival sources, periodicals of the Volga region, works of regional historians. Historical-typological and historical-comparative methods were used in the analysis of sources.

The results of the work. By 1955, the main personnel problems in the textile industry of the Volga region were identified, and ways to solve them were outlined. The article reveals the effectiveness of the measures taken to solve personnel problems. The ongoing personnel policy in the Ulyanovsk textile industry has led to an increase in the number of employees at textile enterprises, effective training and advanced training of textile workers. The data obtained allow us to draw conclusions about the personnel situation in the Ulyanovsk textile industry during the period under review. The characteristics of the personnel potential of the Ulyanovsk region are given, which allow us to assess the level of development of the textile industry in 1945 – 1955.

The scope of the results. The materials obtained in the course of the research can be used by historians studying the light industry of the Volga region, personnel policy at industrial enterprises of the Volga region, as well as in the educational process (in the form of textbooks, lectures) on the history of the Volga region.

Keywords: personnel; personnel policy; textile industry; re-evacuation; labor reserves; Volga region

Введение

«Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживет, мы все спасём и восстановим» – эти слова В. И. Ленина, произнесенные 1923 году не теряют своего значения и в рассматриваемое время[10].

За годы войны сократилась численность работающих во всех отраслях промышленности, в том числе и в текстильной отрасли. В тяжёлом положении оказались производства, где требовался мужской характер труда: отделочные, электроэнергетические хозяйства, механические мастерские. Цехи опустели в связи с призывом в действующую армию и направлением лучших токарей, слесарей, электриков на оборонные предприятия. В цехи пришли пенсионеры, молодежь. Резко возрос удельный вес женщин в производстве. «У нас в ткацком цехе все женщины, – говорила на одном из собраний фабрики «Коллективное творчество» ткачиха Власова, – один начальник мужчина»[6]. Причем нередко этим единственным мужчиной оказывался бывший воин, инвалид Великой Отечественной Войны. Такой категории работников на фабрике «Коллективное творчество» в 1946 г. было 32 человека. И это характерно для многих предприятий. Напряженные задания четвертого пятилетнего плана, развертывание производственных мощностей фабрик, заводов и комбинатов требовали восстановления и дальнейшего увеличения численности работающих. Необходимо было освободить производства от подросткового труда, труда пенсионеров, установить оптимальное соотношение численности мужчин и женщин.

Цель статьи состоит в изучении кадрового состава текстильной промышленности Поволжья, в особенности Ульяновской области в послевоенный период. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

- проанализировать основные кадровые проблемы в текстильной отрасли промышленности Поволжья;
- определить эффективность принятых мер в решении кадровых проблем.

Материалы и методы

В статье при изучении кадрового состава на поволжских текстильных фабриках применялись историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Теоретической базой являлись исследования региональных историков в данной отрасли, а именно Семенов В.Б., Чуканов И.А., Шайпак Л.А., Мухамедов Р.А. Основными источниками при исследовании данной проблемы являлись архивные источники и местная периодическая печать рассматриваемого периода.

Результаты и обсуждение

Обострение кадровых проблем связывается с началом реэвакуации рабочих. Многие прибыли в Поволжье временно, на период боевых действий с врагом в оккупированных районах. Свыше сотни текстильщиков, например, отбыли в родной Ленинград в 1946 года с фабрики Красный Октябрь[1].

Реэвакуация в целом была закономерным явлением, она затронула многие отрасли народного хозяйства. Так, при общей тенденции роста численности промышленно производственных рабочих РСФСР, в Поволжье с апреля 1945 года по октябрь 1947 года произошло снижение численности данной категории до 93,7%, в Ульяновской области численность рабочих снизилась на 87,3%[2].

Решение кадровой проблемы началось с восполнения мобилизованных кадров. В короткие сроки предстояло полностью восстановить многотысячные коллективы предприятий. Только в текстильную промышленность страны надо было вовлечь в годы четвертой пятилетке дополнительно 427 тыс. рабочих, в текстильную промышленность Ульяновской области 18 тысяч рабочих.

Наркомат текстильной промышленности СССР считал, что успешный подъем промышленности «зависит от привлечения кадров из других областей или в пределах той же области, но из районов, имеющих слабо развитую промышленность. Речь, следовательно, шла о значительном расширении зоны пополнения, о вовлечении в промышленность периферийных, глубинных отрядов колхозного крестьянства, что вносило особые сложности в восстановительные кадровые процессы.

16 июля 1946 года совет Министров СССР принял специальное постановление «Об укомплектовании предприятий МТП СССР»,

которое вводило совершенно новую систему пополнения кадров текстильщиков – организованный набор, при одновременном совершенствовании практики свободного трудоустройства рабочих. В этой связи грубосуконные предприятия Ульяновской области, Мелекесский льнокомбинат получили задание на второе полугодие 1946 года трудоустроить 670 человек и провести оргнабор сельского населения в 1220 человек. Таким образом, закреплялась практика преимущественного набора в текстильную промышленность сельчан[14].

Постановление правительства предусматривало и организацию таких работ в рамках расширения свободного найма рабочих, как поиск и приглашение на льготных условиях бывших текстильщиков. В этой связи 23 декабря 1946 года Совет Министров СССР принял новое постановление о беспрепятственном освобождении от работы на предприятиях союзной, республиканской и местной промышленности и промысловой кооперации лиц, ранее работавших в текстильной промышленности.

Все принятые меры совпадали практически с начавшейся демобилизацией участников Великой Отечественной войны, что облегчало проблему свободного найма и трудоустройства кадров рабочих, получившим профессионально-техническую подготовку в школах ФЗУ и ФЗО Министерства трудовых резервов СССР.

В целом же в рассматриваемое время сложились следующие формы пополнения предприятий кадрами рабочих: оргнабор, отзыв на добровольных началах текстильщиков, работающих в других отраслях, плановое трудоустройство и свободный найм. Расширились и источники пополнения кадров предприятий за счет глубиной периферийной части колхозного крестьянства, других отраслей промышленности. Восполнение рабочей силы с мест: домохозяек, пенсионеров, учащихся школы ФЗУ и ФЗО и т.д. практиковалось и ранее.

Мероприятия по восполнению кадров и дальнейшему увеличению численности работающих проводили к положительным результатам.

Быстрое пополнение кадров было связано с четким проведением оргнабора, и выявлением резерва текстильщиков в других отраслях. На

такую категорию лиц составлялись списки, предприятия налаживали с ними переписку. В итоге в 1947 году на суконные фабрики Ульяновской области из различных отраслей народного хозяйства вернулись 927 текстильщиков. Чрезвычайно существенным было пополнение и за счет демобилизованных воинов. Так, в числе принятых текстильщиков Ульяновской области за 1946 год фронтовики составили 24,8% [4].

Тенденция к увеличению численности текстильщиков сохранялась практически на всех предприятиях региона, как в годы четвертой пятилетки, так и позже.

Пополнение отрасли кадрами, как правило, не знакомых со сложностями текстильного дела, остро составила вопрос об их подготовке. Нуждался в повышении квалификации и основной контингент рабочих. Эта проблема приобрела существенное значение в условиях перехода предприятий на гражданский ассортимент продукции. «В связи с заправкой новых ассортиментов тканей, – писала передовая текстильщица фабрики Красный октябрь М. Рощина, – подготовка квалифицированных кадров стала одной из первоочередных задач... Рабочим, а тем более ткачам, сейчас приходится работать, ткать многоремизные и более сложные ткани, выполнять многообразные операции, требующие знаний и большой технической культуры...»[8]. Еще в годы войны в текстильной промышленности сложилась хорошая система подготовки рабочих непосредственно на производстве (индивидуальное и индивидуально-бригадное обучение) и в системе училищ ФЗУ и ФЗО. В послевоенные годы оба этих направления подготовки служащих, особенно обучение на производстве, показали свою эффективность.

Стройная система подготовки и повышения квалификации кадров действовала, например, на фабрике имени К. Либкнехта. Индивидуальным обучением здесь планировалось охватить в 1946 году 75 человек. Фактически к учебе приступили 173 человека. Сверхплановым оказался и выпуск рабочих. Индивидуальное обучение в данном коллективе строилось на основе заключения договора обучаемого с администрацией. Новичка прикрепляли к лучшему рабочему – стахановцу. Он обязан был прийти техминимум (осно-

вы текстильного дела) со сдачей экзамена по теории. По окончании срока обучения комиссия, состоявшая из специалистов предприятия, определяла ему разряд и присваивала квалификацию. Если он не выполнял нормы выработки, другая комиссия - производственно-квалифицированная, в составе главного инженера и представителей ФЗК, изучала фотографию дня этого рабочего, условия его труда и обеспечения и, в случае необходимости, направляла рабочего в стахановскую школу предприятия. Высшим звеном подготовки и повышения квалификации рабочих являлись стахановские школы высокой производительности труда[15].

Такие виды подготовки и повышения квалификации, как техминимум, обучение в краткосрочных стахановских школах, руководимых передовиками производства и ИТР, были наиболее распространенными, в годы четвертой пятилетки. Так, по Главку шерстяной промышленности МТИ РСМСП в 1948 г. в данных формах обучения повысили квалифицированный уровень около 3-х тыс. человек, или свыше 75% от общего числа обучающихся. В Ульяновской области 282 человека прошли обучение техминимуму, что составило 70% от общего числа текстильных работников[9].

Индивидуально-бригадное обучение оставалось ведущим направлением подготовки кадров практически на всем протяжении исследуемого периода. Так, в грубосуконной промышленности на 1 марта 1947 года на 13,9 тысяч промышленно-производственных рабочих индивидуальное обучение прошли 12,9 тысяч человек, или около 93%, из них 407 ульяновских работников. В 1955 году на предприятиях МТП РСФСР количество обученных индивидуально-бригадным методом составило 67,2%.

В это время и в подготовке, и повышении квалификации рабочих возрастает роль различного рода курсов. Производственно-технические курсы и курсы целевого назначения прошли 56,1 тысяч человек, или 46% от общего числа повысивших квалификацию. На данных курсах было более глубоким знакомство с теорией текстильного дела, занятия вели опытные и знающие инженеры-текстильщики.

Совершенствовалась подготовка рабочих и в системе государственных трудовых резервов. Школы ФЗУ и ФЗО имелись на большинстве крупных текстильных предприятиях Поволжья. Эти учебные заведения отличались более совершенной и глубокой подготовкой рабочих кадров. Школы обладали хорошо оборудованными учебными кабинетами с соответствующей техникой и наглядными пособиями. Учащиеся под руководством опытных инструкторов и преподавателей получали, наряду со специальной и общеобразовательную подготовку.

Специфика кадровой проблемы по ИТР, в отличие от категории рабочих, заключалась в том, что она не могла быть решена в короткие сроки. С учетом этого, после окончания войны был взят курс на тщательный учет специалистов, повышение их квалификации и наиболее рациональное использование.

Необходимым шагом на пути к этому явилась аттестация ИТР. Так, в ходе первой аттестации, проведенной на основании приказа Наркомата текстильной промышленности РСФСР от 3 мая 1945 г. на фабрике имени Гимова из 33 ИТР 17 требовали повышения квалификации, 3 человека рекомендовались на выдвижение и 3 в силу своих слабых знаний подлежали замене[13].

Но что особенно важно, аттестация выявила число практиков, способных и далее замещать инженерно-технические должности. В целом по текстильной промышленности РСФСР было признано возможным оставить в качестве ИТР 1636 практиков, или 43,2% от общего их числа (3791 человек). Во второй половине 1947 г. вновь была проведена аттестация ИТР в промышленности, давшая новые сведения о качестве инженеров и техников, резерве[5].

С учётом аттестации в первые послевоенные годы были приняты решительные меры по замене не оправдавших себя в деле руководителей. Так, в 1945 году были освобождены от работы руководители фабрик имени 3-го Интернационала, имени Ленина. Вакансии заполнялись кадрами с мест, а в ряде случаев со стороны. Так, Главк шерстяной промышленности направил на фабрику имени Гладышева начальника планового отдела Главка А. А. Мурашева, на фабрику имени Ленина директора Шуйской фабрики Е. И. Зоева.

Фабрику Красный Октябрь возглавил Н. Н. Гумбург, переведённый с фабрики Гладышева. Таким образом, и в вопросе комплектования кадров руководителей поволжских текстильных предприятий фабрики Центрального района страны сыграли определённую роль.

Принятые меры в значительной степени способствовала повышению уровня технического руководства на предприятиях. В годовом отчете Главного управления шерстяной промышленности Министерства текстильной промышленности за 1949 год, например, было указано, что «все предприятия и Главк в основном укомплектованы руководителями и инженерно-техническими кадрами, способными обеспечить выполнение плана». Практика показывала верность таких направлений работы. Главк перевыполнил план по выпуску шерстяных тканей и в 1950 году, и последующих годах. Однако качественный состав ИГР в начале пятой пятилетки все еще желал лучшего. По данным на 1 января 1952 года на предприятиях первого Главного управления шерстяной промышленности в составе ИТР было около 52% практиков[5].

Вышестоящие организации принимали все возможные меры для исправления положения. Так, еще в мае 1946 г. коллегия МТП РСФСР, обсуждавшая кадровую проблему в первом Главном управлении шерстяной промышленности, приняла решение большую часть выпуска ИТР по шерстяной промышленности направить на суконные фабрики средней Волги. Специальные меры принимались по оказанию помощи специалистами в 1950 году. Ульяновским фабрикам командировались 5 инженеров и 15 техников.

Однако предприятия и Главк еще не решили такую проблему как текучесть кадров. Значительная их часть оседала в центре, где в них также была значительная потребность. В связи с этим требовалось усиление воспитательной работы с ИТР, важно было улучшить их жилищно-бытовые условия.

В 1950-е годы уделяется большое внимание подготовке специалистов для текстильной промышленности, всего народного хозяйства. В стране действовало пять текстильных вузов, с неуклонным ростом числа студентов. Только Московский текстильный институт

выпустил с 321 в 1942 году до 2035 в 1947 году и 3139 студентов в 1950 году. Общее же число инженеров в текстильной промышленности увеличилось за 1949-1956 гг. на 52%[13].

Развивалось и средне-специальное образование в стране. Так, число текстильных техников выросло с 26 до 53, а число учащихся в них было доведено до 22 тысяч. Растущая динамика выпуска специалистов в корне изменила положение дел в текстильной промышленности региона.

Количественный рост текстильщиков одновременно сопровождался изменениями в их составе. В исследуемое время уменьшается доля женского труда на предприятиях. В основе этого явления лежали объективные демографические процессы, изменения условий труда. Вернулись многие мужчины – текстильщики с фронта. Рост технической оснащённости предприятий, а также уровня зарплаты способствовал вовлечению в производство юношей – выпускников неполных средних и средних школ. Однако уменьшение женщин в процессе производства в силу специфики текстильного производства затронула не каждый цех или участок. На основных технологических операциях доля женщин оставалась по-прежнему высокой.

Благоприятные тенденции произошли и в половозрастной структуре рабочих, их производственном стаже. Это можно проследить на рабочих-текстильщиках Ульяновской области – шерстяниках, льнянщиках и рабочих промышленности первичной обработки конопли. Для анализа мы возьмем статистические данные единовременного учета рабочих по полу, возрасту и стажу по состоянию на 1 марта 1947 год и 1 марта 1957год, т.е. период в 10 лет. Сопоставление исходных данных переписей показывает, что для текстильщиков Ульяновской области также характерен существенный количественный рост рабочих. На 1 марта 1947 года их было 9,9 тысяч человек, на 1 марта 1950 года уже 14,4 тысяч человек, и рост составил 45%. Однако в данном увеличении численности различается доля отдельных возрастных групп. Так, если в 1947 году рабочие в возрасте до 20 лет занимали 28,3% в общей численности, то в 1957 году лишь 7,2%, зато группа рабочих 20-54 лет увеличилась с 67,6%

до 90,3%. Так сложился в промышленности наиболее опытный и квалифицированный слой рабочих. Это подтверждают и данные о стаже. Так, за указанные года резко уменьшилось число лиц со стажем работы от 1 года до 3 лет (17,4% и 2,0%), от 3 до 5 (19,2% и 12,7%), от 5 до 10 (31,2% и 27,2%), зато произошёл рост рабочих со стажем 10-15 лет (9,9% и 13,5%), 15-25 лет (8,3% и 12,1%). Эти данные свидетельствуют о сокращении текучести кадров и росте престижности текстильного труда[2].

Следствием благоприятного изменения качественной структуры рабочих явилась практическая ликвидация подросткового труда и труда пенсионеров. Так, общее число рабочих до 16 лет уменьшилось с 0,5% в 1947 году до 0,048 в 1957 году. Произошло сокращение в связи с уходом на пенсию по закону 1956 года, мужчин с возрастом 60 лет и старше с 1,6% до 0,3% и женщин 55 лет и старше с 1,6% до 0,8%[10].

Заметные перемены в послевоенные годы произошли в общеобразовательном уровне рабочих. Ещё В.И. Ленин считал «образовательный и культурный подъем массы населения» одним из важнейших условий повышения производительности труда. Однако и в этом плане текстильная производительность страны и региона была слабо развита. По данным предвоенной переписи (1939 г.) на 1000 женщин текстильщиц в стране приходилось лишь 55 имеющих среднее и высшее образование. Из 11 отраслей промышленности, взятых для анализа данного вопроса, текстильщики занимали всего 9 место. Положение не улучшилось и за годы Великой Отечественной войны. Не только рабочего у станка, но и, порой, инструктора производственного обучения трудно было подыскать с должным уровнем подготовки. Так, из 49 инструктора школ ФЗО суконных предприятий региона (по данным на конец 1945 года) все имели начальное образование.

Заключение

Таким образом, в рассматриваемое время произошли глубокие положительные изменения в уровне общеобразовательной подготовки текстильщиков, что позволяло им решать все более сложные задачи подъема промышленности, народного хозяйства в целом.

Необходимо отметить, что по статистике 1959 года женщин в текстильной промышленности, имевших высшее, а также среднее и неполное среднее образование было около 50% среди всех текстильных работников. По данным МТП РСФСР на 1 мая 1948 года в текстильной промышленности трудилось 108,3 тысяч женщин, в том числе на должностях ИТР 21,1 тысячи человек или 19,5%. Более поздние перемены в составе текстильщиков не могли резко изменить ситуацию. Так, в текстильной промышленности страны на 1 января 1959 года женщины – текстильщицы, занятые преимущественно физическим трудом, составляли в общей массе 85%, в том числе прядильщицы 97%, сьемщики 99%, ткачи 95%. Это были наиболее высокие показатели по народному хозяйству.

Список литературы

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф.31. Оп.1. Д.725. Л. 56
2. Государственный архив Ульяновской области. Ф.2496. Оп.1. Д.15. Л. 2
3. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО), Ф.8, Оп.2, Д. 201
4. ГАНИ УО, Ф. 8, ОП. 2, Д. 310 Швейные фабрики Ульяновской области, Л.1
5. ГАНИ УО, Ф. 8, Оп. 10, Д. 351, Л. 3
6. Григорченко В. На мирные рельсы: Ульяновская область в 1946 году // Ульяновская правда. 1982. 5 сентября. С.3
7. Григорченко В. Экономика крепнет: (Экономическая область в 1951 году) // Ульяновская правда. 1982. 14 октября. С.1
8. Ильичев С. Ульяновцы в борьбе за пятилетку // Ульяновская правда. 1948. 28 марта. С.1
9. Край Ильича за 50 советских лет. Ульяновск: Приволжское кн. изд-во, 1967. 389 с.
10. Наш край (1941-1975г.г.). Документы и материалы. Ульяновск: Приволжское изд-во, 1978. С. 103-214.
11. Нестеров И. Областное хозяйство в новой сталинской пятилетки // Ульяновская правда. 1947. 22 марта.

12. Потапов Д.С. Трудовой успех // Ульяновская правда. 1949 г. 1 ноября.
13. Семенов В.Б. Текстильная промышленность Поволжья в послевоенные годы (1946-1950г.г.). Казань, 1996. 212 с.
14. Широков Г.А., Промышленные рабочие послевоенного Поволжья, 1945-1960г. Куйбышев, 1977. С.30.
15. Экономика Ульяновской области. Справочник. Ульяновск. 2000. С. 12.

References

1. State Archive of the Ulyanovsk region. F.31. Op.1. d.725. l. 56.
2. State Archive of the Ulyanovsk region. F.2496. Op.1. d.15. l. 2.
3. The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region (hereinafter GANI UO), F.8, Op.2, D. 201.
4. GANI UO, F. 8, OP. 2, 310 Garment factories of the Ulyanovsk region, L. 1.
5. GANI UO, F. 8, Op. 10, D. 351, L. 3.
6. Grigorchenko V. On peaceful rails: Ulyanovsk region in 1946. *Ulyanovsk Pravda*, 1982. September 5. p.3
7. Grigorchenko V. The economy is getting stronger: (Economic area in 1951). *Ulyanovsk Pravda*, 1982. October 14, p. 1.
8. Ilyichev S. Ulyanovsk residents in the struggle for the five-year plan. *Ulyanovsk Pravda*, 1948. March 28, p. 1.
9. Ilyich's land for 50 Soviet years. Ulyanovsk: Privolzhskoe publishing House, 1967. 389 p.
10. Our region (1941-1975). Documents and materials. Ulyanovsk: Privolzhskoe Publishing House, 1978, pp. 103-214.
11. Nesterov I. Regional economy in the new Stalinist five-year plan. *Ulyanovsk Pravda*, 1947. March 22.
12. Potapov D.S. Labor success. *Ulyanovsk Pravda*, 1949 November 1.
13. Semenov V.B. Textile industry of the Volga region in the post-war years (1946-1950). Kazan, 1996, 212 p.
14. Shirokov G.A., Industrial workers of the post-war Volga region, 1945-1960. Kuibyshev, 1977, p. 30.
15. Economics of the Ulyanovsk region. Guide. Ulyanovsk, 2000, p. 12.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Алази Ирина Юрьевна, аспирант кафедры истории

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
площадь Ленина, 4/5, г. Ульяновск, 432071, Российская Федерация*

Alasi93@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Alazi, Postgraduate Student of the Department of History

*Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
4/5, Lenin Sq., Ulyanovsk, 432071, Russian Federation*

Alasi93@inbox.ru

Поступила 23.11.2022

После рецензирования 06.12.2022

Принята 10.12.2022

Received 23.11.2022

Revised 06.12.2022

Accepted 10.12.2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗА-
НИЯ ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В КИТАЙСКИХ НОВЕЛЛАХ НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ А.Б. Маслахова, У.С. Баймуратова	14
ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ КУЛИНАРНЫХ ВИДЕО В АСПЕКТЕ СУБТИТРИРОВАНИЯ Ю.С. Кондрашина, Е.Д. Андреева	28
ПРОБЛЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ПСИХОЛОГИИ К.В. Антаева, Ю.С. Елагина	44
ПЕРЕВОД СУБТИТРОВ К АЗИАТСКИМ ФИЛЬМАМ И СЕРИАЛАМ Я.А. Бузаева, И.К. Жернова	57
НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА А.А. Замяткина, Н.А. Белова	72
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИТЕТОВ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ ТОВАРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ А.В. Люлина, А.Л. Паляева	84
ПРИРОДА СИНОНИМИИ: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ, ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ И ЗОНЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ВИБРАЦИЙ И.М. Некипелова	96

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ
МОРФЕМНЫЙ ФОНД

О.И. Осетрова, Д.В. Хусаинова 117

ЛЕКСИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ
В НЕМЕЦКОМ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

А.И. Дубских, А.В. Бутова, О.В. Кисель 125

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА
МЕДИАЦИИ

О.А. Прохорова 141

НОВЫЕ ТЕРМИНЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева, М.Д. Валиева 155

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА
КОМПАРАТИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Т.А. Такоева 171

АББРЕВИАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ
НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е.П. Ефремова, Е.В. Лазуткина, О.Н. Ратуева 184

ТЕКСТЫ С ВКЛЮЧЕНИЕМ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Т.В. Акашева, Н.М. Рахимова 195

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В КОРАНЕ
НА АНГЛИЙСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫК

Сармад М.О. Аль-Бирмани 209

ОСОБЕННОСТИ ФРЕЙМА «ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА»
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я. Винья-Тальянти, Е.Н. Сидорова, Е.Н. Ширлина 223

ВНУТРЕННЯЯ РИФМА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ЗВУКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ Н.Н. Чайко	251
ЦИКЛИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В РЕКЛАМНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ Е.Е. Меньшикова	260
СИНТАКСИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ 19 В Н.Н. Чайко	274
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БОЛЕЗНЕЙ В РОССИИ Н.А. Буданова, А.А. Кузнецова, Е.Д. Аксенова, В.Ю. Скаковский	287
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИТИВНОСТИ КОНЦЕПТА ЦЕННОСТИ / VALUES (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ «СВОИ» / “US” – «ЧУЖИЕ» / “THEM”) Л.Б. Здановская	302
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ») Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина	327
ПОВЫШЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ Л.И. Озтюрк, Э.Ф. Файзуллина	346

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ
ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ
ОППОЗИТИВНОСТИ (АСПЕКТ: СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ /
CREATION – DESTRUCTION)

Л.Б. Здановская 357

ЛИНГВО-МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ
ДОКУМЕНТОВ ПРЕСС-СЛУЖБ И НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ)

А.Е. Воробьева, И.Э. Федюнина, Е.А. Виноградова 372

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА
В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ

Т.С. Шмелева 388

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ТЕХНОСФЕРА: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТЫ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

И.А. Асеева, В.А. Белкина 399

СОРЕВНОВАТЕЛЬНОСТЬ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ
И АГОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ

И.Л. Левина, Р.И. Каграмова 416

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ЭВОЛЮЦИЮ
ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

В.С. Шмаков 431

ЛОГИКА РЕЛИГИОЗНОГО РИТУАЛА: ПАФОС ВЕРЫ
ИЛИ ТРИУМФ МАГИЗМА

Ю.В. Соболев 450

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.В. Помазкова 465

**Г.М. МАКЛЮЭН: КОММУНИКАЦИЯ
КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ****О.А. Ивенкова, Н.Б. Итунина 478****ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ****ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРИАМУРСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ****Е.В. Черная 493****КАДРОВЫЙ СОСТАВ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1945–1955 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)****И.Ю. Алази 508****ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 523**

CONTENTS

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

METHODS TO TRANSLATE REALIA IN CHINESE-LANGUAGE NOVELS INTO ENGLISH AND RUSSIAN A.B. Maslakhova, U.S. Baimuratova	14
CHINESE COOKING VIDEOS IN TERMS OF SUBTITLING Yu.S. Kondrashina, E.D. Andreeva	28
PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SCIENTIFIC TEXTS MACHINE TRANSLATION ON THE MATERIAL OF AN INFORMATIONAL BROCHURE K.V. Antaeva, Y.S. Elagina	44
TRANSLATION OF SUBTITLES TO ASIAN FILMS AND TV SERIES Y.A. Buzaeva, I.K. Zhernova	57
NEOLOGISMS AS A REFLECTION OF CHANGES IN THE SOCIAL AND COMMUNICATIVE SYSTEM OF THE MODERN ENGLISH LANGUAGE A.A. Zamyatkina, N.A. Belova	72
PECULIARITIES OF EPITHETS TRANSLATION IN THE ADVERTISING TEXTS FOR CHILDREN'S GOODS A.V. Lyulina, A.L. Palyaeva	84
THE NATURE OF SYNONYMY: NEUTRALIZATION OF SEMANTIC DIFFERENCES, INTERCHANGEABILITY AND ZONES OF SEMANTIC VIBRATIONS I.M. Nekipelova	96

COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION AND INTERNATIONAL MORPHEMES O.I. Osetrova, D.V. Khusainova	117
LEXICAL AND PRAGMATIC MEANS OF IMPLEMENTING THE ATTENTION STRATEGY IN GERMAN ENTERTAINMENT DISCOURSE A.I. Dubskikh, A.V. Butova, O.V. Kisel	125
DISCOURSE MARKERS IN THE STRUCTURE OF MEDIATION DISCOURSE O.A. Prokhorova	141
NEW TERMS OF THE EDUCATIONAL ACTIVITY SPHERE IN THE RUSSIAN AND OSSETIAN LANGUAGES L.B. Gatsalova, L.K. Parsieva, M.D. Valieva	155
LINGUISTIC UNIVERSALS AS THE FOUNDATION OF COMPARATIVE RESEARCH T.A. Takoeva	171
ABBREVIATION IN THE TERMINOLOGY ON THE MATERIAL OF LEGAL ENGLISH E.P. Yefremova, E.V. Lazutkina, O.N. Ratueva	184
TEXTS CONTAINING TRANSLATION PROBLEMS FOR THE TRANSLATION COMPETENCES FORMATION T.V. Akasheva, N.M. Rakhimova	195
STRATEGIES FOR TRANSLATING THE METAPHORS IN THE QUR'AN INTO ENGLISH AND RUSSIAN Sarmad M.O. Al-Bearmany	209
FEATURES OF THE FRAME 'GREEN ECONOMY' IN THE ENGLISH-SPEAKING POLITICAL DISCOURSE J. Vigna-Taglianti, E.N. Sidorova, E.N. Shirlina	223

INTERNAL RHYME AS A SOUND EXPRESSIVENESS MEANS IN THE LANGUAGE OF GERMAN POETRY N.N. Chaiko	251
CYCLICAL TIME IN ADVERTISING TOURIST NARRATIVE E.E. Menshikova	260
SYNTACTIC METHAPHOR AS ONE OF THE GRAMMATICAL EXPRESSIVENESS MEANS IN POETRY OF THE 19TH CENTURY N.N. Chaiko	274
LEXICAL FEATURES OF BORROWED VOCABULARY OF THE FORMATION PERIOD OF MEDICAL TERMINOLOGY OF DISEASES IN RUSSIA N.A. Budanova, A.A. Kuznetsova, E.D. Axenova, V.Y. Skakovsky	287
PECULIARITIES OF THE CONCEPTUAL OPPOSITION REALIZATION OF THE CONCEPT “VALUES” (ON THE EXAMPLE OF THE DICHOTOMY “US” / “THEM”) L.B. Zdanovskaya	302
TRANSLATION COMPETENCE AS COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS IN INTERNATIONAL RELATIONS E.Yu. Ladonina, N.A. Sytina	327
NATIVE RUSSIAN SPEAKERS’ SPEECH CULTURE DEVELOPMENT AS A RESPONSE TO MODERN CHALLENGES L.I. Oztyurk, E.F. Fayzullina	346
GENERAL REGULARITIES OF LINGUO-COGNITIVE REPRESENTATION OF CONCEPTUAL OPPOSITION (ASPECT: CREATION- DESTRUCTION) L.B. Zdanovskaya	357

LINGUISTIC AND MENTAL ASPECTS OF THE TRANSLATION
OF OFFICIAL TEXTS (BASED ON THE OFFICIAL DOCUMENTS
OF PRESS SERVICES AND NEWS PORTALS)**A.E. Vorobyova, I.E. Fedyunina, E.A. Vinogradova** 372SPATIAL PICTURE OF THE WORLD IN DIFFERENT
LANGUAGES AND CULTURES**T.S. Shmeleva** 388**PHILOSOPHICAL STUDIES**TECHNOSPHERE: PHILOSOPHICAL CONCEPTS,
DEVELOPMENT TRENDS AND PRACTICAL CHALLENGES**I.A. Aseeva, V.A. Belkina** 399

COMPETITIVENESS AND AGONALITY IN MODERN SPORTS

I.L. Levina, R.I. Kagramova 416THE IMPACT OF INDUSTRIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
ON THE SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF LOCAL COMMUNITIES**V.S. Shmakov** 431THE LOGIC OF RELIGIOUS RITUAL:
THE PATHOS OF FAITH OR THE TRIUMPH OF MAGISM**Y.V. Sobolev** 450

PROBLEMS OF IMPROVING ENTREPRENEURIAL CULTURE

E.V. Pomazkova 465

G.M. MCLUHAN: COMMUNICATION AS A MEANS SOCIALIZATION

O.A. Ivenkova, N.B. Itunina 478**HISTORY STUDIES**ACTIVITIES OF ZEMSKY SELF-GOVERNMENT BODIES
UNDER THE VREMENNOGO PRIAMURSKOGO GOVERNMENT**E.V. Chernaya** 493

**PERSONNEL OF THE TEXTILE INDUSTRY
OF THE VOLGA REGION IN THE POST-WAR PERIOD OF 1945–1955.
(BASED ON THE MATERIALS OF THE ULYANOVSK REGION)**

I.Y. Alazi	508
RULES FOR AUTHORS	523

Подписано в печать 29.12.2022. Дата выхода в свет 29.12.2022. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 38,33. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP144/022. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.